А. КОРНИЛОВЪ

КУРСЪ ИСТОРІИ РОССІИ XIX ВѢКА

Часть I

Изданіе второе переработанное

МОСКВА
Издательство М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1918

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб.

Москва—1918.

Предисловіе къ первому изданію.

Предлагаемый курсъ исторіи XIX вѣка былъ въ первый разъ мною прочитанъ въ 1909—1910 академическомъ году студентамъ II и III курсовъ Петербургскаго политехническаго института Петра Великаго. Курсъ этотъ тогда же былъ изданъ слушателями по стенограммѣ моихъ лекцій. Затѣмъ онъ былъ прочитанъ еще два раза студентамъ политехникума въ два слѣдующіе академическіе года съ необходимыми дополненіями и переработкой.

Теперь, вновь переработавъ текстъ литографированнаго изданія и снабдивъ его библіографическими указаніями, я рѣшаюсь выпустить его въ свѣтъ.

Онъ выходитъ въ настоящее время въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ первая — сверхъ двухъ вступительныхъ лекцій, содержащихъ бѣглый очеркъ процесса развитія русскаго народа и государства до XIX вѣка, — представляетъ общій ходъ развитія государственной и народной жизни въ Россіи въ первую четверть XIX столѣтія, до вступленія на престолъ императора Николая I. Часть вторая, издаваемая непосредственно вслѣдъ за первой, содержитъ общій очеркъ внутренней исторіи Россіи въ царствованіе Николая Павловича и въ первый, преобразовательный, періодъ царствованія Александра II (до 1866 года).

Въ недалекомъ будущемъ я надѣюсь приготовить къ печати третью часть, въ составъ которой войдетъ внутренняя исторія Россіи за послѣднія 35 лѣтъ XIX вѣка.

Выпуская эту книгу, я долгомъ считаю помянуть съ глубочайшей признательностью покойнаго проф. В. О. Ключевскаго, непосредственнымъ ученикомъ котораго мнѣ быть не посчастливилось, но въ печатныхъ трудахъ котораго я почерпнулъ огромную помощь при выработкѣ моихъ собственныхъ взглядовъ на ходъ исторіи въ Россіи въ новѣйшее время.

Авторъ.

Петербургъ, 3 января 1912 г.

ЛЕКЦІЯ I.

Общая характеристика соціально-политическаго процесса развитія русскаго народа и государства до конца XVIII вѣка. — Борьба за территорію и ея соціально-политическіе результаты.—Главныя черты новаго соціально-политическаго процесса развитія русскаго народа и государства, какъ онѣ сказались въ концѣ XVIII вѣка.

Предлагаемый курсъ исторіи Россіи XIX вѣка не есть произвольно взятый отрывокъ русской исторіи; онъ даетъ изложеніе опредѣленнаго историческаго періода, который характеризуется чертами, рѣзко отличающими его отъ всего предшествующаго хода развитія русской жизни, что и позволяетъ дѣлать его предметомъ особаго изученія. Чтобы уяснить это, небезполезно охарактеризовать, хотя бы въ самомъ бѣгломъ очеркѣ, основныя черты того историческаго процесса, которымъ шло развитіе русской государственной и общественной жизни въ теченіе нѣсколькихъ предшествующихъ вѣковъ — приблизительно съ конца XV вѣка, когда, при Иванѣ III, сформировалось Московское государство, изъ котораго выросла и нынѣшняя Россійская имперія [1]).

---

[1]) Лицамъ, желающимъ составить себѣ правильное представленіе объ общемъ ходѣ развитія русскаго народа и государства, можно рекомендовать два пособія:

1) „Курсъ русской исторіи“ *проф. В. О. Ключевскаго*, изданный въ четырехъ частяхъ и доведенный до вступленія на престолъ Екатерины II (въ литографированныхъ изданіяхъ этого курса изложенъ и позднѣйшій періодъ русской исторіи), и 2) „Очерки по исторіи русской культуры“ *П. Н. Милюкова* въ трехъ частяхъ (3-я часть въ 2-хъ выпускахъ). Оба эти сочиненія прекрасно дополняютъ одно другое и прочитанныя одно вслѣдъ за другимъ (сперва „курсъ“ Ключевскаго, потомъ „очерки“ Милюкова) даютъ достаточно ясное и вѣрное представленіе и объ общемъ ходѣ соціально-политическаго процесса въ Россіи, и объ общемъ движеніи и направленіи въ ней умственнаго развитія. Важно прочесть непремѣнно оба

Взглянувъ на карту, не трудно понять, насколько неустойчиво и непрочно было въ XV вѣкѣ положеніе только что сложившагося тогда Московскаго государства [1]). Съ востока и юга, и по сверженіи татарскаго ига, Москвѣ не переставали грозить постоянныя нашествія и набѣги кочевниковъ, сгруппировавшихся послѣ разложенія Золотой Орды въ три царства, въ три безпокойныя хищныя гнѣзда: казанское, астраханское и крымское. На западѣ и юго-западѣ къ этому времени сложилось сильное польско-литовское государство, поглотившее остатки днѣпровской и западной Руси и грозившее поглотить и остальныя русскія земли. Границы этого грознаго сосѣда въ XV вѣкѣ подошли близко къ самой Москвѣ. На сѣверо-западѣ къ московскимъ владѣніямъ прилегали владѣнія единокровнаго, но яраго врага и соперника московскихъ государей, великаго князя тверского; на сѣверѣ владѣнія Москвы граничили и переплетались черезполосно съ землями и колоніями Господина Великаго Новгорода, въ которомъ народныя массы тяготѣли къ объединенію съ Москвою, а высшіе классы постоянно интриговали противъ Москвы съ Литвою и Польшею. Наконецъ, въ центрѣ московской государственной территоріи были земли, не принадлежавшія къ ея составу и составлявшія удѣльныя вотчины князей ростовскихъ и ярославскихъ. Эти послѣднія Ивану Третьему вскорѣ удалось присоединить къ Москвѣ мирнымъ путемъ.

Затѣмъ, послѣ упорной борьбы, были присоединены огромныя владѣнія Новгорода и великое княжество тверское. Сыну Ивана III Василію III удалось присоединить Псковъ, Орелъ и Рязань — послѣднюю только въ 1520 году.

Татарское иго свергнуто было еще въ 1480 г., но дѣло покоренія волжскихъ татаръ отодвинулось до второй половины

эти произведенія, потому что В. О. Ключевскій, дающій послѣдовательное изложеніе всего хода соціально-политическаго развитія Россіи, устранилъ изъ своего курса исторію развитія идей, считая ихъ исключительно плодами личнаго творчества, произведеніемъ „одиночной дѣятельности индивидуальныхъ умовъ и совѣстей". Наоборотъ, исторія идеологіи русскаго народа и общества составляетъ главное содержаніе, къ сожалѣнію также не вполнѣ законченныхъ до настоящаго времени, „Очерковъ" П. Н. Милюкова — въ особенности 2-ой и 3-ей частей ихъ.

[1]) См. карту, приложенную въ концѣ книги.

XVI вѣка, а до тѣхъ поръ только для того, чтобы держать въ нѣкоторомъ почтеніи и страхѣ казанское царство, Ивану III, Василію III и Ивану IV пришлось совершить не менѣе десяти походовъ въ границы казанскихъ владѣній. Казань была, наконецъ, завоевана въ 1552 г., Астрахань — въ 1556. Но крымскій ханъ сохранялъ свое грозное значеніе для всего юга Россіи до XVIII вѣка. Не разъ въ XVI и XVII вѣкахъ крымскіе татары подступали къ Москвѣ, при чемъ они выводили изъ Россіи десятки и сотни тысячъ душъ обоего пола въ плѣнъ и заполняли ими всѣ восточные невольничьи рынки.

Отстаиваніе тогдашнихъ русскихъ границъ отъ Литвы и отвоеваніе у Литвы и Польши старыхъ русскихъ земель наполнило собою весь XVI и XVII вѣкъ и завершилось собственно лишь въ концѣ XVIII вѣка. При Алексѣѣ, послѣ присоединенія лѣвобережной Украйны, наступаетъ впервые продолжительный миръ съ Польшей (съ 1667 г.); но старинныя русскія области, входившія когда-то въ составъ днѣпровской Руси, возвращаются Россіи только при Екатеринѣ послѣ раздѣла Рѣчи Посполитой. Передъ тѣмъ цѣной страшнаго напряженія всѣхъ силъ государства Петру Великому удалось въ началѣ XVIII вѣка отвоевать у Швеціи Лифляндію, Эстляндію и Ингерманландію и закрѣпить такимъ образомъ за Россіей побережье Балтійскаго моря. Однако только съ завоеваніемъ Крыма и съ раздѣломъ Рѣчи Посполитой при Екатеринѣ, т.-е. къ концу XVIII вѣка, могли считаться выполненными тѣ государственныя задачи, которыя были поставлены ходомъ вещей еще при Иванѣ III. Только съ тѣхъ поръ, когда Россія раздвинула свои предѣлы до береговъ Чернаго и Каспійскаго морей на югѣ и до береговъ Балтійскаго моря на западѣ, сформированіе государственной территоріи великаго царства могло считаться законченнымъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, и настало наконецъ время, когда возможно стало главныя силы и средства страны сосредоточить на удовлетвореніи нуждъ самого народа.

Во что же обошлось народу это образованіе государственной территоріи и каковы были соціально-политическія послѣдствія этого многовѣковаго процесса?

Мы знаемъ, что въ настоящее время веденіе войны въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ поглощаетъ нерѣдко бюджетъ цѣлаго года. Въ тѣ времена денежные бюджеты государствъ

были невелики, и конечно ни на подготовленіе, ни на веденіе войны тогдашнія государства не могли тратить денежныхъ суммъ, подобныхъ нынѣшнимъ; но самыя войны были не менѣе опустошительны и разорительны, нежели нынѣшнія. Въ тогдашней войнѣ, какъ это, впрочемъ, приходится, къ сожалѣнію, признать и относительно нынѣшней, нападенію врага подвергались не одни войска и непріятельскія крѣпости, но неизбѣжно опустошалась страна, избивались, мучились, терпѣли всякія неистовства, брались въ плѣнъ, уводились въ неволю мирные жители, не исключая женъ и дѣтей; скотъ уводили или избивали, дома и всякія постройки жгли, хозяйство и всякое имущество грабили или уничтожали. Такъ поступали на Руси не только хищныя орды дикихъ кочевниковъ, не только чужеземныя полчища литовцевъ, но и свои православные христолюбивые воины при междоусобныхъ войнахъ князей и въ особенности при борьбѣ Москвы съ ея наиболѣе сильными и упорными противниками въ Россіи — съ тверитянами и новгородцами. Лѣтописи XV и XVI вѣковъ полны кровавыми описаніями дикихъ избіеній, звѣрствъ и систематическихъ опустошеній, которыя чинились войсками великихъ князей московскихъ въ городахъ и селахъ тверского великаго княжества и въ земляхъ Великаго Новгорода, пока эти земли не были наконецъ подведены „подъ высокую руку“ собирателей русской земли. Что же сказать о расправахъ и опустошеніяхъ, чинившихся татарами при нашествіяхъ, которымъ періодически подвергалась русская земля въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, особенно со стороны крымскихъ татаръ? Не такъ велика была убыль населенія въ сраженіяхъ, какъ отъ постояннаго увода мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ плѣнъ и неволю. Чтобы охранить границы отъ степныхъ хищниковъ, приходилось прежде всего устроить цѣлый рядъ засѣкъ и сторожевыхъ постовъ, которые тянулись на сотни верстъ, огибая южную границу, начиная отъ береговъ Оки съ притоками подъ Рязанью и далѣе на западъ. Кромѣ того, каждую весну приходилось мобилизовать полки на защиту этой границы, поднимая ежегодно на ноги многотысячную рать [1]). Стремясь обезопасить себя отъ

---

[1]) По свидѣтельству англійскаго посланника XVI вѣка Флетчера (О государствѣ русскомъ) рать эта составляла до 65 тысячъ человѣкъ. Эту цифру

степныхъ хищниковъ, московское правительство строило все новые и новые города, отодвигая сторожевую цѣпь все болѣе и болѣе къ югу, поселяя здѣсь ратныхъ людей, стремясь устроить изъ нихъ какъ бы живую изгородь. Такъ шла постепенная колонизація плодородныхъ степныхъ пространствъ къ югу отъ московской границы. Въ то же время на западѣ шла упорная борьба съ Литвою, Польшей, ливонскими рыцарями и шведами. Здѣсь въ теченіе столѣтія, протекшаго съ конца XV по конецъ XVI в., происходили 3 большія войны со Швеціей и 7 затяжныхъ, многолѣтнихъ войнъ съ Польшею (при участіи и Ливонскаго ордена). На эти войны въ сложности ушло не менѣе полныхъ 50 лѣтъ. Число войскъ, съ которыми приходилось здѣсь оперировать, по показаніямъ современниковъ, иногда достигало 200—300 тысячъ, а между тѣмъ все населеніе тогдашняго московскаго государства не превосходило нѣсколькихъ милліоновъ душъ обоего пола. Хозяйство было въ то время натуральное. Слѣдовательно о томъ, чтобы содержать армію на деньги, не могло быть и рѣчи. Въ рукахъ московскаго правительства въ это время былъ, какъ выражается В. О. Ключевскій, только одинъ капиталъ, пріобрѣтенный имъ при собираніи Русской земли, — это огромныя земельныя пространства, частью пустыя, частью населенныя крестьянами.

Этотъ капиталъ и былъ пущенъ въ ходъ для содержанія огромнаго, неимовѣрно разросшагося служилаго сословія. Отсюда, какъ извѣстно, произошла сперва помѣстная система, а затѣмъ на этой же почвѣ подготовилось подъ вліяніемъ ряда экономическихъ условій и крѣпостное право[1]). Содержаніе

приводитъ въ своемъ курсѣ и проф. Ключевскій (II, стр. 265). П. Н. Милюковъ для XVII вѣка приводитъ цифры южной арміи, значительно меньшія, нежели Флетчеръ („Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія", стр. 32 и слѣд.); но во всякомъ случаѣ фактъ ежегодной мобилизаціи многотысячной арміи на охрану южной границы государства отъ татаръ въ XVI и XVII вѣкахъ этими документально и погодно установленными цифрами лишь еще болѣе подтверждается.

[1]) Для изученія исторіи помѣстной системы и крѣпостного права въ Россіи можно рекомендовать слѣдующія сочиненія: 1) *И. Энгельманъ* „Исторія крѣпостного права въ Россіи", переводъ съ нѣмецк. подъ редакц. А. А. *Кизеветтера.* М., 1900 г. Въ этой небольшой книжечкѣ резюмированы результаты всѣхъ старыхъ работъ по исторіи крѣпостного права: Погодина, Бѣляева, Костомарова, Чичерина и др. 2) *В. О. Ключевскаго* „Боярская

служилаго сословія сдѣлалось господствующимъ интересомъ въ Московскомъ государствѣ, поглощавшимъ всѣ остальные интересы страны. Этому интересу все приносилось въ жертву, ради него напрягались до крайности всѣ жизненныя силы страны. Эта же неизбѣжность постояннаго, многовѣковаго напряженія всѣхъ средствъ страны, малонаселенной и вынужденной отстаивать, охранять и постоянно расширять и безъ того непомѣрно растянутыя границы, при наличности натуральнаго хозяйства, привела къ тому, что все населеніе обращено было къ постоянному обязательному отбыванію тяжелой государственной повинности того или иного рода. Идея всеобщаго государственнаго тягла и другая сопутствовавшая ей идея за-

---

дума древней Руси". 3) *Его же* „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи" („Русская Мысль", за 1885 г., №№ 8 и 10) — чрезвычайно важныя статьи, установившія новыя точки зрѣнія на происхожденіе крѣпостного права (особенно о роли экономич. факторовъ). 4) *Его же* „Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи" („Русская Мысль", 1886, №№ 5, 7, 9 и 10). 5) *М. А. Дьяконова* „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.". Спб., 1898 г. 6) *Н. А. Рожкова* „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в." М., 1899. 7) *И. Н. Миклашевскаго* „Къ исторіи хоз. быта Моск. государства". М., 1894. 8) *С. В. Рождественскаго* „Служилое землевладѣніе въ Моск. госуд. XVI в." Спб., 1897. 9) *С. Ф. Платонова* „Очерки по исторіи смуты въ Моск. государствѣ". Спб., 1899. 10) *Н. П. Павлова-Сильванскаго* „Государевы служилые люди" и „Феодализмъ въ древней Руси", тома I и III его сочиненій. Спб., 1910 и 1911 г. 11) *П. Н. Милюкова* „Феодализмъ въ Россіи", въ т. 70 энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона. 12) *Его же* ст. „Крестьяне" въ т. 32 того же словаря. 13) *К. П. Побѣдоносцева* „Историч. изслѣдов. и статьи (Историч. очерки крѣпостн. права въ Россіи)". Спб., 1875. 14) *Н. А. Благовѣщенскаго* „Четвертное право". М., 1899. 15) *А. Я. Ефименко* „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ". (въ „Очеркахъ изслѣд. народн. жизни"). М., 1884. 16) *Акад. А. С. Лаппо-Данилевскаго* ст. „Очеркъ ист. образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи (до XVIII в.)." въ сборникѣ „Крестьянскій строй", Спб. 1905. 17) *Проф. Д. И. Багалѣя* „Очерки изъ ист. колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства". М., 1887. 18) *Готье* „Замосковный край въ XVII вѣкѣ". М. 1906. 19) *Перетятковича* „Поволжье въ XVI и XVII вв.". М., 1887. 20) *Его же* „Поволжье въ XVII и нач. XVIII вв.". Одесса, 1882. 21) Статьи *М. К. Любавскаго*, *Ю. В. Готье* и *М. М. Богословскаго* въ т. I шеститомнаго изд. „Великая реформа". М., 1911. Сравн. Библіографич. указанія по ист. крестьянъ въ Россіи у *В. И. Семевскаго* „Крестьяне при Екатеринѣ", т. I, изд. 2-е. Спб., 1903, стр. 626 и въ книгѣ „Великая реформа 19 февр. 1861 г.", т. I. Спб., 1911.

крѣпощенія сословій вытекли изъ такого положенія дѣла. Эта же постоянная мобилизація всѣхъ силъ страны на борьбу за образованіе и укрѣпленіе государственной территоріи повела за собой и еще одно чисто уже политическое послѣдствіе—чрезвычайное усиленіе центральной власти. Подъ гнетомъ постоянныхъ бѣдствій и опустошеній вслѣдствіе иноземныхъ нашествій и княжескихъ усобицъ и смутъ все населеніе Руси еще съ XIV вѣка стало помогать московскимъ князьямъ установить мало-по-малу гегемонію и своего рода диктатуру московской великокняжеской власти. Въ дальнѣйшемъ ходѣ вещей интересы сложившейся и постепенно оперившейся центральной государственной власти надолго совпали съ интересами служилаго класса. Въ жертву интересамъ этого класса верховная власть не задумалась принести свободу крестьянъ; въ свою очередь служилый классъ помогъ ей сломить домогательства боярскаго класса, когда этотъ послѣдній пытался установить въ свою пользу значительныя политическія прерогативы.

Большая часть обрабатываемой земли, въ центрѣ государства, на западѣ, югѣ и юго-востокѣ, сосредоточилась такъ или иначе — въ видѣ помѣстій и вотчинъ — въ рукахъ служилаго сословія. Въ интересахъ этого послѣдняго крестьяне были мало-по-малу прикрѣплены къ землѣ и отданы своимъ господамъ сперва фактически, а потомъ и юридически въ личную крѣпостную зависимость.

Между тѣмъ войны и военныя потребности не умалялись, а, наоборотъ, все разрастались.

Борьба не на животъ, а на смерть съ западными сосѣдями вынуждала тянуться за ними въ организаціи военной силы на западный образецъ. Приходилось выписывать дорого стоящее огнестрѣльное оружіе и иностранныхъ инструкторовъ въ огромномъ числѣ, чтобы создать способную къ войнѣ съ западными врагами армію. Это требовало уже не только поддержанія служилаго сословія, но и значительныхъ денежныхъ средствъ. Приходилось напрячь платежныя силы населенія. Въ поискахъ за платежными силами возникаетъ и укореняется мало-по-малу своеобразная финансовая система, въ основаніе которой кладется идея всеобщаго тягла, которая въ свою очередь, при отсутствіи государственныхъ учрежденій на мѣстахъ, приводитъ къ круговой порукѣ внутри каждой тягловой группы, а затѣмъ

и къ закрѣпощенію этихъ тягловыхъ группъ-сословій Московскаго государства [1]). Этотъ процессъ охватилъ какъ сельское, такъ и городское населеніе.

Въ началѣ XVIII вѣка этотъ процессъ—процессъ образованія государственныхъ сословій и формированія соціально-политической структуры русскаго государства—можно считать завершившимся въ основныхъ чертахъ. Въ то же время напряженіе государственныхъ средствъ и силъ доходитъ до своего апогея. Между тѣмъ задача собиранія и укрѣпленія государственной территоріи далеко не была еще выполнена. До средины XVII вѣка, несмотря на упорную борьбу съ западомъ, не только дѣло собиранія русскихъ земель на западѣ почти не подвинулось, но западная граница остается попрежнему въ высшей степени ненадежной и неопредѣленной. Въ XVI и XVII вѣкахъ московское государство едва оказывается въ силахъ сдерживать аггрессивныя стремленія польско-литовскаго королевства и Швеціи. Въ началѣ XVII вѣка выходъ въ Балтійское море, по Столбовскому миру, закрѣпленъ былъ за шведами, а между тѣмъ развитіе торговли съ заморскими странами въ это именно время, когда натуральное хозяйство перестаетъ уже удовлетворять растущія потребности государства, становится особенно важнымъ и нужнымъ.

Ко времени Петра польско-литовское королевство, вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, начинаетъ замѣтно терять свою силу, и является, благодаря этому, возможность на западѣ сосредоточить всѣ силы московскаго государства на борьбу съ Швеціей. Однако борьба эта требуетъ огромнаго, можно сказать, предѣльнаго напряженія силъ и затягивается на цѣлыхъ два десятилѣтія, осложняясь еще трудной борьбой съ Турціей.

---

[1]) Для изученія русской финансовой системы XVI—XVIII вѣковъ можно рекомендовать слѣдующія основныя пособія: 1) *А. С. Лаппо-Данилевскаго* „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій". Спб., 1890; 2) *П. Н. Милюкова* „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго". Изд. 2-е. Спб., 1905; 3) *Его же* „Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства" (Отчетъ о 33-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, изд. акад. наукъ). Спб., 1892. 4) *С. Б. Веселовскаго* „Сошное письмо". 2 тома, М., 1915 и 1916.

Петру въ концѣ - концовъ удается исполнить поставленную имъ самому себѣ, или, лучше сказать, завѣщанную ему предшествующими вѣками, задачу: Швеція побѣждена, Ингрія, Корелія и Эстляндія, когда - то присоединенныя къ московскому государству еще Иваномъ III, а затѣмъ утраченныя при Иванѣ IV, вновь присоединяются къ Россіи вмѣстѣ съ Лифляндіей, доставляя Россіи желанный доступъ къ Балтійскому морю. Строится Петербургъ. Россія, едва извѣстная западу при Иванѣ III, возводится въ рангъ европейской державы, а давняя ея соперница Польша опускается какъ разъ въ это же время на степень второстепенной державы, покровительствуемой сосѣдями, раздираемой внутренними смутами.

Успѣхъ, достигнутый Петромъ въ борьбѣ со Швеціей, имѣлъ для Россіи огромныя послѣдствія; но успѣхъ этотъ пріобрѣтенъ былъ дорогою цѣной. По вѣрному выраженію одного изслѣдователя Петровской реформы, Россія была возведена въ рангъ европейской державы „цѣной разоренія“ страны [1]). И дѣйствительно, такого разоренія, такого напряженія и расхода всѣхъ средствъ и силъ государства Россія не испытывала, можетъ быть, и въ смутное время. Для войны, для сооруженія Петербурга, для постройки флота требовались не только огромныя денежныя средства, но и люди. Давно уже—съ начала XVII вѣка—силы одного служилаго сословія оказались недостаточны, чтобы вести борьбу съ западными сосѣдями; заведены были стрѣлецкіе полки, потомъ рейтары и драгуны, иностраннаго образца артиллерія. Въ составъ этихъ войскъ на ряду съ дворянами и дѣтьми боярскими приходилось включать новые кадры населенія, а во время войнъ объявлять специальные наборы такъ назыв. даточныхъ, т.-е. рекрутъ. При Петрѣ съ 1701 г. наборы становятся ежегодной повинностью населенія, при чемъ они дѣлаются не только для пополненія рядовъ преобразованной арміи, но и для постройки Петербурга и для разныхъ другихъ работъ, требующихся государству. Эти наборы и усилившіеся до чрезвычайности налоги ведутъ къ тому, что въ періодъ времени отъ восьмидесятыхъ годовъ XVII вѣка до начала второго десятилѣтія XVIII въ Россіи исчезаетъ пятая часть

---

[1]) *П. Н. Милюковъ.* „Госуд. хоз-во Россіи при Петрѣ Великомъ“, изд. 2-ое, стр. 546.

дворовъ. Одна доля этой небывалой убыли населенія составляетъ прямую жертву войны, другая доля разбѣгается отъ гнета непосильныхъ налоговъ. Быть можетъ—и даже вѣроятно—дѣйствительная убыль населенія за эти 30 лѣтъ была меньше, несомнѣнно, нѣкоторая часть разбѣжавшихся дворовъ распредѣлилась кое-какъ между оставшимися дворами, но во всякомъ случаѣ фактъ уничтоженія въ это время 20% наличныхъ хозяйствъ несомнѣненъ.

Правительству Петра приходилось одновременно бороться съ упорными врагами и принимать мѣры къ предотвращенію окончательнаго разоренія страны. Ему приходилось одновременно изощряться въ ловлѣ убѣгающаго и уклоняющагося отъ непосильныхъ государственныхъ тяготъ обывателя и въ то же время думать о поддержаніи и развитіи промышленности и торговли въ разоренной странѣ. Въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка изъ состава малонаселенной страны отнято было до 200.000 рабочихъ рукъ и по крайней мѣрѣ половина изъ нихъ погибла безвозвратно. Государственный бюджетъ въ сравненіи съ бюджетомъ конца XVII вѣка возросъ въ нѣсколько разъ и $^3/_4$ этого бюджета шли на содержаніе войска и флота, изъ остальной четверти удовлетворялись всѣ остальныя нужды огромнаго государства. Вся подушная подать, которою были обложены всѣ податныя сословія и которая составляла тогда львиную долю государственныхъ доходовъ, шла цѣликомъ на содержаніе арміи; всѣ косвенные налоги—на содержаніе флота. Въ то же время въ борьбѣ съ бѣглыми и уклоняющимися отъ податей и повинностей Петръ окончательно закрѣпилъ крѣпостное право и сравнялъ крѣпостныхъ съ холопами, а между тѣмъ главное бремя по несенію тяжелой воинской повинности лежало теперь уже не на одномъ служиломъ сословіи, а и на томъ же податномъ населеніи. Отбываніе рекрутчины легло новымъ тяжелымъ бременемъ на плечи народа [1]).

Таково было напряженіе народныхъ силъ и средствъ при Петрѣ. Однако успѣхъ, имъ достигнутый, оказался достаточно

---

[1]) О числѣ и размѣрахъ рекрутскихъ наборовъ въ Россіи со временъ Петра Великаго до 1855 года см. въ „Военно-статистич. сборникѣ", составл. офицерами генер. штаба подъ редакціей Н. Н. Обручева, вып. IV (Спб., 1871 г.), отд. 2-ой, стр. 2.

прочен. Несмотря на распутство и безпорядки, царившіе въ Россіи при неспособныхъ и случайныхъ преемникахъ Петра до Екатерины II, — въ значительной мѣрѣ, конечно, благодаря счастливо слагавшимся въ это время внѣшнимъ конъюнктурамъ, — созданныя Петромъ границы государства не ухудшаются и даже еще нѣсколько раздвигаются на югѣ и на юго-западѣ.

При Екатеринѣ II къ 70-ымъ годамъ XVIII вѣка окончательно назрѣваетъ паденіе Польши, и Россія уже безъ большого напряженія силъ получаетъ къ концу царствованія не только всѣ старыя области, входившія когда-то въ составъ Днѣпровской Руси, но и Литву, и Курляндію. Турція также слабѣетъ въ это время все больше и больше, и послѣ двухъ удачныхъ войнъ Россія покоряетъ, наконецъ, Крымъ, отъ котораго она страдала когда-то, и пріобрѣтаетъ сѣверные берега Чернаго моря. Въ 90-ыхъ гг. XVIII в. на юго-западѣ граница ея обозначается теченіемъ Днѣстра, на югѣ—Чернымъ моремъ, на юго-востокѣ—Кубанью и Терекомъ. Международное положеніе великой имперіи становится болѣе блестящимъ и могущественнымъ, нежели положеніе какой-либо другой великой европейской державы.

Задача формированія и укрѣпленія государственной территоріи, стоявшая передъ русскимъ народомъ со времени Ивана III, поглощавшая и истощавшая въ теченіе ряда столѣтій всѣ его средства и силы, можетъ считаться теперь исполненной.

Моментъ этотъ является великимъ поворотнымъ пунктомъ въ развитіи нашей страны. Въ ней начинается совершенно новый историческій процессъ, который и даетъ содержаніе новѣйшей исторіи. Если до Петра включительно главнѣйшимъ лозунгомъ государственной власти было собираніе старинныхъ русскихъ земель, охрана государственной территоріи и внѣшнее возвеличеніе Россіи, то съ царствованія Екатерины начинаютъ въ сознаніи общества и самого правительства пробиваться иныя тенденціи. Главною цѣлью государственной дѣятельности офиціально признается уже не расширеніе и охрана государственной территоріи, а „блаженство“ подданныхъ, благополучіе гражданъ. Екатерина съ самаго воцаренія своего опредѣленно формулируетъ этотъ принципъ. Стремясь заслужить любовь и преданность своихъ подданныхъ, она въ первыхъ же своихъ об-

ращеніяхъ къ нимъ выставляетъ на первый планъ не внѣшнее возвеличеніе Россіи, а свое желаніе посвятить всѣ свои силы и средства заботамъ о благосостояніи гражданъ.

Можно относиться какъ угодно критически къ выполненію этихъ ея обѣщаній,—хотя едва ли возможно отрицать огромное культурное значеніе ея царствованія, — но во всякомъ случаѣ важно отмѣтить поворотъ въ самой формулировкѣ основныхъ задачъ государственной власти.

Еще при Петрѣ почти *всѣ* силы государства направлены были на борьбу за образованіе государственной территоріи; съ Екатерины на первый планъ выдвигаются задачи народнаго благосостоянія—матеріальнаго и духовнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще со 2-ой четверти XVIII в. начинается *постепенное раскрѣпощеніе сословій,* закрѣпощенныхъ въ борьбѣ за территорію. Этотъ процессъ раскрѣпощенія происходитъ медленно и постепенно, осложняясь и затрудняясь массой сопутствующихъ ему явленій и обстоятельствъ, но начинается онъ тотчасъ же, какъ только является возможность ослабить то напряженіе народныхъ силъ, которое вызывалось непрерывной борьбой за территорію. Затѣмъ на ряду съ раскрѣпощеніемъ сословій начинается исподволь и вообще освобожденіе населенія отъ стѣсненій и гнета, созданныхъ этимъ многовѣковымъ напряженіемъ силъ, и, наконецъ, ослабляется мало-по-малу и то основаніе диктатуры государственной власти, которое создалось еще во времена московскихъ царей опасностью этой борьбы.

Этотъ сложный процессъ *раскрѣпощенія сословій, освобожденія населенія и смягченія государственной власти* составляетъ главное содержаніе исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ; завершеніе его происходитъ на нашихъ глазахъ, но начало его относится къ концу и даже къ срединѣ XVIII вѣка, къ моменту окончанія многовѣковой борьбы за образованіе государственной территоріи.

Сперва выступаютъ на очередь вопросы народнаго благосостоянія и народнаго просвѣщенія. Сами по себѣ вопросы эти были, конечно, не новы. И московскимъ допетровскимъ правительствамъ мысль о благосостояніи народа и даже о его просвѣщеніи не была, разумѣется, совершенно чужда, но мысль эта тогда оттиралась на заднiй планъ текущими неотложными потребностями напряженной борьбы за территорію.

Мы были бы совершенно несправедливы къ Петру, если бы не признали, что ему въ особенности была присуща мысль о благѣ Россіи и о ея просвѣщеніи. Но даже и этотъ могучій титанъ, захваченный болѣе чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ борьбой за территорію, могъ посвящать народнымъ нуждамъ лишь второстепенное вниманіе, и то большею частью урывками. Изъ-за нуждъ и интересовъ изнурительной и напряженной борьбы у него и вопросы народнаго благосостоянія и просвѣщенія принимали чаще всего служебный, подчиненный интересамъ борьбы характеръ. Отсюда даже и тѣ мѣры, которыя онъ принималъ по отношенію къ созданію и поощренію промышленности и торговли и къ распространенію просвѣщенія, имѣли такой казенный, техническій характеръ. Петровскіе фабрики и заводы служили главнымъ образомъ казеннымъ интересамъ и производили прежде всего тѣ предметы, которые нужны были для вооруженія, обмундированія и всесторонняго обслуживанія нуждъ арміи и флота. Школы Петра были главнымъ образомъ профессіональныя техническія школы, — таковы: навигацкая, артиллерійская, инженерная и низшія цифирныя школы. Даже духовную академію онъ, повидимому, хотѣлъ одно время обратить въ своеобразный политехникумъ, который доставлялъ бы людей и въ церковную службу, и въ гражданскую, и въ военную, и въ строительную, и въ медицинскую.

При Екатеринѣ вопросы народнаго благосостоянія и просвѣщенія офиціально ставятся во главу угла. Къ сожалѣнію, народное благосостояніе понимается чрезвычайно своеобразно: сложившаяся подъ вліяніемъ предшествующаго процесса русской исторіи соціально-политическая структура страны при этомъ сильно даетъ себя чувствовать. Къ тому же сама Екатерина, возведенная на престолъ дворянствомъ и на него сознательно опиравшаяся, быть можетъ даже преувеличенно чувствовала свою отъ него зависимость. Поэтому и вопросы народнаго благосостоянія она поневолѣ разсматривала съ дворянской точки зрѣнія, которую старалась искусно комбинировать съ теоретическими воззрѣніями, заимствованными у корифеевъ политической мысли Европы XVIII вѣка. Въ первые годы своего царствованія Екатерина, какъ извѣстно, нѣсколько наивно намѣревалась водворить „блаженство“ народное при помощи едино-

временно созданнаго раціональнаго законодательства. Созывая свою знаменитую комиссію уложенія, она поставила передъ ней въ своемъ наказѣ задачу всеобъемлющаго государственнаго преобразованія на началахъ, заимствованныхъ главнымъ образомъ у Монтескье и Беккаріи.

Изъ работъ этой комиссіи непосредственныхъ результатовъ не вышло, и самая комиссія была распущена черезъ полтора года послѣ своего открытія, а Екатерина, разочаровавшись въ возможности проведенія всеобъемлющей реформы этимъ путемъ, воспользовалась комиссіей лишь для того, чтобы почерпнуть изъ ея преній свѣдѣнія о настроеніи различныхъ группъ населенія, и обратилась затѣмъ на путь частичной разработки отдѣльныхъ проблемъ внутренней политики; при этомъ она стремилась водворить нѣкоторую закономѣрность во взаимныхъ отношеніяхъ сословій между собой и къ государственной власти и вообще основать жизнь населенія на правовыхъ принципахъ. Главной основой гражданскаго общества при Екатеринѣ офиціально признается *впервые въ Россіи* обезпеченіе личной и имущественной безопасности гражданъ.

Екатерина успѣла также принять нѣкоторыя мѣры къ охраненію народнаго здравія и къ обезпеченію народнаго продовольствія. Въ ея царствованіе данъ былъ новый серьезный толчокъ дѣлу народнаго просвѣщенія. Наконецъ, она успѣла поставить на твердое основаніе внутреннюю организацію сословій и устройство мѣстнаго управленія въ губерніяхъ и уѣздахъ.

Раскрѣпощеніе сословій началось еще до Екатерины съ дворянства, и, благодаря фактическому преобладанію этого сословія, къ раскрѣпощенію крестьянства при Екатеринѣ, въ концѣконцовъ, не только не дѣлается никакихъ практическихъ шаговъ, но даже правовое положеніе помѣщичьихъ крестьянъ ухудшается, и крѣпостное право достигаетъ своего апогея подъ вліяніемъ цѣлаго ряда весьма сложныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ главное значеніе имѣли: измѣненіе быта самого дворянства, начавшаго осѣдать въ своихъ имѣніяхъ послѣ семилѣтней войны и отмѣны обязательной службы, и та зависимость, которую Екатерина чувствовала отъ дворянства. Однако же *принципіально* признается ненормальность крѣпостной зависимости, и идея освобожденія крестьянъ въ будущемъ именно въ

это время начинаетъ пробивать себѣ путь не безъ участія самой императрицы. Освобожденіе торговли и промышленности отъ излишнихъ стѣсненій и регламентаціи и признаніе гражданскихъ правъ и гарантій за „людьми средняго рода“ даетъ замѣтные плоды еще въ царствованіе Екатерины. Къ концу ея царствованія бытъ и общія тенденціи дальнѣйшаго развитія русскаго государства и его населенія намѣчаются въ довольно опредѣленныхъ чертахъ.

ЛЕКЦІЯ II.

Положеніе Россіи наканунѣ XIX вѣка—въ концѣ царствованія Екатерины. Границы государства.—Значеніе территоріальныхъ пріобрѣтеній Екатерины. Пути сообщенія.—Населеніе.—Расовый составъ его.—Сословно-классовый составъ населенія.—Положеніе различныхъ разрядовъ крестьянъ.—Городскія сословія.—Духовенство.—Дворянство.—Интеллигенція и народныя массы.—Развитіе просвѣщенія въ Россіи и происхожденіе русской интеллигенціи.—Идеологія народныхъ массъ.—Расколъ.—Положеніе государственной власти и ея органовъ.—Финансы въ XVIII вѣкѣ.—Общіе выводы.

Не задаваясь цѣлью прослѣдить здѣсь въ подробности, какъ развивалась жизнь русскаго народа при Екатеринѣ, попытаемся формулировать въ краткихъ по необходимости чертахъ то положеніе, въ какомъ находилась Россія ко времени смерти Екатерины, т.-е. въ самомъ концѣ XVIII вѣка [1]).

Границы государства въ это время отличались отъ границъ нашего времени лишь въ отношеніи: 1) Финляндіи, изъ которой въ составъ россійской имперіи тогда входила лишь выборгская губернія; 2) Царства Польскаго, въ то время намъ не принадлежавшаго; 3) Бессарабіи, которая принадлежала еще Турціи; 4) Кавказа, изъ котораго къ Россіи принадлежали ставропольская губ., и лишь части кубанской и терской областей; 5) наконецъ, средне-азіатскихъ владѣній, большей части степныхъ областей и амурскаго края, пріобрѣтенныхъ лишь въ XIX вѣкѣ [2]). Такимъ образомъ, территорія европейской Россіи

---

[1]) Въ нашей исторической литературѣ нѣтъ сочиненія, которое давало бы удовлетворительное и полное изложеніе исторіи царствованія Екатерины II. Для лицъ, желающихъ изучать исторію этой важной эпохи по изданнымъ сочиненіямъ, мы приводимъ въ концѣ этой лекціи списокъ важнѣйшихъ относящихся сюда книгъ и статей (не включая въ него, однако, сочиненій вполнѣ устарѣлыхъ).

[2]) См. карту, приложенную въ концѣ книги.

включала въ себя всѣ старорусскія области (за исключеніемъ Галиціи), изъ-за которыхъ шла многовѣковая борьба съ Польшей, и имѣла границы, достаточно обезпеченныя и простирающіяся и къ сѣверу, и къ западу, и къ югу до береговъ четырехъ морей, прилегающихъ къ равнинѣ европейской Россіи.

Международное положеніе Россіи было таково, что не только не могло возникать какихъ-либо опасеній за неприкосновенность границъ, но, пользуясь положеніемъ могущественной великой державы, эксплоатируя слабость своихъ сосѣдей, Россія могла проявлять огромное вліяніе на международныя отношенія всего цивилизованнаго міра. Екатерина во второй половинѣ своего царствованія строила вмѣстѣ съ Потемкинымъ величавые планы объ изгнаніи турокъ изъ Европы и о возстановленіи греческой имперіи, при чемъ новая императорская корона должна была достаться внуку Екатерины Константину.

Въ экономическомъ отношеніи территоріальныя пріобрѣтенія Екатерины имѣли огромное, можно сказать, колоссальное значеніе для развитія Россіи въ будущемъ. Пріобрѣтеніе огромныхъ черноземныхъ пространствъ на югѣ и на юго-западѣ въ связи съ установленіемъ полной безопасности южной границы и съ усиленной колонизаціей этихъ пространствъ внесло въ экономическій бытъ страны новый факторъ огромнѣйшей важности.

Лишь съ этихъ поръ Россія становится не только земледѣльческой страной по имени, но и одной изъ житницъ Европы. И дѣйствительно, уже въ 1779 г. вывозъ пшеницы изъ главныхъ портовъ (кромѣ остзейскихъ) превышалъ вывозъ 1766 года въ девять слишкомъ разъ[1]). Несмотря на сильное распростра-

[1]) *Лаппо-Данилевскій* „Очеркъ внутренней политики Имп. Екатерины II“, стр. 19. Какъ развивалась наша хлѣбная торговля въ зависимости отъ колонизаціи юга и культивированія южныхъ степей, особенно ярко видно изъ цифръ, приведенныхъ въ „Сборникѣ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли“, изд. подъ редакціей *В. И. Покровскаго* департаментомъ тамож. сборовъ въ 1902 г. Изъ приведенныхъ тамъ данныхъ видно, что за трехлѣтіе 1758—1760 гг. хлѣба за границу отпускалось въ годъ среднимъ числомъ по 70 т. четвертей на сумму 114.000 р. Въ трехлѣтіе же 1778—1780 средній годовой отпускъ хлѣба достигъ 400 т. четвертей на сумму 1.000.000 руб. Послѣ второй турецкой войны и неурожаевъ, ее сопровождавшихъ, въ трехлѣтіе 1790—1792 гг. отпускъ хлѣба временно понизился до 233 т. четв. въ годъ на сумму 822 т. руб.; но какъ только эти

ненiе хлѣбопашества на югѣ Россiи, цѣны на хлѣбъ удерживались довольно прочно, благодаря развитiю хлѣбной торговли, и это обстоятельство, въ свою очередь, поощряло дальнѣйшее развитiе земледѣлiя на югѣ, который теперь усиленно колонизовался.

Что касается путей сообщенiя, то въ этомъ отношенiи въ XVIII вѣкѣ имѣли огромное значенiе водные пути сообщенiя и въ особенности каналы, соединявшiе рѣчныя системы. Изъ нихъ вышневолоцкiй и ладожскiй каналы построены были еще при Петрѣ. При Екатеринѣ значительно улучшена была вышневолоцкая система, соединяющая Волгу съ Балтiйскимъ моремъ. Остальные каналы, задуманные и частью начатые при Екатеринѣ: сясскiй, новгородскiй, березинскiй, огинскiй, шлиссельбургскiй и марiинскiй, закончены были при Павлѣ и Александрѣ въ XIX вѣкѣ [1]).

Населенiе, значительная убыль котораго была констатирована въ началѣ XVIII вѣка, послѣ первой ревизiи, т.-е. съ 1724 г., росло непрерывно, при чемъ ростъ его особенно усилился во второй половинѣ XVIII вѣка, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о прекращенiи того непосильнаго напряженiя, которое оно испытывало въ перiодъ борьбы за территорiю. Въ 1763 г. (по 3-й ревизiи) населенiе обоего пола не превышало 20 милл., въ концѣ царствованiя Екатерины оно достигло въ тѣхъ же областяхъ 29 милл., а съ новопрiобрѣтенными составляло (по расчету академика Шторха) не менѣе 36 милл. душъ обоего пола. Расовый составъ населенiя былъ и тогда достаточно пестрый, особенно, если судить по современному описанiю народовъ Россiи Георги, гдѣ не приводится ни числовыхъ данныхъ, ни свѣдѣнiй о степени обрусѣнiя той или другой народности. Однако же численное преобладанiе русскаго населенiя

неблагопрiятныя обстоятельства прекратились, онъ сталъ снова расти чрезвычайно быстро и въ первыхъ годахъ XIX вѣка достигъ уже 2,218 т. четвертей въ годъ на сумму около 12 милл. рублей.

[1]) Болѣе или менѣе планомѣрное развитiе дѣла проведенiя и улучшенiя водныхъ путей сообщенiя начинается съ 1782 г., когда въ составѣ главнаго управленiя водными путями, по мысли Сиверса, учрежденъ былъ особый корпусъ гидравликовъ. Сравн. „Краткiй историч. очеркъ развитiя и дѣятельности вѣдомства путей сообщенiя за сто лѣтъ его существованiя (1798—1898)". Изд. м-ва пут. сообщ. Сбп., 1898 г., стр. 5—7.

и даже одного великорусскаго племени было въ то время гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ теперь, такъ какъ въ составъ россійской имперіи не входили ни царство польское, ни Кавказъ, ни Финляндія, ни Бессарабія. Къ иностранной колонизаціи Екатерина относилась весьма благопріятно, и при ней происходила значительная иммиграція нѣмцевъ, западныхъ и южныхъ славянъ въ новороссійскій край и въ саратовскую губернію. При ней же послѣдовало до 50 указовъ, стремившихся возвратить такъ называемыхъ бѣглыхъ, т.-е. русское населеніе, ушедшее за границу въ прежнія времена отъ религіозныхъ преслѣдованій и различныхъ притѣсненій крѣпостного права. Обратное переселеніе бѣглыхъ обставлено было различными льготами.

Что касается сословно-классоваго состава населенія, то о немъ могутъ дать нѣкоторое представленіе слѣдующія цифры, разработанныя академикомъ Шторхомъ по даннымъ 4-й ревизіи 1783 г. По этой ревизіи всего въ Россіи, за исключеніемъ новопріобрѣтенныхъ въ то время провинцій, сосчитано 12,838,529 душъ мужского пола [1]). Изъ нихъ:

Частныхъ помѣщичьихъ крестьянъ .	6.678.239	
Казенныхъ крестьянъ, т.-е. черносошныхъ, дворцовыхъ, поссессіонныхъ и экономическихъ	4.674.603	5.448.259
Однодворцевъ и вольныхъ людей .	773.656	
Мѣщанъ	293.743	
Купцовъ	107.408	
Свободныхъ отъ подушной подати, т.-е. дворянъ, духовенства и чиновниковъ вмѣстѣ	310.880	
	12.838.529 д. муж. пола.	

Итого сельскаго населенія	12.126.498, или	94,5%
„ городского	401.151, „	3,1%
„ привилегиров. сословій	310.880, „	2,4%

Въ составѣ сельскаго населенія около 45% было казенныхъ крестьянъ и однодворцевъ, около 55% помѣщичьихъ крѣпост-

[1]) При ревизіяхъ до середины XIX в. считалось лишь населеніе мужского пола, такъ какъ правительство было заинтересовано лишь въ счетѣ окладнаго населенія. Поэтому о числѣ всего населенія можно судить лишь приблизительно—помножая цифры, установленныя ревизіей, на 2.

ныхъ крестьянъ. Развитіе крѣпостного права достигло въ это время своего апогея. Въ правовомъ отношеніи личность крѣпостныхъ была совершенно безправна. Помѣщики сосредоточили въ это время въ своихъ рукахъ не только право распоряжаться трудомъ своихъ крѣпостныхъ, которыхъ они могли по своему усмотрѣнію отрывать отъ земли, переводить въ дворовые, т.-е. дѣлать личными слугами, продавать поодиночкѣ и семьями, отдавать въ услуженіе въ другія руки, назначать на барщину, переводить на оброкъ, приписывать къ своимъ фабрикамъ и заводамъ и т. п., но и наказывать по своему усмотрѣнію: заточеніемъ въ разнаго рода домашнихъ и друг. тюрьмахъ, назначеніемъ на всякія сверхурочныя работы, а также тѣлесно—розгами, батожьемъ и плетьми—за относительно маловажныя преступленія и даже просто и чаще всего за „продерзостное“ поведеніе.

Со времени Елизаветы Петровны дозволено было помѣщикамъ отдавать своихъ людей за продерзостные проступки въ руки правительства для водворенія ихъ въ Сибирь на поселеніе. И въ сущности,—какъ ни страшно звучатъ эти слова для насъ,— для многихъ изъ крѣпостныхъ такая ссылка являлась освобожденіемъ и избавленіемъ отъ еще болѣе тяжелыхъ и нестерпимыхъ мукъ. Съ Екатерины однако же разрѣшено помѣщикамъ ссылать своихъ людей и въ каторжныя работы. Помѣщики издавна присвоили себѣ право вмѣшиваться и въ семейный бытъ крѣпостныхъ, вѣнчать ихъ по своему усмотрѣнію, распоряжаться ихъ имуществомъ. Различныя злоупотребленія и развратъ помѣщиковъ во многихъ случаяхъ принимали совершенно невѣроятные размѣры. При этомъ крѣпостнымъ воспрещалось закономъ жаловаться и доносить на своихъ господъ, кромѣ случаевъ государственныхъ преступленій, совершонныхъ послѣдними. De facto крѣпостные не мирились съ такимъ положеніемъ вещей и на наиболѣе тяжелыя проявленія гнета отвѣчали не только жалобами правительству, но и возстаніями, и убійствами помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ, и побѣгами. Иногда, особенно въ началѣ каждаго новаго царствованія, среди крѣпостныхъ крестьянъ проносились слухи о дарованномъ новымъ царемъ и скрываемомъ помѣщиками освобожденіи — и тогда волненія крестьянъ распространялись на значительныя пространства, охватывали иногда цѣлыя губерніи и вызывали

жестокія усмиренія при помощи войска и свирѣпыхъ экзекуцій, порокъ и ссылокъ.

При Екатеринѣ, въ началѣ царствованія, волновалось такимъ образомъ до 150.000 крестьянъ. Но главный стихійный протестъ противъ крѣпостного права, принявшій огромные, угрожавшіе бытію государства, размѣры, разразился въ 1773 году въ Пугачевскомъ бунтѣ.

Экономическое и бытовое положеніе *крѣпостныхъ* крестьянъ зависѣло главнымъ образомъ отъ того, были ли они *барщинные* или *оброчные*. Барщинные крестьяне отбывали въ пользу помѣщиковъ работы въ довольно неопредѣленномъ и разнообразномъ размѣрѣ. Въ большинствѣ случаевъ въ *барщинныхъ* имѣніяхъ вся пахотная земля раздѣлялась поровну на господскую и крестьянскую пашню, при чемъ и рабочіе дни дѣлились поровну: крестьянинъ работалъ 3 дня въ недѣлю въ господскихъ поляхъ, 3 дня ему оставалось на обработку отведеннаго ему поля. Но этотъ обычай не былъ утвержденъ закономъ (до временъ Павла), и въ отдѣльныхъ случаяхъ господа заставляли работать гораздо больше 3-хъ дней въ недѣлю. Затѣмъ въ зимнее время на крестьянина ложилась часто очень тяжелая обязанность возить барскій хлѣбъ и др. продукты на рынокъ, иногда за сотни верстъ. Независимо отъ этого, крестьяне поставляли помѣщику въ натурѣ птицъ, иногда овецъ, свиней, ягоды, грибы, а на бабъ сверхъ того налагалась повинность, иногда чрезвычайно тяжелая, доставлять опредѣленное количество льняной или посконной пряжи и ткани, а иногда и самодѣльныхъ суконъ. Нѣкоторые помѣщики къ натуральнымъ повинностямъ присоединяли и денежный оброкъ, отпуская при этомъ часть крестьянъ на зиму въ отхожіе промыслы.

Въ *оброчныхъ* имѣніяхъ обыкновенно вся обрабатываемая земля, а иногда и лѣсъ, отдавались въ распоряженіе крестьянъ, а крестьяне за это облагались опредѣленнымъ денежнымъ или натуральнымъ оброкомъ, размѣръ котораго зависѣлъ отъ произвола владѣльца и соизмѣрялся чаще всего съ доходами крестьянъ не отъ отданной имъ земли, а отъ заработковъ ихъ на сторонѣ; ибо и вообще оброчная система была распространена главнымъ образомъ въ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ доходъ отъ земли былъ незначителенъ, а заработки и промыслы крестьянъ—городскіе, лѣсные, рѣчные и притрактовые—

достигали нерѣдко весьма значительныхъ размѣровъ. Оброчные крестьяне, даже и при тяжелыхъ оброкахъ, жили вообще гораздо привольнѣе барщинныхъ уже потому, что они пользовались, вдали отъ господъ, гораздо большей свободой и даже самоуправленіемъ въ своемъ внутреннемъ быту, въ отдѣльныхъ, рѣдкихъ, конечно, случаяхъ, приближавшемъ ихъ бытъ къ быту независимыхъ свободныхъ людей, при чемъ въ этомъ случаѣ принадлежность ихъ частнымъ лицамъ, особенно когда эти лица были богаты и сильны, избавляла ихъ отъ притѣсненій и злоупотребленій чиновниковъ. Въ большинствѣ случаевъ и въ оброчныхъ имѣніяхъ власть и произволъ помѣщиковъ давали себя, разумѣется, чувствовать достаточно часто и больно. Средній размѣръ оброка при Екатеринѣ не превышалъ 5 рублей на душу (въ концѣ царствованія).

Число оброчныхъ имѣній къ концу XVIII вѣка увеличилось, въ связи съ развитіемъ торговли и промышленности, и въ сѣверныхъ, нечерноземныхъ, губерніяхъ перевалило за половину всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, составляя въ ярославской губ. 78%, въ нижегородской 82%, въ костромской 85%, въ вологодской 83%; наоборотъ, въ черноземныхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ оно было вообще невелико и въ губерніяхъ курской и тульской не превышало 8%.

Кромѣ помѣщичьихъ крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ въ числѣ несвободныхъ группъ населенія въ XVIII вѣкѣ (перешедшихъ и въ XIX вѣкъ) слѣдуетъ считать такъ называемыхъ заводскихъ и фабричныхъ „поссессіонныхъ“ крестьянъ, которые были частью причислены (при Петрѣ I и его преемникахъ) навсегда къ заводамъ и фабрикамъ частныхъ лицъ изъ бывшихъ казенныхъ крестьянъ, частью приписаны изъ числа водворившихся на заводахъ помѣщичьихъ *бѣглыхъ*, съ выплатою за нихъ вознагражденія ихъ прежнимъ владѣльцамъ, или изъ бродягъ и др. категорій лицъ, не приписанныхъ ни къ какому податному обществу, частью куплены съ разрѣшенія правительства къ фабрикамъ и заводамъ, хотя бы таковые принадлежали и лицамъ не дворянскаго сословія и слѣдовательно не имѣвшимъ права владѣть крѣпостными людьми. Отъ крѣпостныхъ „поссессіонные“ крестьяне отличались тѣмъ, что они принадлежали *не лицу*, а фабрикѣ или заводу и отдѣльно отъ заводовъ не могли быть продаваемы. Кромѣ того, они по закону,—ко-

нечно плохо соблюдавшемуся,—не могли быть наказываемы самими владѣльцами заводовъ или заводской администраціей. Вдовы и дочери ихъ могли свободно выходить замужъ за постороннихъ лицъ. Такихъ „поссессіонныхъ“ крестьянъ числилось въ концѣ XVIII в. около 80.000 душъ муж. пола.

Казенные крестьяне разныхъ наименованій представляли собой въ сущности весьма разнородную массу. Изъ числа ихъ не менѣе $^2/_7$ (въ 70-хъ гг. XVIII в. около 1 мил., не считая малороссійскихъ западныхъ, присоединенныхъ отъ Польши губерній) составляли бывшіе церковные, архіерейскіе и монастырскіе крестьяне, состоявшіе до 60-хъ гг. совершенно на положеніи крѣпостныхъ, но въ 1764 г. окончательно отобранные у архіерейскихъ домовъ и монастырей и отданные въ распоряженіе особаго казеннаго вѣдомства—коллегіи экономіи, отчего они и получили названіе *экономическихъ*. Изъ доходовъ секуляризованныхъ церковныхъ имѣній часть шла на содержаніе духовенства, а остальное (болѣе чѣмъ половина) должно было употребляться на общенародныя нужды.

Около $^1/_7$ всѣхъ казенныхъ крестьянъ составляли крестьяне *дворцовые*, впослѣдствіи переименованные при Павлѣ въ удѣльные. Въ сущности это были крѣпостные крестьяне, прикрѣпленные къ императорскому двору. Екатерина значительно облегчила ихъ положеніе тѣмъ, что замѣнила въ дворцовыхъ имѣніяхъ барщину довольно умѣреннымъ оброкомъ. Отъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ крестьянъ они отличались еще и тѣмъ, что не могли быть продаваемы отдѣльно отъ земли. Вмѣстѣ съ близко примыкавшимъ къ нимъ небольшимъ разрядомъ такъ назыв. *государевыхъ* крестьянъ (въ началѣ царств. Екатерины до 62.000), принадлежавшихъ отдѣльнымъ членамъ царской фамиліи, и съ *конюшенными* крестьянами (до 40.000), несшими весьма тяжелыя повинности въ пользу царскихъ конюшенъ, весь этотъ разрядъ приписанныхъ ко двору и къ царской фамиліи крестьянъ въ началѣ царствованія Екатерины въ однѣхъ центральныхъ, сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ превышалъ уже $^1/_2$ милліона душъ муж. пола.

Затѣмъ слѣдовали группы казенныхъ крестьянъ, рабочія силы которыхъ эксплоатировались на удовлетвореніе различныхъ государственныхъ нуждъ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать группу крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ и инымъ заводамъ

казеннымъ (241.253) и частнымъ (70.965)—всего около 330.000 душъ муж. пола. Крестьянъ этихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ упомянутыми выше „поссессіонными" крестьянами, такъ какъ они по закону были приписаны къ заводамъ для выполненія лишь нѣкоторыхъ работъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы заработанною платою (по весьма низкой таксѣ) уплачивать часть наложенной на нихъ подушной и оброчной подати (всего 1 р. 70 к. съ души). По идеѣ они должны были тратить на это лишь часть своего времени, свободнаго отъ сельскохозяйственныхъ работъ, преимущественно зимой. Но на дѣлѣ, вслѣдствіе того, что многіе изъ нихъ были приписаны къ заводамъ, отстоявшимъ отъ ихъ деревень на сотни верстъ (иногда на 500 верстъ и больше), а также и вслѣдствіе чрезвычайныхъ злоупотребленій заводчиковъ, употреблявшихъ ихъ и на такія работы, которыя исполнять имъ не полагалось, и подвергавшихъ ихъ всякимъ истязаніямъ, положеніе ихъ было въ высшей степени тяжелое и безотрадное, а сельское хозяйство на ихъ поляхъ приходило нерѣдко въ полное запустѣніе. Съ такимъ положеніемъ они не мирились и среди нихъ въ XVIII вѣкѣ часто возникали волненія, нерѣдко съ трудомъ подавлявшіяся, а въ 1773 г. они приняли самое дѣятельное участіе въ Пугачевскомъ бунтѣ. Лишь послѣ того горькая судьба ихъ была нѣсколько упорядочена. На ряду съ ними слѣдуетъ поставить крестьянъ, приписанныхъ къ лѣсамъ адмиралтейства (112.357 д.) и ямщиковъ (около 50.000), поселенныхъ при большихъ трактахъ, спеціально для содержанія станцій и отбыванія гоньбы [1]).

Всѣ эти разряды *казенныхъ* крестьянъ, хотя и не были личными крѣпостными рабами въ томъ смыслѣ, что не могли быть продаваемы безъ земли, были однако же по характеру своихъ правъ и работъ государственными крѣпостными.

---

[1]) Срав. *В. И. Семевскаго* „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II". Т. I этого капитальнаго труда посвященъ помѣщичьимъ крѣпостнымъ и „поссессіоннымъ" крестьянамъ; т. II — различнымъ разрядамъ государственныхъ крестьянъ. Здѣсь слѣдуетъ оговориться, что приведенныя въ текстѣ цифры, взятыя у В. И. Семевскаго, относятся только къ центральнымъ, сѣвернымъ и восточнымъ губерніямъ, почему сумма ихъ и не соотвѣтствуетъ общему числу казенныхъ крестьянъ, приводимому у Шторха, не говоря о томъ, что и по времени почти всѣ эти цифры относятся къ началу царствованія Екатерины (т.-е. къ 3-ей ревизіи), тогда какъ цифры Шторха относятся къ четвертой ревизіи (1783 г.).

Бо́льшей свободой и независимостью среди казенныхъ крестьянъ пользовались лишь *черносошные* крестьяне на сѣверѣ, платившіе государству опредѣленные денежные оброки и подати и отправлявшіе нѣкоторыя натуральныя повинности общественнаго характера, а въ быту своемъ пользовавшіеся сравнительно широкимъ самоуправленіемъ. Этихъ крестьянъ въ 70-хъ годахъ XVIII в. было болѣе 627.000 душъ муж. пола. На югѣ и въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ такую же свободную группу сельскаго населенія представляли *однодворцы* и *старыхъ службъ служилые люди*, которые не только были свободны отъ крѣпостной зависимости, но даже иногда сами владѣли крѣпостными. Это низшій разрядъ служилыхъ людей, несшихъ когда-то сторожевую службу на границахъ московскаго государства и получавшихъ въ свое владѣніе небольшіе участки ненаселенныхъ земель. Шторхъ насчитывалъ ихъ, примѣшивая къ нимъ нѣкоторыя др. группы свободныхъ сельскихъ жителей неопредѣленнаго характера, въ концѣ XVIII в. до 773.656 д. муж. пола.

Мы уже видѣли, что число крестьянъ во всѣхъ ихъ категоріяхъ составляло въ XVIII в. около 94,5% общаго числа жителей тогдашней Россіи. Благодаря этому обстоятельству Россія издавна признавалась страной исключительно земледѣльческой. Это опредѣленіе однако же и для XVIII в. нельзя принять безъ весьма существенныхъ оговорокъ. Дѣло въ томъ, что лица, числившіяся крестьянами, были и тогда далеко не всѣ земледѣльцами. Прежде всего изъ числа земледѣльцевъ слѣдуетъ исключить цѣлыя группы крестьянъ казенныхъ, приписанныхъ къ различнымъ заводамъ. Такихъ крестьянъ было въ XVIII в. не менѣе 10% всѣхъ казенныхъ крестьянъ; затѣмъ изъ числа помѣщичьихъ, дворцовыхъ и экономическихъ многіе изъ тѣхъ, которые принадлежали къ числу *оброчныхъ*,—а ихъ было не менѣе 1/2 всѣхъ крестьянъ этихъ разрядовъ,—не могутъ считаться чистыми земледѣльцами, такъ какъ изъ нихъ значительная часть, особенно изъ нечерноземныхъ промышленныхъ губерній, и въ XVIII в. проживала на сторонѣ и земледѣліемъ не занималась. Наконецъ, и среди коренного земледѣльческаго населенія сильно развиты были въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ различные виды домашней и кустарной промышленности. Вообще торговля и мелкая промышленность искони были очень распространены какъ въ московскомъ государствѣ, такъ и въ

императорской Россіи; производимаго же хлѣба въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ до пріобрѣтенія и заселенія черноземнаго юга едва хватало на прокормленіе мѣстнаго населенія.

Въ XVIII вѣкѣ замѣчается значительный ростъ городского населенія, ранѣе развивавшагося довольно туго. Тогда какъ съ 1630 по 1724 г., почти за цѣлое столѣтіе, число городскихъ жителей едва возросло съ 292 т. до 328 т., послѣ 1724 до 1796, т.-е. въ теченіе 72 лѣтъ, оно увеличилось почти въ 4 раза, дойдя до 1.301.000 душъ. Купеческій классъ, входившій въ составъ этого городского населенія, также увеличился, дойдя къ концу царствованія Екатерины до 240.000, при чемъ и занятія его развились и осложнились вслѣдствіе развитія заводско-фабричной промышленности и заграничной торговли. Въ допетровской Руси фабрикъ и вообще крупной промышленности почти не было. Значительные торговые обороты, нерѣдко милліонные (считая на наши деньги), основывались главнымъ образомъ на скупкѣ и перепродажѣ продуктовъ мелкой кустарной промышленности и земледѣлія. При Петрѣ правительство даетъ мощный толчокъ развитію заводовъ и фабрикъ, необходимыхъ ему для производства предметовъ оборудованія и обмундированія арміи и флота. Фабрики основываются самимъ правительствомъ съ припискою къ нимъ крестьянъ, владѣть которыми предоставляется фабрикантамъ и не дворянскаго происхожденія. Затѣмъ основанные правительствомъ фабрики и заводы передаются частнымъ лицамъ вмѣстѣ съ приписаннымъ къ нимъ населеніемъ.

Многіе купеческіе капиталы, накопленные ранѣе торговлей, привлекаются такимъ образомъ съ Петра къ фабричной промышленности. При Екатеринѣ, несмотря на то, что она изъ желанія угодить дворянству, покровительствовала мелкому производству, фабрики продолжаютъ расти быстрѣе прежняго, при чемъ на ряду съ приписными рабочими онѣ начинаютъ пользоваться и вольнонаемными. Дворянство относится недружелюбно къ этому явленію. Ему чрезвычайно важно поддержать мелкую крестьянскую промышленность и торговлю, такъ какъ наличность ея даетъ возможность получать огромные оброки съ торговыхъ и промышленныхъ крестьянъ ихъ имѣній. Въ Екатерининской комиссіи уложенія впервые происходитъ открытая борьба между двумя классами. Впослѣдствіи, уже по закрытіи комиссіи,

дворянство, при поддержкѣ императрицы, одерживаетъ верхъ надъ купцами. Правительство начинаетъ строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы купечество не владѣло незаконнымъ образомъ крѣпостными; дворянство же начинаетъ заводить свои фабрики, основанныя всецѣло на крѣпостномъ трудѣ.

Число заводовъ и фабрикъ, не превышавшее къ началу царствованія Екатерины, по даннымъ, приводимымъ М. И. Туганомъ-Барановскимъ, 984 (не считая горныхъ), въ концѣ царствованія достигаетъ цифры 3161. По другимъ даннымъ, приведеннымъ у А. С. Лаппо-Данилевскаго, ихъ было въ началѣ царствованія Екатерины не болѣе 500, а къ концу его оказалось въ четыре раза больше. Во всякомъ случаѣ число самыхъ важныхъ заводовъ и фабрикъ увеличилось не менѣе, чѣмъ на 40%. Снятіе съ торговли и промышленности различныхъ стѣсненій и регламентацій, установленныхъ въ первую половину XVIII в., въ связи съ открытіемъ при Екатеринѣ первыхъ кредитныхъ учрежденій, развитіемъ торговаго мореплаванія, учрежденіемъ заграничныхъ консульствъ и заключеніемъ торговыхъ конвенцій, сильно оживило заграничную торговлю. Отпускъ русскихъ товаровъ за границу въ теченіе ея царствованія увеличился съ 13 мил. до 57 мил. руб., а ввозъ заграничныхъ товаровъ — съ 8 мил. до 39 мил. руб. Въ значительной мѣрѣ этому содѣйствовали два первые таможенные тарифа Екатерины: 1766—вполнѣ либеральный—и 1782—лишь съ нѣкоторымъ усиленіемъ покровительственныхъ пошлинъ.

Правовое положеніе купцовъ значительно измѣнилось при Екатеринѣ въ томъ отношеніи, что они вышли изъ разряда податныхъ сословій съ освобожденіемъ ихъ отъ внесенія въ подушный окладъ, который былъ замѣненъ для нихъ обложеніемъ ихъ капиталовъ 1% сборомъ, при чемъ размѣры капиталовъ объявлялись самими купцами „по совѣсти“. Купцы очень дорожили этимъ указомъ, освобождавшимъ ихъ, по ихъ собственнымъ словамъ, отъ „бывшаго невольничества“. Однако же отправленіе прежнихъ казенныхъ службъ фискальнаго характера не было снято съ купечества (за исключеніемъ купцовъ 1-й гильдіи) и такимъ образомъ сохранило этому сословію до извѣстной степени прежній тяглый характеръ.

Жалованная грамота городамъ создала зачатки самоуправленія городского населенія, при чемъ оно было раздѣлено на

6 классовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ представительство въ городской думѣ. Это были:

1. Купцы (3-хъ гильдій).
2. Цеховые.
3. Посадскіе.
4. Домовладѣльцы.
5. Именитые граждане.
6. Иностранные купцы и свободные мастера.

Городскія учрежденія Екатерины просуществовали съ нѣкоторыми измѣненіями до реформъ Александра II.

Секуляризація архіерейскихъ и монастырскихъ имѣній сильно отразилась на бытѣ духовенства, тѣмъ болѣе, что эта реформа сопряжена была съ введеніемъ церковныхъ штатовъ, опредѣлявшихъ содержаніе высшаго духовенства и уничтожавшихъ старое тягло, которое отбывало бѣлое духовенство въ пользу архіереевъ. Вмѣстѣ съ крѣпостными имѣніями изъ-подъ власти архіереевъ ушло болѣе 30.000 заштатныхъ церковниковъ, распредѣленныхъ по разнымъ службамъ. Благодаря этой реформѣ духовенство, по замѣчанію А. С. Лаппо-Данилевскаго, „потеряло значеніе болѣе или менѣе независимой корпораціи въ государствѣ“, при чемъ высшее духовенство утратило часть своего выдающагося вліянія, а низшее бѣлое приходское духовенство освободилось до нѣкоторой степени отъ своего рода крѣпостной зависимости.

Какъ уже указано, всего болѣе измѣнилось при Екатеринѣ правовое положеніе дворянъ.

Собственно рѣшительное раскрѣпощеніе дворянства началось еще до Екатерины указомъ Петра III 18 февраля 1762 г., освободившимъ дворянъ отъ обязательной службы. Жалованная грамота дворянству 1785 г., подведя итогъ всѣмъ ранѣе предоставленнымъ дворянству льготамъ, дала самоуправленіе дворянству каждой губерніи, освободила дворянство отъ тѣлесныхъ наказаній и предоставила ему право петицій по общественнымъ дѣламъ и нуждамъ. За дворянствомъ еще ранѣе признано было исключительное право владѣть населенными имѣніями и имѣть полную собственность не только на поверхность, но и на нѣдра принадлежавшихъ ему земель.

Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. сдѣлало дворянство правящимъ сословіемъ на мѣстахъ въ провинціи. Дворянство, осво-

божденное отъ обязательной службы, сохранило, благодаря этому учрежденію, преимущественныя права государственной службы и въ особенности широкое право выбора должностныхъ лицъ въ провинціальныя правительственныя установленія. По введеніи положенія о губерніяхъ болѣе 10.000 лицъ заняло выборныя должности въ губерніяхъ и уѣздахъ. Такимъ образомъ, мало того, что каждый помѣщикъ былъ въ сущности почти неограниченнымъ государемъ въ своемъ имѣніи, дворянство, ставя своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ на важныя мѣста въ провинціальномъ управленіи и въ судѣ, укрѣпило и возвысило послѣ реформы Екатерины надолго свое огромное соціально-политическое значеніе въ русской народной жизни.

Для того, чтобы сдѣлаться могущественнымъ политическимъ сословіемъ и властно вліять на судьбы русскаго народа и русскаго государства, дворянству нехватало лишь одного—ограниченія правъ самодержавной власти монарха и участія въ законодательствѣ и верховномъ государственномъ управленіи. Этого дворянству не удалось достигнуть и при Екатеринѣ. Екатерина искусно и успѣшно охраняла неприкосновенность самодержавія, какъ отъ дворянско-конституціонныхъ стремленій, наиболѣе типичнымъ выразителемъ которыхъ въ ея царствованіе являлся извѣстный историкъ кн. Щербатовъ, такъ и отъ покушеній вельможъ-аристократовъ вродѣ Никиты Панина, а еще болѣе, конечно, отъ „продерзостныхъ“ мечтаній и покушеній конституціоналистовъ-демократовъ вродѣ Радищева, который былъ, впрочемъ, въ свое время явленіемъ совершенно исключительнымъ.

Сводя воедино все сказанное о сословномъ и классовомъ составѣ населенія Россіи въ концѣ XVIII вѣка, мы видимъ, что 94,5% его составляло крестьянство, которое однако жъ въ экономическомъ отношеніи не состояло изъ единообразной массы и отнюдь не могло считаться классомъ исключительно земледѣльческимъ, въ правовомъ же отношеніи распадалось на цѣлый рядъ разрядовъ или группъ, которые по правамъ своимъ составляли какъ бы цѣлую лѣстницу со многими ступенями, начиная отъ вполнѣ безправныхъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ и доходя до сравнительно свободныхъ разрядовъ черносошныхъ крестьянъ на сѣверѣ и однодворцевъ на югѣ. Рядомъ съ этими послѣдними группами крестьянъ стояли низшіе слои

городскихъ жителей—посадскіе, или мѣщане, и цеховые, число которыхъ въ 1783 г. не превышало 300.000 д. м. п., или $2^1/_2\%$. Надъ ними стояли купцы разныхъ гильдій (всего 107 т. д. м. п.—менѣе 1% всего населенія). Затѣмъ шло приходское духовенство, освобожденное отъ прежней почти рабской зависимости своей отъ архіереевъ, политическое значеніе которыхъ было сильно подорвано секуляризаціей церковныхъ имѣній и штатами 1764 г. Духовенство составляло не болѣе 1% всего населенія. Наконецъ, надъ всѣми возвышалось и по правамъ своимъ и по богатству дворянство, въ составѣ котораго числилось не болѣе 1% жителей, а если причислить къ нему личныхъ дворянъ и чиновниковъ, то вмѣстѣ съ ними численность его доходила, быть можетъ, до $1^1/_4$ или до $1^1/_2\%$ всего населенія имперіи. Это сословіе было единственнымъ, которое не только вполнѣ раскрѣпостилось въ XVIII вѣкѣ, но и получило значительныя права и привилегіи какъ матеріальнаго, такъ и не матеріальнаго свойства.

Теперь намъ предстоитъ охарактеризовать положеніе населенія въ идейномъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи прежде всего важно имѣть въ виду то раздѣленіе населенія на интеллигенцію и народъ, тотъ расколъ, который начался между ними со времени Петра Великаго и продолжается, въ сущности, до настоящаго времени.

Въ древней Руси такого раздѣленія не было. Въ кіевской Руси вмѣстѣ съ матеріальнымъ богатствомъ, повидимому, нарождалась и культура—и культура довольно высокая для того времени, хотя, впрочемъ, по этому вопросу мнѣнія изслѣдователей довольно различны. Какъ бы то ни было, эта византійская культура не передалась послѣдующей эпохѣ и почти совершенно исчезла подъ вліяніемъ татарскаго завоеванія, княжескихъ междоусобицъ и другихъ неурядицъ внутренней жизни.

Въ XV и XVI вв., когда уже образовалось московское государство, царило почти всеобщее невѣжество. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, напримѣръ, сообщеніе Геннадія, епископа новгородскаго, по свидѣтельству котораго нерѣдко приходилось даже въ священники посвящать лицъ, почти совершенно неграмотныхъ. Нѣкоторыя мѣры въ цѣляхъ просвѣщенія предпринимало, разумѣется, и московское правительство XVI—XVII вѣковъ, но мѣры эти были чрезвы-

чайно слабы и рѣдки: правительство опасалось тогда болѣе всего проникновенія западной ереси, и всѣ просвѣтительныя мѣры парализовались реакціонными стремленіями обскурантовъ, которые взяли верхъ въ особенности при дворѣ Ѳеодора Алексѣевича. Сколько-нибудь серьезное просвѣщеніе стало распространяться и вводиться правительствомъ, начиная съ Петра. Характерною особенностью петровскихъ просвѣтительныхъ мѣропріятій является, какъ уже указано, ихъ опредѣленно практическій характеръ: когда Петру стало ясно, что необходимо имѣть технически образованныхъ людей для полученія кадровъ тѣхъ сотрудниковъ, которые были ему нужны въ его борьбѣ, — онъ началъ насаждать школы. Такъ были открыты начальныя цифирныя школы. Цифирныя школы были устроены въ 42-хъ мѣстахъ, и въ нихъ попадало населеніе самыхъ разнообразныхъ сословій и классовъ. Петръ всегда былъ готовъ поступиться сословными перегородками, когда дѣло касалось той борьбы, которую онъ велъ. Всего учениковъ въ цифирныхъ школахъ при Петрѣ числилось до 2 тысячъ. Ихъ составъ по даннымъ, приведеннымъ у П. Н. Милюкова, былъ таковъ: 45% составляли дѣти духовныхъ лицъ; 19,6% — дѣти солдатъ, 18% — дѣти приказныхъ, 4½% было дѣтей посадскихъ, болѣе 10% — дѣтей разночинцевъ [1]) и только 2½% — дѣтей дворянъ. Затѣмъ, въ 1716 г. дворянамъ было приказано вовсе не отдавать дѣтей въ цифирныя школы, такъ какъ Петръ велѣлъ, чтобы дворяне отдавали своихъ дѣтей въ высшія спеціальныя училища. Впрочемъ, въ младшихъ классахъ тѣхъ же училищъ также было очень много дѣтей разночинцевъ.

При преемникахъ Петра и цифирныя школы сошли на нѣтъ. Населеніе очень неохотно отдавало въ нихъ своихъ дѣтей, и его приходилось насильно къ этому побуждать при посредствѣ мѣстнаго начальства, а когда преемники Петра обнаружили къ просвѣщенію равнодушіе, то, естественно, населеніе перестало вовсе отдавать своихъ дѣтей въ цифирныя школы.

---

[1]) Данныя П. Н. Милюкова взяты изъ журналовъ верховнаго тайнаго совѣта за 1726 г., опубликованныхъ въ LVI т. Сборника русскаго историч. общества (стр. 321). Онъ при этомъ не упомянулъ о дѣтяхъ лицъ разныхъ неопредѣленныхъ званій, распредѣленныхъ въ отчетной вѣдомости, напечатанной въ сборникѣ по тремъ графамъ, въ сложности дающимъ болѣе 10%.

Съ 1732 г. при Аннѣ Іоанновнѣ цифирныя школы были замѣнены до нѣкоторой степени такъ называемыми гарнизонными школами при полкахъ; школы эти были образованы, собственно говоря, для солдатъ, но имѣли и общекультурное значеніе; такъ, напр., до временъ Екатерины только въ нихъ можно было достать въ провинціи домашняго учителя математики, хотя, конечно, математика эта была невысокаго сорта [1]).

Съ Петра же начинаютъ заводить и епархіальныя школы; въ 1727 г. ихъ было 46 (при 3-хъ тысячахъ учениковъ), часть ихъ вскорѣ была преобразована въ губернскія семинаріи. При Екатеринѣ II число учащихся въ епархіальныхъ школахъ достигало уже 11 тысячъ, а въ семинаріяхъ—до 6 тысячъ (семинарій же было 26).

При Петрѣ же была возстановлена московская духовная академія, которая еще при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ была основана по образцу кіевской, при помощи присланныхъ изъ Греціи братьевъ Лихудъ, но захирѣла въ виду гоненій, возникшихъ противъ нея. Петръ, возстановивъ ее, высказывалъ, какъ уже сказано выше, своеобразные взгляды на ея задачи: онъ считалъ, что эта академія должна подготовлять самыхъ разнородныхъ работниковъ, т.-е. быть своего рода политехникумомъ. Для дворянъ Петромъ были основаны навигаціонная, инженерная и артиллерійская школы. При Аннѣ Іоанновнѣ къ этимъ 3 школамъ былъ еще добавленъ сухопутный шляхетскій корпусъ, который и былъ съ этихъ поръ высшимъ и излюбленнымъ училищемъ для дворянскихъ дѣтей. При Петрѣ же была сдѣлана первая попытка созданія университета при академіи наукъ, — попытка, приведенная въ исполненіе уже послѣ его смерти: въ 1726 г. были выписаны изъ-за границы профессора, но ихъ оказалось больше, чѣмъ студентовъ; студенты набирались принудительнымъ порядкомъ изъ учениковъ духовныхъ академій, семинарій, и дѣло шло плохо. Нѣсколько удачнѣе обстояло дѣло съ гимназіей, открытой тоже при академіи: въ 1728 г. въ ней было уже болѣе 200 учениковъ, состоящихъ по преимуществу изъ дѣтей разночинцевъ.

Таковы главные факты въ дѣлѣ насажденія школьнаго образованія при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ.

---

[1]) См., напримѣръ, „Записки Державина“, стр. 9 и 10.

Петровская школа, несмотря на свой профессіональный характеръ, имѣла большое общекультурное значеніе: она была школой свѣтской; она отреклась отъ прежняго страха ересей и новшествъ и явилась, какъ это подчеркиваетъ Милюковъ, главной воспитательницей и созидательницей перваго поколѣнія русской интеллигенціи. Эта интеллигенція, надѣвъ европейское платье, отличалась отъ народа уже не только по внѣшности; въ эту именно пору между интеллигенціей и народомъ начался тотъ нравственный расколъ, который продолжается и до нашего времени. Эта только что народившаяся интеллигенція уже въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія даетъ яркаго выразителя новыхъ общественныхъ идей и взглядовъ въ лицѣ Татищева, историка, писателя и дѣятельнаго администратора. А въ сороковыхъ годахъ начинается славная дѣятельность великаго русскаго ученаго и преобразователя русскаго языка М. В. Ломоносова.

Довольно быстро юная интеллигенція начала оперяться. Къ серединѣ XVIII столѣтія получаетъ значительное распространеніе чтеніе книгъ, въ особенности романовъ, главнымъ образомъ переводныхъ; нѣсколько позже появляются и оригинальные. При Елизаветѣ Петровнѣ устраивается европейскій театръ, а затѣмъ и первый періодическій литературный органъ въ видѣ „Ежемѣсячныхъ сочиненій“, издававшихся при академіи наукъ подъ редакціей Миллера. Съ 1759 года начинаетъ издаваться Сумароковымъ первый частный журналъ.

Въ 1755 году Шуваловъ основываетъ университетъ въ Москвѣ съ двумя гимназіями при немъ (одна—для дворянъ, другая—для разночинцевъ). Правда, de facto и вновь учрежденный университетъ не скоро пріобрѣлъ значеніе настоящаго разсадника образованія въ Россіи—сначала его постигла та же судьба, что и первый петровскій университетъ: студентовъ было мало, и въ самомъ же началѣ существованія ему пришлось переживать годы упадка,—но Шуваловъ не смущался и мечталъ о цѣлой сѣти училищъ для систематическаго распространенія просвѣщенія, по крайней мѣрѣ среди дворянъ.

Съ Екатерины въ дѣлѣ распространенія образованія дѣлается новый рѣшительный шагъ. Просвѣщеніе признается нужнымъ само по себѣ, и цѣлью просвѣщенія является не государственная нужда въ тѣхъ или иныхъ работникахъ, а самъ человѣкъ;

прямо ставится задачей просвѣщенія, въ соотвѣтствіи съ идеями вѣка, облагораживаніе человѣческой природы и указывается, что истинное просвѣщеніе должно не только развивать умъ, но и воспитывать „добронравіе“. Съ другой стороны, совершенно опредѣленно и открыто нужда въ просвѣщеніи признается нуждой всесословной. Одно время Екатерина признавала даже, что и женщину необходимо такъ же воспитывать, какъ и мужчину. Въ концѣ царствованія Екатерины правительствомъ вырабатывается подробный планъ цѣлой сѣти училищъ на западный образецъ. Императоръ Іосифъ по просьбѣ русской императрицы прислалъ просвѣщеннаго и опытнаго педагога, Янковича де Миріево, серба по происхожденію, который положилъ въ основу своего плана тогдашнюю австрійскую систему и создалъ цѣлую сѣть училищъ низшихъ и среднихъ (главнымъ образомъ на бумагѣ, но отчасти и въ дѣйствительности),—сѣть, заканчивавшуюся московскимъ университетомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было предпринято печатаніе учебниковъ, главнымъ образомъ переводовъ тогдашнихъ австрійскихъ учебниковъ, которые считались послѣднимъ словомъ педагогіи того времени. Новые учебники появились въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, значительно облегчивъ преподаваніе въ новыхъ училищахъ неопытнымъ и плохо подготовленнымъ педагогамъ.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, въ особенности послѣ семилѣтней войны, уже и общество само, въ лицѣ второго поколѣнія интеллигенціи, образовавшейся послѣ Петра, обнаруживаетъ самостоятельное стремленіе къ просвѣщенію и къ выработкѣ собственной идеологіи. Развитію подобныхъ стремленій способствовало усилившееся общеніе съ западомъ, постоянное дѣйствіе западныхъ идей, которыя въ это время на западѣ развивались особенно быстро и притекали въ Россію по двумъ русламъ: съ одной стороны, это были идеи французскихъ энциклопедистовъ, матеріалистовъ и такихъ всесвѣтныхъ просвѣтителей, какъ Вольтеръ, Монтескье, Руссо и Мабли, а съ другой стороны, это были идеи нѣмецкихъ идеалистовъ-масоновъ (розенкрейцеровъ). Ихъ представителями у насъ явились Новиковъ и Шварцъ, которые образовали извѣстное „Дружеское общество“, имѣвшее огромныя заслуги въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія и пробужденія самосознанія въ русскомъ обществѣ.

Екатерина не ожидала такого быстраго и самостоятельнаго развитія представителей русскаго общества; въ началѣ своего царствованія она еще считала, что, помимо распространенія школьнаго образованія, необходимо воспитывать въ обществѣ гражданскія чувства при помощи литературы и публицистики. Въ этихъ цѣляхъ въ 1769 г. она предприняла изданіе журнала „Всякая всячина". Но эта попытка руководить общественнымъ развитіемъ и настроеніемъ при помощи литературнаго органа убѣдила ее лишь въ томъ, что общество развито значительно болѣе, чѣмъ она полагала: „Всякой всячинѣ" пришлось тотчасъ же защищаться отъ нападокъ другихъ тогда же возникшихъ журналовъ, которые шли значительно дальше и держали себя гораздо болѣе независимо, чѣмъ хотѣла императрица.

При Екатеринѣ было разрѣшено основывать частныя типографіи, и благодаря трудамъ Новикова и Шварца быстро пошло впередъ издательство книгъ. Всего въ XVIII-мъ в. (за все столѣтіе) было издано, по исчисленію В. В. Сиповскаго, книгъ 9513; изъ нихъ 6%—въ царствованіе Петра (т.-е. за 24 года); другіе 6—7% въ сорокалѣтіе, протекшее между Петромъ и Екатериной, а изъ остальныхъ 87% приходятся на 34-хлѣтнее царствованіе Екатерины 84½% и на четырехлѣтнее царствованіе Павла 2½%. Своего апогея книгоиздательство достигло въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка до разгрома „Дружескаго общества" и всѣхъ предпріятій Новикова въ девяностыхъ годахъ, когда Екатерину охватило, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ страховъ, вызванныхъ французской революціей, реакціонное настроеніе [1]).

---

[1]) *П. Н. Милюковъ.* („Очерки", ч. III, стр. 336), заимствовавшій приведенныя цифры у В. В. Сиповскаго, приводитъ ихъ распредѣленными по слѣдующимъ десятилѣтіямъ (и, „гдѣ нужно", по пятилѣтіямъ):

1698—1710 —	149 книгъ;		въ годъ по	12 книгъ.
1711—1720 —	248		„ „	25 „
1721—1725 —	182	215	„ „	36 „
1726—1730 —	33		„ „	7 „
1731—1740 —	140		„ „	14 „
1741—1750 —	149		„ „	15 „
1751—1760 —	233		„ „	23 „
1761—1770 —	1050		„ „	105 „
1771—1775 —	633	1466	„ „	126 „
1776—1780 —	833		„ „	166 „
1781—1785 —	986	2685	„ „	197 „
1786—1790 —	**1699**		„ „	**366** „
1791—1795 —	1494	2660	„ „	299 „
1796—1800 —	1166		„ „	233 „

Такое развитое и сознательное стремленіе, возникшее среди общества, не только къ просвѣщенію вообще, но и къ выработкѣ самостоятельнаго міровоззрѣнія, выразилось въ томъ, что среди общественныхъ круговъ началась дифференціація. Она обусловливалась, съ одной стороны, различеніемъ тѣхъ руслъ, по которымъ притекали западныя идеи—французскаго, матеріалистическаго, и нѣмецкаго, идеалистическаго; а съ другой стороны — что еще болѣе важно, — начавшимся сознательнымъ отношеніемъ къ своимъ сословнымъ и общественнымъ интересамъ. Немаловажную роль сыграли, конечно, путешествія молодыхъ дворянъ за границу и въ особенности массовое и долговременное пребываніе въ чужихъ краяхъ во время семилѣтней войны [1]).

Итакъ, мы видимъ, что развитіе интеллигенціи къ концу XVIII в. достигло довольно значительныхъ размѣровъ, если принять во вниманіе то состояніе русскаго общества, въ какомъ оно находилось въ началѣ XVIII вѣка. Что же касается идеологіи народныхъ массъ, то ее приходится разсматривать отдѣльно, въ виду наличности того раскола, о которомъ мы говорили.

Въ первые 6 вѣковъ послѣ принятія христіанства христіанское просвѣщеніе прививалось довольно туго въ Россіи; народъ относился совершенно равнодушно къ сущности христіанства, а духовенство являлось представителемъ христіанской образованности лишь до тѣхъ поръ, пока оно приходило, главнымъ образомъ, изъ Византіи. Послѣ перенесенія центра русской жизни изъ Кіева на сѣверо-востокъ и послѣдовавшаго затѣмъ завоеванія Руси монголами, когда связи съ Византіею ослабѣли и когда притокъ духовенства изъ Византіи почти прекратился, самородное русское приходское духовенство почти сравнялось мало-по-малу по своему культурному уровню съ уровнемъ народныхъ массъ. Оно не подняло народныхъ массъ до себя, а, напротивъ, во время татарскаго ига и княжескихъ усобицъ само дошло до уровня народныхъ массъ.

За эти первые 6 вѣковъ, протекшихъ послѣ принятія христіанства, Россія превратилась мало-по-малу, по удачному выраже-

---

Въ число 9513 книгъ не включены церковно-служебныя книги, газеты, журналы.

[1]) Сравни „Записки Андрея Тимофеевича Болотова" (1738—1795), томы I и II passim; особенно т. II, стр. 453 (изд. 3-ье).

нію П. Н. Милюкова, въ „Святую Русь—въ ту страну многочисленныхъ церквей и неумолкаемаго колокольнаго звона, страну длинныхъ церковныхъ стояній, строгихъ постовъ и усердныхъ земныхъ поклоновъ, какою рисуютъ ее намъ иностранцы XVI и XVII вѣковъ“. Въ XVI в. и особенно въ XVII началось на Руси впервые идейное броженіе, обусловленное, съ одной стороны, проникновеніемъ къ намъ нѣкоторыхъ западныхъ ересей, а съ другой—исправленіемъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ по греческимъ образцамъ. Это исправленіе книгъ и обрядовъ и привело къ расколу, который, комбинируясь съ тогдашней кровавой смутой, происходившей на соціально-политической почвѣ, такъ перевернулъ міросозерцаніе народныхъ массъ и вызвалъ такое сильное броженіе въ ихъ средѣ, что оно не только не могло быть прекращено жестокими преслѣдованіями, которымъ раскольники подвергались, а, наоборотъ, еще болѣе отъ нихъ развивалось.

Ко времени Екатерины расколъ уже пережилъ періодъ кровавыхъ и жестокихъ преслѣдованій; съ Екатерины начинается время, можно сказать, нѣкоторой религіозной терпимости. Но эта терпимость повела къ тому, что расколъ, уже окончательно и прочно сформировавшійся, сталъ развиваться внутри и подвергаться въ свою очередь процессу дифференціаціи. Уже въ началѣ XVIII в. раскольники дѣлились на поповцевъ и безпоповцевъ; теперь появились внутри тѣхъ и другихъ еще многіе толки и секты. Съ этого же времени, на ряду съ расколомъ, развивается и сектантское движеніе въ народѣ. Это послѣднее развилось, впрочемъ, главнымъ образомъ въ XIX-мъ вѣкѣ, и намъ еще придется остановиться на немъ подробнѣе. Опредѣлить точно число раскольниковъ въ XVIII вѣкѣ совершенно невозможно. Главная масса раскольниковъ офиціально объявляла себя православными; другіе избѣгали всякой прописки, такъ что расколъ развивался и росъ численно тайно отъ правительственныхъ взоровъ. Въ срединѣ XIX вѣка въ статистическомъ изслѣдованіи Россіи, произведенномъ офицерами генеральнаго штаба (съ проф. ген. Обручевымъ во главѣ), офиціальное число раскольниковъ было указано въ 806 тысячъ при 56-ти милліонахъ православнаго населенія. Но въ самомъ „Сборникѣ“ Н. Н. Обручева поясняется, что это число не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и что дѣйствительное число раскольниковъ не

менѣе 8 милліоновъ, т.-е. 15% населенія. Въ концѣ XVIII вѣка этотъ процентъ не былъ, вѣроятно, ниже. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что въ эту эпоху почти все, что было живого въ народѣ, способнаго къ творчеству, отходило къ расколу, и если мы захотимъ слѣдить за движеніемъ *народныхъ* идей, то намъ нужно будетъ искать его главнымъ образомъ именно въ средѣ раскольниковъ, а позднѣе и въ средѣ тѣхъ сектъ, которыя образовались въ XVIII и XIX вв., такъ какъ въ „духовной оградѣ“ господствующей церкви оставались по преимуществу болѣе пассивные и равнодушные элементы народной массы.

Таково было положеніе населенія въ Россіи въ концѣ XVIII в. и та степень просвѣщенія, которой къ этому времени она достигла; теперь намъ остается охарактеризовать положеніе государственной власти наканунѣ XIX вѣка. Выше мы уже говорили, что въ московскомъ государствѣ эта власть, подъ вліяніемъ той борьбы, которую ей приходилось вести за территорію, сложилась въ форму деспотическую; правда, и при московскихъ царяхъ, особенно изъ дома Романовыхъ, вступившихъ во власть не по наслѣдству, а по выбору, послѣ спасенія страны отъ внѣшнихъ враговъ при помощи чрезвычайнаго подъема народныхъ силъ, этотъ характеръ верховной власти не разъ колебался. Не разъ, особенно когда туго приходилось въ финансовомъ отношеніи, верховная власть вынуждена бывала обращаться къ населенію, созывая земскіе соборы. Съ другой стороны, московскіе бояре и образовавшаяся въ Москвѣ боярская дума неоднократно пытались усилить и упрочить свое вліяніе на законодательство и верховное управленіе. Но въ концѣ-концовъ всѣ эти попытки ни къ чему не привели, и при Петрѣ верховная деспотическая самодержавная власть достигла своего апогея и получила даже офиціальное теоретическое обоснованіе въ „Правдѣ воли монаршей“ Ѳеофана Прокоповича, написанной по приказанію Петра, когда ему приходилось рѣшать вопросъ о престолонаслѣдіи и устраненіи сына Алексѣя. Этотъ документъ, основанный главнымъ образомъ на теоріи англійскаго идеолога монархической власти Гоббса, пытавшагося вывести самодержавную власть государя (въ защиту притязаній Стюартовъ въ Англіи) изъ теоріи общественнаго договора, попалъ потомъ даже въ полное собраніе законовъ, какъ правительственный актъ. Хотя Петръ постоянно старался проводить въ

подчиненномъ ему управленіи идею законности и предпочиталъ коллегіальное начало личному, какъ гарантію противъ произвола чиновниковъ, тѣмъ не менѣе самъ онъ на свою собственную власть смотрѣлъ, какъ на власть совершенно неограниченную.

При болѣе слабыхъ преемникахъ Петра были опять колебанія въ положеніи верховной власти, и одинъ разъ, при воцареніи Анны Іоанновны, честолюбивымъ верховникамъ чуть-чуть было не удалось достичь ограниченія самодержавной власти, котораго они добивались сперва въ пользу олигархическаго верховнаго тайнаго совѣта, а затѣмъ въ пользу сената. Но эта попытка въ виду противодѣйствія многочисленныхъ представителей провинціальнаго дворянства, какъ разъ въ это время съѣхавшихся въ Москву, ни къ чему не привела. Тѣ „пункты“, которыми Анна Іоанновна сперва ограничила свою власть, были ею разорваны по просьбѣ большинства этого самаго провинціальнаго дворянства.

Екатерина принципіально признаетъ самодержавную власть неограниченной и крѣпко держится за свое самодержавіе, но въ то же время она сознаетъ необходимость смягченія деспотизма верховной власти. Это смягченіе она пытается и теоретически обосновать: она старается найти ясное отличіе правомѣрной монархіи отъ деспотической формы правленія. Практически это смягченіе отражается на самыхъ формахъ проявленія власти. Та жестокость, которая была присуща проявленіямъ верховной власти особенно при Петрѣ, при Екатеринѣ начинаетъ уже смягчаться, и въ законодательствѣ Екатерина стремится искоренить наиболѣе жестокія формы наказаній по суду. Самодержавіе Екатерина рѣшительно отстаиваетъ, мотивируя его необходимость обширностью россійской монархіи и разнородностью ея частей. Любопытно однако отмѣтить, что внука своего Александра она воспитываетъ, при помощи республиканца Лагарпа, въ принципахъ либерализма и сознательнаго признанія правъ человѣка и гражданина.

Что касается органовъ управленія, то старые органы московскаго управленія—приказы и органы мѣстнаго самоуправленія, образовавшагося на почвѣ недостаточности силъ центральнаго управленія, — начинаютъ падать и разлагаться въ самомъ началѣ XVIII вѣка. При Петрѣ ихъ разложеніе идетъ даже впереди созданія новыхъ формъ управленія. Въ первую половину

царствованія Петра, когда императоръ былъ занятъ войной, это разложеніе, обусловленное новыми потребностями жизни, шло быстрыми шагами, а взамѣнъ ничего не было еще создано новаго; только въ 1711 г., отправляясь въ Турцію, Петръ спѣшно образовалъ сенатъ, при чемъ сперва назначеніе сената сводилось къ замѣщенію государя по внутреннимъ дѣламъ во время его отсутствія. Но такъ какъ это отсутствіе продолжалось годами, то компетенція сената фактически развилась очень значительно.

Когда военныя заботы нѣсколько уменьшились, явился вопросъ о сохраненіи и содержаніи арміи. И вотъ результатомъ этой необходимости явилось расквартированіе арміи по странѣ, для чего Россія была раздѣлена на 8 губерній. При этомъ вся губернская администрація была приспособлена къ удовлетворенію одной нужды—нужды въ содержаніи арміи.

Послѣ раздѣленія на губерніи, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, между сенатомъ и губернской администраціей, приспособленной къ нуждамъ арміи и собиранію налоговъ, которые были предназначены для войска же, не было никакихъ промежуточныхъ учрежденій, такъ что собственно вся администрація и заключалась въ центрѣ въ сенатѣ, а на мѣстахъ—въ воинскихъ губернскихъ учрежденіяхъ, созданныхъ потребностями военнаго дѣла. Лишь въ 1715 г., когда Петръ нѣсколько освободился отъ заботъ войны, онъ принялся за внутреннія реформы.

Взамѣнъ московскихъ *приказовъ*, которые были уже фактически разрушены, онъ рѣшилъ создать учрежденія по шведскому образцу — *коллегіи*. Эти коллегіи соотвѣтствовали теперешнимъ министерствамъ; между ними распредѣлялись отдѣльныя вѣтви государственнаго хозяйства и управленія. Разнились петровскія учрежденія отъ современныхъ министерствъ своимъ коллегіальнымъ устройствомъ: въ нихъ власть принадлежала не единоличному органу—министру, а коллегіи, въ составъ которой входили отъ 3-хъ до 12 лицъ. Такихъ коллегій было образовано сперва 9, потомъ 12. Сначала онѣ были поставлены въ подчиненное положеніе по отношенію къ сенату; сенатъ долженъ былъ надзирать за правильностью рѣшеній, принимаемыхъ коллегіями.

При преемникахъ Петра это устройство значительно поколебалось. Положеніе сената, какъ высшаго административнаго

органа, совершенно измѣнилось: хотя сенатъ не былъ упраздненъ, но надъ сенатомъ былъ поставленъ сперва верховный тайный совѣтъ, потомъ кабинетъ (при Аннѣ),—все такія учрежденія, которыя составлялись изъ фаворитовъ и временщиковъ, пользовавшихся личнымъ вліяніемъ, чтобы встать надъ сенатомъ. Затѣмъ, помимо этихъ случайныхъ учрежденій, и нѣкоторыя коллегіи—военная, морская (адмиралтействъ-коллегія) и иностранныхъ дѣлъ—были освобождены отъ подчиненія сенату и поставлены рядомъ съ нимъ.

При Елизаветѣ сенатъ былъ отчасти реабилитированъ, но указанныя три коллегіи попрежнему оставались внѣ его вѣдѣнія; зато всѣ остальныя дѣла, касавшіяся главнымъ образомъ государственнаго хозяйства, были возложены на сенатъ; въ виду же личныхъ свойствъ Елизаветы, которая не любила углубляться въ скучныя хозяйственныя дѣла, сенатъ получилъ при ней фактически власть по управленію хозяйствомъ имперіи даже большую, чѣмъ при Петрѣ. Власть эта фактически сосредоточилась главнымъ образомъ въ рукахъ генералъ-прокурора сената, который являлся докладчикомъ по всѣмъ этимъ дѣламъ у императрицы.

Когда Екатерина, въ значительной мѣрѣ уже пріобщившаяся къ выводамъ современной философіи „эпохи просвѣщенія“, вступила на престолъ, то, какъ уже было отмѣчено, она думала облагодѣтельствовать Россію изданіемъ идеальнаго, раціональнаго законодательства. Съ этой цѣлью она созвала свою комиссію уложенія. Но затѣмъ она скоро разочаровалась во время работъ этой комиссіи въ возможности сразу, единовременно пересоздать законодательство и обратилась къ реформѣ всей администраціи постепенно и снизу, руководствуясь при этомъ тѣми жалобами на отсутствіе всякаго порядка въ провинціи, которыя особенно громко раздавались въ комиссіи уложенія. Въ результатѣ она выработала обстоятельный планъ губернской реформы. И то, чего при Петрѣ не было сдѣлано потому, что его губернская администрація была предназначена для удовлетворенія только военныхъ нуждъ, при Екатеринѣ было въ значительной мѣрѣ достигнуто. Екатерина провела губернскую реформу на очень продуманныхъ основаніяхъ. При этомъ она перенесла на мѣста значительную часть той хозяйственной власти, которая раньше была у центральныхъ кол-

легій. На мѣстахъ были учреждены казенныя палаты, которыя являлись отдѣленіями прежней, упраздненной теперь камеръ-коллегіи (соотвѣтствовавшей министерству финансовъ). Затѣмъ всѣ коллегіи, кромѣ первыхъ трехъ, были уничтожены. Такимъ образомъ все хозяйственное и финансовое управленіе на мѣстахъ перешло къ казеннымъ палатамъ; вся полиція безопасности была сосредоточена въ губернскихъ правленіяхъ; всѣ заботы о народномъ здравіи и вообще полиція благосостоянія были сосредоточены въ губернскихъ приказахъ общественнаго призрѣнія, но этимъ послѣднимъ, впрочемъ, не было дано никакихъ средствъ, и потому ихъ обязанности въ сущности оставались на бумагѣ. Вся власть въ этихъ новыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ рукахъ провинціальнаго дворянства, которое, съ одной стороны, получило большія права по выбору должностныхъ лицъ и по опредѣленію на государственную службу, а съ другой стороны, представляло вообще главный контингентъ лицъ, изъ которыхъ можно было набирать провинціальныхъ чиновниковъ.

Проведя эти реформы въ провинціи, Екатерина не успѣла однако же соотвѣтственно реформировать центральныя учрежденія. Коллегіи она уничтожила, а вмѣсто нихъ ничего постояннаго не ввела. Сенатъ явился опять единственнымъ мѣстомъ, надзирающимъ и какъ будто бы обязаннымъ руководить управленіемъ. Но такъ какъ сенатъ на самомъ дѣлѣ руководительства не получилъ, то, въ сущности говоря, настоящая власть осталась въ рукахъ у генералъ-прокурора сената, что произошло благодаря тому, что этотъ сановникъ являлся докладчикомъ и при Екатеринѣ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ, восходившимъ къ сенату. Онъ явился своего рода премьеръ-министромъ и министромъ юстиціи (генералъ-прокуроромъ и теперь у насъ состоитъ министръ юстиціи), а вмѣстѣ и министромъ финансовъ. Сенатъ былъ раздѣленъ на департаменты; между ними была распредѣлена высшая судебная и административная власть, которая, собственно говоря, сводилась къ надзору; но и этого надзора фактически сенатъ не могъ осуществить за недостаткомъ средствъ. Положеніе сената, при кажущейся высотѣ власти, оказалось довольно плачевнымъ. На ряду съ генералъ-прокуроромъ различныя порученія давались отдѣльнымъ лицамъ, фаворитамъ Екатерины или лицамъ, сумѣвшимъ

заслужить ея особое довѣріе. Такое положеніе вещей привело, особенно къ концу ея царствованія, къ большимъ злоупотребленіямъ. Это отсутствіе опредѣленной власти въ центрѣ, въ связи съ своекорыстіемъ и наглостью фаворитовъ, привело попросту къ грабежу и казнокрадству въ огромныхъ размѣрахъ, которые заставляли серьезно задумываться о будущности государства лицъ наиболѣе честныхъ и вдумчивыхъ. Кромѣ того, разочаровавшись въ возможности дать странѣ раціональное законодательство, которое обезпечило бы благосостояніе населенія при помощи уложенія, выработаннаго въ созванной ею знаменитой комиссіи, Екатерина оставила эту задачу невыполненной, и страна оставалась при ней вовсе безъ уложенія, безъ свода дѣйствующихъ законовъ, благодаря чему, даже при теоретическомъ признаніи необходимости введенія законности въ управленіе, на практикѣ царилъ произволъ. Въ многочисленныхъ судебныхъ инстанціяхъ и въ административныхъ мѣстахъ судья и администраторъ могъ, при отсутствіи свода дѣйствующихъ законовъ, всегда выбрать по своему произволу изъ массы хранившихся въ канцелярскихъ архивахъ законовъ, указовъ и сепаратныхъ распоряженій любое, чтобы опереться на него чисто-формально при рѣшеніи каждаго даннаго дѣла. Понятно, какой просторъ злоупотребленіямъ во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ создавался этимъ порядкомъ. Но вопросъ о кодификаціи законовъ перешелъ въ этомъ положеніи и въ XIX вѣкъ [1]).

Что касается финансовъ въ XVIII вѣкѣ, то вообще надо сказать, что средства, которыми располагало правительство, были чрезвычайно скудны. Выше указано, какъ изворачивался Петръ. Въ его царствованіе скудость средствъ, которыя народъ могъ давать при всемъ нажимѣ на него, и несоотвѣтствіе этихъ средствъ постоянно расширяющимся потребностямъ государства, реформированнаго Петромъ, привели къ полному истощенію страны, къ разоренію и убыли населенія.

---

[1]) Попытка составленія и изданія „Описанія внутренняго правленія Россійской имперіи“, предпринятая послѣ закрытія общей и частныхъ комиссій Уложенія, имѣла, повидимому, болѣе педагогическое значеніе, нежели практическое. Это было скорѣе собраніе матеріаловъ для учебника по „законоискусству“, нежели настоящій сводъ дѣйствующихъ законовъ. Срав. *А. С. Лаппо-Данилевскаго* „Собраніе и сводъ законовъ россійской имперіи, составленное въ царствованіе Екатерины II“. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1897 г. №№ 1, 3, 5 и 12 и отдѣльно.

Между тѣмъ бюджетъ росъ неимовѣрно быстро. До начала правленія Петра, въ 1680 году, доходы государства не превышали $1^1/_2$ милліона рублей (надо помнить, что тогдашній рубль былъ разъ въ 15—17 больше нынѣшняго—дореволюціоннаго); въ 1724 г. эти расходы уже составляли $8^1/_2$ мил. руб. (при рублѣ, равномъ нашимъ 9—10 рублямъ—дореволюціоннымъ); слѣдовательно, въ теченіе 44 лѣтъ номинально бюджетъ увеличился въ 6 разъ. Если же принять въ расчетъ паденіе цѣнности рубля за это время и перевести тотъ и другой бюджетъ на наши деньги, то все-таки окажется возрастаніе бюджета почти въ $3^1/_2$ раза [1].

При ближайшихъ преемникахъ Петра, несмотря на расточительность двора, на его желаніе тратить какъ можно больше, бюджетъ не росъ такъ сильно, такъ какъ не было такихъ изнурительныхъ войнъ. Въ теченіе 40-лѣтія (между царствованіемъ Петра и царствованіемъ Екатерины) бюджетъ увеличился менѣе нежели вдвое.

Когда Екатерина вступила на престолъ, она застала финансы чрезвычайно запутанными. Въ это время происходила семилѣтняя война, въ которой мы принимали участіе неизвѣстно для какой надобности, и оказалось, что солдаты не были за цѣлый годъ удовлетворены жалованіемъ. А когда императрица явилась въ сенатъ, то сенатъ доложилъ ей, что нужно произвести на

---

[1]) При расчетѣ и сравненіи финансовыхъ бюджетовъ XVII и XVIII вѣковъ необходимо имѣть въ виду измѣненіе въ покупательной силѣ нашего серебрянаго рубля, а затѣмъ и тѣхъ суррогатовъ (мѣдныхъ денегъ при Петрѣ, ассигнацій съ Екатерины II), которые правительство наше стало вводить въ XVIII вѣкѣ. Съ начала XVI вѣка до нашего времени цѣна рубля почти безпрерывно падаетъ подъ вліяніемъ двоякой причины: паденія цѣны серебра, которое упало въ 15—18 разъ, и уменьшенія вѣса монеты (въ 7 разъ). Серебр. рубль XV вѣка равнялся нашимъ 100—130 рублямъ, къ концу XVI вѣка онъ упалъ до 24—25 нынѣшнихъ рублей; въ началѣ XVII вѣка—до 12; затѣмъ, къ концу XVII в. онъ повысился до 17, а при Петрѣ упалъ до 9 нынѣшнихъ рублей и, наконецъ, къ концу царствованія Екатерины — до 5-ти. Независимо отъ этого, въ свою очередь, колебался курсъ мѣдныхъ денегъ и ассигнацій въ зависимости отъ размѣровъ ихъ выпусковъ и общихъ торговыхъ конъюнктуръ.

Ср. „Русскій серебряный рубль въ XVI—XVIII в.в.“ *В. О. Ключевскаго*, и данныя объ измѣненіи цѣнности рубля, приведенныя у *Милюкова* „Очерки по ист. русск. культуры“, ч. I, стр. 120 (6-го изд.), съ поправками, заимствованными въ ст. *А. Черепнина* (въ „Труд. ряз. архив. к—сіи“) и въ книгѣ *Н. А. Рожкова* „Сельское хоз. Моск. Руси въ XVI в.“ (М. 1899).

15 мил. руб. неотложныхъ расходовъ, между тѣмъ какъ казна пуста. Екатерина весьма ловко этимъ воспользовалась и въ высшей степени умѣстно проявила большое великодушіе, тотчасъ же отпустивъ изъ средствъ императорскаго кабинета, предназначавшихся на личныя нужды царствующаго императора, значительную сумму денегъ на ближайшія государственныя нужды, чѣмъ сразу пріобрѣла популярность.

Затѣмъ она провела очень удачную реформу — уменьшеніе налога на соль. Этотъ налогъ имѣлъ свою исторію. Соль — продуктъ, безъ котораго никто не можетъ обходиться (одинъ русскій доморощенный финансистъ XVII вѣка даже предлагалъ уничтожить всѣ налоги, замѣнивъ ихъ однимъ налогомъ на соль), и налогъ на нее былъ чрезвычайно тяжелъ для населенія. Екатерина рѣшила, чтобы привлечь къ себѣ народное сочувствіе, которое было для нея такъ необходимо въ виду шаткости ея положенія въ началѣ царствованія, значительно уменьшить этотъ соляной налогъ, ассигновавъ изъ кабинетскихъ средствъ 300 тысячъ рублей на покрытіе возможнаго дефицита. Но уменьшеніе налога привело къ увеличенію потребленія соли (особенно при рыбныхъ промыслахъ), въ результатѣ чего доходъ отъ казенной соляной монополіи даже увеличился.

Однако, несмотря на удачные первые шаги, въ концѣ-концовъ все-таки Екатерина никакой правильной финансовой системы не ввела; при ней состояніе финансовъ оставалось почти такимъ же плачевнымъ, какъ и прежде. Впрочемъ, такого напряженія народныхъ средствъ, какъ при Петрѣ, при Екатеринѣ все-таки не было [1]). Въ экстренныхъ случаяхъ, когда встрѣ-

---

[1]) *Н. Д. Чечулинъ* въ книгѣ своей „Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II“ высказываетъ иной взглядъ. Онъ утверждаетъ (стр. 378 и 379), что податное обремененіе населенія при Екатеринѣ было не меньше, чѣмъ при Петрѣ. Этотъ выводъ у него получается оттого, что онъ сравниваетъ номинальныя цифры Петровскихъ бюджетовъ съ Екатерининскими, чего, безъ сомнѣнія, нельзя дѣлать, такъ какъ цѣнность рубля измѣнилась за это время болѣе чѣмъ въ 3 раза (Ср. *Ключевскаго* „Русскій серебряный рубль XVI — XVIII вв.“). Да и вообще въ царствованіе Екатерины мы отнюдь не можемъ указать такихъ разительныхъ симптомовъ разоренія населенія, какъ убыль пятой части дворовъ при Петрѣ. При Екатеринѣ, несмотря на неправильность ея финансовой системы, страна, несомнѣнно, быстро развивалась промышленно и богатѣла благодаря выгодному экономическому значенію ея территоріальныхъ пріобрѣтеній.

чалась необходимость въ крупныхъ чрезвычайныхъ расходахъ (начиная съ первой турецкой войны), Екатерина пользовалась основаннымъ еще до ея вступленія на престолъ ассигнаціоннымъ банкомъ. Государственнаго кредита до тѣхъ поръ не существовало. Во время семилѣтней войны Елизавета думала было прибѣгнуть къ внѣшнему займу всего въ 2 мил. руб., но эта попытка потерпѣла полное фіаско. Екатерина, при помощи ассигнаціоннаго банка, получила возможность дѣлать крупные внутренніе займы. Сначала эта операція сошла довольно удачно. Въ 1769 г. было уже выпущено ассигнацій на 17 мил. 841 т. р., и курсъ ассигнацій стоялъ al pari, т.-е. бумажный рубль былъ равенъ серебряному. Послѣдующіе, сравнительно небольшіе выпуски также сходили благополучно. Даже, когда вслѣдъ за объявленіемъ второй турецкой войны сразу было приступлено къ огромному выпуску ассигнацій на 53 мил. р. — почти равному тогдашнему годовому бюджету, — то и этотъ выпускъ тоже не повліялъ еще сколько-нибудь замѣтно на паденіе курса ассигнацій; общее количество выпущенныхъ ассигнацій достигло въ это время 100 мил. руб., и курсъ ихъ упалъ лишь до 97 коп. серебромъ за рубль ассигнацій,— но слѣдовавшіе затѣмъ выпуски ассигнацій влекли уже постоянное дальнѣйшее паденіе курса. За все царствованіе Екатерины ассигнацій было выпущено на 157 мил. руб., и курсъ ихъ къ концу этого царствованія упалъ ниже 70 к. Такое положеніе вещей грозило въ будущемъ государственнымъ банкротствомъ. Между тѣмъ расходы все росли съ огромной быстротой. За царствованіе Екатерины государственные расходы возросли (номинально) почти въ пять разъ; въ началѣ ея царствованія они равнялись 16,5 мил. руб., а въ концѣ — уже 78 мил. руб.

Таково было положеніе финансовъ при Екатеринѣ. Это положеніе ухудшалось благодаря страшному воровству высшихъ сановниковъ, которое у молодого великаго князя Александра Павловича вызвало вопль въ письмѣ его къ Лагарпу: „Непостижимо, что происходитъ; всѣ грабятъ, почти не встрѣтишь честнаго человѣка“.

Резюмируя все сказанное о положеніи Россіи въ концѣ царствованія Екатерины, мы можемъ свести сдѣланную характеристику къ слѣдующимъ основнымъ пунктамъ:

1. Россія наканунѣ XIX вѣка представляла собою могущественное государство, объединенное единой и сильной государственной властью на опредѣленномъ огромномъ пространствѣ, съ прочными и безопасными границами, заключавшее въ себѣ 36-тимилліонное населеніе, хотя и разнообразное по своему племенному составу, но съ значительнымъ преобладаніемъ господствующей русской народности.

2. Въ сословно-классовомъ отношеніи въ этомъ политическомъ организмѣ уже къ началу XVIII вѣка закончилась та дифференціація на отдѣльныя закрѣпощенныя сословія, которая являлась результатомъ предшествующаго многовѣковаго процесса. Подъ вліяніемъ новыхъ условій существованія государства и главнымъ образомъ вслѣдствіе прекращенія прежней борьбы за территорію высшія сословія начали уже раскрѣпощаться, а относительно низшаго — крестьянскаго, — по крайней мѣрѣ въ идеѣ, ставится на очередь вопросъ о необходимости раскрѣпощенія его въ будущемъ, болѣе или менѣе близкомъ.

3. Въ идейномъ отношеніи населеніе распалось съ начала XVIII вѣка на интеллигенцію и народныя массы. Среди послѣднихъ, выведенныхъ церковнымъ расколомъ изъ неподвижнаго состоянія, началось сильное идейное броженіе. Интеллигенція съ самаго же начала получила если не всесословный, то разносословный или безсословный составъ и явилась въ государствѣ наиболѣе активнымъ, движущимся и сознательнымъ элементомъ, въ которомъ уже въ XVIII в. начинаютъ проявляться идеи необходимости ограниченія правительственнаго самовластія и требованіе большей свободы.

4. Къ этому же времени проявляются нѣкоторые элементы будущаго капитализма, происходитъ централизація купеческихъ капиталовъ и первые опыты приложенія ихъ къ крупной промышленности, при чемъ зарождается борьба между интересами землевладѣльческаго дворянскаго сословія и представителями торгово-промышленнаго капитала.

5. Государственная власть остается самодержавной, но это самодержавіе проявляется уже въ смягченныхъ формахъ. Что касается самого управленія, то Екатеринѣ удается довольно прочно организовать мѣстное губернское управленіе на довольно раціональныхъ по тогдашнимъ условіямъ основахъ, но центральное управленіе она не успѣла реорганизовать, и въ

центрѣ мы видимъ въ концѣ ея царствованія полный хаосъ въ управленіи государственными дѣлами.

Слабое мѣсто въ организаціи русскаго государства составляетъ финансовая система и вообще государственное хозяйство.

Списокъ сочиненій, относящихся къ исторіи Россіи въ царствованіе Екатерины II.

А. Сочиненія по исторіи царствованія и правительственной дѣятельности Екатерины: 1) Послѣдніе 6 томовъ (съ XXIII по XXIX включ.) „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ *С. М. Соловьева,* заключающіе въ себѣ почти лѣтописное подробное изложеніе событій и мѣропріятій первыхъ 10 лѣтъ Екатерининскаго царствованія. 2) *А. Г. Брикнеръ.* „Исторія царствованія Екатерины Великой“, 3 т. — объемистая, но малосодержательная книга, дающая лишь внѣшній очеркъ событій. 3) *В. А. Бильбасовъ,* „Исторія Екатерины II“, т. I. (Спб., 1900; до воцаренія 1729—1762), т. II (изд. за границей въ 1905 г.; вступленіе на престолъ и первые 2 года царствованія), т. XII (въ двухъ книгахъ)—обзоръ иностр. сочиненій объ Екатеринѣ II (Берл., 1896), у него см. библіографію старыхъ иностранныхъ сочиненій, относящихся къ эпохѣ Екатерины, которыхъ мы здѣсь не указываемъ. 4) *Валишевскій.* „Романъ императрицы“ (перев. съ франц.), изд. въ Спб., 1908. 5) „*Записки Императрицы Екатерины II*“, изд. первонач. въ Лондонѣ Герценомъ, а затѣмъ въ Россіи академіей наукъ въ 1905 г. на франц. яз. и въ русск. переводѣ Суворинымъ въ 1906 г. 6) Записки *кн. Е. Р. Дашковой,* переводъ съ франц. по изданію съ подлин. рукописи подъ редакц. и съ предисл. *Н. Д. Чечулина.* Спб., 1907. 7) *Частная переписка Екатерины* въ собраніи ея сочиненій (изд. Смирдина) и въ „Сборникѣ Имп. Русск. Историч. Общества“, тт. I, XVII, XVIII, XXIII, XXXIII и XLIV. 8) Общіе обзоры царствованія Екатерины, по случаю столѣтія со дня ея смерти въ 1896 г.: *В. О. Ключевскаго* въ „Р. Мысли“ за 1896 г.; *В. С. Иконникова* „Значеніе царствованія Ек. II“ (Кіевъ, 1897); *А. С. Лаппо-Данилевскаго* „Очеркъ внутр. политики императрицы Екат. II“ (Спб., 1898). 9) *Бантышъ-Каменскій, Н.* „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 г.)“, 3 части. (М., 1894—97 гг.). 10) *Н. Д. Чечулинъ.* „Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II“, Спб., 1896. Сравн. рецензіи на эту книгу: *В. А. Бильбасова* („Внѣшняя политика Россіи“. Спб., 1897), *Н. И. Карѣева* (въ „Вѣст. Евр.“ за 1897 г. № 1. Тутъ же указана иностранная литература) и *С. Ф. Платонова* (въ журн. М. Н. Пр. за 1898 г.); 11) *Н. И. Костомаровъ.* „Послѣдніе годы рѣчи Посполитой“. Спб., 1905 (тт. XVII и XVIII монографій). 12) *Н. И. Карѣевъ.* „Паденіе Польши въ историч. литературѣ“. Спб., 1888. (*Его же* „Польскія реформы XVIII в., Спб., 1890.) 13) *С. М. Соловьевъ.* „Исторія паденія Польши“. М., 1863. 14) *Tad. Korzon.* „Wewnętrżne dzieje Polski za Stanislawa Augusta“. Krakòw, 1881 — 86 (5 томовъ). 15) *А. Г. Брикнеръ.* „Князь Потемкинъ“. Спб., 1901. 16) *А. Петрушевскій.* „Генералиссимусъ кн. Суворовъ“. Спб., 1884, въ 3 т.; то же въ

переработанномъ видѣ въ одномъ томѣ. Спб., 1900. 17) Дипломатическая переписка и матеріалы по внѣшней политикѣ Екатерины въ тт. V, VII, IX, X, XII, XIII, XVI, XVIII, XIX, XX, XXII, XXVI, XXVII, XXIX, XXXVII, XLII, XLVI, XLVII, XLVIII, LI, LVII, LXV, LXVII, LXXII, LXXXVII, XCVII, CXVIII и CXXV „Сборника Рус. Ист. Об-ва". 18) „Историческія свѣдѣнія о комиссіи уложенія", подъ ред. *Д. В. Полѣнова* въ тт. IV, VIII и XIV Сборн. Р. Ист. Об-ва, подъ ред. *В. И. Сергѣевича* въ тт. XXXII, XXXVI, XLIII, LXVIII, XCIII, CVII, CXV и CXXIII, и подъ ред. *Н. Д. Чечулина* т. CXXXIV. 19) *Наказъ* Екатерины, данный ею комиссіи уложенія, переизданъ съ офиц. изданія *Л. Ф. Пантелѣевымъ* въ 1893 г. Затѣмъ въ 1907 г. подъ ред. *Н. Д. Чечулина* изданъ академіей наукъ по подлиннымъ рукописямъ Екатерины, на основаніи подробнаго ихъ изученія. Объ источникахъ наказа сравн. ст. *Н. Д. Чечулина* въ журн. М. Нар. Просв. за 1902 г. № 4, *Ѳ. В. Тарановскаго* „Политическая доктрина въ наказѣ Екатерины II" (Кіевъ, 1903), срав. также книгу *С. И. Зарунднаго* „Беккарія преступленіе и наказаніе въ сравненіи съ X гл. Наказа". 20) *В. Н. Латкинъ*. „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII в." Спб., 2 т. 21) *В. И. Сергѣевичъ*. „Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи?" „В. Евр." 1878 г. I (перепечатано въ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ", изд. 1881 г.). 22) *А. С. Лаппо-Данилевскій*. „Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствованіе императрицы Екатерины II", въ журн. М. Нар. Пр. за 1897 г. №№ 1, 3, 5 и 12. 23) *Tегпеих*. „Diderot et Catherine II". P. 1899.

О губернской реформѣ Екатерины см. 24) *Лохвицкій* „Губернія". Спб., 1865. 25) *А. Д. Градовскій*. „Русское госуд. право", т. III-й. 26) *Ѳ. М. Дмитріевъ*, ст. о Сперанскомъ въ „Русск. Арх." за 1868 г. О центральномъ управленіи. 27) *А. Д. Градовскій*. „Высшая администрація въ Россіи въ XVIII в. и генералъ-прокуроры", Спб., 1866. 28) *В. А. Гольцевъ*. „Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в." Спб., 1896. 29) *Н. И. Григоровичъ*. „Канцлеръ кн. А. А. Безбородко въ связи съ событіями его времени", въ тт. XXVI и XXIX Сборн. Р. Ист. Об-ва.

30) *Н. Д. Чечулинъ*. „Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II". Спб., 1906. Матеріалы по исторіи финансовъ. опубл. *А. Н. Куломзинымъ* (использов. Чечулинымъ), см. въ Сборн. Р. Ист. О-ва тт. V, VI, XXVIII и XLV. 31) О таможенныхъ тарифахъ Екатерины см. у *К. Лодыженскаго* „Ист. русск. таможеннаго тарифа", Спб., 1886, и у *В. И. Покровскаго* „Сборн. свѣд. по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи", т. I. Спб., 1902.

По исторіи просвѣщенія: 32) *Пекарскій*. „Исторія академіи наукъ". Спб., 1870—73. Срав. рѣчи *Б. Н. Меншуткина, П. И. Вальдена, А. И. Соболевскаго* и *В. В. Сиповскаго* о Ломоносовѣ, произн. въ засѣд. академіи наукъ 8 ноября 1911 г., а также книгу *Б. Н. Меншуткина* „М. В. Ломоносовъ", жизнеописаніе. Спб., 1911. *Его же*. „М. В. Ломоносовъ, какъ физико-химикъ". Спб., 1904, и „Ломоносовскій сборникъ 1711—1911 г.", изд. акад. наукъ. Спб., 1911. 33) *Сухомлиновъ*. „Исторія россійской академіи". Спб., 1874 — 88 (8 томовъ). 34) *Гр. Дм. Андр. Толстой*. „Академич. университетъ въ XVIII ст.". Спб., 1885. 35) *Его же*. „Академич. гимназія въ

XVIII ст.". Спб., 1885. 36) *Его же.* „Городскія училища въ царствованіе Екатерины II". Спб., 1886. 37) *П. М. Майковъ.* „Ив. Ив. Бецкой". Спб., 1904. 38) *С. П. Шевыревъ.* „Исторія Московскаго университета". М., 1855. 39) *М. И. Демковъ.* „Исторія русской педагогіи", ч. II. Спб., 1908. 40) *Довнаръ-Запольскій.* „Реформа общеобразовательной школы при имп. Екатеринѣ II". М., 1905.

Б. *О положеніи населенія при Екатеринѣ II.* 1) *H. Storch.* „Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts", 8 томовъ и атласъ, 1797—99 г. 2) *В. Э. Денъ.* „Населеніе Россіи по 5-й ревизіи", т. I. М., 1902. 3) *Германъ* въ Мемуарахъ Акад. Наукъ, V серія, т. VIII. „Des progrés de la population en Russie par gouvernements d'après la 4, la 5 et la 6 révision". 4) *П. Н. Милюковъ.* „Очерки по ист. русск. культуры", 3 части 5) *Д. И. Багалѣй.* „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. въ XVI — XVIII вв.", Харьковъ, 1890, томы 1 и 2. 6) *Эварницкій.* „Очерки по исторіи запорож. казаковъ и Новороссійскаго края", Спб., 1889. 7) *Клаусъ.* „Наши колоніи", вып. I, Спб., 1869. 8) *В. И. Семевскій.* „Крестьяне при Екатеринѣ", 2 т., Спб., 1901 — 1903. 9) *Его же.* „Крестьян. вопросъ въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка въ Россіи", т. I. Спб., 1885. 10) *Его же.* „Пожалованіе населенныхъ имѣній въ царствованіе Екатерины II", Спб., 1906. 11) Въ сборникѣ „Крестьянскій строй", Спб., 1905, статьи: *А. С. Лаппо-Данилевскаго* и *В. И. Семевскаго.* 12) *В. Е. Якушкинъ.* „Очерки по исторіи русск. позем. политики въ XVIII и XIX вв.", вып. I. М., 1890 г. 13) *Н. Ѳ. Дубровинъ.* „Пугачевъ и его сообщники", 3 т. Спб., 1884. 14) *П. К. Щебальскій.* „Начало и характеръ пугачевщины". М., 1865. 15) *М. И. Туганъ-Барановскій.* „Русская фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ" (введеніе). Изд. 3-е. Спб., 1909. 16) *А. Семеновъ.* „Изученіе историч. свѣдѣній о росс. торговлѣ и промышленности съ половины XVII ст. по 1858 г.", 3 ч. Спб., 1859. (Срав. *В. И. Покровскій.* „Сборн. свѣд. по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли въ Россіи"). 17) *Н. Н. Фирсовъ.* „Правительство и общество въ ихъ отнош. къ внѣшней торговлѣ въ царств. импер. Екатерины II", Казань, 1902 г. 18) *Дитятинъ.* „Городское самоуправленіе въ Россіи", т. I, Яр., 1874. 19) *А. А. Кизеветтеръ.* „Посадская община въ Россіи XVIII ст." М., 1903. 20) *Его же.* „Городовое Положеніе Екатерины II 1785 г." М., 1909. 21) *Проф. П. Знаменскій.* „Приходское духовенство въ Россіи со временъ реформы Петра". Каз., 1873. 22) *Ив. Знаменскій.* „Духовенство при Екатеринѣ и Павлѣ". М., 1880. 23) *П. Знаменскій.* „Чтенія изъ ист. русск. церкви за время ц-нія Ек. II" „Правосл. Собесѣд.", 1875, №№ 2—4 и 9. 24) *В. И. Иконниковъ.* „Арсеній Мацѣевичъ", въ „Р. Стар." за 1879, №№ 4, 5 и 8—10. 25) *Завьяловъ.* „Вопросъ о церковн. имѣніяхъ при Ек. II". Спб., 1890. 26) *Романовичъ-Словатинскій.* „Дворянство въ Россіи съ XVIII в.". Спб., 1870. Новое изданіе подъ ред. *А. А. Жилина.* Кіевъ, 1912. 27) *Бар. Корфъ.* „Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1856". Спб., 1906. Несмотря на новизну этого изслѣдованія, оно въ научномъ отношеніи сильно уступаетъ предыдущему. 28) *Н. Д. Чечулинъ.* „Русское провинціальное об-во во второй половинѣ XVIII ст." Спб., 1889. 29) *С. К. Брюллова.* „Обществен-

ные идеалы въ Екатерининскую эпоху", въ „В. Евр." за 1876 г. 30) *Кн. М. М. Щербатовъ.* Сочиненія, изд. подъ ред. *И. П. Хрущова.* Спб., 1896—98, и отдѣльно „О поврежденіи нравовъ въ Россіи". Спб., 1906. 31) *Кн. Д. И. Шаховской* „Русскій депутатъ XVIII вѣка", въ „Минувш. Годахъ" за 1908 г. № 11. 32) *А. И. Незеленовъ.* „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху". Спб., 1889. (Довольно слабая книга). 33) *Его же.* „Ник. Ив. Новиковъ — издатель журналовъ въ 1769—1785 гг.". 34) *В. Боголюбовъ.* „Новиковъ и его время". М., 1915. 35) *Н. П. Колюпановъ.* „Біографія А. И. Кошелева", т. І-й (обзоръ журналистики въ Екатерининскую эпоху). 36) *М. Н. Лонгиновъ.* „Новиковъ и московскіе мартинисты". М., 1867. Срав. работы *Ешевскаго* (въ собр. его сочиненій), *А. Н. Пыпина* и *М. Н. Лонгинова,* печатавшіяся въ „Русск. Вѣстн." (въ 50-хъ и 60-хъ гг.) и въ „Вѣстн. Евр.", а также ст. *акад. Тихонравова* о Новиковѣ и Шварцѣ въ III т. собр. его сочиненій. 37) *А. Н. Пыпинъ.* „Русское масонство XVIII и первую четверть XIX в.". Подъ ред. *Г. В. Вернадскаго.* Спб., 1916. 38) *Г. В. Вернадскій* „Русское масонство въ царствованіе Екатерины II". Спб. 39) *В. В. Сиповскій.* „Изъ исторіи русск. лит. XVIII в." въ Изв. отд. русск. яз. акад. наукъ за 1901 г., т. VI, кн. I. 40) *С. Е. Усова* „Н. И. Новиковъ" (біогр. библіотека Павленкова). Спб., 1891. 41) Собраніе сочиненій *фонъ-Визина.* 42) Біографія фонъ-Визина, составл. кн. *П. А. Вяземскимъ.* Спб., 1834. 43) Записки *Г. Р. Державина.* М., 1857, а также академич. изданіе. 44) Сочиненія *А. Н. Радищева,* подъ ред. Щеголева. Спб., 1906 г. 45) *В. А. Мякотинъ.* „На зарѣ русской общественности". Ростовъ-на-Дону, 1906. 46) *Сухомлиновъ.* „Изслѣдованія и статьи", т. I („А. Н. Радищевъ"). 47) „Записки *А. Т. Болотова,* 4 тома, прилож. къ „Русск. Стар." 1870 г. Изд. 3-е. Спб., 1875.

По исторіи раскола и сектантства: 48) *В. Андреевъ.* Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи". Спб., 1870. 49) *В. Витевскій.* „Расколъ въ уральскомъ войскѣ и отнош. къ нему духовной и военно-гражд. власти въ концѣ XVIII и въ XIX в.", Кіевъ, 1878. 50) *А. Лебедевъ.* „О духоборцахъ въ слободской Украйнѣ". Харьк. 1890. 51) *В. Андерсонъ.* „Старообрядчество и сектантство". Спб., 1910. 52) *Кельсіевъ.* „Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ", Лонд., 1860—62 (4 выпуска). 53) *С. П. Мельгуновъ.* „Религіозно-общественныя движенія русскаго народа въ XVIII вѣкѣ" въ „Книгѣ для чтенія по ист. новаго времени", т. II. М., 1911. 54) *А. С. Пругавинъ.* „Расколъ—сектантство" (2 выпуска). М., 1887 (содержитъ библіографію старообрячества и его развѣтвленій).

ЛЕКЦІЯ III.

Царствованіе Павла I.—Его мѣсто въ исторіи.—Біографическія данныя.—Общій характеръ правительственной дѣятельности Павла. — Крестьянскій вопросъ при Павлѣ.—Отношеніе Павла къ другимъ сословіямъ.—Отношеніе общества къ Павлу.—Положеніе финансовъ въ царствованіе Павла и его внѣшняя политика.—Итоги царствованія.

На рубежѣ XVIII и XIX столѣтій лежитъ четырехлѣтнее царствованіе Павла.

Этотъ короткій періодъ, находившійся до недавняго времени во многихъ отношеніяхъ подъ цензурнымъ запретомъ, издавна подстрекалъ любопытство публики, какъ все таинственное и запретное. Съ другой стороны, историковъ, психологовъ, біографовъ, драматурговъ и романистовъ, естественно, привлекала къ себѣ оригинальная личность вѣнчаннаго психопата и та исключительная обстановка, въ которой совершалась его драма, окончившаяся такъ трагически.

Съ той точки зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ историческія событія, это царствованіе имѣетъ однако жъ второстепенное значеніе. Хотя оно лежитъ на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ и отдѣляетъ собой „вѣкъ Екатерины“ отъ „вѣка Александра“, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваемо, какъ переходное. Наоборотъ, въ томъ историческомъ процессѣ развитія русскаго народа, который насъ интересуетъ, оно является какимъ-то внезапнымъ вторженіемъ, какимъ-то неожиданнымъ шкваломъ, который налетѣлъ извнѣ, все спуталъ, все переворотилъ временно вверхъ дномъ, но не могъ надолго прервать или глубоко измѣнить естественный ходъ совершающагося процесса. Въ виду такого значенія царствованія Павла, и Александру, какъ только онъ вступилъ на престолъ, не оставалось ничего другого, какъ зачеркнуть почти все сдѣланное его отцомъ и, залѣчивъ поскорѣе неглубокія, но

болѣзненныя пораненія, нанесенныя имъ государственному организму, повести дѣло съ того мѣста, на которомъ остановилась ослабѣвшая и заколебавшаяся подъ старость рука Екатерины.

Такой взглядъ на это царствованіе отнюдь не мѣшаетъ намъ, разумѣется, отдавать себѣ полный отчетъ въ томъ глубокомъ вліяніи, какое имѣли его ужасы лично на императора Александра и на окончательное сформированіе его характера. Но объ этомъ рѣчь впереди. Мы не отрицаемъ также значенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ правительственныхъ актовъ Павла и не отрицаемъ прискорбнаго вліянія на Александра, а потомъ и на Николая, той придворно-военной плацъ-парадной системы, которая съ тѣхъ поръ установилась при русскомъ дворѣ. Но и эти обстоятельства не сообщаютъ, конечно, правленію Павла значенія переходной, соединительной между двумя смежными царствованіями эпохи...

Во всякомъ случаѣ само царствованіе Павла интересно для насъ не своими трагикомическими явленіями, а тѣми измѣненіями, которыя въ это время произошли все же въ положеніи населенія, и тѣмъ движеніемъ въ умахъ, которое вызвалъ въ обществѣ терроръ правительственной власти. Еще важнѣе для насъ международныя отношенія, которыя были обусловлены съ одной стороны, особенностями характера Павла, съ другой— великими событіями, происходившими на западѣ.

Мы не будемъ поэтому заниматься здѣсь подробнымъ изложеніемъ біографіи Павла и отсылаемъ всѣхъ, интересующихся ею, къ извѣстному труду Шильдера, который занимался именно личной біографіей Павла, и къ другой, болѣе краткой біографіи, составленной въ значительной мѣрѣ по Шильдеру же г. Шумигорскимъ [1]). Собственно для нашихъ цѣлей достаточно будетъ слѣдующихъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній. Павелъ родился въ 1754 г., за 8 лѣтъ до восшествія на престолъ Екатерины. Его дѣтство протекало въ совершенно ненормальныхъ условіяхъ: императрица Елизавета отобрала его у родителей, какъ только онъ родился, и занялась сама его воспитаніемъ. Въ дѣтствѣ онъ былъ окруженъ разными мамками и няньками, и все воспитаніе его носило тепличный, нездоровый характеръ.

---

[1]) Списокъ сочиненій, относящихся къ исторіи царствованія Павла, мы приводимъ въ концѣ этой главы.

Вскорѣ къ нему былъ приставленъ, однако, человѣкъ, который самъ по себѣ былъ выдающейся личностью,—именно гр. Никита Ивановичъ Панинъ. Панинъ былъ государственнымъ человѣкомъ, съ весьма широкимъ умомъ, но онъ не былъ вдумчивымъ педагогомъ и недостаточно внимательно относился къ этому своему дѣлу.

Екатерина относилась къ Панину недовѣрчиво, и ей было ясно, что онъ плохой педагогъ, но она боялась его устранить, такъ какъ, занявъ престолъ не по праву, она опасалась тѣхъ слуховъ, которые ходили въ извѣстныхъ кругахъ относительно того, что она хочетъ Павла устранить совершенно. Боясь дать поводъ къ разрастанію этихъ слуховъ и зная, что общественное мнѣніе таково, что Павелъ цѣлъ, пока онъ на попеченіи Панина, Екатерина не рѣшалась устранить Панина, и онъ оставался воспитателемъ Павла и при ней. Павелъ выросъ, но Екатерина не чувствовала къ нему никакой близости, она была невысокаго мнѣнія о его умственныхъ и душевныхъ свойствахъ. Къ участію въ государственныхъ дѣлахъ она его не допускала; она его отстраняла даже отъ дѣлъ военнаго управленія, къ которымъ онъ имѣлъ большую склонность. Первый бракъ Павла былъ кратковременный и неудачный, при чемъ жена его, умершая отъ родовъ, успѣла еще больше испортить и безъ того плохія отношенія между Павломъ и Екатериною. Когда Павелъ женился во второй разъ на вюртембергской принцессѣ, получившей при переходѣ въ православіе имя Маріи Ѳеодоровны, Екатерина отдала молодой четѣ Гатчину и предоставила имъ вести въ ней жизнь частныхъ людей; но когда у нихъ появились дѣти, она поступила по отношенію къ Павлу и его женѣ такъ же, какъ раньше поступила съ ней самой Елизавета, т.-е. отбирала дѣтей съ самаго появленія ихъ на свѣтъ и воспитывала ихъ сама. Устраненіе Павла отъ государственныхъ дѣлъ и непочтительное обращеніе съ нимъ фаворитовъ императрицы, особенно Потемкина, постоянно подливало масла въ огонь и возбуждало въ Павлѣ ненависть ко всему Екатеринину двору. Онъ тридцать лѣтъ нетерпѣливо ждалъ, когда же наконецъ, ему самому придется царствовать и распоряжаться по-своему.

Надо добавить, что въ концѣ царствованія Екатерины Павелъ сталъ даже опасаться, что Екатерина устранитъ его отъ пре-

стола; теперь извѣстно, что такой планъ дѣйствительно былъ намѣченъ и не осуществился, повидимому, только потому, что Александръ не желалъ или не рѣшался вступить на престолъ помимо отца, и это обстоятельство затрудняло осуществленіе вполнѣ уже созрѣвшихъ намѣреній Екатерины.

Когда Павелъ вступилъ на престолъ, тогда стала реализоваться накопившаяся въ его душѣ ненависть ко всему тому, что дѣлала его мать. Не имѣя яснаго представленія о дѣйствительныхъ нуждахъ государства, Павелъ сталъ безъ разбора отмѣнять все то, что сдѣлала его мать, и съ лихорадочной быстротой осуществлять свои полуфантастическіе планы, выработанные имъ въ гатчинскомъ уединеніи. По внѣшности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ возвращался къ старому. Такъ, онъ возстановилъ почти всѣ старыя хозяйственныя коллегіи, но не далъ имъ правильно разграниченной компетенціи, а между тѣмъ старая ихъ компетенція была совершенно разрушена учрежденіемъ казенныхъ палатъ и другихъ мѣстныхъ установленій. Онъ давно придумалъ особый планъ реорганизаціи всего центральнаго управленія; но планъ этотъ сводился въ сущности къ упраздненію всѣхъ государственныхъ учрежденій и къ сосредоточенію всей администраціи непосредственно въ рукахъ самого государя и едва ли могъ быть осуществленъ на дѣлѣ [1]).

Въ началѣ царствованія Павла были, впрочемъ, приняты двѣ серьезныя правительственныя мѣры, значеніе которыхъ сохранилось и на будущее время. Первая изъ этихъ мѣръ была законъ о престолонаслѣдіи, который Павелъ выработалъ еще въ бытность свою наслѣдникомъ и который былъ имъ опубликованъ 5 апрѣля 1797 года. Законъ этотъ имѣлъ въ виду устранить тотъ произволъ въ назначеніи наслѣдника престола, кото-

[1]) См. записку Павла объ этомъ, найденную въ 1826 г. въ бумагахъ имп. Александра. Она напечатана въ т. 90 Сбор. Рус. Ист. Общ., стр. 1—4. Въ настоящее время правительственная дѣятельность Павла подвергнута новому изученію и пересмотру въ книгѣ *проф. В. М. Клочкова*, отнесшагося къ ней весьма благопріятно. Несмотря на собранный г. Клочковымъ значительный матеріалъ въ подтвержденіе его апологетическаго отношенія къ этой дѣятельности, я не могу признать его выводы убѣдительными и въ общемъ остаюсь при своемъ прежнемъ взглядѣ на царствованіе Павла. Свое мнѣніе о работѣ г. Клочкова я изложилъ въ особой рецензіи, напечатанной въ „Русской Мысли“ за 1917 г. № 2-й.

рый господствовалъ въ Россіи со времени Петра и благодаря которому произошло въ XVIII в. столько дворцовыхъ переворотовъ. Законъ, изданный Павломъ, дѣйствовавшій съ небольшими дополненіями до послѣдняго времени, внесъ дѣйствительно строгій порядокъ въ наслѣдованіе императорскаго престола въ Россіи преимущественно по мужской линіи. Въ связи съ этимъ было издано подробное положеніе объ императорской фамиліи, при чемъ въ видахъ матеріальнаго обезпеченія ея членовъ образовано было особое хозяйственное учрежденіе подъ названіемъ „удѣловъ", въ вѣдѣніе котораго перечислены были тѣ дворцовые крестьяне, которые и ранѣе эксплоатировались для нуждъ императорскаго двора и къ которымъ причислены были теперь и отдѣльныя имѣнія, принадлежащія членамъ царской фамиліи. Всѣ эти крестьяне получили наименованіе „удѣльныхъ", и для управленія ими созданы были особыя учрежденія и особыя правила, благодаря которымъ впослѣдствіи положеніе ихъ оказалось болѣе удовлетворительнымъ, нежели положеніе обыкновенныхъ крѣпостныхъ и даже казенныхъ крестьянъ, которыми завѣдывала безсовѣстно эксплоатировавшая ихъ земская полиція.

Особенно настойчиво стремился Павелъ уничтожить всѣ тѣ права и привилегіи, которыя были дарованы Екатериной отдѣльнымъ сословіямъ. Такъ, онъ отмѣнилъ жалованныя грамоты городамъ и дворянству и не только уничтожилъ право дворянскихъ обществъ подавать петиціи о своихъ нуждахъ, но даже отмѣнилъ освобожденіе дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія по суду [1]).

Существуетъ взглядъ, что Павелъ, относясь совершенно отрицательно къ привилегіямъ высшихъ сословій, относился сочувственно къ народу и даже, будто бы, стремился освободить народъ отъ произвола помѣщиковъ и угнетателей.

Можетъ быть, кое-какія добрыя намѣренія у него и были, но едва ли можно приписать ему въ этомъ отношеніи какую-нибудь серьезно продуманную систему. Обычно, въ видѣ доказательства правильности такого взгляда на Павла, указываютъ

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ, впрочемъ, упомянуть, что въ числѣ отмѣнъ принятыхъ Екатериною мѣръ были и добрыя дѣла. Сюда относятся: освобожденіе Новикова изъ Шлиссельбурга, возвращеніе Радищева изъ ссылки въ Илимскъ и торжественное освобожденіе изъ плѣна съ особыми почестями Костюшки и другихъ содержавшихся въ Петербургѣ плѣнныхъ поляковъ.

на манифестъ 5 апрѣля 1797 г., установившій воскресный отдыхъ и трехдневную барщину, но при этомъ манифестъ этотъ не совсѣмъ точно передается. Категорически имъ запрещалась лишь праздничная работа на помѣщика, а затѣмъ, уже въ видѣ сентенціи, говорилось, что достаточно и трехъ дней барщины для поддержанія помѣщичьяго хозяйства. Самая форма выраженія этого пожеланія, при отсутствіи всякой санкціи, указываетъ на то, что это въ сущности не былъ опредѣленный законъ, устанавливающій трехдневную барщину, хотя впослѣдствіи онъ такъ толковался. Съ другой стороны, надо сказать, что, напр., въ Малороссіи трехдневная барщина не была бы и выгодна для крестьянъ, такъ какъ тамъ по обычаю практиковалась двухдневная барщина. Другой законъ, изданный Павломъ, по иниціативѣ канцлера Безбородка, въ пользу крестьянъ, о запрещеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли, распространялся только на Малороссію.

Крайне характерно то положеніе, которое занялъ Павелъ по отношенію къ крестьянскимъ волненіямъ и жалобамъ крѣпостныхъ крестьянъ на притѣсненія помѣщиковъ. Въ началѣ царствованія Павла волненія крестьянъ вспыхнули въ 32 губерніяхъ. Павелъ посылалъ для ихъ усмиренія цѣлые большіе отряды съ генералъ-фельдмаршаломъ кн. Репнинымъ во главѣ. Репнинъ очень быстро усмирилъ крестьянъ, принявъ чрезвычайно крутыя мѣры. При усмиреніи въ Орловской губерніи 12 тыс. крестьянъ помѣщиковъ Апраксина и кн. Голицына произошло цѣлое сраженіе, при чемъ изъ крестьянъ было 20 чел. убитыхъ и до 70 раненыхъ. Репнинъ велѣлъ зарыть убитыхъ крестьянъ за оградой кладбища, а на колѣ, поставленномъ надъ ихъ общей могилой, написать: „Тутъ лежатъ преступники передъ Богомъ, государемъ и помѣщикомъ, справедливо наказанные по закону Божію“. Дома этихъ крестьянъ были разрушены и сравнены съ землей. Павелъ не только одобрилъ всѣ эти дѣйствія, но и издалъ особый манифестъ 29 янв. 1797 г., которымъ подъ угрозой подобныхъ мѣръ предписывалось безропотное повиновеніе крѣпостныхъ крестьянъ помѣщикамъ.

Въ другомъ случаѣ Павлу попробовали пожаловаться дворовые люди нѣкоторыхъ проживавшихъ въ Петербургѣ помѣщиковъ на претерпѣваемыя отъ нихъ жестокости и притѣсненія. Павелъ, не разслѣдуя дѣла, велѣлъ отправить жалобщиковъ

на площадь и наказать ихъ кнутомъ „столько, сколько похотятъ сами ихъ помѣщики".

Вообще Павелъ едва ли повиненъ въ стремленіи серьезно улучшить положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. На помѣщиковъ онъ смотрѣлъ, какъ на даровыхъ полицеймейстеровъ,— онъ считалъ, что пока въ Россіи есть 100 тысячъ этихъ полицеймейстеровъ, спокойствіе государства гарантировано, и не прочь былъ даже посильно увеличить это число, широкою рукою раздавая частнымъ лицамъ казенныхъ крестьянъ: за 4 года онъ успѣлъ такимъ образомъ раздать 530 тысячъ душъ обоего пола казенныхъ крестьянъ различнымъ помѣщикамъ и чиновникамъ, серьезно утверждая, что онъ оказываетъ этимъ крестьянамъ благодѣяніе, такъ какъ положеніе крестьянъ при казенномъ управленіи, по его мнѣнію, было хуже, чѣмъ при помѣщичьемъ, съ чѣмъ, конечно, нельзя было согласиться. О значеніи приведенной цифры розданныхъ въ частныя руки казенныхъ крестьянъ можно судить по тѣмъ даннымъ, которыя выше приведены о численности крестьянъ разныхъ категорій; но еще сильнѣе поражаетъ эта цифра, если мы вспомнимъ, что Екатерина, которая охотно награждала своихъ фаворитовъ и другихъ лицъ крестьянами, все же за всѣ 34 года своего царствованія успѣла раздать не болѣе 800.000 душъ обоего пола, а Павелъ за 4 года роздалъ 530.000 [1]).

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ самомъ началѣ царствованія Павла былъ изданъ еще одинъ актъ, направленный противъ свободы крестьянъ: указомъ 12 декабря 1796 г. былъ окончательно прекращенъ переходъ крестьянъ, поселившихся на частныхъ земляхъ среди казачьихъ земель въ Донской области и въ губерніяхъ: екатеринославской, вознесенской, кавказской и таврической [2]).

Изъ остальныхъ сословій болѣе другихъ имѣло основаніе быть довольнымъ Павломъ духовенство, къ которому Павелъ

---

[1]) Положеніе казенныхъ крестьянъ Павелъ дѣйствительно стремился урегулировать и улучшить, какъ это видно изъ изслѣдованія г. Клочкова, но всѣ относящіяся къ этому предположенія оставались въ сущности лишь на бумагѣ вплоть до образованія при имп. Николаѣ министерства государственныхъ имуществъ съ гр. Киселевымъ во главѣ.

[2]) Срав. В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ" etc. т. I, стр. 227, 228.

благоволилъ или по крайней мѣрѣ хотѣлъ благоволить. Будучи человѣкомъ религіознымъ и считая себя къ тому же главой православной церкви, Павелъ заботился о положеніи духовенства, но и тутъ результаты получались иногда странные. Эти его заботы носили подчасъ двусмысленный характеръ, такъ что одинъ изъ его прежнихъ наставниковъ, его законоучитель—а въ это время уже московскій митрополитъ—Платонъ, къ которому Павелъ въ юности, да и потомъ, послѣ своего вступленія на престолъ, относился съ большимъ уваженіемъ, оказался въ числѣ протестующихъ противъ нѣкоторыхъ мѣръ, которыя Павелъ предпринялъ. Протестъ, съ которымъ Платону пришлось выступать, касался между прочимъ страннаго нововведенія—награжденія духовныхъ лицъ орденами. Платону основательно казалось, что съ канонической точки зрѣнія совершенно недопустимо, чтобы гражданскія власти награждали служителей церкви, не говоря уже о томъ, что вообще ношеніе орденовъ вовсе не соотвѣтствуетъ значенію священническаго, а тѣмъ болѣе священномонашескаго сана. Митрополитъ на колѣняхъ просилъ, чтобы Павелъ не награждалъ его орденомъ Андрея Первозваннаго, но въ концѣ-концовъ долженъ былъ его принять. Само по себѣ это обстоятельство какъ будто не особенно важно, но оно характерно именно для отношенія Павла къ тому сословію, которое онъ наиболѣе чтилъ.

Гораздо важнѣе въ положительномъ смыслѣ отношеніе Павла къ духовнымъ учебнымъ заведеніямъ. Онъ сдѣлалъ для нихъ довольно много—ассигновалъ на нихъ значительную сумму денегъ изъ доходовъ отъ имѣній, принадлежавшихъ прежде архіерейскимъ домамъ и монастырямъ и конфискованныхъ Екатериной.

При немъ были вновь открыты двѣ духовныя академіи—въ Петербургѣ и Казани—и 8 семинарій, при чемъ какъ вновь открытыя, такъ и прежнія учебныя заведенія были обезпечены штатными суммами: академіи стали получать отъ 10 до 12 тысячъ рублей въ годъ, а семинаріи въ среднемъ отъ 3 до 4 тыс., т.-е. почти вдвое болѣе противъ того, что отпускалось на нихъ при Екатеринѣ [1]).

---

[1]) *Проф. Клочковъ*, „Очерки правит. дѣятельности времени Павла I“, стр. 278.

Здѣсь слѣдуетъ еще отмѣтить благопріятное отношеніе Павла къ духовенству инославному, даже не христіанскому, въ особенности же его благосклонное отношеніе къ духовенству католическому. Это объясняется, можетъ быть, его искренней религіозностью вообще и высокимъ понятіемъ о пастырскихъ обязанностяхъ; что же касается собственно католическаго духовенства, то тутъ имѣло еще большое значеніе его отношеніе къ Мальтійскому духовному рыцарскому ордену. Павелъ не только принялъ на себя верховное покровительство этому ордену, но даже разрѣшилъ въ Петербургѣ образовать особое его пріорство. Это обстоятельство, объяснявшееся странными фантазіями Павла, привело потомъ, какъ увидимъ, къ весьма важнымъ послѣдствіямъ въ области международныхъ отношеній.

Другимъ важнымъ фактомъ въ сферѣ церковной жизни при Павлѣ было его довольно миролюбивое отношеніе къ раскольникамъ. Въ этомъ одномъ отношеніи Павелъ продолжалъ политику Екатерины, слѣды царствованія которой съ такой энергіей старался уничтожить всѣми остальными своими мѣропріятіями. По ходатайству митрополита Платона, онъ согласился принять довольно важную мѣру—именно разрѣшилъ старообрядцамъ публичное отправленіе богослуженія въ такъ называемыхъ *единовѣрческихъ* церквахъ, благодаря чему открылась впервые серьезная возможность примиренія наиболѣе мирныхъ группъ старообрядчества съ православною церковью.

Что касается отношенія Павла къ свѣтскому просвѣщенію, то дѣятельность его въ этомъ направленіи была ярко реакціонной и, можно сказать, прямо разрушительною. Еще въ концѣ царствованія Екатерины были закрыты частныя типографіи, и тогда уже изданіе книгъ чрезвычайно сократилось. При Павлѣ же число издаваемыхъ книгъ свелось, особенно въ послѣдніе два года его царствованія, къ совершенно ничтожному количеству, при чемъ и самый характеръ книгъ тоже сильно измѣнился—стали издаваться почти исключительно учебники и книги практическаго содержанія [1]). Ввозъ книгъ, изданныхъ за гра-

---

[1]) Первый томъ соч. Шторха „Gemälde des Russischen Reichs“ вышелъ въ 1797 г. въ Ригѣ, остальные томы печатались за границей; но Шторхъ былъ persona grata при дворѣ Павла: онъ былъ личнымъ чтецомъ имп. Маріи Өеодоровны и книгу свою (I томъ) посвятилъ Павлу.

ницей, былъ въ концѣ царствованія запрещенъ совершенно; съ 1800 г. все печатавшееся за границей, независимо отъ содержанія, даже музыкальныя ноты, въ Россію доступа не имѣло. Еще раньше, въ самомъ началѣ царствованія, былъ запрещенъ свободный въѣздъ иностранцевъ въ Россію.

Еще важнѣе была другая мѣра — именно вызовъ въ Россію всѣхъ учившихся за границей молодыхъ людей, которыхъ оказалось въ Іенѣ 65 человѣкъ, въ Лейпцигѣ—36, и запрещеніе молодежи выѣзжать съ образовательными цѣлями въ чужіе края [1]), взамѣнъ чего предположено было открыть университетъ въ Дерптѣ.

Изъ ненависти къ революціоннымъ идеямъ и къ либерализму вообще Павелъ съ настойчивостью маньяка преслѣдовалъ всякія внѣшнія проявленія либерализма. Отсюда война противъ круглыхъ шляпъ и сапоговъ съ отворотами, которые носились во Франціи, противъ фраковъ и трехцвѣтныхъ лентъ. Вполнѣ мирныя лица подвергались самымъ серьезнымъ взысканіямъ, чиновники прогонялись со службы, частныя лица подвергались аресту, многіе высылкѣ изъ столицъ и даже иногда въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Такія же взысканія налагались за нарушеніе того страннаго этикета, соблюденіе котораго было обязательно при встрѣчахъ съ императоромъ. Благодаря этому этикету встрѣча съ государемъ считалась несчастьемъ, котораго всячески старались избѣжать: завидя государя, подданные спѣшили укрыться за ворота, заборы и т. п.

При такихъ обстоятельствахъ сосланные, заключенные въ тюрьму и крѣпости и вообще потерпѣвшіе при Павлѣ за совершенные пустяки считались тысячами, такъ что, когда Александръ, по вступленіи на престолъ, реабилитировалъ такихъ лицъ, ихъ оказалось по однимъ свѣдѣніямъ 15 тыс., по другимъ—болѣе 12 тыс. человѣкъ.

Особенно тяжело гнетъ Павловскаго царствованія отразился на арміи, начиная съ солдатъ и кончая офицерами и генералами. Безконечная муштра, суровыя наказанія за малѣйшія погрѣшности во фронтѣ, безсмысленные пріемы обученія, самая неудобная одежда, крайне стѣснительная для простого человѣка, особенно при маршировкѣ, которая должна была тогда

---

[1]) *Пыпинъ.* „Общ. движ. при Александрѣ I“, стр. 74 (изд. 2-ое).

доводиться чуть ли не до балетнаго искусства; наконецъ, обязательное ношеніе буклей и косъ, смазывавшихся саломъ и посыпавшихся мукой или кирпичнымъ порошкомъ, — все это усложняло трудность и безъ того тяжелой солдатской службы, продолжавшейся тогда 25 лѣтъ.

Офицерамъ и генераламъ приходилось ежечасно дрожать за свою судьбу, такъ какъ малѣйшая неисправность кого-либо изъ подчиненныхъ могла повлечь за собою самыя жестокія послѣдствія и для нихъ, если императоръ былъ не въ духѣ.

Таковы были проявленія правительственнаго гнета, который развился при Павлѣ до высшихъ предѣловъ. Интересенъ отзывъ о Павлѣ, сдѣланный спустя 10 лѣтъ послѣ его смерти строгимъ консерваторомъ и убѣжденнымъ сторонникомъ самодержавія Н. М. Карамзинымъ въ его „Запискѣ о древней и новой Россіи“, представленной Александру I въ 1811 г. въ видѣ возраженія на тѣ либеральныя реформы, которыя Александръ тогда замыслилъ. Являясь антагонистомъ либеральнаго императора, Карамзинъ однако такъ охарактеризовалъ царствованіе его предшественника: „Павелъ вошелъ на престолъ въ то благопріятное для самодержавія время, когда ужасы французской революціи излѣчили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства; но что сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павелъ сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго. По жалкому заблужденію ума и вслѣдствіе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствій онъ хотѣлъ быть Іоанномъ IV; но россіяне уже имѣли Екатерину II, знали, что государь не менѣе подданныхъ долженъ выполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древніе завѣты власти съ повиновеніемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права. Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому удивленію россіянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды—прелесть, унизилъ чины и ленты расточительностью въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери;

умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериной, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать, отвратилъ дворянъ отъ воинской службы; презирая душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла: ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ — и соорудилъ гробницу... Замѣтимъ — прибавляетъ Карамзинъ — черту, любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, россіяне даже боялись и мыслить; нѣтъ! говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки и частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленія власти заглушало голосъ личной осторожности“ [1]). Аналогичные отзывы имѣются въ запискахъ Вигеля и Греча, тоже людей консервативнаго лагеря...

Слѣдуетъ однако же сказать, что это „великодушное остервенѣніе“ отнюдь не переходило въ дѣйствіе. Общество даже не пыталось выразить свое отношеніе къ Павлу какимъ-либо общественнымъ протестомъ. Оно ненавидѣло молча, но, конечно, именно это настроеніе дало немногочисленнымъ дѣятелямъ переворота 11 марта 1801 г. смѣлость внезапно устранить Павла.

Хозяйственное положеніе страны не могло слишкомъ сильно измѣниться при Павлѣ, въ виду краткости его царствованія; финансовое же положеніе Россіи при немъ находилось въ сильной зависимости отъ его внѣшней политики и тѣхъ причудливыхъ измѣненій, которыя въ ней происходили. Павелъ началъ съ того, что заключилъ миръ съ Персіей и отмѣнилъ рекрутскій наборъ, назначенный при Екатеринѣ; отказался отъ посылки 40 т. арміи противъ французской республики, на что Екатерина согласилась въ 1795 г., благодаря настояніямъ англійскаго посла Витворта, и вытребовалъ назадъ русскіе корабли, посланные на помощь англійскому флоту. Затѣмъ было положено начало погашенію ассигнаціоннаго долга. Правитель-

---

[1]) „Русскій Архивъ“ за 1870 г., стр. 2267—2268. Есть отдѣльное изданіе подъ ред. г. Сиповскаго. Спб., 1913.

ство рѣшилось на изъятіе части выпущенныхъ на рынокъ ассигнацій; состоялось торжественное сожженіе въ присутствіи самого Павла ассигнацій на сумму 6 милл. руб. Такимъ образомъ общее количество выпущенныхъ ассигнацій уменьшилось съ 157 милл. руб. до 151 милл. руб., т.-е. менѣе чѣмъ на 4%, но въ этой области, конечно, всякое, даже небольшое, уменьшеніе имѣетъ значеніе, ибо свидѣтельствуетъ о намѣреніи правительства расплачиваться съ долгами, а не увеличивать ихъ. Въ то же время приняты были мѣры къ установленію прочнаго курса серебряной монеты; былъ установленъ постоянный вѣсъ серебрянаго рубля, который былъ признанъ равнымъ вѣсу четырехъ серебряныхъ франковъ. Затѣмъ важное значеніе имѣло возстановленіе сравнительно свободнаго таможеннаго тарифа 1782 года. При этомъ Павелъ руководствовался однако жъ не сочувствіемъ къ свободной торговлѣ, а поступалъ такъ изъ желанія уничтожить изданный Екатериной тарифъ 1793 года.

Введеніе новаго тарифа должно было послужить къ развитію торговыхъ сношеній. Для крупной промышленности имѣло большое значеніе открытіе каменнаго угля въ донецкомъ бассейнѣ. Это открытіе, сдѣланное на югѣ Россіи, въ странѣ, бѣдной лѣсомъ, немедленно отразилось на состояніи промышленности въ новороссійскомъ краѣ. Важное значеніе для развитія внутреннихъ торговыхъ сношеній и для подвоза нѣкоторыхъ продуктовъ къ портамъ имѣло прорытіе при Павлѣ новыхъ каналовъ, отчасти начатыхъ при Екатеринѣ. Въ 1797 г. начатъ и еще при Павлѣ оконченъ Огинскій каналъ, соединившій бассейнъ Днѣстра съ Нѣманомъ; прорытъ Сиверсомъ каналъ для обхода о. Ильменя; начатъ одинъ изъ приладожскихъ Сясскій каналъ и продолжались работы по сооруженію Маріинскаго канала. При немъ же установлено porto franco въ Крыму, выгодное для оживленія южнаго края.

Но улучшеніе экономическаго положенія страны продолжалось не долго, и государственнымъ финансамъ скоро пришлось испытывать новыя колебанія. Въ 1798 г. мирное теченіе дѣлъ неожиданно прекратилось. Какъ разъ въ это время Наполеонъ Бонапартъ отправился въ свой походъ въ Египетъ и мимоходомъ захватилъ въ Средиземномъ морѣ островъ Мальту. Мальта, принадлежавшая Мальтійскому ордену, имѣла неприступную крѣпость, но гросмейстеръ ордена по неизвѣстнымъ побужде-

ніямъ (подозрѣвалась измѣна) сдалъ крѣпость безъ боя, забралъ архивъ ордена и драгоцѣнности и удалился въ Венецію. Петербургское пріорство, состоявшее подъ покровительствомъ Павла, объявило гросмейстера низложеннымъ, а черезъ нѣкоторое время, ко всеобщему удивленію, Павелъ, считавшій себя главой православной церкви, принялъ лично на себя гросмейстерство въ этомъ католическомъ орденѣ, подчиненномъ папѣ. Сохранилось преданіе, что этотъ странный шагъ въ умѣ Павла соединялся съ фантастическимъ предпріятіемъ—съ повсемѣстнымъ уничтоженіемъ революціи въ корнѣ путемъ объединенія всѣхъ дворянъ всѣхъ странъ свѣта въ Мальтійскомъ орденѣ. Такъ ли это было,—трудно рѣшить; но, конечно, идея эта осуществленія не получила. Объявивъ войну Франціи и не желая выступать единолично, Павелъ помогъ англійскому министру Питу создать довольно сильную коалицію противъ Франціи. Онъ вступилъ въ союзъ съ Австріей и Англіей, которыя находились тогда съ Франціей во враждебныхъ или натянутыхъ отношеніяхъ, затѣмъ привлечены были къ коалиціи королевство Сардинское и даже Турція, потерпѣвшая отъ вторженія Наполеона въ Египетъ и Сирію. Союзъ съ Турціей былъ заключенъ на очень выгодныхъ для Россіи условіяхъ и при послѣдовательной политикѣ могъ бы имѣть большое значеніе. Въ виду того, что французскими войсками заняты были разныя турецкія земли (между проч. Іоническіе острова) рѣшено было изгнать французовъ оттуда соединенными силами, и для этого Порта согласилась пропустить и на будущее время пропускать черезъ Константинопольскій и Дарданельскій проливы не только русскія торговыя суда, но и военные корабли, беря на себя въ то же время обязательство не пропускать иностранныхъ военныхъ судовъ въ Черное море. Сила этого договора должна была продолжаться 8 лѣтъ, послѣ чего онъ могъ быть возобновленъ по взаимному соглашенію договаривающихся сторонъ. Русскій флотъ тотчасъ же воспользовался этимъ правомъ и, провезя черезъ проливы значительный десантъ на военныхъ судахъ, занялъ Іоническіе острова, которые послѣ того находились подъ властью русскихъ до Тильзитскаго мира (т.-е. до 1807 г.).

На континентѣ Европы предстояло дѣйствовать противъ французскихъ армій въ союзѣ съ австрійцами и англичанами. Павелъ, слѣдуя совѣту австрійскаго императора, назначилъ Суво-

рова начальствовать надъ соединенными арміями Россіи и Австріи. Суворовъ въ это время былъ въ опалѣ и жилъ въ своемъ имѣніи, подъ надзоромъ полиціи: онъ относился отрицательно къ военнымъ нововведеніямъ Павла и умѣлъ дать ему это почувствовать подъ маской шутокъ и дурачествъ, за что и поплатился опалой и ссылкой.

Теперь Павелъ обратился къ Суворову отъ своего имени и отъ имени австрійскаго императора. Суворовъ съ радостью принялъ начальствованіе надъ арміей. Этотъ походъ его ознаменовался блестящими побѣдами въ сѣверной Италіи надъ французскими войсками и знаменитымъ переходомъ черезъ Альпы.

Но когда сѣверная Италія была очищена отъ французовъ, Австрія рѣшила, что съ нея этого довольно, и отказалась оказывать поддержку Суворову въ дальнѣйшихъ его планахъ. Такимъ образомъ Суворовъ не могъ осуществить своего намѣренія вторгнуться во Францію и идти на Парижъ. Эта „австрійская измѣна" привела къ пораженію русскаго отряда генерала Римскаго-Корсакова французами. Павелъ пришелъ въ крайнее негодованіе, отозвалъ армію, и такимъ образомъ война Россіи съ Франціей фактически здѣсь прекратилась. Русскій корпусъ, посланный противъ французовъ въ Голландію, не былъ достаточно подкрѣпленъ англичанами, которые не выплачивали своевременно и денежныхъ субсидій, къ чему обязаны были договоромъ, что также вызывало негодованіе Павла, который отозвалъ свои войска и съ этого пункта.

Между тѣмъ Наполеонъ Бонапартъ возвратился изъ Египта, чтобы совершить свой первый государственный переворотъ: — 18 брюмера онъ свергъ законное правительство директоріи и сдѣлался первымъ консуломъ, т.-е. въ сущности фактическимъ государемъ во Франціи. Павелъ, видя, что дѣло идетъ такимъ образомъ къ возстановленію монархической власти, хотя и со стороны „узурпатора", перемѣнилъ свое отношеніе къ Франціи, ожидая, что Наполеонъ раздѣлается съ остатками революціи. Наполеонъ же, съ своей стороны, ловко ему угодилъ, отправивъ безъ размѣна всѣхъ русскихъ плѣнныхъ на родину на французскій счетъ и снабдивъ ихъ подарками. Это тронуло рыцарское сердце Павла и, надѣясь на то, что Наполеонъ окажется его единомышленникомъ и во всѣхъ прочихъ вопросахъ, Павелъ вступилъ съ нимъ въ переговоры о мирѣ и о союзѣ

противъ Англіи, которой Павелъ приписывалъ неудачу своихъ войскъ въ Голландіи. Наполеону было тѣмъ легче возстановить его противъ Англіи, что въ это время англичане отобрали Мальту у французовъ, но не вернули ея ордену.

Немедленно, игнорируя всякіе международные трактаты, Павелъ наложилъ амбарго (арестъ) на всѣ англійскія торговыя суда, ввелъ рѣзкія измѣненія въ таможенномъ тарифѣ и въ концѣ-концовъ совершенно запретилъ вывозъ и ввозъ товаровъ въ Россію не только изъ Англіи, но и изъ Пруссіи, такъ какъ Пруссія находилась въ сношеніяхъ съ Англіей. Этими мѣрами, направленными противъ англичанъ, Павелъ произвелъ потрясеніе во всей русской торговлѣ. Онъ не ограничился при этомъ таможенными стѣсненіями, но приказалъ даже въ лавкахъ арестовывать всѣ англійскіе товары, чего никогда не дѣлалось въ подобныхъ обстоятельствахъ. Подзадориваемый Наполеономъ и не довольствуясь этимъ рядомъ враждебныхъ дѣйствій противъ Англіи, Павелъ рѣшилъ, наконецъ, уязвить ее въ самое больное мѣсто: онъ рѣшилъ завоевать Индію, полагая, что сдѣлаетъ это легко, отправивъ туда однихъ казаковъ. И вотъ по его приказу 40 полковъ донскихъ казаковъ внезапно отправляются на завоеваніе Индіи, взявъ съ собой двойной комплектъ лошадей, но безъ фуража, зимой, безъ вѣрныхъ картъ, черезъ непроходимыя степи. Разумѣется, это войско было обречено на погибель. Безсмысліе этого акта настолько было очевидно для современниковъ Павла, что княгиня Ливенъ, жена приближеннаго генералъ-адъютанта Павла, въ своихъ мемуарахъ утверждаетъ даже, что эта затѣя была предпринята Павломъ съ цѣлью намѣреннаго уничтоженія казачьяго войска, въ которомъ онъ заподозрилъ вольнолюбивый духъ. Это предположеніе, конечно, невѣрно, но оно показываетъ, какія мысли могли приписываться Павлу его приближенными. Къ счастью, этотъ походъ начался за два мѣсяца до устраненія Павла, и Александръ, едва вступивъ на престолъ, уже въ самую ночь переворота поспѣшилъ послать фельдъегеря, чтобы вернуть злополучныхъ казаковъ; оказалось, что казаки не успѣли еще дойти до русской границы, но успѣли уже потерять значительную часть своихъ лошадей...

Фактъ этотъ особенно ярко рисуетъ безуміе Павла и тѣ страшныя послѣдствія, какія могли имѣть тѣ мѣры, которыя

онъ предпринималъ. На состоянiи финансовъ всѣ эти походы и войны послѣднихъ двухъ лѣтъ царствованiя Павла, разумѣется, отразились самымъ пагубнымъ образомъ. Въ началѣ своего царствованiя Павелъ сжегъ, какъ мы видѣли, на 6 миллiоновъ ассигнацiй, но война потребовала экстренныхъ расходовъ. И Павлу пришлось опять прибѣгнуть къ выпуску ассигнацiй, такъ какъ иныхъ средствъ для веденiя войны не было. Такимъ образомъ къ концу его царствованiя общая сумма выпущенныхъ ассигнацiй съ 151 милл. поднялась до 212 милл. руб., что окончательно уронило курсъ бумажнаго рубля.

Подводя теперь итоги правленiю Павла, мы видимъ, что границы государственной территорiи остались при немъ въ прежнемъ видѣ. Правда, грузинскiй царь, тѣснимый Персiей, въ январѣ 1801 года заявилъ о своемъ желанiи перейти въ подданство Россiи, но окончательное присоединенiе Грузiи состоялось уже при Александрѣ.

Что касается положенiя населенiя, то какъ ни вредны были многiя изъ предпринятыхъ Павломъ мѣръ, за 4 года глубокихъ измѣненiй онѣ произвести не могли. Самымъ печальнымъ измѣненiемъ въ положенiи крестьянъ было, конечно, перечисленiе изъ состава казенныхъ крестьянъ въ составъ крѣпостныхъ тѣхъ 530 тысячъ душъ, которыхъ Павелъ успѣлъ раздать частнымъ лицамъ.

Что же касается торговли и промышленности, то, несмотря на цѣлый рядъ благопрiятныхъ условiй въ началѣ царствованiя, къ концу его заграничная торговля была совершенно погублена, внутренняя же находилась въ самомъ хаотическомъ состоянiи. Еще большiй хаосъ получился въ состоянiи высшаго и губернскаго управленiя.

Въ такомъ положенiи было государство, когда Павелъ пересталъ существовать.

Списокъ сочиненiй, относящихся къ исторiи Россiи при Павлѣ I.

1) *И. К. Шильдеръ.* „Императоръ Павелъ I, его жизнь и царствованiе". Спб. 1901. 2) *Его же.* „Императоръ Александръ I". Т. I, изд. 2-ое. Спб. 1904. 3) *С. Е. Шумигорскiй.* „Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованiе". Спб. 1907. 4) *Его же.* „Императрица Марiя Өеодоровна (1759—1828). Ея

біографія". Т. I. Спб. 1892. 5) *Его же.* „Екатерина Ивановна Нелидова (1758—1839)". Изд. 2-ое. 1902. 6) *В. Ф. Чижъ.* „Имп. Павелъ I". (Вопр. фил. и псих., кн. 88—90 за 1907 г.). 7) *П. И. Ковалевскій* „Имп. Петръ III. Имп. Павелъ I". Психіатрич. эскизъ по исторіи", т. I, изд. 6-ое. Спб. 1909. 8) *Д. Ф. Кобеко.* „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Ист. изслѣд.". Изд. 3-ье. Спб. 1887. 9) „Время Павла и его смерть. Русская быль". (Статьи проф. Шимана и проф. Брикнера въ переводѣ съ нѣмецк.) М. 1909. 10) *Моранъ.* „Павелъ I до восшествія на престолъ" (съ франц.) М. 1912. 11) *М. В. Клочковъ.* „Очерки правительственной дѣятельности времени Павла I". Петроградъ 1916. 12) „Цареубійство 11 марта 1801 г. Записки участниковъ и современниковъ". (Записки Саблукова, Бенигсена, Ланжерона, Фонъ-Визина М. А., княгини Ливенъ, кн. Адама Чарторійскаго, Гейкинга и Авг. Коцебу.) Спб. 1907. 13) *А. Петрушевскій.* „Генералиссимусъ кн. Суворовъ". 3 т. Спб. 1884. Тоже въ 1 томѣ. Спб. 1900. 14) *Д. А. Милютинъ.* „Исторія войны 1799 г.". Спб. 5 томовъ. 1852—53, изд. 2-ое. 15) *Горяиновъ.* „Босфоръ и Дарданеллы". Спб. 1907. 16) *В. О. Ключевскій.* Курсъ русской ист. (литограф. изд. 1884 и 1894 гг.). 17) *М. И. Семевскій.* „Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка" Вѣст. Евр. за 1867 г. № 1.

О финансахъ въ царствованіе Павла: 18) *Бліохъ.* „Ист. финансовъ въ Россіи XIX в.". Т. I. Спб. 1882. *О торговлѣ* при Павлѣ: 19) *А. Семеновъ.* „Изуч. историч. свѣдѣній о россійск. торговлѣ". Спб. 1859. *О развитіи путей сообщенія:* 20) „Краткій ист. очеркъ разв. вѣдомства путей сообщенія (1798—1898)". Спб. 1898. *Объ удѣлахъ:* 21) „Исторія удѣловъ" (1797—1897). 3 тома. Спб. 1902.

О положеніи населенія: 22) *В. И. Семевскій.* „Крестьянскій вопросъ". Спб. 1888. Т. 1-ый. 23) *Его же.* „Пожалованіе населенныхъ имѣній въ царствованіе Павла" (Русск. Мысль, 1882 №12). 24) *Е. П. Трефильевъ.* „Очерки по исторіи крѣпостного права въ Россіи. Царствованіе императора Павла Перваго". Харьковъ. 1904. Срав. критическій отзывъ объ этой работѣ *Н. П. Павлова-Сильванскаго* въ „Очеркахъ по русской исторіи XVIII—XIX вв.". Спб. 1910, стр. 154 („Волненія крестьянъ при Павлѣ I") и полемику по этому поводу между нимъ и Трефильевымъ въ Журн. М. Н. Пр. за 1905 г №№ 2 (указ. статья), 10 и 12. 25) *В. Е. Якушкинъ.* „Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вв." В. I. М. 1890. 26) *Бар. С. Корфъ.* „Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе съ 1762—1856". Спб. 1906. 27) *Ив. Знаменскій.* „О положеніи духовенства при Екатеринѣ и Павлѣ". Спб. 1880. 28) *Морошкинъ.* „Іезуиты въ Россіи". Спб. 1867—70, 2 тома. 29) *Снегиревъ.* „Біографія митрополита Платона". М. 1856. 30) *И. П. Дитятинъ.* „Городское самоуправленіе въ Россіи". Яросл. 1877. Т. II, гл. I. 31) *Ратчъ.* „Свѣдѣнія объ Аракчеевѣ до 1798 г.". Спб. 1864 г.

Изъ мемуарной литературы о времени Павла слѣдуетъ имѣть въ виду: Архивъ *Воронцова,* разные томы (XII, XIII и XXIX). Срав. роспись 40 томамъ, издан. Бартеневымъ въ 1897 г. *А. Васильчикова.* „Семейство Разумовскихъ". М. 5 томовъ. Спб. 1882—1888 г. „Воспоминанія *Ф. П. Лубяновскаго* 1777—1834". М. 1872. Записки *Г. Р. Державина.* М. 1860. Записки *А. Т. Болотова.* Спб. 1870. Записки адмирала *А. С. Шишкова* (загранич,

изданіе). *Авг. Коцебу.* „Достопамятный годъ моей жизни". Матеріалы для біографіи гр. Никиты Петровича Панина (подъ редакц. Брикнера). Т. 1—5. Записки *Порошина* (воспитателя Павла Петровича). Записки *А. М. Тургенева* (въ Русск. Старинѣ за 1885 г.). Воспоминанія *Ф. Ф. Вигеля*, изд. при Русск. Архивѣ. Записки *Н. И. Греча.* Спб. 1887 г. Записка *Н. М. Карамзина* „О древней и новой Россіи", въ Русск. Архивѣ за 1870 г. (Срав. новое изд. В. В. Сиповскаго. Спб. 1914. *Д. И. Багалѣя* Біографія В. Н. Каразина. *С. А. Панчулидзева.* „Ист. кавалергардовъ" т. II. Спб. 1901. *А. А. Кизеветтера.* „Историческіе очерки" (статья объ Аракчеевѣ). М. 1912; *Его же* „Историческіе отклики" (статья о Растопчинѣ). М. 1915. Записки *Г. С. Винскаго.* Изд. „Огни". Спб. 1914. Записки гр. *Е. Ф. Комаровскаго.* Изд. „Огни. Спб. 1914. Мемуары *кн. Адама Чарторыйскаго.* Подъ ред. *А. А. Кизеветтера*, изд. Некрасова, т. I. М. 1912.

ЛЕКЦІЯ IV.

Царствованіе Александра I.—Дѣленіе его царствованія на періоды.—Біографическія данныя.—Воспитаніе Александра.—Его женитьба.—Положеніе его при Екатеринѣ и въ царствованіе Павла.

Съ 12 марта 1801 года начинается настоящая исторія XIX вѣка въ Россіи. Приступая къ ея изложенію, будетъ, быть можетъ, не безполезно бросить предварительный взглядъ на ея содержаніе и сказать нѣсколько словъ о возможномъ раздѣленіи ея на періоды. *Тотъ процессъ, который совершался въ Россіи въ XIX вѣкѣ, процессъ раскрѣпощенія сословій и смягченія деспотизма верховной власти, совершался путемъ борьбы отдѣльныхъ сословій и классовъ между собою и борьбы представителей власти съ освободительными стремленіями наиболѣе сознательныхъ и передовыхъ представителей общества. На ходъ и исходъ этой борьбы вліяли какъ внутреннія, такъ и внѣшнія отношенія и тѣ міровыя событія, которыя совершались въ это время въ остальной Европѣ.* Если мы будемъ имѣть въ виду лишь самый общій ходъ историческаго процесса, въ развитіи котораго участвовали всѣ эти явленія, мы можемъ теперь же указать тѣ два періода, на которые процессъ этотъ естественно раздѣляется главнѣйшимъ событіемъ внутренней исторіи XIX вѣка въ Россіи—паденіемъ крѣпостного права.

Съ этой точки зрѣнія къ первому періоду исторіи XIX вѣка въ Россіи относятся первыя 55 лѣтъ XIX столѣтія, т.-е. царствованія Александра I и Николая I. Періодъ этотъ характеризуется подготовленіемъ паденія крѣпостного права—того великаго событія, которое послужило началомъ рѣшительнаго раскрѣпощенія всего населенія страны. Къ слѣдующему періоду должны быть отнесены остальныя 4 десятилѣтія XIX вѣка, когда развились послѣдствія паденія крѣпостного права и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

подготовлялась именно этимъ дальнѣйшимъ развитіемъ процесса замѣна самодержавнаго строя конституціоннымъ.

Значеніе великаго перелома 1861 г. для всѣхъ болѣе или менѣе ясно, и потому и въ литературѣ мы часто встрѣчаемся съ выраженіями „дореформенная“ и „пореформенная“ Россія въ смыслѣ именно двухъ совершенно различныхъ періодовъ ея развитія.

Однако при подробномъ изученіи исторіи цѣлаго вѣка, при изученіи событій и фактовъ, какъ они происходили въ дѣйствительности, слѣдя за всѣми дробными поворотами изучаемаго процесса, происходящими нерѣдко отъ внѣшнихъ толчковъ и событій въ другихъ странахъ міра, приходится допустить дѣленіе гораздо болѣе дробное, сообразно этапамъ, обусловленнымъ главнымъ образомъ перипетіями той борьбы, которая то затрудняла ходъ этого процесса, то, напротивъ, двигала его впередъ. Такихъ болѣе дробныхъ дѣленій можно насчитать нѣсколько въ одномъ и томъ же царствованіи.

Въ Россіи только первые годы XIX столѣтія прошли мирно, при чемъ мирная обстановка и прогрессивное настроеніе правительства способствовало правильному ходу внутренней жизни страны и спокойному развитію того историческаго процесса, который подготовленъ былъ исторіей прошедшаго времени. Затѣмъ общій ходъ дѣлъ въ Западной Европѣ, развивавшійся чрезвычайно бурно и имѣвшій прямую тенденцію захватить весь міръ въ свой круговоротъ, повліялъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на темпъ и направленіе дѣлъ въ Россіи. Онъ повліялъ на настроеніе русскаго правительства и на измѣненіе стоявшихъ передъ нимъ задачъ, при чемъ участіе въ міровой борьбѣ, разыгравшейся въ это время, преградило мирный путь развитія, но зато и ускорило темпъ событій, ускоривъ біеніе пульса въ нашемъ народномъ организмѣ и разомъ, окончательно вдвинувъ Россію въ сферу европейской общественной и политической жизни. Царствованіе Александра I было исполнено великихъ событій, и процессъ развитія русской жизни, испытывая въ это время сильнѣйшіе внѣшніе толчки и потрясенія, шелъ бурно и быстро, но съ рѣзкими колебаніями, дѣлая, такъ сказать, значительные зигзаги. Эти зигзаги и обозначаютъ тѣ дробные періоды или этапы, на которые приходится дѣлить внутреннюю исторію царствованія императора Александра. Та-

кихъ этаповъ въ этомъ двадцатипятилѣтіи новѣйшей русской исторіи мы можемъ насчитать цѣлыхъ шесть [1]).

Первый этапъ царствованія Александра—1801—1805 гг.—характеризуется горячимъ и искреннимъ приступомъ къ реформамъ по иниціативѣ самого юнаго императора. Въ то же время это періодъ самыхъ розовыхъ, хотя и очень неопредѣленныхъ надеждъ и ожиданій со стороны общества. Слѣдующіе затѣмъ два года (съ конца 1805 по 1807 включительно) рѣзко отдѣляются отъ этого періода: это годы первыхъ войнъ съ Наполеономъ,—войнъ, которыя были ведены внѣ всякаго видимаго отношенія къ русскимъ интересамъ и тяжело отозвались на положеніи народа. Въ теченіе этихъ войнъ правительство временно оставило всякія мысли о реформахъ.

Когда вторая война кончилась (въ 1807 г.) наступилъ новый, третій періодъ (1808—1812 г.), который характеризуется, прежде всего, союзомъ Александра съ Наполеономъ, а въ зависимости отъ этого союза и той континентальной системой, которая имѣла такое большое и пагубное значеніе для русской торговли и внутренней жизни и вызвала первую порчу отношеній между обществомъ и правительствомъ.

Эти четыре года являются въ то же время вторымъ приступомъ къ реформамъ, приступомъ менѣе пылкимъ и мало оставившимъ слѣдовъ въ дѣйствительной жизни, но уже предпринятымъ въ связи съ общественнымъ недовольствомъ и въ этомъ отношеніи довольно симптоматичнымъ. Это былъ періодъ, когда общество впервые стало болѣе или менѣе сознательно и критически относиться къ политикѣ Александра.

Затѣмъ слѣдуетъ новый періодъ Наполеоновскихъ войнъ (1812—1815 гг.), который характеризуется участіемъ Россіи (и не одного только правительства, а именно всей страны) въ великихъ міровыхъ событіяхъ того времени.

Пятый періодъ—съ 1816 по 1818 г. включительно—является

---

[1]) *Н. К. Шильдеръ* въ своей біографіи Александра насчитываетъ ихъ только три, но у Шильдера дѣленіе царствованія Александра на три періода совершенно удовлетворительно мотивируется поворотами въ личномъ развитіи и настроеніи самого Александра, ибо передъ Шильдеромъ стояла не та задача, которая стоитъ передъ нами. Его задача была: дать біографію императора Александра; наша задача—прослѣдить развитіе историческаго процесса внутренней жизни русскаго народа и государства.

періодомъ начавшихся международныхъ конгрессовъ для Александра и вмѣстѣ періодомъ новыхъ ожиданій для русскаго общества,—ожиданій тѣхъ реформъ и преобразованій, которыя тогда назрѣли въ общественномъ сознаніи и къ которымъ представители общества относятся уже гораздо сознательнѣе, выставляя опредѣленные запросы, но не разрывая еще вполнѣ съ правительствомъ и не теряя надежды на проявленіе съ его стороны желательной обществу преобразовательной инициативы.

Наконецъ, шестой періодъ (1819—1825 гг.),—періодъ вполнѣ опредѣлившейся реакціи въ правящихъ сферахъ, періодъ отчаянія общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и періодъ уже начавшагося революціоннаго движенія, довольно остраго, хотя и подпольнаго, но во всякомъ случаѣ выставившаго вполнѣ опредѣленные политическіе идеалы.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію событій начала царствованія Александра, необходимо остановиться на личности самого Александра,—личности, которая вліяла замѣтнымъ образомъ на развитіе внутренней и внѣшней исторіи Россіи и современной ему Европы.

Александръ былъ старшимъ внукомъ и личнымъ воспитанникомъ Екатерины, которая потратила много энергіи и обнаружила замѣчательный педагогическій талантъ, стремясь сдѣлать изъ него если не идеальнаго человѣка, то идеальнаго государя. Какъ только Александръ родился, державная бабка тотчасъ взяла его къ себѣ. Нельзя здѣсь не указать, что, насколько была неподготовлена и неподходяща къ роли воспитательницы Елизавета, когда она отобрала у родителей Павла, настолько Екатерина проявила необычайный талантъ и наличность яснаго сознанія и продуманной системы и пріемовъ воспитанія, которые она подробно описываетъ въ своей перепискѣ съ барономъ Гриммомъ. Съ первыхъ же дней жизни Александра мы видимъ его въ обстановкѣ, вполнѣ отвѣчающей требованіямъ разумной общей и дѣтской гигіены, мы встрѣчаемся съ замѣчательно вдумчивымъ взглядомъ на задачи физическаго и нравственнаго воспитанія въ возрастѣ перваго дѣтства и съ такимъ твердымъ, неуклоннымъ и увѣреннымъ примѣненіемъ этихъ взглядовъ, что можно подумать, будто Екатерина весь вѣкъ свой занималась воспитаніемъ дѣтей. Она выказывала при этомъ столько энергіи, горячности, нѣжности и любви ко внуку, сколько едва ли

кто могъ предположить въ этой женщинѣ, привыкшей посвящать свое время государственнымъ дѣламъ или личнымъ наслажденіямъ—чувственнымъ и умственнымъ. Она не ограничивалась общимъ руководительствомъ и надзоромъ за воспитаніемъ, но входила сама во всѣ мелочи, проявляя на каждомъ шагу свой ясный, къ сожалѣнію нѣсколько отвлеченный, умъ и свои творческія способности.

Когда Александръ сталъ подрастать, Екатерина сама сочинила азбуку и написала рядъ сказокъ, которыя были изданы и въ свое время имѣли широкое распространеніе; впослѣдствіи, съ цѣлью написанія учебника русской исторіи, Екатерина не остановилась передъ изученіемъ источниковъ русской исторіи и даже сама углублялась въ лѣтописи.

Когда Александръ сталъ выходить изъ возраста перваго дѣтства, Екатерина тщательно обдумала планъ дальнѣйшаго воспитанія и умственнаго образованія внука и подробно изложила свои мысли въ инструкціи воспитателю Салтыкову. Вмѣстѣ съ тѣмъ она тщательно подобрала штатъ воспитателей и учителей. Можетъ показаться нѣсколько удивительнымъ только выборъ главнаго воспитателя, графа Салтыкова, ловкаго придворнаго, но весьма зауряднаго человѣка, о которомъ извѣстный Массонъ (одинъ изъ учителей Александра) въ своихъ мемуарахъ ѣдко замѣчаетъ, что его главная и, можно сказать, исключительная обязанность состояла въ томъ, чтобы предохранять великаго князя и его брата отъ сквозного вѣтра и засоренія желудка. Однако и этотъ выборъ былъ также вполнѣ обдуманъ. Салтыковъ былъ выбранъ для того, чтобы служить ширмой для Екатерины, которая въ сущности желала сама быть главной воспитательницей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина, по всей вѣроятности, цѣнила и то, что Салтыковъ въ своей прежней должности гофмейстера двора Павла Петровича доказалъ свои способности быть ловкимъ посредникомъ между нею и Павломъ и всякія затрудненія и обостренія сводить нанѣтъ. Екатерина, очевидно, надѣялась, что онъ будетъ въ состояніи оказать цѣнныя услуги по этой части, когда отношенія между ея внукомъ и его родителями сдѣлаются щекотливыми впослѣдствіи, чего, конечно, можно было опасаться въ дѣйствительности.

Ближе стоявшіе къ дѣлу педагоги были выдающіеся люди;

среди нихъ первое мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ швейцарцу Лагарпу, прiисканiемъ котораго Екатерина обязана своимъ связямъ съ лучшими умственными силами тогдашней Европы.

Лагарпъ сначала былъ приглашенъ, по рекомендацiи Гримма, сопровождать въ Италiю младшаго брата фаворита Екатерины, Ланского.

Въ 1782 году, когда Александру было всего 5 лѣтъ, Екатерина, не желая упускать Лагарпа, пригласила его состоять при великомъ князѣ „кавалеромъ" и обучать его французскому языку. Но уже черезъ два года (въ 1784 году) Лагарпъ представилъ записку, въ которой изложилъ свои мысли о задачахъ воспитанiя будущаго императора, высказавъ при этомъ возвышенный взглядъ на обязанности государя въ отношенiи къ подданнымъ. Екатерина одобрила и взгляды, и воспитательный планъ Лагарпа и предоставила ему полную волю вкладывать въ душу Александра тѣ идеи, которыми онъ самъ былъ воодушевленъ и которыя соотвѣтствовали лучшимъ идеямъ передовыхъ людей его вѣка.

Лагарпъ былъ уроженецъ республики и воспитывался въ идеяхъ республиканскихъ и демократическихъ; человѣкъ высокообразованный, онъ былъ не только въ теорiи приверженцемъ возвышенныхъ взглядовъ, но и въ дѣйствительной жизни былъ человѣкомъ безукоризненно честнымъ, прямодушнымъ, искреннимъ и неподкупнымъ. Эти нравственныя его свойства дѣйствовали не менѣе сильно на Александра, чѣмъ тѣ познанiя, которыя передавалъ Лагарпъ своему воспитаннику.

Лагарпъ состоялъ учителемъ и воспитателемъ Александра въ теченiе 11 лѣтъ, съ 1784 по 1795 г., и Александръ неоднократно заявлялъ впослѣдствiи во всеуслышанiе, что всѣмъ, что въ немъ есть хорошаго, онъ обязанъ Лагарпу.

Весьма замѣчателенъ и характеренъ былъ также выборъ законоучителя великихъ князей Александра и Константина, которымъ былъ назначенъ протоiерей Сомборскiй. Протоiерей этотъ былъ женатъ на англичанкѣ и долгое время жилъ въ Англiи. Это былъ человѣкъ, до такой степени привыкшiй къ условiямъ европейской жизни, что Екатерина должна была разрѣшить ему носить свѣтское платье и брить бороду и усы, приводя этимъ въ смущенiе окружающихъ.

Сомборскiй пробылъ не менѣе 9 лѣтъ при Александрѣ. Онъ

искренно заботился о томъ, чтобы слово Божіе не почиталось урокомъ его юными воспитанниками. Внушая имъ евангельскія истины, онъ училъ будущаго императора прежде всего „находить во всякомъ человѣческомъ состояніи своего ближняго“. „Тогда,—говорилъ онъ (по словамъ Я. К. Грота),—никого не обидите и тогда исполнится законъ Божій“. На свои обязанности Самборскій смотрѣлъ, какъ на священную миссію, и несомнѣнно, что его вліяніе на Александра было благопріятно. Онъ же былъ преподавателемъ англійскаго языка (Александръ, впрочемъ, англійскому языку началъ учиться съ колыбели, такъ какъ нянюшка его была англичанка).

Преподавателемъ русскаго языка и русской исторіи былъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ писателей конца XVIII вѣка, содѣйствовавшій впослѣдствіи научнымъ занятіямъ Карамзина въ области русской исторіи. Александръ сохранилъ и къ нему признательность и уваженіе на всю жизнь. Слѣдуетъ также упомянуть о Массонѣ, который былъ преподавателемъ математики, о Палласѣ, знаменитомъ ученомъ натуралистѣ и путешественникѣ, дававшемъ Александру уроки географіи, и профессорѣ физики Крафтѣ. Значительное вліяніе имѣлъ на Александра и его воспитатель и дядька генералъ Протасовъ, который оставилъ весьма любопытный дневникъ. Это былъ человѣкъ старыхъ правилъ, но, несомнѣнно, вполнѣ добросовѣстный и честный; большой патріотъ и консерваторъ, онъ отрицательно относился къ политическимъ взглядамъ Лагарпа, но признавалъ его заслуги, цѣня въ немъ его честность и неподкупность. Роль Протасова заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что онъ слѣдилъ за повседневнымъ поведеніемъ Александра, за каждымъ его шагомъ и довольно строго указывалъ ему всякіе, даже мелкіе промахи, къ чему Александръ относился вполнѣ терпѣливо.

Такъ было обставлено воспитаніе Александра до 16-тилѣтняго возраста. Къ сожалѣнію, широкіе образовательные и воспитательные планы Екатерины и Лагарпа не были доведены до конца, а были скомканы, когда у Екатерины возникли новые государственные планы, которые ею овладѣли въ послѣдніе годы ея жизни. Убѣдившись окончательно въ неспособности своего сына Павла къ управленію государствомъ, Екатерина рѣшила его устранить и возвести на престолъ Александра.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду свой преклонный возрастъ, она рѣшила спѣшить и стала нетерпѣливо гнать весь ходъ обученія Александра. Недовольствуясь этимъ и желая какъ можно скорѣе сдѣлать его взрослымъ въ глазахъ окружающихъ, она не нашла ничего лучшаго, какъ женить его и подыскала ему невѣсту, когда ему не было и 16 лѣтъ. Въ то же время Екатерина поссорилась съ Лагарпомъ: она разсчитывала, что Лагарпъ будетъ сочувствовать замѣнѣ Павла Александромъ и окажетъ ей поддержку въ подготовленіи самого Александра къ этой мысли. Но Лагарпъ, который былъ человѣкомъ прямодушнымъ и строгимъ, посмотрѣлъ на это, какъ на придворную интригу, и категорически отказался способствовать приведенію въ исполненіе плана Екатерины, чѣмъ и вызвалъ ея раздраженіе. Послѣ свадьбы Александра Екатерина не замедлила устранить Лагарпа подъ тѣмъ предлогомъ, что женатому великому князю воспитатель уже не требуется.

Такимъ образомъ Александръ лишился главнаго своего руководителя и въ то же время вступилъ въ положеніе, которое явно не соотвѣтствовало его возрасту.

Всѣ планы его образованія были такимъ образомъ спутаны. Лишь отрывочное чтеніе книгъ продолжалось и далѣе по плану Лагарпа, который, по просьбѣ Александра, оставилъ ему и подробное наставленіе относительно поведенія его во всѣхъ возможныхъ случаяхъ жизни. Само собой разумѣется, что десятилѣтнее пребываніе Лагарпа не осталось безъ вліянія на взгляды его юнаго питомца; но преждевременное прекращеніе правильнаго и систематическаго ученія отразилось крайне неблагопріятно на Александрѣ. Лагарпъ вложилъ въ Александра цѣлый рядъ возвышенныхъ идей и благородныхъ стремленій, но не успѣлъ дать ему достаточныхъ положительныхъ знаній, пріобрѣтеніе которыхъ должно было начаться какъ разъ въ тотъ моментъ, когда такъ неожиданно остановилось его образованіе. Что касается внушенія Александру либеральныхъ идей, то въ этомъ отношеніи и сама Екатерина, хотя и охваченная въ концѣ своего царствованія уже вполнѣ реакціоннымъ настроеніемъ, продолжала тѣмъ не менѣе въ воспитаніи внука оставаться сторонницей тѣхъ идей эпохи просвѣщенія, которыми она увлекалась въ началѣ своего царствованія. Замѣчательно, что она сама читала и растолковывала Александру знаменитую декла-

рацію о правахъ человѣка и гражданина, чѣмъ, конечно, содѣйствовала развитію въ немъ либеральныхъ идей и даже отвлеченныхъ республиканскихъ мечтаній.

Но все это не устраняло недостатка въ положительныхъ знаніяхъ. Этотъ недостатокъ положительныхъ знаній, обусловливавшій въ Александрѣ излишнюю склонность къ мечтательности, ярко отмѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ кн. Адамъ Чарторыйскій, склонный отнестись скептически ко всей воспитательной системѣ Лагарпа, котораго онъ признавалъ человѣкомъ весьма почтеннымъ, но стоящимъ въ сущности ниже своей репутаціи.

Что касается образованія самаго характера Александра, то на немъ отразились самымъ неблагопріятнымъ образомъ тѣ ненормальныя семейныя условія и та нездоровая придворная атмосфера, среди которыхъ онъ росъ и дѣйствія которыхъ не могли парализовать никакіе воспитательные планы даже и удачно подобранныхъ Екатериной воспитателей.

Къ самой Екатеринѣ въ раннемъ дѣтствѣ Александръ относился съ аффектированной нѣжностью, повидимому, впрочемъ, не совсѣмъ искренной, но по мѣрѣ того какъ въ чуткомъ мальчикѣ развивалось сознаніе, онъ не могъ не замѣтить цѣлаго ряда противорѣчій между внушаемыми ему идеями и окружавшей его средой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ не почувствовать и ненормальности тѣхъ отношеній, какія существовали между нимъ и его родителями и между этими послѣдними и Екатериной. Чѣмъ больше онъ развивался и понималъ, тѣмъ болѣе открывались у него глаза на отрицательныя стороны екатерининскаго двора, а вмѣстѣ и на несимпатичныя черты характера самой Екатерины. Оцѣнить ея государственныхъ заслугъ и дарованій онъ еще, конечно, не могъ, а разглядѣть или по крайней мѣрѣ почувствовать ту атмосферу лжи и интригъ, которая ее окружала, онъ долженъ былъ довольно рано. Наставники его Лагарпъ и Протасовъ считали своимъ долгомъ поддерживать и развивать въ довѣренномъ имъ юношѣ добрыя чувства къ отцу, а отецъ со своей стороны не могъ, а можетъ быть и не хотѣлъ скрывать своего отрицательнаго отношенія къ „большому двору". Въ концѣ-концовъ Александръ если и не зналъ этого опредѣленно, то, конечно, не могъ не почувствовать, что то неладное и натянутое, что образовалось между его отцомъ и его бабушкой, образовалось по винѣ этой

послѣдней, и что во всякомъ случаѣ въ этихъ отношеніяхъ страдательная и угнетенная роль выпала на долю его отца. При такихъ отношеніяхъ очень возможно, что, несмотря на всю дикость и непривлекательность гатчинскихъ порядковъ, въ сердцѣ юнаго Александра могло образоваться нѣкоторое сочувствіе къ положенію отца и скрытое осужденіе поступковъ Екатерины. Мало-по-малу это отрицательное отношеніе къ бабушкѣ и окружавшимъ ее порядкамъ онъ сталъ и высказывать по секрету людямъ, которымъ тогда довѣрялъ. Вслухъ и открыто высказывать этого онъ не могъ, пріученный съ раннихъ лѣтъ къ тому, что бабушкѣ можно говорить однѣ только почтительныя и лестныя для нея фразы. Немудрено, что при подобныхъ условіяхъ въ немъ рано развились скрытность и лицемѣріе. Очень можетъ быть, что въ „маломъ дворѣ" онъ получалъ даже опредѣленныя наставленія въ этомъ духѣ, если не отъ отца, то отъ матери. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ тѣ яркія и въ его глазахъ возмутительныя противорѣчія, которыя онъ наблюдалъ между внушаемыми ему съ дѣтства идеями и дѣйствительной окружавшей его жизнью, возбудили въ Александрѣ естественное отвращеніе къ придворной жизни и къ той атмосферѣ лжи, интригъ, разврата и личной корысти, которая тамъ господствовала. Отъ природы уклончивый, мягкій, не склонный къ рѣзкимъ формамъ протеста, хотя и упрямый, и въ то же время чрезвычайно склонный къ мечтательности и идеализаціямъ всякаго рода, благодаря особенностямъ полученнаго имъ воспитанія, онъ сталъ строить себѣ планы мирной жизни частнаго человѣка гдѣ-нибудь на Рейнѣ, посреди прекрасной природы, и мало-по-малу пришелъ къ мысли о возможности и необходимости отреченія отъ того высокаго и вмѣстѣ и непріятнаго для него положенія, которое предстояло ему въ будущемъ. Планы эти всецѣло раздѣляла,—а можетъ быть и участвовала въ ихъ составленіи и развитіи,—молоденькая жена Александра, Елизавета Алексѣевна, баденская принцесса, которой едва исполнилось 14 лѣтъ, когда она вышла за него замужъ. Великая княгиня Елизавета Алексѣевна, по единодушному свидѣтельству современниковъ, была въ высшей степени привлекательное и обаятельное существо съ честной душой и развитымъ умомъ, открытымъ для всѣхъ возвышенныхъ идей и понятій, которыми былъ въ то время одушевленъ ея

мужъ. Поэтому въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вплоть до восшествія Александра на престолъ, молодые супруги жили, повидимому, душа въ душу. Можно думать, что въ это время Елизавета Алексѣевна, по характеру болѣе пылкая и болѣе открытая, нежели ея мужъ, быть можетъ даже оказывала на него нѣкоторое вліяніе въ сторону дальнѣйшаго развитія усвоенныхъ обоими ими принциповъ.

Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины планы Александра, какъ разъ противоположные ея государственнымъ планамъ, повидимому, созрѣли окончательно, и онъ сообщаетъ ихъ въ письмахъ Лагарпу и своему молодому другу Кочубею, бывшему въ то время посланникомъ въ Константинополѣ, а затѣмъ и въ личномъ разговорѣ съ молодымъ польскимъ аристократомъ и патріотомъ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, съ которымъ онъ незадолго передъ этимъ познакомился. Неизвѣстно, что отвѣтили (и даже отвѣтили ли что-нибудь?) на письма Александра Лагарпъ и Кочубей, но, какъ видно изъ мемуаровъ Чарторыйскаго, онъ, какъ ни былъ онъ пораженъ такимъ настроеніемъ юнаго Александра, какъ ни восхищала его видимая искренность, энтузіазмъ и простота, съ которой Александръ повѣрялъ ему свои мысли, — однако жъ и тогда сумѣлъ различить, что̀ было въ нихъ мечтательнаго и въ сущности эгоистичнаго, и своего мнѣнія не скрылъ отъ своего новаго высокопоставленнаго друга. Убѣжденія Чарторыйскаго и другихъ молодыхъ друзей, которыхъ Александръ вскорѣ пріобрѣлъ при его содѣйствіи — Строганова и Новосильцева — подѣйствовали на Александра, и онъ понялъ, что сложить съ себя предстоявшее ему бремя, именно въ виду трудности положенія, въ которомъ тогда находилась страна, онъ не въ правѣ, и потому онъ вскорѣ видоизмѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перваго конфиденціальнаго разговора съ Чарторыйскимъ онъ уже признаетъ, что не имѣетъ права отказываться отъ престола, когда придетъ его чередъ царствовать, и соглашается, что долженъ сперва дать странѣ прочное свободное политическое устройство, а затѣмъ уже можетъ отказаться отъ власти и уйти въ частную жизнь.

Послѣдствія показали, однако, что и это рѣшеніе было совершенно мечтательно и для Александра неосуществимо. Пре-

жде однако жъ, чѣмъ ему пришлось выдержать это испытаніе, ему предстояло пережить четырехлѣтнее царствованіе своего отца — поистинѣ каторжный періодъ въ жизни самого Александра.

Это тяжелое четырехлѣтіе сильно и болѣзненно отразилось на окончательномъ сформированіи его характера и на дальнѣйшей судьбѣ. Положеніе Александра въ это время вмѣстѣ съ положеніемъ всей Россіи описано имъ самимъ въ сильныхъ и яркихъ чертахъ въ письмѣ къ Лагарпу, посланномъ, конечно, тайкомъ съ Новосильцевымъ, который въ сентябрѣ 1797 г. уѣхалъ за границу, спасаясь отъ грозившаго ему гоненія. „Чтобы сказать однимъ словомъ, — писалъ Александръ въ этомъ письмѣ, — благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами. Существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ на выворотъ. Невозможно передать всѣ тѣ безразсудства, которыя совершались здѣсь. Прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, немалую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; заслуги здѣсь ни при чемъ, однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина современной Россіи, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце. Я самъ, обязанный подчиняться всѣмъ мелочамъ военной службы, теряю все свое время на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера, рѣшительно не имѣя никакой возможности отдаться своимъ научнымъ занятіямъ, составлявшимъ мое любимое времяпрепровожденіе... Я сдѣлался теперь самымъ несчастнымъ человѣкомъ...“

Эта выписка показываетъ, какъ чувствовалъ себя Александръ уже въ первый годъ царствованія Павла. Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ Лагарпу объ образованіи того дружескаго кружка, который игралъ впослѣдствіи такую важную роль въ первые годы его царствованія и состоялъ изъ Чарторыйскаго, Строганова, Новосильцева и Кочубея.

Теперь этимъ молодымъ либераламъ всѣ пути были заказаны. Имъ оставалось заниматься переводами полезныхъ ино-

странныхъ книгъ, которыя они не имѣли даже возможности издавать [1]).

Но и это невинное занятіе имъ вскорѣ пришлось оставить и разъѣхаться въ разныя стороны въ ожиданіи лучшаго будущаго.

Таково было положеніе юнаго Александра въ началѣ царствованія Павла. А затѣмъ, по мѣрѣ того какъ Павелъ становился все неистовѣе въ отношеніи къ своимъ подданнымъ, и положеніе Александра дѣлалось все хуже. За эти четыре года онъ прошелъ страшную школу, оставившую на немъ на всю жизнь свои роковые слѣды. Павелъ заставлялъ его быть не только свидѣтелемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко и участникомъ всѣхъ сумасбродствъ, которыя онъ продѣлывалъ, и тѣхъ жестокихъ мѣропріятій, которыя отъ него исходили. Въ самомъ началѣ царствованія Павла Александръ былъ назначенъ главнымъ военнымъ губернаторомъ Петербурга и въ силу этого назначенія сдѣлался главной полицейской властью въ столицѣ. Черезъ него, такимъ образомъ, по должности проходила главная масса тѣхъ карательныхъ мѣръ, которыми въ такомъ изобиліи осыпалъ своихъ подданныхъ Павелъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой должности Александру приходилось служить съ такими людьми, какъ Архаровъ, одинъ изъ самыхъ грубыхъ гатчинцевъ. Послѣ Архарова товарищемъ Александра по должности сдѣлался тотъ самый графъ Паленъ, который впослѣдствіи былъ душой заговора, приведшаго къ убійству Павла. Это былъ человѣкъ очень сильной воли, большого властолюбія и, безспорно, большого ума, но циникъ, не останавливавшійся ни передъ какими средствами...

Иногда Александру приходилось переживать прямо трагическія минуты, которыя не могли не оставить глубокаго болѣзненнаго слѣда въ его сантиментальной мечтательной душѣ: это бывало именно тогда, когда Павелъ хотѣлъ спеціально подчеркнуть свое съ нимъ единодушіе. Дѣло доходило иногда до того, что Павелъ заставлялъ Александра собственноручно писать приказы о разстрѣляніи невинныхъ людей, чтобы всѣ ви-

---

[1]) Лишь нѣкоторые изъ этихъ переводовъ были, повидимому, напечатаны въ самомъ началѣ царствованія Павла въ „Петербургскомъ журналѣ". (Срав. *Н. П. Колюпановъ*. „Біографія А. И. Кошелева", I, 132; *Н. И. Гречъ*. „Записки"; *А. А. Кизеветтеръ*. „Историч. очерки", М., 1912, стр. 72 и слѣд.

дѣли, какъ онъ выразился, что „вы однимъ со мной духомъ дышите!“.

Разумѣется, подобныя обстоятельства не могли не отразиться самымъ тяжелымъ образомъ на сформированіи характера Александра, тѣмъ болѣе, что при вступленіи Павла на престолъ Александру не было еще и 20-ти лѣтъ. Легко себѣ представить, каково было пережить эти 4 года царствованія Павла воспитаннику Лагарпа послѣ тѣхъ настроеній и идиллическихъ плановъ, съ которыми онъ носился въ послѣдніе годы царствованія Екатерины.

Въ заключеніе Александру пришлось противъ воли принять участіе въ заговорѣ противъ родного отца. Заговорщики не пощадили Александра: они разсудили, что если они его втянутъ въ заговоръ, то обезпечатъ себѣ безнаказанность. И вотъ Паленъ и Панинъ вдвоемъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ уговаривали и наконецъ уговорили Александра принять участіе въ этомъ дѣлѣ, представивъ его въ такомъ видѣ, что рѣчь идетъ лишь объ устраненіи Павла и объ учрежденіи затѣмъ регентства [1]). Въ необходимости устранить безумнаго Павла трудно было сомнѣваться: этого требовали благо и безопасность Россіи. Александръ взялъ съ Палена клятву, что жизнь Павла останется неприкосновенной, и затѣмъ далъ свое согласіе на переворотъ.

Когда же эту клятву заговорщикамъ пришлось нарушить и послѣдовала трагическая смерть Павла, Паленъ объяснилъ Александру, что иного выхода не было. Такой трагической развязки Александръ по своей наивности не предвидѣлъ, хотя въ сущности трудно было себѣ представить, какъ можно было устранить Павла, не лишивъ его жизни. Насильственная смерть отца произвела на Александра отчаянное, удручающее впечатлѣніе. Слѣды этого впечатлѣнія, какъ свидѣтельствуютъ о томъ близкіе ему люди, остались на всю жизнь. Нѣкоторые его біографы, можетъ быть не безъ основанія, утверждаютъ, что то тяжелое, мистическое, почти болѣзненное настроеніе, въ какое впалъ Александръ въ концѣ своего царствованія, имѣло свои корни, съ одной стороны, въ ужасахъ царствованія Павла, а съ другой — именно въ этомъ вынужденномъ косвенномъ участіи въ убійствѣ отца.

---

[1]) Панинъ, повидимому, и самъ искренно такъ думалъ.

Вотъ подъ какимъ тяжелымъ вліяніемъ и при какихъ исключительныхъ обстоятельствахъ развивался и складывался характеръ Александра, казавшійся столь загадочнымъ и современникамъ, и позднѣйшимъ его біографамъ. Въ раннемъ дѣтствѣ его воспитаніе было поставлено, повидимому, раціонально и даже блестяще его бабкой, но и въ то время онъ не могъ не испытать вреднаго вліянія нездоровой и ненормальной атмосферы екатерининскаго двора и странныхъ отношеній, установившихся между его родителями и Екатериной. Дальнѣйшее воспитаніе, которое велось по плану Лагарпа, было неожиданно прервано, до своего естественнаго окончанія, ранней женитьбой Александра и преждевременной отставкой самого Лагарпа. Послѣ этого наступилъ періодъ весьма неблагопріятный для правильнаго хода занятій; хотя чтеніе и продолжалось согласно тѣмъ наставленіямъ, которыя оставилъ Лагарпъ, но оно не сопровождалось пріобрѣтеніемъ положительныхъ знаній. Отсюда — періодъ стремленій благородныхъ и возвышенныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно безпочвенныхъ и мечтательныхъ... И эта склонность носиться съ возвышенными планами, не давая себѣ отчета о способахъ ихъ осуществленія и о всѣхъ ихъ послѣдствіяхъ, осталась у Александра въ извѣстной мѣрѣ навсегда, — отсюда тѣ противорѣчія, которыя мы наблюдаемъ во многихъ его дѣйствіяхъ на протяженіи всего его царствованія. Наконецъ, ужасная четырехлѣтняя школа при Павлѣ, закончившаяся трагедіей, довершила образованіе его сложнаго и загадочнаго характера.

Сочиненія, относящіяся къ біографіи Александра I до вступленія его на престолъ.

Какъ складывалась личность императора Александра, начиная съ возраста перваго дѣтства, удобнѣе всего прослѣдить по *Н. К. Шильдеру* („Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе". Т. I. Спб. 1904 г. Изд. 2-ое), положившему въ основаніе своего изложенія слѣдующіе матеріалы: 1) *Неизданные матеріалы*, заключающіеся въ архивахъ: государственномъ, военно-ученомъ, министерства иностр. дѣлъ, въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, въ берлинскомъ госуд. архивѣ, въ лозанской кантональной библіотекѣ (рукописи Лагарпа). Изъ этихъ матеріаловъ нѣкоторые приведены въ прилож. къ I т. Шильдера. 2) *Напечатанные матеріалы*: въ тт. I, V, XV, XVII, XVIII (особенно переписка Екатерины съ бар. Гриммомъ), XXIX (біографія

кн. А. А. Безбородка) и XLII Сборника Имп. русск. историч. общества; въ архивѣ *кн. Воронцова* (особенно томы: VIII, XI, XV, XVIII и XXIX); въ журналахъ: „Русск. Архивѣ", „Русск. Старинѣ", „Древ. и Нов. Россіи", „Историч. Вѣстникѣ", сборникѣ „XVIII вѣкъ" Бартенева; въ отдѣльно изданныхъ запискахъ, воспоминаніяхъ и біографіяхъ: „Mémoires de l'imp. *Catherin II.* Londres 1859, русское изданіе Академіи Наукъ; „Дневникъ *А. В. Храповицкаго*". Спб. 1874; *Masson.* „Mem. Secrets sur la Russie". 1802; *Сухомлинова.* „Фр. Ц. Лагарпъ". Спб. 1871; „Mémoires de *F. C. La L. Harpe*". Paris et Genève, 1864, „Mém. de *Michel Oginsky*". P. 1826; „*Mém. du pr. Ad. Czartoryski* et corresp. avec l'emp. Alexandre I". P. 1887. Есть русск. переводъ подъ ред. А. А. Кизеветтера. Записки *Ф. Ф. Вигеля.* М. 1891; „О жизни протоіерея А. А. Сомборскаго". Спб. 1888; „Дневныя записки А. Я. Протасова" въ Др. и Нов. Росс. за 1880; Сочиненія имп. *Екатерины II*, изд. Акад. Наукъ подъ ред. А. Н. Пыпина. Спб. 1879; „*Mem. du compe de Ségur*". 3 т. P. 1842; „Записки о жизни кн. Н. И. Салтыкова, изд. *Свиньинымъ*". Спб. 1818; „Mem. historiques sur l'emp. Alexandre", *par comptesse de Choiseul Gouffier* P. 1829, русскій переводъ, изданіе Некрасова; „Свѣдѣнія о гр. А. А. Аракчеевѣ", сост. *В. Ратчемъ.* Спб. 1864; Записки *А. С. Шишкова.* 2 ч. Берлинъ; Записки *Г. Р. Державина*, М. 1862 г.; Воспоминанія. *Ф. П. Лубяновскаго.* Спб. 1872; *И. И. Дмитріевъ* „Взглядъ на мою жизнь". 2 ч. М. 1866; *Е. П. Ковалевскій* „Гр. Блудовъ и его время". Спб. 1866; *I. U. Niemcewicz*: „Notes sur ma captivité". P. 1843; *Снегиревъ.* „Жизнь митрополита Платона". М. 1856; „Гр. П. А. Строгановъ", *в. кн. Николая Михайловича.* Спб. 1903. 3 тома (Шильдеръ пользовался рукописными матеріалами, вошедшими въ это изданіе); Записки *Д. Г. Мертваго.* М. 1867. (Изд. Рус. Арх.); *А. А. Брикнеръ.* „Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина". Т. 1—6. Спб. 1890; *Авг. Коцебу.* „Достопамятный годъ моей жизни". Спб. 1879; *Helldorf* „Aus dem Leben des prinzen Eugen v. Würtemberg", 1 ч. Berl. 1861; *Abbé Georgel.* „Voyage à St.-Pétérsbourg en 1799—1800". P. 1818. Русск. перев., изд. Некрасова. *М. Морошкинъ.* „Iезуиты въ Россіи". Спб. 1870. Къ этимъ источникамъ слѣдуетъ прибавить изд. въ 1907 г. „Цареубійство 11 марта 1801 г." (Записки участниковъ и современниковъ: Саблукова, Бенигсена, Ланжерона, М. фонъ-Визина, княгини Ливенъ, Ад. Чарторыйскаго, бар. Гейкинга, Коцебу) и „Смерть Павла Перваго". М. 1909 (статьи проф. Шимана и Брикнера), а также *Schieman*, „Paul's Ermordung". Berl., и другой переводъ книги проф. Брикнера „Смерть Павла I" со статьей *В. И. Семевскаго* (изд. Пирожкова). Спб. 1907.

ЛЕКЦІЯ V.

Вступленіе Александра на престолъ.—Его настроеніе и степень подготовленности.—Первые сотрудники Александра и мѣры, принятыя имъ въ первые 3 мѣсяца.—Работы негласнаго комитета. Его составъ. Планъ работъ. Обсужденіе политической реформы. Крестьянскій вопросъ. Образованіе министерствъ и преобразованіе сената. Итоги работъ негласнаго комитета.

Вступивъ на престолъ 23-хъ лѣтъ отъ роду, Александръ, какъ мы видѣли, далеко не былъ уже тѣмъ наивнымъ мечтателемъ, какимъ онъ являлся въ письмахъ къ Лагарпу 1796—97 годовъ. Онъ не утратилъ, правда, стремленія къ добру, но въ значительной мѣрѣ потерялъ прежнее довѣріе къ людямъ и не былъ уже прежнимъ энтузіастомъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на участіе въ дѣлахъ управленія при Павлѣ, онъ продолжалъ оставаться неопытнымъ въ управленіи и въ сущности почти столь же неосвѣдомленнымъ относительно положенія Россіи, какъ и раньше. Однако же то уныніе, то видимое сознаніе своей безпомощности, которое онъ проявлялъ въ первые дни послѣ своего воцаренія, отнюдь не слѣдуетъ принимать за отсутствіе или слабость воли. Впослѣдствіи онъ доказалъ, что воля у него была довольно настойчива, что онъ умѣлъ достигать того, чего хотѣлъ, но не хватало, особенно на первыхъ порахъ, положительныхъ знаній, не хватало точно обдуманной программы и опытности. Онъ самъ это прекрасно сознавалъ и потому то и колебался, не зная, что предпринять немедленно.

Въ то же время, за исключеніемъ нѣсколькихъ старыхъ государственныхъ дѣятелей, плохо понимавшихъ его стремленія, не было возлѣ него никого, на кого онъ могъ бы опереться и кому онъ могъ бы вполнѣ вѣрить. Были умные люди вродѣ Палена и Панина, но имъ онъ не могъ вполнѣ вѣрить, благодаря ихъ роли въ заговорѣ противъ Павла; есть даже основа-

ніе думать, что они ему внушали прямое отвращеніе, которое онъ однако же скрывалъ [1]). Екатерининскіе вельможи были разогнаны Павломъ, наиболѣе выдающіеся изъ нихъ (напр., Безбородко) успѣли уже умереть, а къ оставшимся въ живыхъ у Александра особеннаго довѣрія не было. Александръ, впрочемъ, очень обрадовался, когда въ самую ночь переворота явился по его зову одинъ изъ „старыхъ служивцевъ“, Д. П. Трощинскій, котораго онъ зналъ за честнаго человѣка и за опытнаго дѣльца. Затѣмъ онъ назначилъ другого „стараго служивца“ Беклешева на постъ генералъ-прокурора вмѣсто уволеннаго Обольянинова [2]).

Были, конечно, немедленно вызваны изъ-за границы личные друзья Александра: Чарторыйскій, Новосильцевъ и Кочубей, но они быстро пріѣхать не могли при тогдашнихъ средствахъ сообщенія...

То обстоятельство, что Александръ не приказалъ немедленно арестовать заговорщиковъ, графовъ Палена и Панина, при чемъ оставилъ перваго изъ нихъ на службѣ и пригласилъ вновь второго, отставленнаго передъ тѣмъ Павломъ, — нѣкоторые склонны были объяснять слабостью воли молодого царя. Однако, зная теперь всѣ обстоятельства заговора, мы можемъ сказать, что онъ, въ сущности, едва ли и могъ поступить иначе, потому что оба они въ убійствѣ Павла непосредственно не участвовали; а если бы Александръ привлекъ ихъ только за самое участіе въ заговорѣ, то онъ долженъ былъ бы привлечь и самого себя. И по государственнымъ соображеніямъ, при томъ безлюдьѣ, въ которомъ онъ находился, онъ долженъ былъ дорожить каждымъ способнымъ государственнымъ человѣкомъ. Въ рукахъ Палена къ тому же сосредоточивались въ тотъ моментъ всѣ нити управленія, и онъ былъ единственнымъ

---

[1]) Срав. письмо Александра къ Екатеринѣ Павловнѣ отъ 18 сентября 1812 г. въ „перепискѣ“ ихъ, изд. *вел. кн. Николаемъ Михайловичемъ*, Спб., 1910, стр. 87.

[2]) Оба эти дѣятеля были люди, одаренные природнымъ умомъ и въ общемъ смыслѣ слова честные; но не особенно образованные; они не были людьми идейными, принципіальными, и въ государственныхъ дѣлахъ руководились главнымъ образомъ рутиной, да „здравымъ смысломъ“. Къ тому же они были въ контрахъ между собой и ссорились очень часто даже въ присутствіи Александра (Шильдеръ, II, 30).

человѣкомъ, который зналъ, гдѣ что находится и могъ въ одну минуту рѣшить то, что отъ всякаго другого потребовало бы предварительныхъ справокъ и изученій; между тѣмъ положеніе было очень трудное и даже рискованное, по крайней мѣрѣ по внѣшности, въ отношеніяхъ международныхъ. Вѣдь Павелъ въ концѣ царствованія путемъ безразсудныхъ репрессій и ряда вызывающихъ дѣйствій не на шутку вооружилъ противъ себя Англію и заставилъ англичанъ предпринять морскую экспедицію противъ Россіи и ея союзницы Даніи. Черезъ недѣлю послѣ смерти Павла адмиралъ Нельсонъ уже бомбардировалъ Копенгагенъ и, уничтоживъ весь датскій флотъ, готовился бомбардировать Кронштадтъ и Петербургъ. Требовались рѣшительныя мѣры, чтобы предотвратить это вторженіе англичанъ и притомъ безъ ущерба для національнаго самолюбія. А Паленъ былъ единственнымъ наличнымъ въ Петербургѣ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ очень быстро и успѣшно справился съ этой задачей, — быть можетъ, благодаря тому, что англійское правительство было до нѣкоторой степени посвящено бывшимъ посломъ Витвортомъ, близкимъ съ заговорщиками, въ смыслъ совершившагося переворота. Какъ бы то ни было, въ самое короткое время англичане вполнѣ успокоились, и Нельсонъ, даже съ извиненіями, отплылъ назадъ отъ Ревеля.

Что касается Никиты Петровича Панина, то онъ былъ однимъ изъ очень немногихъ тогда опытныхъ и даровитыхъ дипломатовъ, и поэтому возвращеніе его къ дѣламъ было тоже совершенно естественно. Александръ призвалъ его въ Петербургъ изъ подмосковнаго имѣнія и немедленно передалъ ему въ управленіе всѣ иностранныя дѣла [1]).

Съ первыхъ же дней своего царствованія Александръ, несмотря на подавленное настроеніе, проявилъ большую энергію въ такихъ дѣлахъ, которыя представлялись ему ясными.

---

[1]) Объ отношеніяхъ Александра къ Палену и Панину иначе разсказано въ запискахъ декабриста М. А. фонъ-Визина (племянника извѣстнаго писателя). Въ своихъ „Запискахъ“ фонъ-Визинъ,—со словъ гр. П. А. Толстого, бывшаго военнымъ губернаторомъ Петербурга послѣ Палена, — разсказываетъ, будто бы Александру при самомъ его вступленіи на престолъ именно Панинымъ и Паленомъ было поставлено опредѣленное условіе, чтобы онъ далъ торжественное обѣщаніе немедленно по воцареніи даровать конституцію, но что будто бы генералъ Талызинъ, который командовалъ гвардейскимъ

Въ самую ночь переворота онъ не забылъ сдѣлать распоряженіе о возвращеніи казаковъ, отправленныхъ завоевывать Индію.

Въ ту же ночь Трощинскій наспѣхъ, но очень удачно, составилъ проектъ манифеста о восшествіи молодого императора на престолъ. Въ этомъ манифестѣ Александръ торжественно обѣщалъ управлять народомъ „по законамъ и по сердцу бабки

гарнизономъ въ столицѣ, во-время предупредивъ Александра объ этомъ, уговорилъ его не соглашаться на эти условія и обѣщалъ въ случаѣ нужды поддержку всѣхъ гвардейскихъ войскъ, которыя находились въ Петербургѣ. Александръ, по разсказу фонъ-Визина, послушался Талызина, и отвергъ предложеніе Палена и Панина, послѣ чего Паленъ, взбѣшенный вмѣшательствомъ Талызина, приказалъ, будто бы, отравить его (надо замѣтить, что Талызинъ дѣйствительно скоропостижно скончался какъ разъ въ это время). Легенда утверждаетъ, что эти обстоятельства и были причиной удаленія въ отставку графовъ Палена и Панина. Эта легенда долго пользовалась довѣріемъ многихъ; но теперь нельзя сомнѣваться въ ея невѣрности.

Панинъ не былъ въ это время даже въ Петербургѣ и пріѣхалъ въ столицу лишь черезъ нѣсколько недѣль. Притомъ, если бы все это было правдой, то Александръ отставилъ бы Палена немедленно и не назначилъ бы Панина, между тѣмъ оба они получили отставку только тогда, когда миновала въ нихъ необходимость,—спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Обстоятельства отставки Палена извѣстны. Онъ былъ отставленъ по требованію императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ которой у него произошло въ іюнѣ 1801 г. рѣзкое столкновеніе изъ-за иконъ, поднесенныхъ ей старообрядцами и выставленныхъ по ея приказанію въ часовнѣ, при чемъ на одной изъ этихъ иконъ оказалась надпись, въ которой Паленъ увидѣлъ намекъ на желательность суровой расправы съ убійцами Павла. Паленъ позволилъ себѣ приказать убрать икону, выставленную по распоряженію императрицы, и сверхъ того обратился съ жалобой на нее къ Александру, а императрица въ свою очередь потребовала его отставки, и Александръ не только уволилъ его, принявъ сторону матери, но и приказалъ ему выѣхать изъ Петербурга. Все это произошло лишь въ іюнѣ 1801 г.

Панинъ же управлялъ иностранными дѣлами съ апрѣля до сентября 1801 г. Теперь вполнѣ опредѣленно выяснены обстоятельства, по которымъ и ему пришлось оставить свою должность: онъ совершенно не сходился съ Александромъ во взглядахъ на внѣшнюю политику и старался провести свою линію, несогласную со взглядами и волей Александра, которые оказались опредѣленнѣе и тверже, нежели Панинъ разсчитывалъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что необычное вступленіе на престолъ Александра, такъ долго окруженное тайной, породило различныя легенды: вѣдь многіе важные матеріалы, освѣщающіе это событіе, опубликованы только теперь. (Особенно „Архивъ кн. Воронцова“, кн. 11, 14, 18, 29 и др. и „Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина“ подъ ред. *А. Г. Брикнера*, т. VI).

своей — Екатерины Великой". Ссылка на Екатерину оказалась чрезвычайно удачной, потому что она знаменовала въ глазахъ современниковъ прежде всего обѣщаніе отмѣнить все то, что было сдѣлано Павломъ, при чемъ положеніе дѣлъ, бывшее при Екатеринѣ, рисовалось въ то время большинству въ розовомъ свѣтѣ.

Въ тотъ же день Александръ велѣлъ освободить изъ тюремъ и ссылки всѣхъ жертвъ тайной экспедиціи.

Тогда же онъ приступилъ и къ перемѣнѣ личнаго состава служащихъ, дѣйствуя на первыхъ порахъ весьма осторожно. На первый разъ были уволены: государственный прокуроръ Обольяниновъ, которому принадлежала при Павлѣ роль верховнаго инквизитора; шталмейстеръ Кутайсовъ, одинъ изъ виднѣйшихъ и презрѣннѣйшихъ наушниковъ Павла, который, будучи сначала простымъ камердинеромъ, достигъ затѣмъ въ царствованіе Павла высшихъ государственныхъ степеней, украсился орденами, получилъ огромныя богатства, но пользовался всеобщей ненавистью; и московскій оберъ-полицеймейстеръ Эртель, приводившій при Павлѣ въ трепетъ населеніе первопрестольной столицы.

Затѣмъ послѣдовалъ рядъ указовъ, отмѣнявшихъ ненавистныя обскурантныя и запретительныя мѣры Павла: возвращены были на службу всѣ исключенные безъ суда чиновники и офицеры, число которыхъ простиралось отъ 12 до 15 тысячъ; объявлена была амнистія всѣмъ бѣглецамъ (кромѣ убійцъ); уничтожена была тайная экспедиція, при чемъ было объявлено, что всякій преступникъ долженъ быть обвиняемъ, судимъ и наказываемъ „общею силою законовъ"; чиновникамъ было объявлено, чтобы они не дерзали чинить обидъ обывателямъ; отмѣнено было запрещеніе ввоза иностранныхъ книгъ, повелѣно было распечатать частныя типографіи, снято было запрещеніе съ ввоза товаровъ и былъ объявленъ свободный пропускъ русскихъ подданныхъ за границу; затѣмъ возстановлены были жалованныя грамоты дворянству и городамъ; возстановленъ болѣе свободный таможенный тарифъ 1797 года. Солдаты были избавлены отъ ненавистныхъ буклей, которыя было приказано отрѣзать, — только косы, нѣсколько укороченныя, оставались еще до 1806 года. Наконецъ, былъ затронутъ и крестьянскій вопросъ: именно, академіи наукъ, которая изда-

вала вѣдомости и публичныя объявленія, было запрещено принимать объявленія о продажѣ крестьянъ безъ земли. Къ этому свелись наиболѣе важныя мѣры первыхъ недѣль царствованія Александра.

Всѣ эти мѣры не давали какихъ-нибудь новыхъ учрежденій, не являлись коренными преобразованіями существующаго строя и потому не требовали никакой программы, никакой подготовительной разработки: это было простое и быстрое устраненіе всѣхъ нелѣпыхъ тираническихъ распоряженій, которыя сдѣланы были Павломъ. Необходимость всѣхъ этихъ мѣръ была ясна и для Александра, и для всѣхъ окружавшихъ его, почему онъ и могъ ихъ принять безъ всякихъ приготовленій. Этимъ, главнымъ образомъ, его дѣятельность на первыхъ порахъ и ограничивается; вопросы органическихъ преобразованій оставлялись пока открытыми: для ихъ разрѣшенія нужно было сначала подготовить программу. Александръ смутно чувствовалъ, что безъ опредѣленнаго плана и безъ подготовительныхъ работъ такихъ реформъ нельзя провести.

Впрочемъ, въ первое время онъ сдѣлалъ все же нѣсколько шаговъ по направленію и къ органическимъ преобразованіямъ. Трощинскій подготовилъ преобразованіе придворнаго совѣта, который былъ основанъ еще въ концѣ царствованія Екатерины и превратился при Павлѣ въ своего рода высшій цензурный комитетъ, потому что Павелъ на него возлагалъ цензуру новыхъ книгъ и сочиненій русскихъ и иностранныхъ, пока не запретилъ окончательно ввоза всякихъ книгъ изъ-за границы и пока не перестали въ Россіи печататься русскія книги, кромѣ учебниковъ и справочныхъ изданій [1]). Этотъ придворный совѣтъ былъ 26 марта упраздненъ съ оставленіемъ за штатомъ его членовъ, а черезъ четыре дня, 30 марта, былъ учрежденъ „непремѣнный совѣтъ", который долженъ былъ стать совѣщательнымъ учрежденіемъ при государѣ по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ. Въ составъ его было назначено 12 лицъ изъ числа сановниковъ, менѣе другихъ возбуждавшихъ недовѣріе Але-

---

[1]) Сверхъ цензурныхъ дѣлъ совѣтъ вѣдалъ при Павлѣ дѣла высшаго финансоваго управленія и нѣкоторыя случайно вносившіяся въ него по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ дѣла высшей полиціи. (См. новое изслѣдованіе г. Клочкова, стр. 165 и слѣд.).

ксандра. Въ числѣ ихъ былъ и Трощинскій, которому было поручено и главное управленіе канцеляріей этого совѣта.

Слѣдующимъ болѣе крупнымъ шагомъ, который Александръ въ этомъ направленіи сдѣлалъ, были указы 5-го іюня 1801 г. сенату. Въ первомъ изъ нихъ сенату повелѣвалось самому представить докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ для утвержденія оныхъ на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ. Мысль Александра клонилась въ тотъ моментъ повидимому къ тому, чтобы возстановить силу сената, какъ высшаго органа правительственной власти, и въ особенности закономъ обезпечить ему независимость сужденій и распоряженій.

Другимъ указомъ 5 іюня учреждалась „подъ собственнымъ вѣдѣніемъ" императора и подъ непосредственнымъ управленіемъ графа Завадовскаго „комиссія о составленіи законовъ". Эта комиссія предназначалась не для выработки новаго законодательства, а для выясненія и согласованія существующихъ старыхъ законовъ, т.-е. для устраненія того обстоятельства, которое являлось одной изъ коренныхъ причинъ безпорядковъ и злоупотребленій въ управленіи страной, дававшихъ себя такъ сильно чувствовать при Екатеринѣ. Конечнымъ результатомъ работы этой комиссіи должно было быть изданіе свода дѣйствующихъ законовъ. Въ рескриптѣ Завадовскому было сказано: „Поставляя въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ навѣки,— въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія призналъ я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ сей части положеніи. Я всегда зналъ, что съ самаго изданія уложенія (рѣчь идетъ объ уложеніи Алексѣя Михайловича 1649 г.) до дней нашихъ, т.-е. въ теченіе одного вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законодательной власти различными и часто противоположными путями и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніи, ни постоянности въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее смѣшеніе правъ и обязанности каждаго, мракъ, облежащій равно судью и под-

судимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія...“

Указы эти имѣли въ то время огромное демонстративное значеніе. Послѣ произвола и самовластія павлова царствованія мысль Александра поставить выше всего законъ и обезпечить всѣмъ возможность знать этотъ законъ являлась, несомнѣнно, именно такою мыслью, которая могла всего болѣе создать молодому государю популярность и обезпечить ему сочувствіе образованнаго слоя общества. Выраженное имъ желаніе возвысить и укрѣпить положеніе сената, какъ независимаго хранителя законовъ, всѣ мыслящіе люди толковали, какъ искреннее намѣреніе отказаться отъ произвольныхъ дѣйствій.

Таковы были первые шаги, сдѣланные Александромъ въ первые три мѣсяца по его воцареніи. Онъ вовсе не думалъ на нихъ останавливаться.

Еще 24 апрѣля 1801 года Александръ завелъ, въ первый разъ по восшествіи на престолъ, разговоръ о необходимости коренного государственнаго преобразованія съ П. А. Строгановымъ, — однимъ изъ личныхъ своихъ друзей. Строгановъ однако выразилъ при этомъ мысль, что сперва надо преобразовать администрацію, а потомъ уже приступить къ ограниченію самодержавія. Александръ, казалось, одобрилъ эту мысль, но у Строганова получилось отъ всего этого разговора общее впечатлѣніе, что взгляды молодого государя отличались въ этотъ моментъ большой туманностью и неясностью [1]).

---

[1]) Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о самомъ П. А. Строгановѣ и другихъ молодыхъ пріятеляхъ Александра, вызванныхъ имъ изъ-за границы. Строгановъ былъ единственнымъ сыномъ самаго богатаго изъ екатерининскихъ вельможъ, графа А. С. Строганова. Какъ и Александръ, онъ былъ воспитанъ французомъ-республиканцемъ. Этотъ французъ, довольно извѣстный въ свое время математикъ, Роммъ, въ своей дальнѣйшей судьбѣ былъ менѣе счастливъ, чѣмъ Лагарпъ: онъ былъ впослѣдствіи членомъ и даже одно время предсѣдателемъ конвента 1793 года, а затѣмъ кончилъ жизнь на эшафотѣ. Это былъ болѣе суровый и непреклонный республиканецъ, чѣмъ Лагарпъ.

Въ 1790 году онъ путешествовалъ вмѣстѣ съ молодымъ Строгановымъ по Европѣ и, попавъ въ Парижъ въ разгаръ революціи, вступилъ въ якобинскій клубъ вмѣстѣ со своимъ юнымъ питомцемъ, который вскорѣ сдѣлался даже библіотекаремъ этого клуба, сойдясь при этомъ съ извѣстной революціонеркой Теруань де Мерикуръ.

Въ маѣ 1801 года Строгановъ, вслѣдствіе приведеннаго апрѣльскаго разговора, представилъ Александру записку, въ которой предлагалъ ему учредить особый негласный комитетъ для обсужденія плана преобразованій. Александръ одобрилъ эту мысль

Когда Екатерина узнала объ этомъ, она воспретила Ромму въѣздъ въ Россію и, немедленно вытребовавъ юнаго Строганова въ Петербургъ, сослала его въ деревню, гдѣ жила тогда его мать.

Вскорѣ однако молодой Строгановъ былъ возвращенъ ко двору. Тутъ онъ подружился съ Александромъ (черезъ Чарторыйскаго) и мало-по-малу освоился съ русскими условіями. Отъ его былого радикализма и якобинства у него остались однако большая прямолинейность въ характерѣ и склонность къ осуществленію даже либеральныхъ реформъ якобинскимъ путемъ. По взглядамъ же своимъ онъ былъ довольно умѣренный либералъ, хотя и съ замѣтнымъ демократическимъ оттѣнкомъ. Отъ воспитателя своего Ромма онъ заимствовалъ прежде всего замѣчательную точность мысли и привычку съ полной опредѣленностью формулировать свои настроенія и взгляды.

Среди молодыхъ совѣтниковъ Александра Строгановъ былъ если не наиболѣе одареннымъ, то наиболѣе стойкимъ, съ опредѣленнымъ планомъ дѣйствій въ головѣ; всѣ остальные въ этомъ, несомнѣнно, далеко уступали ему. Строгановъ былъ старше Александра на пять лѣтъ и считалъ императора человѣкомъ съ благими намѣреніями, но слабохарактернымъ и лѣнивымъ, и первой своей задачей, — или, вѣрнѣе, не своей, а задачей того кружка, къ которому онъ принадлежалъ и относительно котораго думалъ, что этому кружку предстоитъ преобразовать Россію, — онъ считалъ подчиненіе Александра, чтобы имѣть возможность систематически направлять его дѣятельность къ добру. Такъ какъ Строгановъ предвидѣлъ, что и цѣлый рядъ другихъ лицъ совсѣмъ иного направленія, и чаще всего въ личныхъ видахъ, будетъ стремиться къ той же цѣли, то онъ считалъ, что кружку нужно спѣшить, ибо тогда, когда Александръ окажется въ подчиненіи у кого-нибудь другого, будетъ уже труднѣе воздѣйствовать на него. Мѣры, которыми онъ полагалъ достигнуть этой цѣли, были впрочемъ совершенно честныя, далекія отъ обмана, насилія надъ совѣстью Александра и т. п. Строгановъ полагалъ подчинить Александра своему кружку, стараясь сдѣлаться для него необходимымъ при разработкѣ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые занимали самого Александра, но для разработки которыхъ у Александра не хватало, по мнѣнію Строганова, ни характера, ни способности къ упорному труду. (Характеристику Строганова см. въ біографіи его, составленной вел. княземъ Николаемъ Михайловичемъ въ 1903 г., т. I.).

Другой членъ этого кружка — Н. Н. Новосильцевъ — былъ двоюроднымъ братомъ Строганова. Онъ былъ или казался значительно тоньше его умомъ и имѣлъ большія способности вполнѣ литературно, блестящимъ слогомъ, излагать свои мысли. Новосильцевъ былъ нѣсколько старше Строганова и, значитъ, значительно старше Александра, менѣе пылокъ, болѣе остороженъ, зато не обладалъ такою точностью мысли и сознательностью намѣреній, какъ Строгановъ. (Тамъ же.).

Строганова и назначилъ въ составъ комитета Строганова, Новосильцева, Чарторыйскаго и Кочубея; но такъ какъ ни Кочубея, ни Чарторыйскаго, ни Новосильцева въ Петербургѣ еще не было, то начало работъ новаго комитета было отсрочено до ихъ пріѣзда. Работы эти начались лишь 24 іюня 1801 г. Отсюда видно, что всѣ выше приведенныя распоряженія и отмѣны различныхъ распоряженій Павла сдѣланы были Александромъ безъ всякаго участія „негласнаго комитета“ въ противность утвержденію многихъ историковъ этой эпохи, въ томъ числѣ и А. Н. Пыпина.

Задачи и планъ работъ негласнаго комитета были точно формулированы въ первомъ же его засѣданіи. Признано было необходимымъ прежде всего узнать дѣйствительное положеніе дѣлъ, затѣмъ реформировать правительственный механизмъ и,

---

Третьимъ членомъ кружка былъ кн. Адамъ Чарторыйскій, человѣкъ выдающагося ума и дарованій, пылкій патріотъ своей родины Польши, тонкій политикъ, трезвый наблюдатель, сумѣвшій значительно глубже другихъ понять сущность характера Александра. Онъ тоже въ свое время увлекался идеями революціонной Франціи 1789 года, но всѣ его завѣтныя помышленія были направлены къ возстановленію Польши въ видѣ сильнаго, независимаго государства. Описывая всѣхъ членовъ кружка въ своихъ мемуарахъ, Чарторыйскій самъ назвалъ себя наиболѣе безкорыстнымъ, такъ какъ онъ участвовалъ, собственно, въ чужомъ для него дѣлѣ. Къ чести Чарторыйскаго надо сказать, что онъ никогда не скрывалъ отъ Александра своихъ истинныхъ побужденій и намѣреній и впослѣдствіи, въ 1802 г., прежде чѣмъ принять мѣсто товарища министра иностранныхъ дѣлъ, предложенное ему императоромъ, предупредилъ Александра, что, какъ полякъ и польскій патріотъ, онъ, въ случаѣ столкновенія интересовъ русскихъ и польскихъ, станетъ всегда на сторону этихъ послѣднихъ („Mémoires du prince Adam Czartoryski“. P. 1887.).

Четвертымъ лицомъ, ранѣе не принадлежавшимъ къ этому тріумвирату и присоединеннымъ къ нему самимъ Александромъ, былъ гр. Викторъ Павловичъ Кочубей. Это былъ выдающійся молодой дипломатъ, племянникъ Безбородка, блестяще начавшій свою карьеру еще при Екатеринѣ, — 24-лѣтъ онъ былъ уже посломъ въ Константинополѣ и умѣло поддерживалъ престижъ и интересы Россіи. По взглядамъ своимъ это былъ искренній либералъ, впрочемъ гораздо болѣе умѣренный, чѣмъ Строгановъ и чѣмъ самъ Александръ. Онъ былъ очень образованный человѣкъ, но, воспитанный въ Англіи, онъ зналъ ее, какъ увѣряли современники, лучше, чѣмъ Россію.

Однако Кочубей стремился принять участіе именно во внутреннихъ преобразованіяхъ Россіи, и охотно отказался ради этого отъ своей блестящей дипломатической карьеры (онъ былъ при Павлѣ уже вице-канцлеромъ).

наконецъ, обезпечить существованіе и независимость обновленныхъ государственныхъ учрежденій конституціей, созданной самодержавной властью и соотвѣтствующей духу русскаго народа. Такова была задача негласнаго комитета. Эта формулировка вполнѣ соотвѣтствовала взглядамъ Строганова, но не выражала вполнѣ взглядовъ самого Александра, котораго въ это время занимала главнымъ образомъ мысль объ изданіи какой-нибудь демонстративной деклараціи въ родѣ знаменитой „деклараціи правъ человѣка и гражданина“. Строгановъ же считалъ, какъ уже упомянуто, что начать дѣло надо съ упорядоченія государственной организаціи, которое не было доведено до конца Екатериной и смѣнилось затѣмъ полнымъ хаосомъ въ царствованіе Павла.

Такъ какъ собираніе свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Россіи, порученное Новосильцеву, должно было затянуться, то рѣшено было предоставить Новосильцеву дѣлать доклады по мѣрѣ поступленія свѣдѣній о состояніи различныхъ отраслей государственнаго управленія, излагая въ нихъ свои соображенія о томъ, какія преобразованія слѣдуетъ предпринять въ ближайшемъ будущемъ.

Къ сожалѣнію, изученіе это понималось не слишкомъ глубоко и сводилось въ сущности къ изученію правительственнаго аппарата и выясненію его недостатковъ, а не къ изученію положенія народа; программа, которая была предложена Новосильцевымъ, состояла изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) вопросы о защитѣ страны съ суши и съ моря; 2) вопросы объ отношеніи къ другимъ государствамъ; 3) вопросъ о внутреннемъ состояніи страны въ отношеніи статистическомъ и административномъ. Подъ „статистическимъ отношеніемъ“, конечно, и могло разумѣться изученіе положенія народа; но согласно плану подъ „статистическимъ отношеніемъ“ разумѣлись только: торговля, пути сообщенія, земледѣліе и промышленность, а къ административному порядку, — признанному за clef de la voute, — должны были относиться: правосудіе, финансы и законодательство.

Конечно, изъ перечисленныхъ отдѣловъ въ наше время каждый признаетъ самымъ важнымъ именно изслѣдованіе въ статистическомъ отношеніи положенія Россіи, если его понимать такъ, какъ понимаютъ это теперь; но тогда никакой ста-

тистики не было; засѣданія негласнаго комитета происходили къ тому же тайно, такъ что и предпринять какую-либо анкету комитетъ отъ своего имени не могъ. Конечно, эту анкету можно было бы произвести отъ имени одного изъ правительственныхъ учрежденій, но въ то время сами члены комитета едва ли сумѣли бы выработать надлежащую программу изслѣдованія. Притомъ, при тогдашнихъ средствахъ сообщенія, требуемыя свѣдѣнія могли быть собраны лишь въ теченіе сравнительно продолжительнаго времени (на это потребовалось бы при тогдашнихъ условіяхъ, конечно, гораздо болѣе года); а между тѣмъ Александръ очень торопилъ комитетъ. Такимъ образомъ, если члены негласнаго комитета и пользовались статистическими данными, то лишь тѣми, которыя могли быть получены ими черезъ непремѣнный совѣтъ, или случайно оказывались въ ихъ распоряженіи, будучи получены черезъ государя или отъ отдѣльныхъ государственныхъ дѣятелей. Кое-чѣмъ могли они пользоваться и изъ запаса собственныхъ наблюденій, но, къ сожалѣнію, такой запасъ могъ быть сколько-нибудь существеннымъ, по отношенію къ внутренней жизни страны, развѣ только у Строганова, который, проживая въ деревнѣ, познакомился нѣсколько съ сельскимъ бытомъ, а у Кочубея и Чарторыйскаго имѣлся лишь въ области иностранныхъ сношеній.

Обсужденіе перваго пункта программы, именно вопроса о защитѣ страны съ суши и съ моря, заняло не много времени и было передано въ особую комиссію изъ свѣдущихъ въ военномъ и морскомъ дѣлѣ лицъ. Обсужденіе второго пункта — отношенія къ другимъ государствамъ — обнаружило прежде всего полную неподготовленность и неосвѣдомленность въ дѣлахъ внѣшней политики самого Александра. Наоборотъ, Кочубей и Чарторыйскій, какъ опытные дипломаты, имѣли довольно опредѣленное знаніе и взгляды въ этомъ отношеніи. Что касается Александра, то онъ, только что подписавъ дружественную конвенцію съ Англіей, довольно удачно разрѣшившую наиболѣе острые изъ спорныхъ вопросовъ морского права, въ комитетѣ вдругъ выразилъ мнѣніе, что слѣдуетъ озаботиться составленіемъ коалиціи противъ Англіи. Этимъ мнѣніемъ Александръ привелъ членовъ комитета въ большое недоумѣніе и даже смущеніе, тѣмъ болѣе, что они знали склонность императора бесѣдовать лично съ представителями иностранныхъ державъ и,

слѣдовательно, могли основательно опасаться той путаницы, которую Александръ могъ внести въ это отвѣтственное дѣло. Комитетъ настойчиво посовѣтовалъ Александру спросить по этому вопросу мнѣнія старыхъ опытныхъ дипломатовъ, при чемъ члены комитета указали на гр. А. Р. Воронцова.

Эта первая неудача произвела на Александра довольно сильное впечатлѣніе, и на слѣдующее засѣданіе онъ явился уже болѣе подготовленнымъ. Въ этомъ засѣданіи онъ попросилъ Кочубея изложить свой взглядъ на внѣшнюю политику Россіи. Кочубей однако же, въ свою очередь, пожелалъ сперва подробнѣе познакомиться со взглядами самого Александра. Произошелъ обмѣнъ мнѣній. При этомъ всѣ согласились въ концѣ-концовъ со взглядами Чарторыйскаго и Кочубея, въ соотвѣтствіи съ которыми было признано, что Англія является естественнымъ другомъ Россіи, такъ какъ съ Англіей связаны всѣ интересы нашей внѣшней торговли, ибо весь почти вывозъ нашъ шелъ тогда въ Англію. Въ то же время было указано, что по отношенію къ Франціи надо ставить предѣлы честолюбивымъ стремленіямъ ея правительства, по возможности, впрочемъ, не компрометируя себя. Такимъ образомъ, первое постановленіе комитета по дѣламъ внѣшней политики совершенно не согласовалось съ тѣмъ первоначальнымъ мнѣніемъ Александра, которое онъ туда принесъ. Для Александра первый блинъ вышелъ комомъ; но онъ скоро показалъ, что именно въ сферѣ дипломатіи онъ былъ одаренъ выдающимися талантами, и сумѣлъ не только вполнѣ оріентироваться въ иностранной политикѣ, но и выработать себѣ въ ней вполнѣ самостоятельный взглядъ на вещи.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ комитетъ перешелъ къ внутреннимъ отношеніямъ, изученіе которыхъ и должно было составлять его главную задачу. Эти отношенія разсматривались съ большими отступленіями въ сторону. Александра самого занимали больше всего два вопроса, которые въ его умѣ тѣсно связывались между собой: это вопросъ о дарованіи особой хартіи или какой-нибудь деклараціи правъ,— вопросъ, которому онъ придавалъ особенное значеніе, желая скорѣе проявить и огласить свое отношеніе къ управленію страной; другой вопросъ, его интересовавшій и отчасти связанный съ первымъ, былъ вопросъ о преобразованіи сената, въ которомъ онъ видѣлъ тогда

охранителя неприкосновенности гражданскихъ правъ. Въ этомъ Александра поддерживали и старые сенаторы, какъ либералы, такъ даже и консерваторы, какъ, напр., Державинъ. А князь П. А. Зубовъ (послѣдній фаворитъ Екатерины) представилъ даже проектъ о превращеніи сената въ независимый законодательный корпусъ. Александру этотъ проектъ показался на первый взглядъ осуществимымъ и онъ передалъ его на разсмотрѣніе въ негласный комитетъ. По проекту Зубова сенатъ долженъ былъ состоять изъ высшихъ чиновниковъ и представителей высшаго дворянства. Державинъ же предлагалъ, чтобы сенатъ состоялъ изъ лицъ, избираемыхъ въ своей средѣ чиновниками первыхъ четырехъ классовъ. Въ негласномъ комитетѣ нетрудно было доказать, что такіе проекты не имѣютъ ничего общаго съ народнымъ представительствомъ.

Третій проектъ, переданный въ комитетъ Александромъ и касавшійся внутреннихъ преобразованій, былъ составленъ А. Р. Воронцовымъ. Этотъ проектъ не касался, впрочемъ, преобразованія сената. Воронцовъ, идя навстрѣчу другой мысли Александра, именно мысли о хартіи, выработалъ проектъ „жалованной грамоты народу“, которая по внѣшности напоминала собою жалованныя грамоты Екатерины городамъ и дворянству, а по содержанію распространялась на весь народъ и представляла серьезныя гарантіи свободы гражданъ, такъ какъ повторяла въ значительной степени положеніе англійскаго Habeas corpus act.

Когда члены негласнаго комитета стали разсматривать этотъ проектъ, то особенно обратили вниманіе именно на эту часть его, и Новосильцевъ высказалъ сомнѣніе, можно ли давать такія обязательства при данномъ состояніи страны, и опасеніе, какъ бы черезъ нѣсколько лѣтъ не пришлось взять ихъ назадъ. Когда Александръ услыхалъ такое сужденіе, то сейчасъ же сказалъ, что и ему приходила въ голову та же самая мысль и что онъ даже выразилъ ее Воронцову. Негласный комитетъ призналъ, что опубликованіе такой грамоты, которое предполагали пріурочить къ коронаціи, нельзя считать своевременнымъ.

Этотъ случай довольно характеренъ: онъ ярко иллюстрируетъ, до какой осторожности доходили тѣ самые члены негласнаго комитета, которыхъ ихъ враги честили потомъ, не обинуясь, якобинской шайкой. Оказалось, что „старый служи-

вецъ" Воронцовъ на практикѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ быть болѣе либеральнымъ, чѣмъ эти „якобинцы", собиравшіеся въ зимнемъ дворцѣ [1]).

Такихъ же умѣренныхъ и консервативныхъ взглядовъ держались они и по крестьянскому вопросу. Впервые негласный комитетъ коснулся этого вопроса по поводу той же „грамоты" Воронцова, такъ какъ въ ней былъ пунктъ о владѣніи крестьянъ недвижимой собственностью. Самому Александру показалось тогда, что это право довольно опасное. Затѣмъ, уже послѣ коронаціи, въ ноябрѣ 1801 г., Александръ сообщилъ комитету, что многія лица, какъ, напр., Лагарпъ, прибывшій по вызову Александра въ Россію, и адмиралъ Мордвиновъ, который былъ убѣжденнымъ конституціоналистомъ, но со взглядами англійскаго тори, заявляютъ о необходимости что-либо сдѣлать въ пользу крестьянъ. Мордвиновъ, съ своей стороны, предложилъ и практическую мѣру, которая заключалась въ распространеніи права владѣнія недвижимыми имуществами на купцовъ, мѣщанъ и казенныхъ крестьянъ.

Сразу пожалуй непонятно, почему эта мѣра относится къ крестьянскому вопросу, но у Мордвинова была своя логика [2]). Онъ считалъ необходимымъ ограничить самодержавную власть и полагалъ, что наиболѣе прочное ограниченіе ея можетъ обезпечить наличность независимой аристократіи; отсюда его желаніе прежде всего создать такую независимую аристократію въ Россіи. Онъ шелъ при этомъ на то, чтобы значительная часть казенныхъ земель была продана или роздана дворянству, имѣя въ виду усиленіе имущественной обезпеченности и независимости этого сословія. Что же касается собственно крестьянскаго вопроса и уничтоженія крѣпостного права, то онъ считалъ, что право это не можетъ быть нарушено произволомъ верховной власти, которая вовсе не должна вмѣшиваться въ эту область, и что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости можетъ совершиться только по желанію самого дворянства. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, Мордвиновъ стремился создать такой экономическій строй, при которомъ дворянство

---

[1]) Записка, представленная Александру гр. А. Р. Воронцовымъ, напечатана въ книгѣ 29 „Архива кн. Воронцова".

[2]) О Мордвиновѣ см. историч. монографію проф. *В. С. Иконникова* „Графъ Н. С. Мордвиновъ". Спб. 1873.

само признало бы невыгоднымъ подневольный трудъ крѣпостныхъ и само отказалось бы отъ своихъ правъ. Онъ надѣялся, что на земляхъ, которыми позволятъ владѣть разночинцамъ, образуются фермы съ наемнымъ трудомъ, которыя явятся конкурентами крѣпостному хозяйству и побудятъ помѣщиковъ потомъ къ упраздненію крѣпостного права. Такимъ образомъ Мордвиновъ хотѣлъ исподволь подготовлять почву для отмѣны крѣпостного права вмѣсто какихъ бы то ни было мѣръ, клонящихся къ законодательному его ограниченію. Вотъ какъ тогда обстояло дѣло съ крестьянскимъ вопросомъ даже среди либеральныхъ и образованныхъ людей, какъ Мордвиновъ.

Зубовъ, который собственно никакихъ принципіальныхъ идей не имѣлъ, а просто шелъ навстрѣчу либеральнымъ желаніямъ Александра, представилъ тоже проектъ и по крестьянскому вопросу—и даже болѣе либеральный, чѣмъ мордвиновскій: онъ предлагалъ запретить продажу крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли. Мы видѣли, что Александръ уже запретилъ академіи наукъ принимать объявленія о такой продажѣ, но Зубовъ шелъ дальше: желая придать крѣпостному праву видъ владѣнія имѣніями, къ которымъ прикрѣплены постоянные рабочіе (glebae adscripti), онъ предлагалъ запретить владѣніе дворовыми, переписавъ ихъ въ цехи и гильдіи и выдавъ помѣщикамъ деньги въ возмѣщеніе ущерба.

Въ негласномъ комитетѣ первымъ высказался противъ проекта Зубова, и притомъ самымъ категорическимъ образомъ, Новосильцевъ. Онъ указывалъ, что у государства прежде всего нѣтъ денегъ, чтобы выкупить дворовыхъ, и что, затѣмъ, совершенно неизвѣстно, что дѣлать съ этой массой людей, которые ни къ чему не способны. Далѣе въ томъ же засѣданіи было высказано соображеніе, что нельзя сразу принимать нѣсколько мѣръ противъ крѣпостного права, такъ какъ такая торопливость можетъ вызвать раздраженіе дворянства. Идеи Новосильцева никѣмъ не были вполнѣ раздѣлены; но Александра онѣ, повидимому, поколебали. Горячо высказался противъ крѣпостного права Чарторыйскій, указавшій, что крѣпостное право на людей есть такая гадость, въ борьбѣ съ которой не слѣдуетъ руководиться никакими опасеніями. Кочубей указалъ, что если принятъ будетъ одинъ мордвиновскій проектъ, то крѣпостные крестьяне будутъ основательно считать себя обойденными,

такъ какъ другимъ сословіямъ, о бокъ съ ними живущимъ, будутъ даны важныя права, а имъ однимъ не будетъ дано никакого облегченія въ ихъ судьбѣ. Строгановъ сказалъ большую и краснорѣчивую рѣчь, которая была главнымъ образомъ направлена противъ той мысли, что опасно раздражать дворянство; онъ доказывалъ, что дворянство въ политическомъ отношеніи въ Россіи представляетъ нуль, что оно неспособно протестовать, что оно можетъ быть только рабомъ верховной власти; въ доказательство онъ приводилъ царствованіе Павла, когда дворянство доказало, что оно даже собственной чести не умѣетъ защитить, когда эта честь попирается правительствомъ при содѣйствіи самихъ дворянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ, что крестьяне до сихъ поръ считаютъ единственнымъ своимъ защитникомъ именно государя и что преданность народа государю зависитъ отъ народныхъ надеждъ на него, и что вотъ эти надежды дѣйствительно опасно поколебать. Поэтому онъ находилъ, что если вообще руководиться опасеніями, то нужно принимать въ расчетъ прежде всего именно эти наиболѣе реальныя опасенія.

Его рѣчь была выслушана съ большимъ вниманіемъ и произвела, повидимому, нѣкоторое впечатлѣніе, но она все же не поколебала ни Новосильцева, ни даже Александра. Послѣ нея всѣ помолчали немного, а затѣмъ перешли къ другимъ дѣламъ. Проектъ, предложенный Зубовымъ, принятъ не былъ. Была принята въ концѣ-концовъ только мѣра Мордвинова: такимъ образомъ было признано право лицъ недворянскихъ сословій покупать ненаселенныя земли. Новосильцевъ просилъ позволенія посовѣтоваться относительно мѣры, предложенной Зубовымъ, съ Лагарпомъ и съ тѣмъ же Мордвиновымъ. Лагарпъ и Мордвиновъ высказали то же сомнѣніе, что и Новосильцевъ. Замѣчательно, что Лагарпъ, котораго считали якобинцемъ и демократомъ, былъ по крестьянскому вопросу такъ же нерѣшителенъ и робокъ, какъ и остальные. Онъ главною нуждою въ Россіи считалъ просвѣщеніе и упорно подчеркивалъ, что безъ просвѣщенія нельзя ничего достичь, но при этомъ указывалъ и на трудность распространенія просвѣщенія при крѣпостномъ правѣ, въ то же время находя, что трогать серьезно крѣпостное право при такомъ состояніи просвѣщенія тоже опасно. Такимъ образомъ получался своего рода заколдованный кругъ.

Члены негласнаго комитета полагали, что со временемъ они придутъ къ упраздненію крѣпостного права, но путемъ медленнымъ и постепеннымъ, при чемъ даже направленіе этого пути оставалось неяснымъ.

Что касается положенія торговли, промышленности и земледѣлія, то всѣ эти отрасли народнаго хозяйства въ сущности такъ и не были изслѣдованы, хотя какъ разъ въ это время всѣ онѣ были въ такомъ состояніи, что должны были бы обратить на себя серьезное вниманіе правительства.

Важнѣйшія работы негласнаго комитета заключались въ преобразованіи центральныхъ органовъ управленія. Необходимость этого преобразованія сдѣлалась очевидной еще съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина преобразовала мѣстныя учрежденія, не успѣвъ преобразовать центральныхъ, но упразднивъ большую часть коллегій. Мы видѣли, что уже при ней въ ходѣ дѣлъ центральныхъ учрежденій получилась большая путаница. Поэтому и для членовъ негласнаго комитета была очевидна неотложность преобразованія именно центральныхъ органовъ управленія. Путаница въ дѣлахъ доходила до того, что, когда происходили крупные безпорядки и даже бѣдствія, въ родѣ, напримѣръ, вымиранія людей въ Сибири отъ голода, то неизвѣстно было даже, кто собственно можетъ дать отвѣтственныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ. Подъ вліяніемъ именно подобнаго случая Александръ выразилъ желаніе, чтобы вопросъ о разграниченіи компетенціи отдѣльныхъ центральныхъ учрежденій подвинулся скорѣе, и такъ какъ обычнаго докладчика Новосильцева въ тотъ моментъ не было въ комитетѣ, то императоръ обратился къ Чарторыйскому съ порученіемъ составить докладъ по этому вопросу. 10 февраля 1802 г. Чарторыйскій представилъ докладъ, замѣчательно стройный и ясный; въ немъ онъ указывалъ на необходимость строгаго раздѣленія компетенціи высшихъ органовъ управленія, надзора, суда и законодательства и точнаго опредѣленія роли каждаго изъ нихъ. По мнѣнію докладчика, слѣдовало прежде всего освободить сенатъ отъ зависимости его отъ собственной канцеляріи; ибо при существовавшемъ порядкѣ вершителемъ всѣхъ дѣлъ въ сенатѣ являлся генералъ-прокуроръ, бывшій начальникомъ концеляріи сената и имѣвшій личный докладъ у государя. Затѣмъ Чарторыйскій высказался за необходимость точнаго опредѣленія компетенціи

непремѣннаго совѣта и за разграниченіе компетенціи сената и непремѣннаго совѣта. При этомъ онъ полагалъ, что сенатъ долженъ вѣдать лишь спорныя дѣла, какъ административныя, такъ и судебныя, а непремѣнный совѣтъ долженъ являться совѣщательнымъ учрежденіемъ, гдѣ должны разсматриваться дѣла и проекты законодательнаго характера. Высшая администрація, по мнѣнію Чарторыйскаго, должна быть раздѣлена между отдѣльными вѣдомствами, съ точно опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ; при этомъ во главѣ каждаго такого вѣдомства должна была стоять, по его мнѣнію, не коллегія, а единоличная власть отвѣтственнаго министра. Докладчикъ отлично выяснилъ, что въ коллегіяхъ всякая личная отвѣтственность по необходимости исчезаетъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что именно Чарторыйскому принадлежитъ заслуга опредѣленной и ясной постановки вопроса о министерствахъ. Прежде это приписывалось Лагарпу, но теперь, съ опубликованіемъ протоколовъ негласнаго комитета, которые аккуратно велись Строгановымъ, на этотъ счетъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Далѣе въ докладѣ Чарторыйскаго указывалась еще мѣра, которая касалась преобразованія судебной части. Чарторыйскій высказался за желательность придерживаться при этомъ новѣйшей французской судебной системы, введенной послѣ революціи, при чемъ онъ сообразно этой системѣ раздѣлилъ судъ на уголовный, гражданскій и полицейскій, т.-е. судъ, вѣдающій дѣла о мелкихъ правонарушеніяхъ, соотвѣтствующій теперешнимъ мировымъ судамъ. Высшей инстанціей по проекту, являлся для всѣхъ судебныхъ дѣлъ высшій кассаціонный судъ. Эту часть плана Чарторыйскаго негласный комитетъ не успѣлъ однако же подвергнуть подробной разработкѣ. Но идея Чарторыйскаго объ учрежденіи министерствъ была принята единогласно. Съ февраля 1802 г. всѣ работы негласнаго комитета сосредоточиваются на разработкѣ этой идеи: черезъ полгода комитетъ выработалъ проектъ учрежденія министерствъ. 8 сентября 1802 года, по разработанному негласнымъ комитетомъ проекту были учреждены министерства: иностранныхъ дѣлъ, военное и морское, соотвѣтствовавшія остававшимся еще въ то время коллегіямъ, и совершенно новыя министерства: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи. По иниціативѣ самого Александра къ нимъ бы-

ло добавлено еще министерство коммерціи, на учрежденіи котораго онъ настаивалъ лишь потому, что желалъ предоставить непремѣнно званіе министра гр. Н. П. Румянцеву, завѣдывавшему въ то время водными путями сообщеній.

Учрежденіе министерствъ было, собственно говоря, единственной вполнѣ самостоятельной и доведенной до конца работой негласнаго комитета. Тогда же разсмотрено было въ немъ и затѣмъ опубликовано и новое учрежденіе сената. При этомъ члены комитета отвергли идею преобразованія сената въ законодательное учрежденіе, высказанную отдѣльными сенаторами, и согласно съ основной мыслью Чарторыйскаго и съ запиской самого сената о своихъ правахъ рѣшили, что сенатъ долженъ быть главнымъ образомъ органомъ государственнаго надзора надъ администраціей и вмѣстѣ съ тѣмъ высшей судебной инстанціей. Въ основу работъ по этому вопросу былъ положенъ докладъ самого сената о его правахъ. Были приняты слѣдующіе основные пункты учрежденія сената: 1) сенатъ есть верховное административное и судебное мѣсто въ имперіи; 2) власть сената ограничивается единою властью императора; 3) предсѣдательствуетъ въ сенатѣ государь; 4) указы сената исполняются всѣми, какъ собственные указы государя, который одинъ можетъ остановить ихъ исполненіе; 5) дозволяется сенату представлять государю о такихъ высочайшихъ указахъ, которые сопряжены съ большими неудобствами при исполненіи, либо несогласны съ другими законами, или неясны; но когда по представленію сената не будетъ сдѣлано измѣненія въ указѣ, то опротестованный указъ остается въ своей силѣ; 6) министры должны представлять сенату свои годовые отчеты на разсмотрѣніе; сенатъ можетъ требовать отъ нихъ всякихъ свѣдѣній и разъясненій и объ усмотрѣнныхъ неправильностяхъ и злоупотребленіяхъ долженъ представлять государю; 7) при несогласіи какихъ-либо рѣшеній общаго собранія сената съ мнѣніемъ генералъ-прокурора или оберъ-прокурора дѣло докладывается государю; 8) по уголовнымъ дѣламъ, въ которыхъ дѣло идетъ о лишеніи кого-либо дворянства и чиновъ, всѣ такіе случаи должны представляться на конфирмацію государя; 9) за несправедливыя жалобы на сенатъ государю виновные подвергаются суду; 10) сенаторъ, обличенный въ преступленіи, подвергается суду общаго собранія сената.

Въ общемъ эти основные пункты сенатской компетенціи не противорѣчили основнымъ положеніямъ петровскаго регламента.

При обсужденіи въ негласномъ комитетѣ вопроса о реформѣ сената и именно при опредѣленіи компетенціи сената, возникъ между прочимъ въ связи съ образованіемъ министерствъ вопросъ объ отношеніи сената къ министрамъ, такъ какъ въ число статей, опредѣляющихъ компетенцію сената рѣшено было включить между прочимъ и статью о порядкѣ надзора сената за министерствами, въ силу которой, какъ только что сказано, министры должны были представлять въ сенатъ свои годовые отчеты, при чемъ, если выяснялась неправильность дѣйствій какого-либо министерства, сенату предоставлялось право входить къ императору съ представленіемъ о привлеченіи соотвѣтствующаго министра къ отвѣтственности. Этотъ пунктъ вызвалъ рѣзкія возраженія со стороны Александра, который доказывалъ, что при такихъ условіяхъ сенатъ явится тормозомъ на пути преобразовательной дѣятельности государя, и долго не соглашался на предоставленіе сенату права контроля надъ министерствами, даже въ такомъ умѣренномъ видѣ. То упрямство, съ которымъ Александръ возражалъ противъ этого пункта, показываетъ, насколько были мечтательны его либеральные взгляды: при первой же практической попыткѣ подвергнуть контролю даже не его личныя дѣйствія, а дѣятельность его сотрудниковъ, онъ тотчасъ же оказалъ упорное сопротивленіе этому проекту, усматривая въ немъ лишь однѣ досадныя для него отрицательныя стороны. Онъ не безъ основанія опасался, что сенатъ, составленный изъ „старыхъ служивцевъ“, будетъ тормозить его реформаторскую дѣятельность, но замѣчательно, что въ виду этого опасенія Александръ уже не могъ стать на принципіальную точку зрѣнія и не видѣлъ связи этого вопроса съ его собственными принципами.

Еще ярче выразился поверхностный характеръ тогдашнихъ его политическихъ взглядовъ въ происшествіи, вскорѣ послѣ того случившемся благодаря той статьѣ регламента сената, которою сенату предоставлялось право высказывать свои возраженія противъ новыхъ указовъ, если они не соотвѣтствуютъ законамъ, неясны по своему смыслу, или неудобны по тѣмъ или инымъ соображеніямъ. Это право соотвѣтствовало привилегіи ста-

рыхъ французскихъ парламентовъ, носившей названіе droit de remontrance.

Вскорѣ послѣ опубликованія новаго регламента сената какъ разъ встрѣтился поводъ примѣнить это право. По докладу военнаго министра, императоръ опредѣлилъ, что всѣ дворяне унтеръ-офицерскаго званія обязаны служить въ военной службѣ 12 лѣтъ. Одинъ изъ сенаторовъ, гр. Северинъ Потоцкій, не безъ основанія усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе жалованной грамоты дворянству и предложилъ сенату протестовать противъ такого высочайшаго повелѣнія, пользуясь предоставленнымъ ему правомъ. Генералъ-прокуроръ сената Г. Р. Державинъ былъ однако такъ пораженъ этимъ протестомъ, что не рѣшился даже допустить обсужденіе этого доклада въ сенатѣ, а отправился съ этимъ дѣломъ сперва къ Александру. Государь тоже былъ очень смущенъ докладомъ Державина, но приказалъ дѣйствовать законнымъ путемъ. На слѣдующій день Державинъ прибѣжалъ къ Александру со словами: „Государь, весь сенатъ противъ васъ по вопросу, поднятому Потоцкимъ“. Императоръ, по словамъ Державина, измѣнился въ лицѣ, но сказалъ только, чтобы сенатъ прислалъ ему депутацію съ мотивированнымъ докладомъ о протестѣ. Такая депутація вскорѣ явилась. Александръ принялъ ее очень сухо, взялъ письменный докладъ и сказалъ, что дастъ повелѣніе. Дѣло это было разрѣшено лишь спустя довольно продолжительное время: именно въ мартѣ 1803 года Александръ издалъ указъ, которымъ разъяснялъ, что сенатъ неправильно истолковалъ свои права, что право возраженій относится будто бы лишь къ старымъ указамъ, а не къ новымъ, которые сенатъ долженъ принимать неукоснительно.

Трудно понять, какимъ образомъ въ умѣ Александра совмѣщалась идея необходимости ограниченія самодержавной власти съ такого рода противорѣчіями этой идеѣ на практикѣ. Поведеніе Александра въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе было странно, что изложенное право сената даже не ограничивало въ сущности его самодержавной власти, такъ какъ въ случаѣ, если бы государь, въ отвѣтъ на протестъ сената, просто повторилъ свою волю объ исполненіи изданнаго имъ указа, то сенатъ обязывался по регламенту немедленно принять его къ исполненію.

Главные результаты работъ негласнаго комитета заключались такимъ образомъ въ учрежденіи министерствъ и въ изданіи новаго регламента сената.

Въ маѣ 1802 года засѣданія негласнаго комитета фактически прекратились; Александръ уѣхалъ на свиданіе съ прусскимъ королемъ, а вернувшись не собиралъ комитета. Вся преобразовательная работа съ этихъ поръ перешла въ комитетъ министровъ, собиравшійся въ первые годы своего существованія подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора. Лишь въ концѣ 1803 года негласный комитетъ былъ собранъ еще нѣсколько разъ, но по поводу частныхъ вопросовъ, не касавшихся коренныхъ преобразованій. Такимъ образомъ, фактически онъ участвовалъ въ преобразовательныхъ работахъ въ теченіе лишь одного года.

Подведемъ итоги его дѣятельности. Консерваторы того времени, „старые служивцы“ Екатерины и закоренѣлые крѣпостники, въ родѣ Державина, называли членовъ этого комитета „якобинской шайкой“. Но мы видѣли, что если ихъ и можно было въ чемъ обвинять, такъ скорѣе въ робости и непослѣдовательности, съ какою они слѣдовали по пути къ либеральнымъ преобразованіямъ, ими самими принятому. Оба главныхъ вопроса того времени—о крѣпостномъ правѣ и объ ограниченіи самодержавія—были комитетомъ сведены на-нѣтъ. Единственный важный результатъ его работъ заключался въ административной реформѣ. Она была довольно смѣла въ техническомъ смыслѣ, и когда учрежденіе министерствъ появилось, то оно вызвало озлобленную критику со стороны „старыхъ служивцевъ“, называвшихъ реформу дерзновеннымъ занесеніемъ руки на петровское коллегіальное начало. Критики указывали также на то, что законъ изданъ въ неразработанномъ видѣ, что въ немъ имѣются большія несогласованности въ компетенціи сената и непремѣннаго совѣта и въ отношеніи къ нимъ министерствъ; главнымъ же образомъ противники реформы нападали на то, что не былъ разработанъ внутренній составъ министерствъ, не было дано каждому министерству отдѣльнаго наказа и не было выяснено отношеніе министерствъ къ губернскимъ учрежденіямъ.

Что касается упрека въ дерзкомъ отношеніи къ петровскому законодательству, то этотъ упрекъ фактически не вѣренъ, такъ какъ петровскія коллегіи были разрушены, какъ мы

знаемъ, Екатериной, и теперь предстояло не замѣнять существующія коллегіи министерствами, а строить новое зданіе на пустомъ мѣстѣ. Что же касается несовершенствъ разработки закона, то ихъ дѣйствительно было много. Въ сущности законъ этотъ обнималъ въ одномъ законоположеніи всѣ министерства, и, дѣйствительно, подробныхъ наказовъ не было, и внутренній распорядокъ не былъ разработанъ, и отношеніе министерствъ къ губернскимъ учрежденіямъ было неясное. Но, признавая все это, надо сказать, что именно *введеніе* министерствъ и могло устранить значительную часть этихъ недостатковъ: учрежденія были совершенно новыя, и нужно было предоставить самимъ министерствамъ постепенно, путемъ опыта выработать свои внутренніе порядки и установить взаимныя отношенія различныхъ вѣдомствъ [1]).

Таковы были осязательные результаты работъ негласнаго комитета.

Но для самого Александра работа въ негласномъ комитетѣ съ его просвѣщенными и талантливыми сотрудниками была въ высшей степени полезной школой, которая восполнила до нѣкоторой степени тотъ недостатокъ положительныхъ знаній, которымъ онъ страдалъ при восшествіи на престолъ, въ области какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Воспользовавшись уроками, полученными въ негласномъ комитетѣ, и получивъ отъ него въ даръ усовершенствованный инструментъ для дальнѣйшей разработки вопросовъ внутренняго управленія въ видѣ министерствъ и комитета министровъ, Александръ несомнѣнно почувствовалъ себя болѣе устойчивымъ и болѣе сознательнымъ въ своихъ намѣреніяхъ, болѣе вооруженнымъ для проведенія своихъ политическихъ плановъ, нежели какимъ онъ былъ за годъ передъ тѣмъ. Это относится несомнѣнно и къ области внѣшней политики, въ которой онъ и проявилъ себя вскорѣ вполнѣ самостоятельно.

---

[1]) Всѣ приведенные недостатки перваго учрежденія министерствъ вскорѣ отчетливо сознаны были В. П. Кочубеемъ, что видно изъ записки его, представленной императору Александру 28 марта 1806 года. Записка эта напечатана въ т. XC Сборника русск. историч. общ. въ числѣ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ Александра послѣ его смерти (стр. 199).

ЛЕКЦІЯ VI.

Настроеніе общества въ началѣ царствованія Александра и уровень политическихъ взглядовъ русскаго общества въ это время.—Важнѣйшіе журналы 1802—1805 годовъ.—Положеніе народныхъ массъ.—Законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ 20 февраля 1803 г.—Крестьянская реформа въ Остзейскомъ краѣ въ 1804 и 1805 годахъ.—Ростъ населенія.—Колонизація южныхъ губерній.—Еврейскій вопросъ.—Отношеніе правительства къ сектантамъ.—Русскіе финансы и финансовая политика правительства въ 1801—1805 годахъ.—Вопросъ о государственныхъ преобразованіяхъ въ 1803 г.—Просвѣтительная дѣятельность правительства въ 1802—1805 годахъ.

Теперь отъ изученія дѣйствій государственной власти обратимся къ разсмотрѣнію положенія русскаго общества при самомъ воцареніи Александра и въ первое время его царствованія и тѣхъ измѣненій въ положеніи страны и въ ея экономическомъ и общественномъ бытѣ, которыя произошли за это время. Всѣ историки согласны между собой въ описаніи того настроенія, которое охватило все общество послѣ смерти Павла.

„Все тихо и спокойно,—писала въ это время императрица Елизавета Алексѣевна матери своей,—если не говорить о почти безумной радости, охватившей всѣхъ, отъ послѣдняго мужика до высшихъ слоевъ общества; очень печально, что это не можетъ даже удивлять"... „Я дышу,—прибавляла она въ другомъ письмѣ,—спокойно вмѣстѣ со всею Россіею" [1]).

Вигель, очевидецъ объявленія въ Москвѣ манифеста о восшествіи Александра на престолъ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Это одно изъ тѣхъ воспоминаній, которыхъ время никогда истребить не можетъ: нѣмая всеобщая радость, освѣщаемая яркимъ весеннимъ солнцемъ... Всѣ обнимались, какъ въ день свѣтлаго воскресенія; ни слова о покойномъ, чтобы и

[1]) *Великій князь Николай Михайловичъ.* „Императрица Елизавета Алексѣевна", т. I, стр. 270—276, Спб., 1908.

минутно не помрачить сердечнаго веселія, которое горѣло во всѣхъ глазахъ; ни слова о прошедшемъ, все о настоящемъ и будущемъ...“ [1]).

Такъ радовались россіяне избавленію отъ ужасовъ и тревогъ Павлова царствованія.

Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ...

—такъ провожалъ это царствованіе даже такой консерваторъ, какъ старый придворный поэтъ Г. Р. Державинъ.

Общество предалось необузданной радости: тотчасъ появились воспрещенныя Павломъ прически, шляпы, понеслись экипажи съ запрещенной упряжью. Но это ребячество, какъ справедливо замѣтилъ еще Пыпинъ, было вполнѣ естественно: вѣдь и эти жалкія права были отняты при Павлѣ. Болѣе разумные и сознательные патріоты радовались не только тому, что кончилась эпоха террора, но и привѣтствовали наступленіе новой эпохи, съ которой связывались самыя розовыя надежды. И на первыхъ порахъ живымъ подтвержденіемъ и оправданіемъ этихъ надеждъ явилась энергичная работа молодого царя, спѣшившаго стереть и загладить всѣ болѣзненные слѣды правленія своего отца и отмѣнить всѣ изданныя имъ стѣснительныя и ненавистныя мѣры. Однимъ изъ первыхъ откликовъ на эту правительственную дѣятельность первыхъ дней Александрова царствованія, живымъ образцомъ яркаго радостнаго настроенія передовыхъ слоевъ тогдашняго общества явилось извѣстное письмо юнаго энтузіаста Каразина, которое до слезъ взволновало тогда чувствительнаго Александра, а впослѣдствіи такъ восхищало самого А. И. Герцена:

„Какимъ прекраснымъ днемъ началось Твое царствованіе! Казалось намъ, что сама природа въ восторгѣ встрѣчаетъ Тебя. Александръ, любимецъ сердецъ нашихъ! Десятый разъ уже освѣщаетъ солнце Твоихъ надеждами исполненныхъ подданныхъ; и день ото дня, часъ отъ часа Ты оправдываешь сіи надежды! Какая лестная будущность насъ ожидаетъ!..“

Какъ же представлялась ему эта будущность? А вотъ какъ: „Неужели захочетъ Онъ,—говорилъ я самъ себѣ,—произвольно

---

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля, изд. П. П. Бартеневымъ, ч. I, стр. 177.

разстроить это рѣдкое согласіе неба и земли въ его пользу и благотворное пріуготовленіе цѣлаго полвѣка оставитъ безъ исполненія?..“ „Нѣтъ! Онъ раскроетъ напослѣдокъ великую ту книгу судьбы нашей и нашихъ потомковъ, которую лишь указалъ перстъ Екатерины. Онъ дастъ намъ непреложные законы. Клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ подданныхъ утвердитъ Онъ ихъ въ роды родовъ; Онъ скажетъ Россіи: се предѣлъ самодержавія Моего и Моихъ наслѣдниковъ, нерушимый во вѣки!.. И Россія войдетъ наконецъ въ число державъ монархическихъ, и желѣзный своенравія скипетръ уже не возможетъ сокрушить скрижалей ея завѣта...“

Такова была завѣтная мысль молодого энтузіаста. Замѣчательно, что онъ не требуетъ быстраго и немедленнаго ея осуществленія, а разсчитываетъ на медленный, но неуклонный образъ дѣйствій молодого монарха, опирающихся на мудрые совѣты просвѣщенныхъ и опытныхъ государственныхъ дѣятелей и изученіе соотвѣтствующихъ образцовъ древней и новой исторіи [1]).

Быть можетъ не съ такимъ пыломъ, но въ такомъ же неопредѣленномъ и сладостномъ очертаніи, тѣ же надежды питали въ то время и всѣ тогдашніе молодые и даже немолодые просвѣщенные люди, натерпѣвшіеся всякихъ невзгодъ въ царствованіе Павла. Всѣмъ было болѣе или менѣе ясно, что необходимы какія-нибудь гарантіи, которыя на будущее время охраняли бы отъ такихъ неистовыхъ проявленій самодержавной власти.

Передовое общество, казалось, имѣло основаніе радоваться, потому что Александръ былъ приверженцемъ тѣхъ же идей и политическихъ взглядовъ и въ первыхъ своихъ указахъ недвусмысленно, краснорѣчиво и громко заявилъ это.

Любопытно однако же отмѣтить, что всѣ тогдашніе либералы связывали свои конституціонныя надежды съ манифестомъ 12 марта, которымъ Александръ обѣщалъ царствовать по завѣтамъ и сердцу Екатерины. Они забыли, что Екатерина была

---

[1]) Письмо Каразина полностью перепечатано въ прилож. къ II т. книги Шильдера „Импер. Александръ I“, стр. 324—330. Срав. статью Герцена „Имп. Александръ I и В. Н. Каразинъ“ въ VI т. его сочиненій петербургскаго изд., 1905 г., стр. 405.

самой убѣжденной самодержицей и о конституціи вовсе не думала. Очевидно, общество русское такъ натерпѣлось за царствованіе Павла, что о времени Екатерины стало вспоминать, какъ о золотомъ вѣкѣ. Вообще можно сказать, что среди молодого поколѣнія того времени было много людей, мечтавшихъ объ ограниченіи самодержавія, но большинство изъ нихъ было весьма плохо освѣдомлено относительно истинныхъ основъ конституціоннаго устройства.

Съ нихъ въ сущности пока было довольно и того, что дышалось свободно и можно было, такимъ образомъ, отдохнуть послѣ эпохи безумнаго правительственнаго террора; даже такіе образованные и ученые люди, какъ академикъ Шторхъ, извѣстный послѣдователь Адама Смита, издававшій на нѣмецкомъ языкѣ своего рода лѣтопись первыхъ лѣтъ царствованія Александра, неизмѣнно считалъ всѣ мѣропріятія Александра за первыя пять лѣтъ его царствованія прямыми шагами къ конституціонному устройству [1]). Даже исторія съ графомъ С. О. Потоцкимъ и послѣдовавшимъ произвольнымъ толкованіемъ правъ сената не вызвала у современниковъ критическаго отношенія къ Александру. Дворянство устраивало по этому поводу шумныя оваціи Потоцкому и враждебныя демонстраціи противъ Державина и Вязмитинова [2]), но никто не думалъ винить или заподозрѣвать Александра въ неискренности его конституціонныхъ стремленій.

Розово-либеральное настроеніе общества отразилось и въ періодической печати, которая не замедлила возродиться послѣ распечатанія частныхъ типографій. Первымъ журналомъ, получившимъ съ 1802 года большое значеніе, былъ карамзинскій „Вѣстникъ Европы“. Это былъ въ то время самый распространенный и любимый публикою журналъ, что видно уже изъ того, что Карамзинъ получилъ 6 тыс. руб. въ годъ чистаго до-

---

[1]) Срав. отношеніе къ дѣятельности имп. Александра въ первые годы его царствованія знаменитаго геттингенскаго историка *Авг. Шлецера*, въ „Архивѣ бр. Тургеневыхъ“, т. I и II (Спб. 1911 г.) passim; тоже въ ст. акад. *Истрина*, въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“, за 1910 г., № 7. Срав. также рѣчь дерптск. *проф. Паррота*, произнесенную въ 1802 г., въ приложеніи ко II т. сочин. *Шильдера* „Имп. Александръ I“, стр. 348.

[2]) Тогдашняго военнаго министра, изъ-за доклада котораго о службѣ дворянъ въ нижнихъ чинахъ вся исторія и произошла.

хода отъ подписной платы. Этотъ фактъ указываетъ на огромное, по тому времени, сочувствіе публики. Самъ Карамзинъ въ этотъ періодъ не принадлежалъ уже къ молодому поколѣнію; онъ пережилъ свой „Sturm und Drang Periode“ еще въ началѣ 90-хъ годовъ XVIII столѣтія, когда писалъ свои „Письма русскаго путешественника“. Въ началѣ XIX вѣка онъ былъ уже уравновѣшеннымъ писателемъ сантиментальнаго направленія, выступавшимъ съ такими произведеніями, какъ „Бѣдная Лиза“, которыми зачитывались наши прабабушки.

Карамзинъ утверждалъ въ 1802 году, что всѣ народы послѣ десятилѣтнихъ революціонныхъ войнъ и смутъ убѣдились тогда въ необходимости твердой власти, а всѣ правительства убѣдились въ важности общественнаго мнѣнія, чувствуютъ нужду въ любви народной и необходимость истребить злоупотребленія. Онъ видѣлъ тогда залогъ увеличенія престижа и славы Россіи въ успѣхахъ гражданственности и въ распространеніи просвѣщенія въ странѣ. Поэтому въ эти годы онъ еще вполнѣ сочувствовалъ и кроткому тону Александрова правленія и тѣмъ либеральнымъ и просвѣтительнымъ мѣрамъ, которыя принимались Александромъ тогда. Онъ еще не сдѣлался тѣмъ рѣзкимъ консерваторомъ, какимъ мы его увидимъ впослѣдствіи, когда онъ сталъ осуждать Александра за его либерализмъ и явился озлобленнымъ оппонентомъ Сперанскаго. Въ „Вѣстникѣ Европы“ Карамзинъ восхвалялъ гуманное направленіе правительственной политики. „Россія видитъ,—писалъ онъ,—на тронѣ своемъ любезнаго сердцу монарха, который всего ревностнѣе желаетъ ей счастья, взявъ себѣ за правило, что добродѣтель и просвѣщеніе должны быть основаніемъ государственнаго благоденствія...“

„Усердіемъ своимъ къ просвѣщенію,—писалъ онъ далѣе,—докажемъ, что мы не боимся его слѣдствій и желаемъ пользоваться такими правами, которыя согласны съ общимъ благомъ государства и съ человѣколюбіемъ“.

Беллетристическій отдѣлъ журнала наполнялся сантиментальными повѣстями, частью оригинальными, частью переводными; въ публицистическомъ отдѣлѣ проповѣдывался тоже сантиментальный и горделивый патріотизмъ, и высказывались крайне оптимистическіе взгляды на русскую дѣйствительность вплоть до крѣпостного права, которое описывалось по преимуществу

идиллически, а помѣщики въ большинствѣ случаевъ изображались благодѣтелями своихъ крестьянъ. Восхваляя первыя реформы Александра и привѣтствуя учрежденіе министерствъ, Карамзинъ счелъ тогда необходимымъ отмѣтить и нарожденіе просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія. „Уже прошло то время въ Россіи,—писалъ онъ,—когда одна милость государева, одна мирная совѣсть могли быть наградою добродѣтельнаго министра въ теченіе его жизни: умы созрѣли въ счастливый вѣкъ Екатерины II, и россіяне чувствуютъ достоинство знаменитыхъ патріотовъ, цѣну ихъ усердія къ отечеству и монарху, цѣну чистой добродѣтели. Теперь лестно и славно заслужить вмѣстѣ съ милостью Государя и любовь просвѣщенныхъ россіянъ".

Вотъ максимумъ гражданскихъ мыслей и чувствъ, до которыхъ доходилъ тогда Карамзинъ.

Проповѣдуя любовь къ чтенію и просвѣщенію, Карамзинъ, между прочимъ, высказываетъ въ „Вѣстникѣ Европы" любопытный взглядъ, что не слѣдуетъ слишкомъ небрежно относиться даже и къ бездарнымъ книгамъ. „Кто плѣняется Никаноромъ, злосчастнымъ дворяниномъ,—пишетъ онъ въ довольно интересной статьѣ о книжной торговлѣ,—тотъ на лѣстницѣ умственнаго и моральнаго образованія стоитъ еще ниже его автора и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ; ибо, безъ всякаго сомнѣнія, чему нибудь научится или въ мысляхъ, или въ ихъ выраженіи. Какъ скоро между авторомъ и читателемъ великое разстояніе, то первый не можетъ дѣйствовать сильно на послѣдняго, какъ бы онъ уменъ ни былъ. Надобно всякому что-нибудь поближе: одному Ж.-Ж. Руссо, другому — Никанора. Какъ вкусъ физическій увѣдомляетъ о согласіи съ нашею потребностью, такъ вкусъ моральный открываетъ человѣку аналогію предмета съ его душой..." [1]).

По успѣху „Вѣстника Европы" можно судить, что именно этотъ журналъ стоялъ ближе всего къ тогдашней публикѣ и отвѣчалъ ея потребностямъ. Получали въ то время ходъ и

---

[1]) О „Вѣстникѣ Европы" Карамзина см. „Очерки русской журналистики" *Пятковскаго*, въ книгѣ его „Изъ ист. нашего литературнаго и обществ. развитія", т. II, стр. 127 и слѣд., а также *Колюпанова* „Біографія А. И. Кошелева", т. I, стр. 195—199; тамъ же и о послѣдующей судьбѣ „Вѣст. Европы" при Александрѣ I.

другіе журналы сантиментально-идиллическаго направленія; изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть „Московскій Меркурій“, издававшійся Макаровымъ, который впервые ввелъ въ русскій журналъ того времени критическій отдѣлъ, гдѣ выражались и отрицательные взгляды относительно точекъ зрѣнія другихъ тогдашнихъ журналовъ. Этотъ журналъ былъ еще замѣчателенъ тѣмъ, что самымъ энергичнымъ образомъ, конечно, въ тогдашнемъ освѣщеніи и тонѣ, поднялъ впервые женскій вопросъ: въ первомъ же номерѣ онъ доказывалъ необходимость просвѣщенія женщинъ и важность ихъ участія въ общественной жизни страны; онъ указывалъ на роль салоновъ просвѣщенныхъ дамъ во Франціи, которые служили, по его мнѣнію, лучшей школой просвѣщенія.

Широкое распространеніе сантиментальныхъ вкусовъ въ тогдашнемъ обществѣ вело, конечно, и ко многимъ карикатурнымъ явленіямъ, которыя нашли себѣ выраженіе въ журналахъ въ родѣ „Журнала для милыхъ“ или „Московскаго Зрителя“, издававшагося кн. Шаликовымъ. Въ этихъ и подобныхъ изданіяхъ получали преобладаніе вздорные анекдоты и даже скабрезныя повѣстушки. На ряду съ этимъ въ журналѣ Шаликова наблюдается и нѣкоторый реакціонный духъ: подвергаются нападеніямъ вольнодумцы, сомнѣвающіеся въ пользѣ орденовъ и чиновъ и т. п. Въ „Другѣ Просвѣщенія“,—журналѣ не имѣвшемъ опредѣленнаго направленія, стали появляться нападки на нововведенія,—нападки, принадлежавшія перу Державина и Шишкова.

Друзья прогресса и просвѣщенія объединяются въ 1804 г. въ „Журналѣ Россійской Словесности“, издававшемся Брусиловымъ при близкомъ участіи талантливаго публициста того времени И. П. Пнина. Въ этомъ журналѣ, между прочимъ, помѣщенъ былъ діалогъ, написанный Пнинымъ, будто бы происходящій въ Китаѣ между цензоромъ и сочинителемъ, выражающій опредѣленный либеральный взглядъ на необходимость полной свободы печати и на безсмысленность всякой цензуры; здѣсь же, въ стихахъ того же Пнина, производившихъ тогда большое впечатлѣніе на публику, затрогивается и вопросъ о личной свободѣ и ненормальности рабства. Еще рѣзче тотъ же вопросъ былъ поставленъ въ брошюрѣ Пнина „Опытъ о просвѣщеніи“. Эта брошюра была напечатана въ 1804 г. и сперва

пропущена цензурой, но затѣмъ второе изданіе ея было уже конфисковано (въ 1806 г.). Замѣчательно, что здѣсь Пнинъ, будучи искреннимъ послѣдователемъ либеральныхъ взглядовъ, стоялъ все же на сословной точкѣ зрѣнія въ вопросахъ просвѣщенія. Такъ, по его представленію, долженъ существовать особый типъ школы для каждаго сословія: для крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ и дворянъ, при чемъ въ школахъ для дѣтей низшихъ сословій долженъ проходиться лишь циклъ предметовъ, соотвѣтствующихъ ихъ быту, и лишь въ дворянскихъ школахъ должны преподаваться высшія науки и отвлеченныя дисциплины. При этомъ дѣленіе предметовъ преподаванія отличалось большой фантастичностью; особенно курьезны предметы для низшей школы въ родѣ „сельской механики для крестьянъ“ и т. п.

Не менѣе замѣчателенъ былъ другой либеральный журналъ того времени — „Сѣверный Вѣстникъ“, издававшійся Ив. Ив. Мартыновымъ, состоявшимъ директоромъ канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія и получавшимъ на изданіе этого журнала субсидію отъ правительства. Журналъ этотъ и преслѣдовалъ главнымъ образомъ правительственныя цѣли, и велъ любопытную полемику со всѣми ретроградами. Отстаивая необходимость широкаго распространенія просвѣщенія, „Сѣверный Вѣстникъ“ однако, такъ же какъ и Пнинъ, стоялъ на сословной точкѣ зрѣнія и тоже полагалъ, что нужны разныя школы для разныхъ сословій. Въ политическомъ отношеніи онъ старался подготовлять умы къ конституціоннымъ идеямъ. Идеальной страной въ политическомъ отношеніи онъ считалъ Англію. Въ одной любопытной статьѣ онъ предлагалъ для Россіи аристократическое конституціонное устройство такого типа, который совершенно совпадалъ со взглядами адмирала Мордвинова, о которомъ мы уже упоминали выше, такъ что можно предположить, что Мордвиновъ и былъ инспираторомъ этой статьи.

Рядомъ съ „Сѣвернымъ Вѣстникомъ“ издавался въ 1804—1806 гг. другой же менѣе либеральный журналъ „Періодическое Изданіе Общества Любителей словесности“, въ которомъ, въ отличіе отъ „Сѣвернаго Вѣстника“, замѣтна сильная и повидимому вполнѣ сознательная демократическая тенденція. Она ясно видна въ умныхъ и талантливыхъ статьяхъ редактора и главнаго публициста этого журнала Попугаева.

Въ 1804 г. впервые былъ изданъ въ Россіи цензурный уставъ, составленный по шаблону тогдашняго датскаго устава. Уставъ этотъ вводилъ предварительную цензуру, такъ что его нельзя признать въ строгомъ смыслѣ либеральнымъ уставомъ, но онъ во всякомъ случаѣ давалъ цензорамъ инструкцію быть благожелательными къ авторамъ, рекомендуя въ сомнительныхъ случаяхъ толковать выраженія статьи въ пользу авторовъ. И фактически, не столько благодаря этому уставу, сколько вообще благодаря либеральному настроенію правительства, журналы пользовались въ то время значительной свободой: въ сущности, почти все, что хотѣли, они могли печатать, но надо сказать, что и хотѣли они весьма немногаго [1]).

Наличность всѣхъ этихъ журналовъ показываетъ, какъ сильно воспитывался въ то время, при непосредственномъ содѣйствіи самого правительства, интересъ къ политической мысли въ тогдашнемъ читающемъ обществѣ.

Кромѣ журналовъ, въ тотъ же періодъ появилась еще и масса новыхъ книгъ: экономическихъ, политическихъ, юридическихъ и философскихъ трактатовъ, изъ которыхъ огромное большинство представляло изложеніе и переводы сочиненій второй половины XVIII вѣка съ разныхъ европейскихъ языковъ.

Тогда Александръ, видимо, вспомнилъ свою старую мысль о пользѣ изданія такихъ переводовъ и щедрой рукой раздавалъ субсидіи: въ теченіе 5 лѣтъ такихъ субсидій было выдано болѣе чѣмъ на 60 тыс. руб. Нѣкоторыя изъ нихъ были весьма значительны, такъ, напр., переводчикъ Адама Смита получилъ 5 тыс. руб. ассигнаціями, и такія же приблизительно субсидіи получили издатели Бентама и Тацита. Въ числѣ изданныхъ тогда сочиненій были также политическіе трактаты Делольма, Беккаріи, Монтескье, Мабли и др. Подробный перечень вышедшихъ тогда книгъ занимаетъ значительную часть 9 тома издававшагося Шторхомъ нѣмецкаго сборника „Russland unter Alexander dem Ersten“ (1801—1805).

Таково было настроеніе правительства, общества и въ особенности столичной интеллигенціи и печати въ первыя 5 лѣтъ правленія Александра I.

---

[1]) Обзоръ издававшихся тогда журналовъ см. въ цитированныхъ работахъ *Пятковскаго* и *Комюпанова*. О Пнинѣ см. также у А. А. Кизеветтера въ книгѣ его: „Историческіе очерки“, М., 1912, стр. 57—90.

Что касается положенія народныхъ массъ, то въ немъ со времени Екатерины не произошло существенныхъ перемѣнъ, и тотъ очеркъ положенія крестьянъ при Екатеринѣ, который нами сдѣланъ, остается вполнѣ примѣнимымъ и къ первымъ годамъ XIX вѣка. Слѣдуетъ однако отмѣтить, что крестьяне, которые обыкновенно волновались при каждомъ восшествіи на престолъ, при вступленіи Александра сохранили спокойствіе.

Важнѣйшимъ актомъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра по крестьянскому вопросу былъ указъ 20 февраля 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Поводомъ къ изданію указа послужило желаніе гр. Серг. Петр. Румянцева отпустить на волю крестьянъ одного изъ своихъ имѣній съ *землей*. Дѣло это не имѣло для себя прецедентовъ въ прежнемъ времени, и законодательство такихъ случаевъ не предвидѣло, почему Румянцевъ и предложилъ издать соотвѣтствующій общій законъ. Новый законъ разрѣшалъ землевладѣльцамъ, по мысли Румянцева, отпускать своихъ крѣпостныхъ на волю въ одиночку или цѣлыми селеніями, но не иначе, какъ съ *земельными* надѣлами, безъ которыхъ отпускъ воспрещался. Условія договора, который заключали при этомъ между собой крестьяне и помѣщики, устанавливались по взаимному соглашенію обѣихъ сторонъ; договоръ этотъ шелъ на утвержденіе государя, послѣ чего пріобрѣталъ значеніе крѣпостного акта. Крестьяне, освобожденные этимъ путемъ, получали наименованіе „свободныхъ хлѣбопашцевъ“, землей которыхъ казна не могла уже распоряжаться, какъ распоряжалась землей казенныхъ крестьянъ.

Крѣпостники указъ этотъ считали крайне зловреднымъ, не безъ основанія видя въ немъ первое вѣяніе, враждебное крѣпостному праву [1]).

Державинъ приложилъ всѣ мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать опубликованію указа; но добился только высочайшаго выговора. Въ ближайшіе годы по изданіи указа на основаніи его было заключено всего лишь нѣсколько сдѣлокъ, при чемъ крестьяне платили до 500 руб. ассигнаціями съ души. Насколько велика была эта цѣна, показываетъ тотъ фактъ, что въ 50-хъ годахъ XIX вѣка цѣнность помѣщичьихъ имѣній

---

[1]) Срав. письма Ростопчина къ Циціанову и къ Воронцову въ „Девятнадцатомъ вѣкѣ“ *Бартенева* и въ „Архивѣ Воронцовыхъ“.

(съ землей и постройками), разложенная на число крѣпостныхъ душъ, не превышала 200—300 рублей на душу.

Всего въ царствованіе Александра, на основаніи указа о „вольныхъ хлѣбопашцахъ“, было заключено 160 сдѣлокъ, при общемъ числѣ освобожденныхъ въ 47,153 души муж. пола; при этомъ въ 17 случаяхъ сдѣлки были безвозмездныя (всего безвозмездно было отпущено на волю 7,415 душъ, изъ которыхъ 7000 были освобождены, въ видѣ исключенія, безъ земли по духовному завѣщанію одного помѣщика западнаго края). Въ остальныхъ случаяхъ воля крестьянами покупалась; въ среднемъ размѣръ выкупа за все царствованіе равнялся 396 р. съ души на ассигнаціи, или около 100 руб. серебромъ (по курсу, установившемуся послѣ 1809 года). Въ отдѣльныхъ случаяхъ правительство оказывало крестьянамъ пособія для выплаты выкупа.

Слѣдующей мѣрой, касавшейся крестьянъ, были правила, утвержденныя Александромъ 20 февраля 1804 г., объ устройствѣ крестьянъ Лифляндской губерніи. Иниціатива въ данномъ случаѣ исходила отъ самихъ помѣщиковъ этой губерніи, въ результатѣ освободительнаго движенія, начавшагося здѣсь еще при Екатеринѣ. На основаніи правилъ 20 февраля 1804 г., выработанныхъ въ Петербургѣ особымъ комитетомъ (въ составъ котораго входили Кочубей, Строгановъ, Козодавлевъ и два представители Лифляндскаго дворянства), 1) воспрещалось продавать и закладывать крестьянъ безъ земли; 2) предоставлялись крестьянамъ личныя гражданскія права, вводилось крестьянское самоуправленіе и крестьянскій судъ; 3) крестьяне превращались въ наслѣдственныхъ владѣльцевъ ихъ земельныхъ участковъ, которые они могли потерять лишь по приговору суда (за неисполненіе своихъ обязанностей передъ помѣщикомъ или за расточительность); 4) вводилось ограниченіе барщины двумя днями въ недѣлю; 5) устанавливалось, что въ оброчныхъ имѣніяхъ денежныя повинности, опредѣленныя особой ревизіонной комиссіей, не могли увеличиваться произвольно самими помѣщиками, отрѣзываваніе же земельныхъ участковъ крестьянъ могло производиться лишь за особое вознагражденіе; 6) дворскіе рабочіе и батраки оставались подъ дисциплинарной властью помѣщиковъ, но крестьяне могли наказываться только по приговорамъ крестьянскихъ судовъ.

Въ 1805 г. подобныя же положенія были выработаны и утверждены и для Эстляндской губерніи, хотя и на нѣсколько менѣе выгодныхъ для крестьянъ основаніяхъ. Эти положенія впослѣдствіи сыграли нѣкоторую роль въ ходѣ крестьянскаго вопроса въ Россіи [1]).

Личное отношеніе Александра въ эту пору къ крестьянскому вопросу характеризуется тѣмъ, что онъ часто обращалъ вниманіе на крестьянскія жалобы на помѣщиковъ и налагалъ иногда строгія взысканія за злоупотребленія помѣщичьей властью, устраняя обыкновенно при этомъ помѣщиковъ отъ управленія имѣніями.

Въ экономическомъ отношеніи въ положеніи населенія особенно рѣзкихъ перемѣнъ за этотъ періодъ не произошло. Населеніе прибывало въ числѣ нормальнымъ порядкомъ въ виду отсутствія войнъ и иныхъ какихъ-либо чрезвычайныхъ бѣдствій. Общій приростъ населенія за пятилѣтіе съ 1801 г. по 1805 г. равнялся 2.655.000 человѣкъ.

Первое пятилѣтіе царствованія Александра отличалось быстрымъ развитіемъ колонизаціи юга Россіи. Сильно росла попрежнему и иностранная иммиграція колонистовъ, чему способствовали слухи о лучшемъ управленіи въ Россіи и льготы, предоставленныя русскимъ правительствомъ колонистамъ еще по манифесту 1763 г. Съ 1803 по 1805 г. въ Новороссіи водворилось такимъ образомъ болѣе 5 тысячъ душъ муж. пола колонистовъ (нѣмцевъ, чеховъ и разныхъ южныхъ славянъ).

Въ это же время, при господствовавшей экстенсивной системѣ полевого хозяйства, въ мѣстностяхъ, относительно густо населенныхъ, какъ, напр., Тульская или Курская губерніи, гдѣ притомъ вовсе не была развита промышленная жизнь, начинаетъ кое-гдѣ чувствоваться недостатокъ земли, и правительство само направляетъ казенныхъ крестьянъ изъ такихъ мѣстъ въ новороссійскія степи и поощряетъ переселеніе туда кре-

---

[1]) Сравн. *В. И. Семевскаго* „Крест. вопросъ“, т. I, стр. 291 и слѣд. Срав. также *A. von Gernet* „Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland“. Reval, 1901. *А. А. Рихтеръ*. „Исторія крестьян. сословія въ присоединенныхъ къ Россіи прибалтійскихъ губерніяхъ“. Рига, 1860. *А. Тобинъ*. „Лифляндское аграрное законодательство въ XIX ст.“, т. I, Рига, 1900.

стьянъ, организуемое частными лицами, которымъ охотно отводитъ тамъ землю на льготныхъ условіяхъ. Это обстоятельство вскорѣ заставляетъ правительство измѣнить кореннымъ образомъ прежнее отношеніе къ иностранной колонизаціи новороссійскаго края, въ связи съ тѣми безпорядками, которые обнаружились во многихъ старыхъ иностранныхъ колоніяхъ въ концѣ царствованія Екатерины и въ особенности при Павлѣ Петровичѣ, когда произведена была тщательная ревизія почти всѣхъ колоній, въ виду достигшихъ до правительства жалобъ колонистовъ на дурное обращеніе съ ними мѣстныхъ начальствъ, — жалобъ, распространившихся при Павлѣ даже и за границей. На основаніи добытыхъ правительственными изслѣдованіями данныхъ Кочубей сдѣлалъ въ 1804 г. докладъ императору Александру въ комитетѣ министровъ о ходѣ колонизаціи незаселенныхъ и малонаселенныхъ губерній, послѣ чего было рѣшено: 1) пользоваться южными степями прежде всего для разселенія въ нихъ нуждающагося въ землѣ русскаго населенія и 2) осторожнѣе относиться къ иностранной колонизаціи, прекративъ совершенно массовый вызовъ людей изъ-за границы и допуская лишь переселеніе людей, имѣющихъ собственныя средства на переѣздъ и на первоначальное устройство на новыхъ мѣстахъ и способныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ внести улучшенные пріемы въ обработку земли или свѣдущихъ въ какихъ-либо ремеслахъ.

Какъ бы то ни было, несмотря на многіе частичные промахи, неудачи и злоупотребленія различныхъ начальствъ, колонизація новороссійскаго края продолжала развиваться весьма интенсивно. Пустыя пространства заселялись какъ русскими элементами, такъ и иностранными: нѣмцами, нѣмецкими сектантами (менонитами), южными и западными славянами (особенно послѣ смутъ, начавшихся въ Турціи) и бѣлорусскими евреями. Культивированіе южныхъ плодоносныхъ земель развивалось съ чрезвычайной быстротой, отражаясь замѣтнымъ образомъ на ростѣ хлѣбной производительности Россіи и усиленіи заграничнаго отпуска хлѣба, о чемъ мы уже упоминали. Отпускъ этотъ возросъ, какъ мы уже видѣли, съ середины XVIII вѣка въ 30 разъ, а съ начала восьмидесятыхъ годовъ въ 5—6 разъ — съ 400 т. четвертей до 2,250 т. четвертей, при чемъ львиная доля этого отпуска — болѣе милліона четвертей — за-

ключалась въ пшеницѣ, производившейся въ недавно обращенныхъ подъ обработку южныхъ степяхъ [1]).

Всячески заботясь о быстромъ экономическомъ развитіи юга, правительство этому содѣйствовало не только различными льготами новымъ поселенцамъ въ уплатѣ податей и отбываніи повинностей, но и торговыми льготами, установивъ сначала въ Крыму (еще при Павлѣ), а затѣмъ и въ Одессѣ (при Александрѣ) порто-франко, т.-е. безпошлинный привозъ иностранныхъ товаровъ и вывозъ русскихъ. Городъ Одесса, основанный при Екатеринѣ и управлявшійся въ это время французскимъ эмигрантомъ герцогомъ Ришелье (впослѣдствіи министромъ Людовика XVIII), быстро росъ и развивался въ крупный торговый городъ и портъ.

Въ связи съ колонизаціонной политикой правительства здѣсь слѣдуетъ упомянуть о двухъ крупныхъ вопросахъ внутренней русской жизни, которые какъ разъ въ это время стали на очередь. Это вопросы еврейскій и сектантскій.

Что касается перваго изъ нихъ, то онъ имѣлъ прямую связь со включеніемъ въ концѣ XVIII вѣка въ составъ россійской имперіи обширныхъ польско-литовскихъ провинцій съ милліоннымъ еврейскимъ населеніемъ. До тѣхъ поръ онъ имѣлъ лишь весьма ограниченное значеніе, касаясь главнымъ образомъ допущенія пріѣзда еврейскихъ купцовъ на украинскія ярмарки, при чемъ допущеніе это, впервые регулированное указомъ Екатерины первой (въ 1727 г.), было затѣмъ поставлено въ особенно стѣснительныя условія при Елизаветѣ Петровнѣ. При Екатеринѣ II, послѣ присоединенія Крыма и Новороссіи и раздѣловъ Польши, впервые установлено было понятіе о чертѣ еврейской осѣдлости, въ которую включены были малороссійскія, новороссійскія губерніи, Крымъ и провинціи, присоединенныя по тремъ раздѣламъ отъ Польши. Евреямъ запрещенъ былъ попрежнему доступъ въ остальныя части имперіи, но въ чертѣ осѣдлости имъ предоставлялось пользованіе всѣми гражданскими правами наравнѣ съ прочими людьми „средняго рода“. Лишь въ концѣ царствованія Екатерины на евреевъ —

---

[1]) Срав. *Клаусъ*, „Наши колоніи“. Спб., 1869 г., а также *Середонинъ*. „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, т. I, стр. 198 и слѣд.

по закону 1794 г. — наложены были въ мѣстахъ ихъ приписки двойныя подати въ сравненіи съ мѣщанами и купцами христіанскихъ исповѣданій. При Павлѣ это положеніе осталось въ силѣ. Въ концѣ его царствованія Державинымъ, ревизовавшимъ (въ качествѣ сенатора) бѣлорусскія губерніи, по случаю бывшаго тамъ неурожая и голода, была представлена особая записка по еврейскому вопросу, оставленная, впрочемъ, императоромъ Павломъ безъ вниманія и пролежавшая въ сенатѣ безъ движенія до 1802 г. [1]). Въ 1802 г. вопросъ этотъ получилъ движеніе. Образованъ былъ для разсмотрѣнія его особый комитетъ „по жалобамъ на разныя злоупотребленія и безпорядки во вредъ земледѣлія и промышленности обывателей тѣхъ губерній, гдѣ евреи обитаютъ". Въ результатѣ работъ этого комитета явилось особое „положеніе о евреяхъ" 1804 года. По этому положенію евреямъ попрежнему запрещено было селиться въ Россіи внѣ черты осѣдлости; но самая черта осѣдлости въ связи съ колонизаціонной политикой правительства была нѣсколько расширена; именно къ ней, кромѣ губерній: литовскихъ, бѣлорусскихъ, малороссійскихъ, кіевской, минской, волынской, подольской, херсонской, екатеринославской и таврической, были отнесены губерніи: астраханская и кавказская, но зато, въ видахъ борьбы съ контрабандой, которою евреи, по свѣдѣніямъ правительства, усердно занимались, имъ воспрещено было селиться въ приграничной 50-ти верстной полосѣ. Въ чертѣ осѣдлости евреи должны были пользоваться по положенію „покровительствомъ законовъ наравнѣ со всѣми другими россійскими подданными". Тѣмъ не менѣе „положеніе", не ограничиваясь такимъ общимъ заявленіемъ, стремилось опредѣлить точнѣе гражданскія права евреевъ, при чемъ поставлена была двоякая цѣль: съ одной стороны, содѣйствовать сліянію этого народа съ общимъ населеніемъ обитаемыхъ ими областей, съ другой — направить евреевъ къ полезному труду и устранить отъ занятій, соединенныхъ съ эксплоатаціей мѣстнаго населенія, въ особенности низшаго, что вызывало частыя жалобы правительству, вслѣдствіе которыхъ вопросъ о евреяхъ и сталъ на очередь. Евреи были раздѣлены положеніемъ 1804 г.

---

[1]) „Записки *Державина* (1743—1812)", изд. „Русск. Бесѣды". М., 1860 г., стр. 409 и слѣд.

на 4 класса: 1) земледѣльцевъ, 2) фабрикантовъ и ремесленниковъ, 3) купцовъ и 4) мѣщанъ [1]). Классъ евреевъ-земледѣльцевъ былъ установленъ, или, точнѣе сказать, проектированъ именно съ цѣлью „обратить евреевъ къ полезнымъ занятіямъ", въ виду чего евреямъ-земледѣльцамъ предоставлялись различныя льготы. Вскорѣ (съ 1806 г.) начались по инииціативѣ могилевскаго губернатора М. М. Бакунина опыты устройства еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ Новороссіи, не получившіе, впрочемъ, большого распространенія [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволяя евреямъ различные промыслы и всѣ виды торговли наравнѣ съ другими русскими подданными (въ чертѣ осѣдлости), положеніе воспрещало имъ содержать въ деревняхъ и селахъ: аренды, шинки, кабаки и постоялые дворы и всякую торговлю въ сельскихъ мѣстностяхъ виномъ подъ своимъ и подъ чужимъ именемъ и даже пребываніе въ нихъ подъ какимъ бы то ни было видомъ, развѣ проѣздомъ.

На ряду съ этими запретительными мѣрами „положеніе" стремилось обезпечить еврейскому населенію всевозможныя средства просвѣщенія, чѣмъ это положеніе выгодно отличается отъ позднѣйшей политики правительства по еврейскому вопросу. Въ положеніи 1804 г. статьи о просвѣщеніи евреевъ стояли на первомъ мѣстѣ. Дѣтямъ всѣхъ евреевъ предоставлено было обучаться безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей во всѣхъ россійскихъ народныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ. Отличавшіеся познаніями въ различныхъ наукахъ могли быть произведены наравнѣ съ прочими подданными въ соотвѣтствующія университетскія степени. Для евреевъ, которые въ виду своей религіозной исключительности не захотѣли бы отдавать своихъ дѣтей въ общія школы, „положеніе" предписывало установить на ихъ счетъ „особенныя школы, гдѣ бы дѣти ихъ были обучаемы, опредѣливъ на сіе, по разсмотрѣнію правительства, нужную подать". Положеніе 1804 г. было, по выраженію проф. А. Д. Градовскаго, исходною точкою всѣхъ

---

1) Полное собр. законовъ № 21 547, срав. *А. Д. Градовскій*, „Начала русск. госуд. права". Спб., 1875. Т. I, стр. 412 и слѣд.

2) Объ этомъ см. книгу *В. Н. Никитина* „Евреи земледѣльцы". Истор. законодат., административное и бытовое положеніе колоній со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней 1807—1887". Спб., 1887.

дальнѣйшихъ мѣръ относительно евреевъ, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что мѣры эти развивались отнюдь не въ благопріятную для евреевъ сторону и положеніе 1804 г. можетъ быть признано во многихъ отношеніяхъ довольно благожелательнымъ по отношенію къ евреямъ въ сравненіи съ позднѣйшей политикой правительства по этому вопросу.

Довольно благожелателенъ и гуманенъ былъ взглядъ тогдашняго правительства и въ особенности самого императора Александра на сектантовъ различныхъ толковъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, селившихся въ Россіи, и царствованіе Александра, особенно первые годы, не безъ основанія названы были „золотымъ вѣкомъ русскаго сектантства". Особенно мягко и снисходительно относилось правительство къ сектамъ духовныхъ христіанъ—къ духоборцамъ и молоканамъ, — не признававшимъ внѣшнихъ принудительныхъ формъ церкви и въ то же время отличавшимся чрезвычайно чистой и строго-нравственной жизнью.

Гоненія на духоборцевъ, вызванныя отчасти нетерпимостью православныхъ сосѣдей, отчасти жалобами духовенства и доносами полиціи, начались въ концѣ царствованія Екатерины II, когда екатеринославскій губернаторъ Каховскій написалъ въ 1792 г., что „всѣ зараженные иконоборствомъ (какъ ихъ тогда называли) не заслуживаютъ человѣколюбія" именно потому, что ересь ихъ особенно соблазнительна для окружающаго населенія, тѣмъ въ особенности, что „образъ жизни духоборцевъ основанъ на честнѣйшихъ правилахъ, и важнѣйшее ихъ попеченіе относится ко всеобщему благу, и спасеніе они чаютъ отъ благихъ дѣлъ". Духоборцы, приговоренные тогда къ сожженію, были отъ этого избавлены Екатериной, но однако же ссылались въ Сибирь. Въ 1801 г. ревизовавшіе слободско-украинскую губернію сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій впервые представили правительству вполнѣ благожелательную характеристику духоборцевъ и справедливо изобразили ихъ положеніе среди враждебно относящагося къ нимъ православнаго населенія. Тогда впервые дано было повелѣніе дозволить переселеніе духоборцевъ Украйны и Новороссіи на „молочныя воды", въ мелитопольскій уѣздъ таврической губерніи. Въ 1804 г. съ ходатайствомъ о разрѣшеніи переселиться туда же обратились къ правительству и духоборцы тамбовской и воронежской губер-

ній. Духоборцы однако по прежнему представлялись опасною съ точки зрѣнія православнаго духовенства сектой: они не признавали внѣшней церковной организаціи, отвергали обряды и таинства православной церкви, не поклонялись иконамъ и проповѣдывали первобытный христіанскій коммунизмъ и анархизмъ въ частной и общественной жизни, при чемъ на практикѣ въ своей личной жизни вполнѣ оправдывали ту лестную аттестацію, которую давали имъ сами преслѣдователи ихъ, почти наравнѣ съ ихъ доброжелателями. Императоръ Александръ взялъ ихъ вмѣстѣ съ другими раціоналистическими сектами подъ свою защиту, признавая безполезность не только репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ сектантамъ и раскольникамъ, но даже и миссіонерской дѣятельности православнаго духовенства въ томъ видѣ, въ какомъ она до тѣхъ поръ проявлялась. Онъ утверждалъ, что „и разумомъ и опытомъ давно уже доказано, что умственныя заблужденія простого народа преніями и народными увѣщаніями въ мысляхъ его углублялись; единымъ примѣромъ и терпимостью мало-по-малу изглаждаются и исчезаютъ“. Благодаря этой точкѣ зрѣнія императора дѣло тамбовскихъ и воронежскихъ духоборцевъ было рѣшено также въ ихъ пользу и имъ также было дозволено переселиться на „молочныя воды“. Съ этого времени и почти до конца царствованія духоборцы и молокане получаютъ фактически возможность существовать открыто [1]).

Быстрое развитіе колонизаціи плодороднаго юга и усилившаяся вслѣдствіе этого въ огромныхъ размѣрахъ хлѣбная производительность Россіи отражалась и на направленіи сельскохозяйственной и промышленной жизни населенія сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній. Въ нихъ въ это время еще больше усилилась промышленная дѣятельность, и сельскіе хозяева, не имѣя возможности конкурировать съ югомъ въ производствѣ

---

[1]) Срав. „Духоборы въ началѣ XIX столѣтія. Записка 1805 г.“ Москва, 1907, изд. Посредника; *Середонинъ* „Историч. обзоръ дѣят. к-та министровъ“, т. I стр. 591; *В. Андерсонъ* „Старообрядчество и сектантство“. Спб. 1910, стр. 371; *Anatole Leroy Beaulieu* „L'empire des Tsars et les Russes“, III, 496 и слѣд. Записки *И. В. Лопухина* въ „Рус. Архивѣ“ за 1884 г. № 1 и отдѣльно.

хлѣба, въ особенности пшеницы, сосредоточили свою дѣятельность на усиленіи производства льна и пеньки и ихъ фабрикатовъ, чему благопріятствовало въ особенности устраненіе всякихъ стѣсненій въ торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей, которая являлась въ то время главной потребительницей продуктовъ нашей льняной и пеньковой промышленности, пользуясь ими для нуждъ своего паруснаго флота. Въ этомъ отношеніи возстановленіе менѣе стѣснительнаго таможеннаго тарифа 1797 г. и устраненіе всѣхъ запретительныхъ распоряженій Павлова царствованія, по сношенію съ заграничными странами, благодѣтельно отзывалось на развитіи нашей внѣшней торговли, а благопріятно слагавшіяся торговыя коньюнктуры, обезпечивавшія главнымъ образомъ усиленное развитіе вывоза продуктовъ нашей сельско-хозяйственной промышленности, создавали выгодный торговый балансъ, что при оживленіи всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ въ свою очередь благопріятно отражалось на курсѣ нашихъ бумажныхъ денегъ, несмотря даже на новые выпуски ассигнацій для покрытія ежегодныхъ дефицитовъ. Это благопріятное финансовое положеніе, наступившее послѣ стѣсненныхъ обстоятельствъ конца царствованія Павла, порождало, правда, въ правительственныхъ кругахъ нѣсколько оптимистическое и легкомысленное отношеніе къ постановкѣ финансоваго управленія, что впослѣдствіи дало больно себя почувствовать, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно давало возможность прогрессивно настроенному правительству дѣлать щедрою рукой довольно крупныя ассигнованія на различныя продуктивныя цѣли и прежде всего на распространеніе просвѣщенія въ странѣ. Такое же значеніе продуктивныхъ расходовъ имѣли крупныя ассигнованія, дѣлавшіяся въ это время на достройку водныхъ путей сообщенія, начатыхъ большею частью при Екатеринѣ и Павлѣ и доконченныхъ въ началѣ царствованія Александра [1]). Таковы же по своему значенію были рас-

[1]) Къ 1805 г. былъ открытъ для навигаціи Березинскій каналъ, соединявшій Днѣпръ съ Западной Двиной; въ 1804 г. открытъ Огинскій каналъ для соединенія р. Шары и Яцольды; въ томъ же году оконченъ *Сиверсовъ* каналъ; для обхода о. Ильменя, посредствомъ соединенія р. Мсты съ Волховомъ; усилены работы по прорытію *Маріинскаго* канала между рр. Ковжей и Вытегрой, при чемъ значительныя средства на это дѣло были пожертвованы имп. Маріей Θеодоровной, почему каналъ, открытый въ 1810 г., по-

ходы на колонизацію юга. Впрочемъ, львиная доля бюджета (около 30—40%) тратилась и въ то время на содержаніе арміи и флота. Около 10% шло на содержаніе двора. Бюджетъ двора разросся въ предыдущія царствованія. Александръ въ первые годы царствованія значительно урѣзывалъ придворные расходы и вызвалъ этимъ противъ себя даже нареканіе со стороны придворныхъ, которые громко обвиняли его въ невиданной скупости. При прогрессивно развертывавшейся дѣятельности правительства, доходовъ, получавшихся отъ ранѣе установленныхъ налоговъ, конечно, не могло хватать на покрытіе всѣхъ новыхъ расходовъ, и бюджеты ежегодно заключались съ дефицитами, достигавшими 20—25% бюджета. Вмѣсто пересмотра налоговой системы или простого пропорціональнаго увеличенія существовавшихъ прямыхъ налоговъ, правительство изъ года въ годъ покрывало этотъ дефицитъ выпусками ассигнацій, курсъ которыхъ однако же не падалъ, а даже, какъ уже упомянуто, повышался, благодаря быстрому развитію внѣшней торговли и выгодному торговому балансу. Къ концу царствованія Екатерины при 157 мил. руб. выпущенныхъ тогда ассигнацій курсъ ихъ понизился до 70 коп. за рубль; въ концѣ царствованія Павла, когда число выпущенныхъ ассигнацій достигло 212 мил., при потрясеніи, вызванномъ безумными мѣрами Павла во внѣшней торговлѣ, курсъ ассигнацій упалъ ниже 50 коп. за рубль и грозилъ дальнѣйшимъ паденіемъ, но затѣмъ, съ отмѣной всѣхъ запретительныхъ мѣръ Павла, при Александрѣ сталъ повышаться, несмотря на ежегодные новые выпуски ассигнацій, такъ что въ 1803—1804 гг., когда число обращавшихся ассигнацій превысило уже 300 мил. рублей, курсъ ихъ стоялъ выше 80 коп. за рубль.

Разработка коренныхъ государственныхъ преобразованій, за-

лучилъ ея имя. Одновременно закончены работы и по прорытію *Свирскаго* и *Сясскаго* каналовъ для обхода Ладожскаго озера. Къ этого же рода работамъ на ряду съ постройкой другихъ второстепенныхъ каналовъ и расчисткою фарватеровъ судоходныхъ рѣкъ слѣдуетъ отнести постройку *Мытищинскаго* водопровода въ Москвѣ, имѣвшаго и имѣющаго до настоящаго времени огромное значеніе для оздоровленія первопрестольной столицы. Водопроводъ былъ доведенъ до Кузнецкаго Моста (центра Москвы) въ 1805 г. и стоимость его работъ опредѣлилась въ 1.164 т. руб. (Срав. „Краткій истор. очеркъ развитія и дѣят. вѣдомства путей сообщенія“, стр. 16—21.)

мышлявшихся Александромъ, съ прекращеніемъ занятій негласнаго комитета, пошла болѣе медленнымъ темпомъ. Обсужденіе важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и вопросовъ сосредоточилось теперь въ комитетѣ министровъ, въ составъ котораго вошли въ качествѣ министровъ и товарищей министровъ всѣ члены прежняго негласнаго комитета. Разработка дальнѣйшихъ административныхъ преобразованій сосредоточивалась главнымъ образомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго поставленъ былъ Кочубей съ товарищемъ министра Строгановымъ, при чемъ имъ удалось въ составъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ перетянуть отъ Трощинскаго и молодого талантливаго сотрудника послѣдняго М. М. Сперанскаго, которому вскорѣ суждено было сыграть въ исторіи организаціи русскихъ государственныхъ учрежденій наиболѣе видную роль. Въ 1803 г. Сперанскій явился выразителемъ того осторожнаго настроенія въ дѣлѣ проведенія коренныхъ преобразованій, которое все болѣе овладѣвало правительствомъ по мѣрѣ того, какъ оно лицомъ къ лицу становилось со всѣми трудностями, встрѣчавшимися ему на этомъ пути.

До насъ дошла замѣчательная записка Сперанскаго, составленная имъ въ 1803 году. Въ ней онъ ярко обрисовываетъ всю трудность тогдашняго положенія [1]).

„Въ настоящемъ порядкѣ вещей, — писалъ тутъ между прочимъ Сперанскій, — мы не находимъ самыхъ первыхъ элементовъ, необходимо нужныхъ къ составленію монархическаго управленія (подъ монархическимъ Сперанскій разумѣлъ конституціонное). Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можно основать монархическое (т.-е. конституціонное) управленіе по образцу, выше нами изложенному, въ странѣ, гдѣ половина населенія находится въ совершенномъ рабствѣ, гдѣ сіе рабство связано со всѣми почти частями политическаго устройства и съ воинскою системою, и гдѣ сія система необходима по пространству границъ и политическому положенію? Какимъ образомъ можно основать монархическое управленіе безъ государ-

---

[1]) Срав. приложенную къ „Плану госуд. преобразованія гр. М. М. Сперанскаго“ (Изд. „Русской Мысли.“ М. 1905 г.) „Записку объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи (1803 г.)“ стр. 187 и слѣдующія.

ственнаго закона и безъ уложенія? Какимъ образомъ можно постановить государственный законъ и уложеніе безъ отдѣленія власти законодательной отъ власти исполнительной? Какимъ образомъ отдѣлить власть законодательную безъ сословія (т.-е. учрежденія) независимаго, ее составляющаго, и безъ общаго мнѣнія, ее поддерживающаго? Какимъ образомъ составить сословіе (т.-е. учрежденіе) независимое безъ великаго и, можетъ быть, опаснаго превращенія (т.-е. переворота) всего существующаго порядка — съ рабствомъ и безъ просвѣщенія? Какимъ образомъ установить общее мнѣніе, сотворить духъ народный безъ свободы тисненія? Какимъ образомъ ввести или дозволить свободу тисненія безъ просвѣщенія? Какимъ образомъ установить истинную министерскую отвѣтственность тамъ, гдѣ отвѣчать некому и гдѣ отвѣтствующій и вопрошающій составляютъ одно лицо, одну сторону? Какимъ образомъ безъ отвѣтственности могутъ быть охраняемы законы въ исполненіи? Какимъ образомъ можетъ быть обезпечено самое исполненіе безъ просвѣщенія и обилія въ исполнителяхъ?..“

Всѣ эти вопросы, по мнѣнію Сперанскаго, нужно было рѣшить прежде, чѣмъ вводить конституцію. Поэтому онъ прямо говоритъ, что планъ коренныхъ преобразованій необходимо отложить и что въ ближайшемъ будущемъ слѣдуетъ заняться лишь упорядоченіемъ существующаго государственнаго строя. Авторъ „Записки“ предлагалъ существующему строю придать слѣдующій видъ: 1) самодержавіе пока сохранить; 2) усилить народное мнѣніе, долженствующее вліять ограничивающимъ образомъ на власть; 3) стремиться вообще къ приближенію существующаго строя къ конституціонному, для чего позаботиться, чтобы уже существующій строй содержалъ учрежденія, которыя „приспособляли бы духъ народный“ къ воспріятію идеи новаго строя.

Соображенія, которыя приводились Сперанскимъ, въ сущности напоминали прежнія соображенія Строганова, но они были формулированы съ большей обстоятельностью и категоричностью. Характерно, что какъ для членовъ негласнаго комитета, такъ и для Сперанскаго въ 1803 г. конституціонное устройство было основнымъ идеаломъ, но идеаломъ въ ближайшее время недостижимымъ. Главнымъ препятствіемъ для его осуществленія являлось, въ глазахъ наиболѣе серьезныхъ

прогрессивныхъ дѣятелей той эпохи, крѣпостное право. Но отмѣнить крѣпостное право считалось въ то же время опаснымъ—безъ просвѣщенія; ввести же просвѣщеніе въ народныя массы при крѣпостномъ правѣ было не легко, по общему признанію. Получался такимъ образомъ своего рода заколдованный кругъ. Выйти изъ него надѣялись лишь путемъ длительныхъ и упорныхъ усилій.

Очередной задачей были поставлены заботы о просвѣщеніи. На эту задачу и было обращено главное вниманіе правительства въ первое пятилѣтіе XIX вѣка. Министерство просвѣщенія работало наиболѣе продуктивнымъ образомъ, достигая дѣйствительно блестящихъ результатовъ. Хотя во главѣ его стоялъ облѣнившійся екатерининскій вельможа, графъ Завадовскій, но въ помощь ему былъ образованъ цѣлый комитетъ (главное правленіе училищъ) изъ лицъ весьма просвѣщенныхъ и преданныхъ дѣлу. Часть изъ нихъ была сдѣлана попечителями надъ пятью учебными округами: попечителемъ московскаго округа былъ назначенъ Мих. Никитичъ Муравьевъ, бывшій учитель Александра (онъ же былъ и товарищемъ министра); петербургскаго—Н. Н. Новосильцевъ (бывшій вмѣстѣ товарищемъ министра юстиціи); виленскаго (къ которому были отнесены вся Литва, Бѣлоруссія и Юго-Западный край)—князь Чарторыйскій (онъ же товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ); харьковскаго—графъ Северинъ Потоцкій (тотъ самый сенаторъ, который выступилъ съ протестомъ въ сенатѣ въ 1802 г.), казанскаго—академикъ Румовскій; наконецъ, дерптскаго—просвѣщенный генералъ Клингеръ. Всѣ попечители жили въ Петербургѣ и должны были лишь время отъ времени объѣзжать свои округа, участвуя постоянно въ коллегіальномъ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ распространеніемъ просвѣщенія въ Россіи. Въ число членовъ главнаго правленія училищъ призванъ былъ и тотъ Янковичъ, который положилъ еще при Екатеринѣ первое начало сѣти учебныхъ заведеній въ Россіи. Секретаремъ правленія былъ назначенъ Василій Назаровичъ Каразинъ, тотъ самый молодой энтузіастъ, письмо котораго къ Александру мы привели выше. Энергіи Каразина югъ Россіи обязанъ существованіемъ харьковскаго университета,—ему удалось убѣдить харьковскихъ дворянъ собрать 400.000 руб. на это дѣло, и университетъ былъ учрежденъ въ 1804 г. Одновременно съ харьковскимъ

университетомъ были основаны: казанскій университетъ и петербургскій главный педагогическій институтъ, позднѣе преобразованный въ университетъ. Такимъ образомъ въ Россіи, гдѣ недавно еще былъ одинъ лишь московскій университетъ, теперь—съ виленскимъ (польскимъ) и дерптскимъ (нѣмецкимъ)—съ 1804 г. существовало уже 6 высшихъ учебныхъ заведеній. Правительство основательно начинало дѣло насажденія просвѣщенія сверху; ибо прежде всего необходимо было образовать кадръ учителей, почему и въ Петербургѣ первоначально вмѣсто университета открытъ былъ главный педагогическій институтъ, раздѣленный на факультеты.

О размѣрахъ и быстротѣ распространенія просвѣщенія въ это время достаточно краснорѣчиво говорятъ цифры казенныхъ ассигнованій на нужды образованія: въ то время, какъ при Екатеринѣ самый крупный отпускъ на просвѣтительныя цѣли достигалъ 780.000 руб. въ годъ, въ 1804 г. было отпущено на нужды образованія 2.800.000 руб. Это была огромная сумма, если принять въ расчетъ дешевизну тогдашней жизни и ничтожный размѣръ окладовъ жалованія учебнаго персонала въ сравненіи съ нынѣшними окладами.

По смѣтамъ 1803—1806 гг. правительство Александра ассигновывало средства на 6 высшихъ учебныхъ заведеній. При этомъ на каждый университетъ отпускалось по 130.000 руб., на каждую изъ 42 гимназій (не считая виленскаго и дерптскаго округовъ)—по $5^1/_2$—$6^1/_2$ тыс. руб. и на каждое уѣздное училище—отъ 1250 до 1600 руб. (всего уѣздныхъ училищъ было 405). Сверхъ казенныхъ учебныхъ заведеній въ тотъ періодъ были основаны на частныя средства демидовскій лицей въ Ярославлѣ и гимназія высшихъ наукъ имени Безбородка въ Нѣжинѣ.

Къ описываемому времени относится изданіе перваго университетскаго устава (1804 г.). Уставъ этотъ былъ основанъ на принципѣ уваженія къ наукѣ и къ свободѣ преподаванія и давалъ автономію университетскимъ совѣтамъ, которая впослѣдствіи была фактически ограничена и даже уничтожена въ концѣ Александрова царствованія, а затѣмъ и вовсе отмѣнена при Николаѣ. По уставу 1804 г. университетскіе совѣты поставлены были во главѣ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній округа. Имъ принадлежала непосредственная власть

въ дѣлѣ распространенія и направленія просвѣщенія въ ихъ округахъ; попечители же являлись не администраторами въ собственномъ смыслѣ слова, а сановниками, жившими въ Петербургѣ и тамъ представлявшими нужды каждаго округа и лишь слѣдившими за общимъ ходомъ дѣлъ на мѣстахъ.

Мы упоминали уже о тѣхъ щедрыхъ пособіяхъ, которыя давались въ это время правительствомъ на изданіе книгъ и журналовъ. Къ этому нужно присовокупить пенсіи, которыя правительство назначало лицамъ, посвятившимъ себя научнымъ занятіямъ внѣ государственной службы: такъ, напр., Карамзину была назначена пенсія въ 2.000 руб. въ годъ, которая въ то время давала возможность безбѣдно существовать и заниматься всецѣло наукой. Вообще эти годы надо отнести къ числу самыхъ лучшихъ и продуктивныхъ лѣтъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію, правительство Александра I не могло долго идти этимъ путемъ, такъ какъ прежде всего не хватило денежныхъ средствъ. Какъ только началась въ 1805 г. война съ французами, средства, отпускавшіяся на просвѣщеніе и до тѣхъ поръ все возраставшія, не только перестали возрастать, но по необходимости стали и сокращаться.

ЛЕКЦІЯ VII.

Второй періодъ царствованія Александра (1805—1807). — Международное положеніе Россіи въ началѣ XIX вѣка.—Разрывъ съ Наполеономъ.—Планы Чарторыйскаго и отношеніе Александра къ полякамъ въ 1805 г.—Неудачный исходъ кампаніи 1805 г.—Война 1806—1807 гг.—Разгромъ Пруссіи.—Чрезвычайныя приготовленія къ войнѣ въ Россіи.—Зимняя кампанія 1807 г.—Истощеніе боевыхъ средствъ Россіи.—Тильзитскій миръ.—Союзъ съ Наполеономъ.—Острое недовольство въ Россіи, вызванное Тильзитскимъ миромъ и его послѣдствіями.—Проявленіе и характеръ оппозиціоннаго настроенія въ обществѣ.

Переходя къ разсмотрѣнію второго періода царствованія Александра, ознаменованнаго первыми двумя войнами съ Наполеономъ, слѣдуетъ сказать, что тѣ отношенія, которыя привели къ войнѣ 1805 г., начали слагаться еще задолго до того.

Въ моментъ смерти Павла съ Англіей предстояла война, и англійскій флотъ уже шелъ бомбардировать Кронштадтъ. Тотчасъ по воцареніи Александра съ Англіей былъ заключенъ миръ, при чемъ были разрѣшены и тѣ спорные вопросы морского права, которые довольно долго вредили мирнымъ отношеніямъ Россіи и другихъ державъ съ Англіей. Хотя всѣ симпатіи самого Александра въ юные годы его были на сторонѣ Франціи, тѣмъ не менѣе онъ подчинился, какъ мы видѣли, тому давленію, которое на него было оказано окружавшими его лицами въ пользу союза съ Англіей. Въ первыхъ же засѣданіяхъ негласнаго комитета въ принципѣ рѣшено было не вмѣшиваться ни въ какія внутреннія дѣла иностранныхъ государствъ, и хотя къ Франціи установилось подозрительное отношеніе въ виду честолюбивыхъ замысловъ Бонапарта, однако получили преобладаніе мирные принципы во внѣшнихъ дѣлахъ. Россія такимъ образомъ въ первые годы царствованія Александра была освобождена отъ всякихъ внѣшнихъ замѣшательствъ и войнъ, и это вполнѣ соотвѣтствовало намѣреніямъ самого Александра

обратить все свое вниманіе на дѣла внутреннія. Эти миролюбивыя отношенія не ограничивались тогда только западной Европой, но простирались и на восточныя окраины, такъ что, когда Грузія, спасаясь отъ натиска Персіи, обратилась съ просьбой о присоединеніи ея къ Россіи, то и этотъ вопросъ въ негласномъ комитетѣ первоначально былъ рѣшенъ отрицательно и только въ виду настояній непремѣннаго совѣта Александръ рѣшилъ этотъ вопросъ въ обратномъ смыслѣ, при чемъ однако же предписалъ, чтобы всѣ доходы, получаемые съ населенія присоединенной къ Россіи Грузіи, шли на мѣстныя нужды и чтобы управлялась Грузія по мѣстнымъ обычаямъ. Къ сожалѣнію, эти благія намѣренія и указанія молодого государя не помѣшали неудачнымъ представителямъ русской власти въ Грузіи—Кноррингу и Коваленскому—въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ возбудить противъ Россіи своими возмутительными злоупотребленіями и насиліями все общественное мнѣніе Грузіи.

Отношенія съ Наполеономъ, сложившіяся въ первые мѣсяцы царствованія Александра довольно благопріятно и закрѣпленныя мирнымъ договоромъ, заключеннымъ осенью 1801 г., стали уже съ конца 1801 г. портиться, отчасти вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ Наполеону, которое занялъ нашъ новый посолъ въ Парижѣ—заносчивый гр. Морко̀въ, отчасти изъ-за сардинскаго короля, котораго Наполеонъ хотѣлъ, вопреки заключенному съ Россіей договору, стереть съ лица земли, а Александръ считалъ себя обязаннымъ защитить, какъ стараго союзника Россіи. Кромѣ того, самъ Александръ сталъ все болѣе и болѣе склоняться къ мысли, что надо ограничить честолюбивыя стремленія Бонапарта, и съ 1802 г. у него постепенно складывается убѣжденіе, что рано или поздно Наполеона придется обуздать вооруженной рукой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомившись ближе съ международными отношеніями и входя лично въ сношенія съ представителями иностранныхъ державъ въ Петербургѣ (хотя приближенные совѣтники и стремились его отъ этого удерживать), Александръ, очевидно, почувствовалъ въ себѣ—и не безъ основанія—крупный дипломатическій талантъ и большую склонность къ непосредственному веденію дипломатическихъ переговоровъ. Его видимо увлекала самая техника дипломатическихъ сношеній. Можно думать однако, что имъ уже и тогда руководило смутное стремленіе освобо-

дить впослѣдствіи Европу отъ возраставшаго деспотизма и безпредѣльнаго властолюбія Наполеона.

Несмотря на предостереженія и дурныя предчувствія своихъ сотрудниковъ, Александръ еще весной 1802 г. рѣшился принять дѣятельное личное участіе въ дѣлахъ Европы и для начала устроилъ свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Мемелѣ. Въ томъ же 1802 г. ему пришлось окончательно убѣдиться въ грубости и пошлости честолюбія Наполеона, когда тотъ, совершивъ новый государственный переворотъ, объявилъ себя пожизненнымъ консуломъ. „Завѣса упала,—писалъ тогда Александръ Лагарпу,—онъ, т.-е. Наполеонъ, самъ лишилъ себя лучшей славы, какой можетъ достигнуть смертный и которую ему оставалось стяжать,—славы доказать, что онъ безъ всякихъ личныхъ видовъ работалъ единственно для блага и славы своего отечества, и, прибывая вѣрнымъ конституціи, которой онъ самъ присягалъ, сложить черезъ десять лѣтъ власть, которая была въ его рукахъ. Вмѣсто того онъ предпочелъ подражать дворамъ, нарушивъ вмѣстѣ съ тѣмъ конституцію своей страны. Отнынѣ это знамѣнитѣйшій изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи“ [1]).

Въ то же время были окончательно нарушены права сардинскаго короля, владѣнія котораго были присоединены къ Франціи. Въ 1803 г., послѣ возобновленія войны съ Англіей, Наполеонъ захватилъ Ганноверъ и явно грозилъ сдѣлаться вершителемъ судебъ средней Европы. Личныя отношенія Наполеона съ графомъ Морковымъ настолько испортились, что Наполеонъ потребовалъ смѣны русскаго посла. Но Александръ не сразу пошелъ навстрѣчу этому желанію, а потомъ, отозвавъ Моркова, демонстративно наградилъ его высшимъ россійскимъ орденомъ Андрея Первозваннаго, въ которомъ Морковъ и явился откланиваться Наполеону.

Въ Парижъ же русскій императоръ вовсе не назначилъ посла, поручивъ временно управленіе дѣлами посольства второстепенному чиновнику Убри. Провозглашеніе Наполеона императоромъ и предшествовавшее этому убійство герцога Энгіенскаго послужили послѣднимъ поводомъ къ разрыву.

Изъ всего изложеннаго видно, что интересы Россіи во всей

---

[1]) *Шильдеръ.* „Александръ I“, т. II, стр. 117.

этой исторіи были, въ сущности, не при чемъ: во всемъ этомъ дѣлѣ Александръ дѣйствовалъ не какъ представитель собственно русскихъ государственныхъ интересовъ, а какъ глава одной изъ великихъ европейскихъ державъ. Разорвавъ съ Наполеономъ, онъ дѣятельно сталъ заниматься составленіемъ коалиціи противъ него.

Управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ это время, за уходомъ на покой канцлера графа А. Р. Воронцова, котораго Александръ не долюбливалъ, находилось въ рукахъ кн. Адама Чарторыйскаго. Чарторыйскій очень сочувствовалъ мысли о коалиціи противъ Наполеона, мечтая, что однимъ изъ результатовъ войны можетъ быть возстановленіе Польши. Онъ старался убѣдить Александра, что одной вооруженной силы противъ Наполеона мало, что необходимо, въ виду его необыкновеннаго генія и престижа непобѣдимости, вызвать въ народахъ Европы особый энтузіазмъ въ борьбѣ съ нимъ. Въ качествѣ же идеи, могущей создать такой энтузіазмъ, Чарторыйскій выдвигалъ принципъ возстановленія попранной независимости національностей, надѣясь, что это приведетъ и къ возстановленію польской національности. Александръ, повидимому, согласился съ такой постановкой вопроса, хотя въ устахъ Чарторыйскаго возстановленіе польской національности означало отторженіе отъ Россіи такихъ исконныхъ русскихъ областей, какъ Волынь и Подолія, ибо Чарторыйскій мечталъ о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 г. При такой постановкѣ вопроса, война противъ Наполеона въ 1805 г. не только не вызывалась русскими интересами, но даже грозила еще Россіи впослѣдствіи осложниться новой борьбой за территорію, борьбой, которой и обусловливалась въ минувшіе вѣка вся ея отсталость и дикость. Дѣлая видъ, что раздѣляетъ всѣ взгляды Чарторыйскаго, Александръ воспользовался однако очень своеобразно надеждами польскихъ патріотовъ. Онъ всячески ихъ поощрялъ, хотя и не связывалъ себя опредѣленными обѣщаніями, главнымъ образомъ, какъ можно теперь думать, для того, чтобы угрозой польскаго возстанія въ областяхъ прусской Польши заставить колебавшагося прусскаго короля примкнуть къ коалиціи противъ Наполеона и заключить союзъ съ Россіей; и какъ только ему удалось заставить Фридриха-Вильгельма заключить съ нимъ конвенцію (которая потомъ не была даже выполнена), онъ отка-

зался отъ всякаго поощренія разгорѣвшихся надеждъ поляковъ и отложилъ рѣшеніе польскаго вопроса на неопредѣленное время. Этимъ неосторожнымъ и некорректнымъ поведеніемъ онъ вызвалъ большое разочарованіе въ полякахъ и толкнулъ ихъ въ объятія Наполеона, чѣмъ послѣдній и не преминулъ вскорѣ воспользоваться.

Въ 1805 г. война, была такимъ образомъ, рѣшена, и русскому народу приходилось выставить достаточную вооруженную силу, такъ какъ на континентѣ Европы противъ Наполеона фактически выступали только австрійскія и русскія войска. Для того, чтобы собрать эту силу, потребовалось 3 послѣдовательныхъ рекрутскихъ набора, при чемъ было набрано до 150.000 рекрутовъ (по 10 рекрутовъ съ каждой тысячи душъ мужск. пола, но такъ какъ рекруты брались тогда изъ лицъ въ возрастѣ отъ 20 до 35-ти лѣтъ, то отношеніе количества рекрутовъ къ численности этой группы населенія равнялось уже 10:225). Сверхъ того, потребовалось допустить новый значительный дефицитъ въ бюджетѣ, который былъ опять покрытъ новымъ выпускомъ ассигнацій.

Въ этомъ случаѣ Александръ поступалъ какъ истинный самодержецъ, которому никто не могъ препятствовать и который ни передъ кѣмъ не былъ отвѣтственъ. Но надо замѣтить, что русское общественное мнѣніе было уже такъ вооружено тогда противъ Наполеона, что участіе Россіи въ войнѣ съ нимъ почти никому—за исключеніемъ прямыхъ поклонниковъ Наполеона, число которыхъ становилось все меньше — не казалось нецѣлесообразнымъ, а виды Чарторыйскаго мало кому были извѣстны, народъ же привыкъ выносить безъ ропота и гораздо большія тягости.

Какъ извѣстно, война 1805 года кончилась несчастливо для Россіи и Австріи, главнымъ образомъ благодаря неумѣлому веденію дѣла австрійскими генералами, а отчасти и благодаря неопытности и самонадѣянности самого Александра, который заставлялъ русскаго главнокомандующаго Кутузова поступать вопреки его убѣжденіямъ, согласно съ планомъ австрійскаго кабинетнаго стратега, доктринера Вейротера. Послѣ капитуляціи австрійской арміи Макка при Ульмѣ и послѣдовавшаго затѣмъ страшнаго пораженія русскихъ войскъ въ аустерлицкомъ сраженіи, данномъ Наполеону вопреки волѣ и совѣтамъ

Кутузова, русской арміи пришлось поспѣшно отступать къ русскимъ границамъ, и война на этомъ закончилась. Австрія заключила въ Пресбургѣ унизительный миръ; Пруссія же заключила съ Наполеономъ тогда же оборонительный и наступательный договоръ.

Александръ тѣмъ не менѣе началъ готовиться къ продолженію войны: пораженіе русскихъ войскъ создало патріотическое настроеніе въ обществѣ, которое Александръ разжигалъ прямыми обращеніями къ народу. Желая, чтобы эти обращенія доходили до народныхъ массъ, онъ пустилъ въ ходъ сильное средство въ видѣ воззваній святѣйшаго синода, которыя читались во всѣхъ церквахъ. Въ этихъ воззваніяхъ Наполеонъ объявлялся врагомъ рода человѣческаго, замышлявшимъ объявить себя Мессіей и подбивавшимъ іудеевъ на уничтоженіе христіанской церкви, при чемъ ему приписывались небывалыя кощунства [1]). Предвидя перенесеніе войны въ пре-

---

[1]) „Неистовый врагъ мира и благословенныя тишины,—такъ начинается воззваніе синода,—Наполеонъ Бонапарте, самовластно присвоившій себѣ царственный вѣнецъ Франціи и силою оружія, а болѣе коварствомъ распространившій власть свою на многія сосѣдственныя съ нею государства, опустошившій мечемъ и пламенемъ ихъ грады и села, дерзаетъ, въ изступленіи злобы своей, угрожать свыше покровительствуемой Россіи вторженіемъ въ ея предѣлы, разрушеніемъ благоустройства, коимъ нынѣ она единая въ мірѣ наслаждается подъ кроткимъ скипетромъ Богомъ благословеннаго и всѣми возлюбленнаго благочестивѣйшаго государя нашего Александра Перваго, и потрясеніемъ православныя греко-россійскія церкви, во всей чистотѣ ея и святости въ Имперіи сей процвѣтающія...“

Послѣ обращенія къ обязанностямъ пастырей церкви синодъ продолжаетъ:

„Всему міру извѣстны богопротивные его замыслы и дѣянія, коими онъ попралъ законъ и правду.

„Еще во времена народнаго возмущенія, свирѣпствовавшаго во Франціи во время богопротивныя революціи, бѣдственныя для человѣчества и навлекшей небесное проклятіе на виновниковъ ея, отложился онъ отъ христіанской вѣры, на сходбищахъ народныхъ торжествовалъ учрежденныя лжеумствующими богоотступниками идолопоклонническія празднества и въ сонмѣ нечестивыхъ сообщниковъ своихъ воздавалъ поклоненіе, единому Всевышнему божеству подобающее, истуканамъ, человѣческимъ тварямъ и блудницамъ, идольскимъ изображеніемъ для нихъ служившимъ.

„Въ Египтѣ пріобщался онъ къ гонителямъ церкви Христовой, проповѣдывалъ алкоранъ Магометовъ, объявилъ себя защитникомъ исповѣданія суевѣрныхъ послѣдователей сего лжепророка мусульманъ и торжественно показывалъ презрѣніе свое къ пастырямъ святыя церкви Христовой.

„Наконецъ къ вящшему посрамленію оной, созвалъ во Франціи іудейскія

дѣлы Россіи, Александръ въ то же время, независимо отъ набора рекрутовъ, созвалъ ополченіе, которое по первоначальнымъ распоряженіямъ должно было составить массу въ 612.000 ратниковъ. Можно себѣ представить, во что обошлось народному хозяйству такое приготовленіе къ войнѣ, сопровождавшееся, особенно въ западныхъ губерніяхъ, изнурительной подводной повинностью, при помощи которой подвозились къ театру войны продовольственные и боевые припасы.

Хотя Пруссія послѣ перваго союзнаго договора съ Наполеономъ заключила и второй договоръ, повидимому еще болѣе прочный, Александръ все-таки не терялъ надежды поднять ее противъ Наполеона, державшаго свои войска на германской территоріи, отказывавшагося ихъ убрать и въ то же время не дававшаго своего согласія на образованіе прусскимъ королемъ сѣверо-германскаго союза изъ государствъ Германіи, не включенныхъ въ образованный самимъ Наполеономъ рейнскій

синагоги, повелѣлъ явно воздавать раввинамъ ихъ почести и установилъ новый великій сангидринъ еврейскій, сей самый богопротивный соборъ, который нѣкогда дерзнулъ осудить на распятіе Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа—и теперь помышляетъ соединить іудеевъ, гнѣвомъ Божіимъ разсыпанныхъ по всему лицу земли, и устремить ихъ на испроверженіе церкви Христовой и (о дерзость ужасная, превосходящая мѣру всѣхъ злодѣяній!)—на провозглашеніе лжемессіи въ лицѣ Наполеона..."

Въ концѣ воззванія, послѣ разныхъ грозныхъ проклятій и угрозъ, заимствованныхъ изъ „Второзаконія", еще разъ повторено то же самое:

„...Отринувъ мысли о правосудіи Божіемъ, онъ (т.-е. Наполеонъ) мечтаетъ въ буйствѣ своемъ, съ помощью ненавистниковъ имени христіанскаго и способниковъ его нечестія, іудеевъ, похитить (о чемъ каждому человѣку и помыслить ужасно!) священное имя Мессіи: покажите ему, что онъ—тварь, совѣстью сожженная и достойная презрѣнія..." Въ такомъ же родѣ воззваніе было разослано и католическимъ могилевскимъ митрополитомъ Сестренцевичемъ католическимъ священникамъ западнаго края (*Шильдеръ*, назв. соч., II, стр. 354—въ приложеніяхъ къ тексту). Въ то же время мѣстныя начальства западнаго края получили предписаніе наблюдать за евреями и предостерегать ихъ отъ сношеній съ парижскими общееврейскими учрежденіями, образованными Наполеономъ, при чемъ евреямъ внушалось, что парижское собраніе (синедріонъ) стремится измѣнить ихъ вѣру (Цирк. 20 февр. 1807 г., см. Евр. Энцикл., т. XI, стр. 516). Замѣчательно, что евреи въ западномъ краѣ въ 1812 г., вопреки всѣмъ опасеніямъ, сохранили повсемѣстно вѣрность Россіи. (Срав. „Акты, докум. и матеріалы для политич. и бытовой исторіи 1812 г.", подъ ред. *К. Военскаго*, въ Сбор. русск. ист. общ., томы CXXVIII и CXXXIII, Спб., 1910 и 1911 г., и *его же* ст. „Наполеонъ и борисовскіе евреи въ 1812 г.", въ Воен. сбор. за 1906 г., № 9.)

союзъ. Александръ всячески уговаривалъ Фридриха-Вильгельма выступить противъ Наполеона, и разрывъ между Франціей и Пруссіей дѣйствительно, наконецъ, произошелъ; притомъ произошелъ раньше, чѣмъ ожидалъ Александръ. Фридрихъ-Вильгельмъ, какъ человѣкъ слабохарактерный, долго не рѣшался, а потомъ вдругъ поставилъ Наполеону ультиматумъ, предложивъ ему немедленно убрать свои войска и не мѣшать Пруссіи образовать сѣверо-германскій союзъ, въ противномъ случаѣ грозя разрывомъ. Все это случилось такъ неожиданно, что Александръ не успѣлъ стянуть своихъ войскъ для поддержки Пруссіи. Наполеонъ же на прусскій ультиматумъ даже ничего не отвѣтилъ, но немедленно началъ военныя дѣйстія и черезъ 8 дней уже нанесъ Пруссіи страшное пораженіе при Іенѣ. Главная прусская армія здѣсь была уничтожена и затѣмъ, послѣ потери второго сраженія при Ауэрштетѣ, почти вся прусская территорія быстро оказалась занятой французами. Въ рукахъ пруссаковъ остались лишь двѣ крѣпости въ сѣверо-восточномъ углу королевства—Данцигъ и Кёнигсбергъ,—позади которыхъ Фридриху-Вильгельму и пришлось укрыться въ маленькомъ городкѣ Мемелѣ на Нѣманѣ у самой русской границы. Театромъ военныхъ дѣйствій становилась Польша, и тутъ-то Наполеонъ, желая противопоставить надеждамъ польскаго населенія, возлагавшимся на Александра, свои намѣренія, очень ловко воспользовался тѣмъ разочарованіемъ, которое Александръ возбудилъ въ полякахъ своимъ измѣнчивымъ поведеніемъ въ 1805 году, и сталъ распространять слухи, что это онъ, Наполеонъ, намѣренъ возстановить Польшу, какъ оплотъ Европы противъ России.

Командующимъ русскою арміей былъ назначенъ старый фельдмаршалъ Каменскій, который, пріѣхавъ въ армію, неожиданно сошелъ съ ума и едва не погубилъ ее своими нелѣпыми приказами; но, къ счастью, онъ самовольно уѣхалъ, пробывъ въ дѣйствующей арміи всего недѣлю; при отъѣздѣ имъ былъ отданъ приказъ отступать, кто какъ можетъ, въ предѣлы Россіи [1]).

---

[1]) Срав. *Богдановичъ*, назв. соч. II, стр. 177. Начальники дивизій получили прямо отъ фельдмаршала приказаніе: „при отступленіи къ русскимъ границамъ идти кратчайшимъ путемъ къ Вильнѣ и явиться къ старшему" (!). Гр. Буксгевдену, которому онъ сдалъ команду, Каменскій предписалъ бросать на дорогѣ батарейную артиллерію, если она будетъ затруднять дви-

Однако генералы рѣшились его не послушаться, и Беннигсенъ, стянувъ войска къ одному пункту, далъ удачный отпоръ авангарду французскихъ войскъ подъ Пултускомъ, въ пятидесяти верстахъ отъ Варшавы по сю сторону Вислы. Сперва думали—и Беннигсенъ поддерживалъ это мнѣніе,—что произошло сраженіе съ самимъ Наполеономъ (на самомъ дѣлѣ побѣда была одержана надъ войсками маршала Ланна, бывшими въ авангардѣ Наполеоновой арміи). Беннигсенъ, въ обходъ старшаго его чиномъ гр. Буксгевдена, былъ назначенъ главнокомандующимъ. Затѣмъ въ битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау (недалеко отъ Кёнигсберга), одной изъ самыхъ кровопролитныхъ битвъ, въ которой легло до 50 тыс. чел.—въ томъ числѣ 26.000 съ нашей стороны,—Беннигсену дѣйствительно удалось отразить самого Наполеона: оба войска остались на своихъ мѣстахъ, и тотъ фактъ, что сраженіе съ такимъ противникомъ, какъ Наполеонъ, оказалось не проиграннымъ, сильно поддержалъ духъ арміи. Однако Наполеонъ, послѣ 5-тимѣсячнаго бездѣйствія, нанесъ-таки рѣшительное пораженіе русскимъ войскамъ при Фридландѣ (стоившее намъ не менѣе 15 тысячъ солдатъ), послѣ чего уже продолжать войны мы не могли. Надежды на подкрѣпленія не было, если не считать одной пѣхотной девизіи, приведенной кн. Лобановымъ-Ростовскимъ и состоявшей сплошь изъ новобранцевъ; а между тѣмъ намъ пришлось объявить войну Турціи и поэтому часть войскъ была необходима для подкрѣпленія арміи Михельсона, занимавшей Валахію и Молдавію. Что касается ополченія, то, несмотря на всю его громадность, оно оказалось совершенно безполезнымъ; оно могло бы оказать большое сопротивленіе въ случаѣ вторженія непріятеля въ Россію, въ партизанской войнѣ, но къ войнѣ регулярной, въ дѣйствующую армію, необученные и плохо вооруженные ратники совершенно не годились; впрочемъ, при тогдашнемъ бездорожьѣ, они не могли быть даже быстро мобилизованы [1]). Особенно же трудно было пополнить огромную

женіе войскъ и заботиться единственно о спасеніи людей. (Тамъ же.)—Все это до встрѣчи съ непріятелемъ.

[1]) *Богдановичъ* сообщаетъ, что по недостатку ружей только *пятая часть* ополченія могла имѣть ихъ; прочихъ же ратниковъ предполагали вооружить пиками (Ист. царствованія имп. Александра I, т. II, стр. 165). Послѣ сраженія при Пултускѣ Александръ приказалъ уменьшить размѣры ополченія

убыль въ офицерахъ и генералахъ; хорошихъ генераловъ было мало,—лучшіе выбыли изъ строя,—что же касается офицеровъ, то уже и раньше въ нихъ ощущался недостатокъ, который заставлялъ принимать самыя чрезвычайныя мѣры—принимать, напр., въ офицеры студентовъ, не подготовленныхъ къ военной службѣ, и даже просто дворянскихъ „недорослей“, если они соглашались пройти въ нѣсколько мѣсяцевъ кое-какое обученіе въ кадетскихъ корпусахъ. Такимъ образомъ, воевать одни мы не могли. Между тѣмъ приходилось дѣйствовать какъ разъ однимъ: Англія участвовала въ войнѣ субсидіями, да и ихъ отпускала довольно скудно (въ размѣрѣ 2.200.000 ф. стерлинговъ въ годъ на всѣхъ своихъ континентальныхъ союзниковъ). Благодаря всему этому Александру ничего не оставалось, какъ начать мирные переговоры, пользуясь тѣмъ, что Наполеонъ самъ охотно протягивалъ руку примиренія, такъ какъ и онъ находился въ большомъ затрудненіи послѣ кровопролитныхъ сраженій при Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ.

Между обоими императорами произошло свиданіе на Нѣманѣ, въ Тильзитѣ. Здѣсь Александру впервые пришлось проявить во всемъ блескѣ свой замѣчательный дипломатическій талантъ, такъ какъ Наполеонъ предложилъ ему вести переговоры непосредственно, безъ участія министровъ, и Александръ охотно согласился на это. Ему при этомъ пришлось потратить особенно много усилій на то, чтобы удержать Наполеона отъ полнаго уничтоженія Пруссіи. Пруссія была однако же доведена до небывалаго униженія: она потеряла половину своей территоріи и изъ великой державы превратилась на время въ зависимую отъ Наполеона страну, не имѣвшую права содержать даже армію болѣе чѣмъ въ 42 т. чел.; крѣпости ея даже на возвращен-

---

до 252 тысячъ (*Шиманъ* „Александръ I“, стр. 17 русск. перевода, и у *Богдановича*, ibidem, т. III, стр. 1). *Альбертъ Вандаль* („Наполеонъ и Александръ I“, т. I, стр. 49 русск. перевода) приводитъ изъ мемуаровъ Рустама, опубликованныхъ въ „Revue rètrospective“, № 8—9, слѣдующій фактъ: когда русская армія бѣжала послѣ Фридландскаго пораженія, потерявъ способность къ сопротивленію, то французы, достигнувъ Нѣмана у Тильзита, увидѣли странное зрѣлище: „орда варваровъ съ азіатскими лицами, калмыки и сибиряки (?) безъ ружей, пуская тучи стрѣлъ, кружились по равнинѣ и тщетно пугали насъ. Это была резервная армія, о которой объявляла во всеобщее свѣдѣніе Россія и которую привелъ кн. Лобановъ“.

ной ей территоріи на цѣлый рядъ лѣтъ были заняты французами (до уплаты контрибуціи).

При переговорахъ въ Тильзитѣ Наполеонъ не хотѣлъ считаться ни съ кѣмъ, кромѣ Александра, съ которымъ онъ былъ намѣренъ до поры до времени дѣлить господство надъ міромъ. Александръ, понимая, что сейчасъ дальнѣйшая борьба невозможна, рѣшился пойти временно на встрѣчу желаніямъ своего соперника, предлагавшаго по внѣшности довольно почетныя условія міра. Но непремѣннымъ условіемъ міра, условіемъ sine qua non, Наполеонъ ставилъ, въ случаѣ отказа Англіи отъ поставленныхъ ей условій,—а на нихъ она завѣдомо не могла согласиться,—объявленіе ей Александромъ войны съ принятіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ пресловутой континентальной системы. Эта изобрѣтенная Наполеономъ система состояла въ томъ, что всѣ союзныя съ нимъ или зависимыя отъ него государства Европы отказывались отъ торговыхъ сношеній съ Англіей и обязывались не допускать въ свои порты англійскихъ торговыхъ судовъ. Александръ обязывался кромѣ того заставить разорвать съ Англіей и принять участіе въ направленной противъ нея континентальной системѣ Швецію и Данію; при чемъ можно было заранѣе предвидѣть, что Швеція, совершенно беззащитная отъ нападенія англичанъ, на это согласиться не можетъ, король же ея Густавъ IV обнаруживалъ фанатическую ненависть къ Наполеону. Такимъ образомъ уже тогда можно было предусмотрѣть неизбѣжность нападенія Англіи и Швеціи на Россію съ моря и суши вблизи Петербурга. Между тѣмъ въ это время сѣверный берегъ Финскаго залива принадлежалъ Швеціи. Поэтому Наполеонъ совершенно основательно, со стратегической точки зрѣнія, указывалъ Александру на необходимость его завоеванія. Такимъ образомъ въ Тильзитѣ было подготовлено присоединеніе Финляндіи къ Россіи, для чего намъ пришлось въ 1808 и 1809 гг. вести нелегкую двухлѣтнюю войну со Швеціей.

Что касается Турціи, съ которой мы въ то время находились въ войнѣ, вызванной турками благодаря интригамъ французскаго посла въ Константинополѣ Сабастьяни, то Наполеонъ предложилъ свое посредничество для ея прекращанія на условіяхъ, выгодныхъ для Россіи, и при этомъ въ словесныхъ переговорахъ съ Александромъ изъявлялъ даже готовность, въ случаѣ упорства Порты, въ уступкѣ Россіи княжествъ Валахіи

и Молдавіи, идти объ руку съ Александромъ, если онъ пожелаетъ, вплоть до раздѣла Турціи (ея европейскихъ владѣній); но въ то же время поставилъ предварительнымъ условіемъ для начала перемирія и переговоровъ о мирѣ выводъ нашихъ войскъ изъ обоихъ княжествъ съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы и турки не могли занимать ихъ своими войсками. На дѣлѣ война съ турками не прекратилась, и хотя Наполеонъ и позднѣе старался соблазнить Александра блестящими перспективами изгнанія турокъ изъ Европы и совмѣстнаго съ нимъ похода въ Индію [1]), однако же Россіи пришлось безъ всякаго содѣйствія съ его стороны вести довольно безплодную на этотъ разъ войну съ турками вплоть до 1812 года.

Весьма неблагопріятны были для Россіи интриги и мѣропріятія Наполеона по польскому вопросу: Наполеонъ не согласился въ Тильзитѣ на возвращеніе Пруссіи занятыхъ французами польскихъ областей и образовалъ изъ нихъ варшавское герцогство, подъ главенствомъ саксонскаго короля и подъ протекторатомъ императора французовъ. Такимъ образомъ на границѣ Россіи былъ созданъ военный аванпостъ самого Наполеона [2]). Въ то же время Наполеонъ поставилъ Александра въ трудное положеніе по отношенію къ полякамъ; Александру пришлось стать съ самимъ собой въ видимое противорѣчіе и препятствовать возстановленію независимой Польши. Это обстоятельство вызвало окончательное разочарованіе поляковъ въ ихъ надеждахъ на Александра и заставило ихъ перенести ихъ всецѣло на Наполеона.

Въ Тильзитѣ и послѣ Тильзита Александръ наружно выражалъ восхищеніе геніемъ Наполеона и своей дружбой съ нимъ. Его упрекали современники въ томъ, что онъ далъ обмануть себя хитрому корсиканцу, такъ какъ многое изъ обѣщаннаго

---

[1]) Срав. письмо Наполеона къ Александру отъ 2 февраля 1808 г. Текстъ его приведенъ у *Вандаля* (т. I, стр. 249 рус. перев.) и у *Соловьева* („Имп. Александръ I“, стр. 165), при чемъ оба историка придаютъ этому письму совершенно неодинаковое значеніе.

[2]) Поклонникъ Наполеона *Вандаль* такъ выражается объ этомъ предметѣ: „Не намѣреваясь поставить жертву тройного раздѣла въ положеніе прочнаго государства, онъ хочетъ создать въ Европѣ—я не скажу польскую націю,—но польскую армію, ибо онъ признаетъ въ проектируемомъ государствѣ только крупную военную силу, стоящую на стражѣ Франціи“ (! — на берегахъ Вислы), назв. соч., т. I, стр. 90 русскаго перевода.

Наполеономъ устно потомъ не вошло въ писанные договоры. Однако Александръ, на самомъ дѣлѣ, отнюдь не былъ увлеченъ Наполеономъ; онъ искусно игралъ свою роль и въ Тильзитѣ, а потомъ и въ Эрфуртѣ, такъ что далъ даже основаніе Наполеону называть его впослѣдствіи *сѣвернымъ Тальма* (имя извѣстнаго тогда драматическаго актера) и „византійскимъ грекомъ“.

Трудно сказать, кто былъ болѣе обманутъ въ этомъ дипломатическомъ турнирѣ, такъ какъ и Наполеону приближенные говорили потомъ неоднократно, что онъ обманутъ Александромъ [1]). Если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія тогдашнихъ международныхъ отношеній и если принять во вниманіе реальныя условія момента, то слѣдуетъ во всякомъ случаѣ признать, что политика Александра въ Тильзитѣ и затѣмъ черезъ годъ при новомъ свиданіи съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ была очень искусна. Въ этихъ переговорахъ Александръ выступаетъ впервые въ качествѣ тонкаго и проницательнаго дипломата, и кажется, теперь можно считать, что это и была его настоящая сфера, въ которой онъ былъ, несомнѣнно, крупнымъ государственнымъ человѣкомъ, способнымъ состязаться со всѣми европейскими знаменитостями своего времени.

На положеніи населенія въ Россіи эти войны съ Наполеономъ отразились самымъ рѣзкимъ образомъ. О тяжести войнъ для населенія—о тяжести рекрутскихъ наборовъ, ополченія, поставокъ провіанта и пр.—мы уже говорили. Огромное отрицательное значеніе имѣла и пріостановка законодательной дѣятельности правительства, вызванная войной. Наконецъ, бѣдственное положеніе финансовъ подъ вліяніемъ военныхъ расходовъ чрезвычайно сократило всѣ планы правительства въ области народнаго просвѣщенія, которое такъ сильно двинулось было впередъ какъ разъ передъ тѣмъ. Вслѣдствіе войнъ 1805—7 гг., къ которымъ еще прибавился полный неурожай въ Россіи въ 1806 г., положеніе финансовъ начало портиться изъ года въ годъ. Въ 1806 г. доходовъ было 100 мил. руб., расходовъ же 122 м. р.; въ 1807 г. дох. 121, а расх. 171 мил. руб.; въ 1808 г. было

---

[1]) Срав. докладъ Наполеону Дюрока, который удалось, вѣроятно при помощи подкупа достать изъ министерства иностр. дѣлъ Наполеона русскому послу кн. Куракину въ 1809 г. Текстъ этого любопытнаго документа приведенъ въ выпискахъ у *Богдановича*, т. III, стр. 85 и слѣд.

111,5 мил. руб. доходовъ и 140 м. р. расходовъ только на армію, а общая сумма расходовъ въ 1808 г. достигла 240 м. р. Громадные дефициты покрывались опять новыми выпусками бумажныхъ денегъ, общая сумма которыхъ достигла уже въ 1806 г. 319 м. р., въ 1807 г.—382 м. р., въ 1808 г.—477 м. р. Между тѣмъ обороты внѣшней торговли подъ вліяніемъ войны, а потомъ континентальной системы и послѣдовавшаго подъ вліяніемъ неурожая 1806 г. запрещенія вывоза хлѣба изъ западныхъ губерній, чрезвычайно сократились, при чемъ въ особенности сократился вывозъ русскаго сырья за границу, отчего измѣнился въ неблагопріятную сторону торговый балансъ, что обусловило въ свою очередь отливъ звонкой монеты, сильно вліявшій на паденіе курса бумажныхъ денегъ.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ курсъ нашихъ бумажныхъ денегъ, твердо державшійся съ 1802 г. по 1805 г. и даже повысившійся въ эти годы, теперь сталъ рѣзко падать: въ 1806 г. бумажный рубль равнялся 78 коп., въ 1807 г.—66 коп. и въ 1808 г. упалъ до 48 коп. Между тѣмъ подати уплачивались ассигнаціями, а значительную часть заграничныхъ государственныхъ расходовъ (на содержаніе арміи и на субсидіи совершенно разорившемуся прусскому королю) приходилось производить звонкой монетой. Положеніе, такимъ образомъ, становилось очень тяжелымъ, а послѣ Тильзитскаго мира и присоединенія Россіи къ континентальной системѣ оно сдѣлалось, какъ увидимъ, прямо невыносимымъ. Тильзитскій договоръ произвелъ удручающее впечатлѣніе на всѣ слои русскаго общества и на народъ. Многіе считали этотъ договоръ болѣе позорнымъ, чѣмъ всѣ проигранныя сраженія. Послѣ мира съ Наполеономъ Александръ утратилъ значительную часть той популярности, которою пользовался. Народъ, который незадолго передъ этимъ слышалъ съ церковной каѳедры проклятія по адресу Наполеона, не могъ понять, какъ русскій царь могъ такъ демонстративно дружить съ „врагомъ рода человѣческаго", замышлявшимъ упразднить христіанскую вѣру [1]).

Когда же стала осуществляться континентальная система, которая подорвала совершенно нашу вывозную торговлю, по-

---

[1]) Срав. у *Шильдера* (II, 211) толки по этому поводу въ обществѣ и въ простонародьѣ.

вела къ банкротству многихъ торговыхъ домовъ, разорила многія помѣщичьи хозяйства, отпускавшія сырье за границу (особенно ленъ и пеньку въ разныхъ видахъ) и вызвала дороговизну многихъ припасовъ [1])—то недовольство приняло всеобщій характеръ. У Александра, которому въ глазахъ всѣхъ приходилось играть столь непріятную и трудную роль въ отношеніяхъ своихъ къ Наполеону, — по свидѣтельству современниковъ, замѣтно сталъ портиться характеръ, и его, прежде столь ровное и любезное со всѣми обращеніе стало замѣняться раздражительнымъ, иногда мрачнымъ настроеніемъ духа, при чемъ свойственное ему упрямство стало проявляться иногда въ весьма непріятныхъ формахъ. Замѣчательно, что уже въ 1805 г., отправляясь на войну, Александръ секретнымъ повелѣніемъ возстановилъ въ сущности тайную полицію, учредивъ особый временный комитетъ изъ 3-хъ лицъ для наблюденія за общественнымъ мнѣніемъ и за толками среди публики. Этотъ комитетъ послѣ Тильзитскаго мира былъ офиціально обращенъ въ постоянное учрежденіе и ему была дана секретная инструкція, возстановившая, между прочимъ, пересмотръ писемъ и тѣ пріемы полицейскаго надзора, отъ которыхъ Александръ былъ такъ далекъ въ первые годы своего царствованія [2]). Особенно непріятно въ это время дѣйствовали на Александра толки въ обществѣ о его дружбѣ съ Наполеономъ. Во главѣ оппозиціи внѣшней политики Александра въ придворныхъ сферахъ стояла сама вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна. Положеніе Александра было при этомъ тѣмъ тяжелѣе, что онъ принужденъ былъ разыгрывать свою роль, никому не раскрывая своихъ настоящихъ намѣреній.

Ближайшіе друзья Александра, бывшіе члены негласнаго комитета — Кочубей, Чарторыйскій, Новосильцевъ — вышли въ отставку и два послѣдніе уѣхали даже за границу, а Строгановъ перешелъ въ военную службу, чтобы не мѣшаться въ

[1]) Колоніальные товары, получавшіеся до тѣхъ поръ изъ Англіи, такъ вздорожали, что, напр., пудъ сахара въ 1808 г. стоилъ въ Петербургѣ 100 рублей.

[2]) Текстъ этихъ указовъ и инструкцій см. у *Шильдера*, т. II, стр. 362—367—въ приложеніяхъ. Тамъ, между прочимъ, имѣется весьма любопытный перечень предметовъ компетенціи этихъ секретныхъ комитетовъ, при чемъ видно, какъ компетенція эта расширилась съ 5 сентября 1805 г. до 13 января 1807 г.

политику. Даже гофмаршалъ Александра гр. Н. А. Толстой сумѣлъ выразить свою оппозицію дружбѣ Александра съ Наполеономъ, отказавшись надѣть рядомъ съ пожалованной ему Наполеономъ лентой почетнаго легіона ленту высшаго русскаго ордена Андрея Первозваннаго, которую Александръ хотѣлъ было на него возложить. Особенно ярко оппозиція въ высшихъ кругахъ петербургскаго общества сказалась, когда въ Петербургъ пріѣхалъ присланный Наполеономъ въ качествѣ военнаго агента генералъ Савари, прикосновенный лично къ казни герцога Энгіенскаго. Петербургскіе салоны закрыли передъ нимъ свои двери, его никуда не принимали (кромѣ зимняго дворца) и не отдавали ему визитовъ, пока, наконецъ, самъ Александръ не вмѣшался въ это дѣло и не потребовалъ отъ своихъ приближенныхъ болѣе вѣжливаго отношенія къ уполномоченному своего союзника. Савари, впослѣдствіи министръ полиціи Наполеона, рѣшился и здѣсь проявить свои полицейскіе и, можно сказать, прямо провокаторскіе таланты. Онъ усердно сталъ собирать и комбинировать всякія сплетни и неосторожныя фразы, иногда срывавшіяся по адресу Александра въ кругу людей, недовольныхъ его политикой, и дошелъ до того, что сфабриковалъ легенду о крупномъ заговорѣ и подготовляющемся переворотѣ, при чемъ не стѣснялся внушать все это Александру, стараясь поссорить его съ обществомъ и раздуть то взаимное недовѣріе, которое стало образовываться въ этотъ періодъ между молодымъ государемъ и его подданными [1]).

Въ болѣе широкихъ общественныхъ кругахъ недовольство проявлялось еще сильнѣе, выражаясь въ литературѣ и въ театрахъ, гдѣ любимыми пьесами публики сдѣлались патріотическія трагедіи вродѣ „Дмитрія Донского“ *Озерова* или „Князя Пожарскаго“ *Крюковскаго*, которыя вызывали въ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ бурныя оваціи и даже рыданія

---

[1]) Срав. у *Вандаля*, назв. соч. стр. 111 и слѣд. русскаго перевода, цѣлую пикантную главу подъ заглавіемъ „Дипломатическая развѣдка“. Любопытно, что и другіе иностранные дипломаты въ Петербургѣ (напр., бар. Стедингъ) и Каннингъ въ Лондонѣ (что видно изъ его разговора съ русскимъ посломъ Алопеусомъ) сообщаютъ такіе же тревожные (но несомнѣнно неосновательные) слухи о готовящихся будто бы въ Петербургѣ заговорахъ и переворотахъ. Очень возможно, что это были слѣды интригъ и выдумокъ Савари. Срав. *Шиманъ*, назв. соч. стр. 18 русск. перевода.

зрителей. Такими же успѣхами пользовались комедіи *Крылова* „Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“, направленныя противъ французскаго языка и подражанія французскимъ модамъ.

Еще сильнѣе оппозиція эта проявлялась въ Москвѣ, гдѣ одинъ изъ самыхъ пылкихъ тогдашнихъ патріотовъ *С. Н. Глинка* сталъ издавать съ 1808 г. новый патріотическій журналъ „Русскій Вѣстникъ“, направленный прямо противъ Наполеона. Въ этомъ журналѣ Глинка писалъ въ промежутокъ между Тильзитскимъ и Эрфуртскимъ свиданіями,—гдѣ Александръ передъ лицомъ всей Европы такъ ярко демонстрировалъ свою дружбу съ Наполеономъ,—что Тильзитскій миръ есть только временное перемиріе и что когда будетъ новая война, то въ обществѣ будутъ приняты всѣ мѣры для отраженія властолюбиваго Наполеона. Посланникъ Наполеона Коленкуръ счелъ своимъ долгомъ обратить вниманіе Александра на эту статью, и Глинка, горячій патріотъ и консерваторъ Глинка, одинъ изъ первыхъ въ царствованіе Александра вызвалъ противъ себя цензурныя гоненія [1]). На ряду съ нимъ старый павловскій вельможа гр. Растопчинъ, жившій въ Москвѣ „не у дѣлъ“ выпустилъ тогда же брошюру подъ псевдонимомъ Богатырева „Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ“, въ которой старался распространить тѣ же взгляды въ широкихъ простонародныхъ кругахъ.

Въ это же время адмиралъ *А. С. Шишковъ*, русскій старовѣръ, извѣстный уже ранѣе своими нападками на Карамзина (въ „Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“), образовалъ теперь въ Петербургѣ патріотическое литературное общество „Бесѣда“, собиравшееся въ домѣ Державина, куда однако теперь на ряду съ старовѣрами входилъ и Карамзинъ и даже либеральный Мордвиновъ.

Замѣчательно, что эта оппозиція, объединившая довольно широкіе общественные круги и проявлявшаяся въ патріотическихъ формахъ, отнюдь не имѣла шовинистическаго характера.

---

[1]) Въ 1807 г. и петербургская газета „Геній временъ“ отзывалась о Наполеонѣ также съ большой рѣзкостью. Послѣ 1808 г., когда правительство стало запрещать подобные отзывы, въ томъ же „Геніи временъ“ *Н. И. Гречъ* писалъ уже хвалебныя статьи о Наполеонѣ, что не мѣшало ему впослѣдствіи (въ 1812 г.) опять ругать его безъ пощады въ „Сынѣ Отечества“. Но публика въ 1808—1811 гг. къ подобнымъ „казеннымъ“ похваламъ и порицаніямъ уже относилась съ презрѣніемъ.

Она направлялась всецѣло противъ Наполеона и Тильзитскаго договора съ его послѣдствіями, такъ тяжело отражавшимися на положеніи русской торговли, русской промышленности и на всемъ ходѣ русской общественной жизни. Мы въ то время вели четыре войны и ко всѣмъ имъ русское общество, по свидѣтельству современника (*Вигеля*, человѣка вполнѣ охранительныхъ взглядовъ), относилось съ поразительнымъ равнодушіемъ, иногда даже съ прямымъ недоброжелательствомъ къ успѣху поставленныхъ правительствомъ цѣлей! Двѣ изъ этихъ войнъ (съ слабой тогда Персіей и съ Австріей, съ которой самъ Александръ воевалъ à contre coeur, какъ союзникъ Наполеона) [1]), давались сравнительно легко, хотя и онѣ требовали все же значительныхъ затратъ. Но двѣ другія обошлись намъ очень недешево и потребовали значительныхъ затратъ и деньгами, и людьми. Это были: война съ Турціей, продолжавшаяся съ 1806 года съ перерывами, но безъ заключенія мира, до весны 1812 г., и война съ Швеціей, начавшаяся послѣ Тильзитскаго мира, какъ прямое послѣдствіе договора съ Наполеономъ, и окончившаяся послѣ цѣлаго ряда перипетій и геройскихъ, но тяжелыхъ для нашихъ войскъ, подвиговъ въ 1809 г. присоединеніемъ всей Финляндіи до рѣки Торнео.

Александръ хотѣлъ привлечь сердца новыхъ подданныхъ великодушіемъ и еще до подписанія мирнаго договора собралъ въ Борго сеймъ, предварительно подтвердивъ особой грамотой старинныя права и привилегіи финляндскаго населенія. Съ присоединеніемъ къ Россіи, такимъ образомъ, правовое положеніе населенія Финляндіи не измѣнилось къ худшему, а экономическое положеніе страны на первыхъ же порахъ даже улучшилось: была отмѣнена подать, которую Финляндія платила на покрытіе шведскихъ долговъ, и были уничтожены внутреннія таможни.

---

[1]) Въ 1809 г. послѣ Эрфурта, Александръ, убѣдясь въ невозможности удержать австрійцевъ отъ опасной для нихъ войны съ Наполеономъ, въ которой самъ онъ формально обязался помогать Наполеону,—въ порывѣ откровенности сказалъ австрійскому послу кн. Шварценбергу: „... Мое положеніе такъ странно, что хотя мы съ вами стоимъ на противоположныхъ линіяхъ, однако я не могу не желать вамъ успѣха!..“ (*Соловьевъ*, стр. 190). Публика же русская въ 1809 г. прямо радовалась всякому успѣху нашихъ „враговъ“ австрійцевъ и всякой неудачѣ нашего „союзника“ Наполеона (*Вигель*, Записки).

Но русское общество къ Фридрихсгамскому миру отнеслось тѣмъ не менѣе довольно неодобрительно — раздавались даже сожалѣнія по адресу шведовъ [1]).

Выражались пожеланія и о прекращеніи войны съ Турціей. Мордвиновъ въ 1810 году подалъ Александру записку, въ которой подробно обосновывалъ ненужность территоріальныхъ пріобрѣтеній для Россіи, границы которой и безъ того растянуты, и настаивалъ на необходимости скорѣйшаго окончанія Турецкой войны.

Таково было настроеніе русскаго общества послѣ Тильзитскаго мира.

---

[1]) *Вигель*, Записки, срав. у *Шильдера*, т. II, стр., 242.

ЛЕКЦІЯ VIII.

Рѣшеніе Александра вернуться къ внутреннимъ преобразованіямъ въ 1809 г.— М. М. Сперанскій.—Разработка плана государственнаго преобразованія.— Приступъ къ его осуществленію: учрежденіе государственнаго совѣта и преобразованіе министерствъ.—Указы объ экзаменахъ и о придворныхъ чинахъ. — Отчаянное положеніе русскихъ финансовъ въ 1809 — 1810 гг. — Финансовый планъ Сперанскаго. — Записка Карамзина о древней и новой Россіи.—Паденіе Сперанскаго.—Положеніе дѣла народнаго просвѣщенія. — Открытіе ученыхъ обществъ.

Всеобщее недовольство, охватившее всѣ классы русскаго общества послѣ Тильзитскаго мира, сильно смущало и заботило Александра. Онъ понималъ, что полицейскими мѣрами можно иногда обнаружить заговоръ, въ существованіе котораго, впрочемъ, едва ли онъ вѣрилъ серьезно, хотя и допускалъ интригана Савари распространяться на этотъ счетъ въ интимныхъ съ нимъ разговорахъ. Но понималъ, что этими мѣрами невозможно измѣнить настроеніе умовъ въ обществѣ.

Онъ попытался поэтому вернуть къ себѣ общее расположеніе инымъ, болѣе разумнымъ и болѣе благороднымъ способомъ — возвратомъ къ тѣмъ внутреннимъ преобразованіямъ, которыя были замышлены, но не были осуществлены въ первые годы царствованія. На этотъ разъ главнымъ сотрудникомъ Александра въ дѣлѣ разработки этихъ преобразованій явился новый государственный дѣятель — Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

По уму и таланту Сперанскій несомнѣнно самый замѣчательный изъ государственныхъ людей, работавшихъ съ Александромъ, и, быть можетъ, самый замѣчательный государственный умъ и во всей новѣйшей русской исторіи. Сынъ сельскаго священника, питомецъ духовной семинаріи, Сперанскій самъ, безъ какой-либо протекціи, сумѣлъ не только выбраться въ люди, но и познакомиться безъ посторонней помощи съ луч-

шими политическими, экономическими и юридическими сочиненіями на французскомъ языкѣ, который онъ усвоилъ себѣ въ совершенствѣ. Въ четыре года изъ домашняго секретаря князя Куракина онъ успѣлъ, исключительно въ силу своихъ дарованій, выдвинуться въ статсъ-секретари императора, при чемъ уже въ самомъ началѣ царствованія Александра изъ-за желанія имѣть его въ своемъ вѣдомствѣ происходили даже ссоры между наиболѣе сильными тогдашними министрами — между Трощинскимъ и Кочубеемъ. И самъ Александръ зналъ и цѣнилъ Сперанскаго уже и въ то время.

Я уже говорилъ о той запискѣ, которую Сперанскій по порученію Александра, данному ему черезъ Кочубея, изготовилъ еще въ 1803 году. Собственно тѣ же начала, которыя онъ вложилъ въ эту записку, развиты были въ его знаменитомъ планѣ государственнаго преобразованія, хотя, какъ вы увидите, настроеніе Сперанскаго, быть можетъ въ зависимости отъ заграничнаго путешествія (въ 1808 г. въ Эрфуртъ) и въ связи съ настроеніемъ Александра, сильно измѣнилось въ оптимистическую сторону относительно готовности страны къ конституціонному устройству.

Александръ, прекративъ еще въ 1802 г. непосредственныя занятія вопросомъ о конституціонномъ устройствѣ, не переставалъ однако занимать имъ другихъ. Такое порученіе получилъ, напримѣръ, въ 1804 г. баронъ Розенкампфъ, служившій въ то время въ комиссіи законовъ и не знавшій тогда по-русски. Его проектъ, названный имъ „кадромъ конституціи“, былъ затѣмъ переданъ Новосильцеву и Чарторыйскому, но такъ какъ въ 1805 г. начались военныя дѣйствія, то этотъ планъ долго лежалъ безъ движенія и лишь въ 1808 г., въ числѣ другихъ матеріаловъ, поступилъ къ Сперанскому, когда онъ, по возвращеніи изъ Эрфурта, получилъ отъ Александра порученіе заняться общимъ планомъ государственныхъ преобразованій. Корфъ разсказываетъ, и Шильдеръ повторяетъ, анекдотъ о томъ, что будто бы въ Эрфуртѣ, гдѣ Сперанскій познакомился съ тогдашними знаменитостями Наполеономъ, Талейраномъ и др., между нимъ и Александромъ произошелъ слѣдующій разговоръ: Александръ спросилъ Сперанскаго о впечатлѣніи, произведенномъ на него Европой, и Сперанскій будто бы отвѣтилъ: „у насъ люди лучше, а здѣсь учрежденія лучше“. Але-

ксандръ сказалъ, что это и его мысль, и прибавилъ: „по возвращеніи въ Россію мы еще поговоримъ объ этомъ“. Въ непосредственную связь съ этимъ разговоромъ нѣкоторые изслѣдователи ставятъ и новый приступъ къ реформамъ въ 1809 г.

Я думаю, что врядъ ли этотъ разговоръ могъ имѣть мѣсто. Въ Пруссіи въ то время никакой конституціи не было, а весь ея строй былъ въ разложеніи, и передъ нѣмцами стояла задача создать его заново; во Франціи въ это время былъ лишь призракъ конституціи, и всѣ ея „конституціонныя“ учрежденія носили явно шарлатанскій характеръ. Александръ и Сперанскій отлично это знали, а поэтому трудно предположить, чтобы фраза „у насъ люди лучше, а здѣсь учрежденія“ могла принадлежать Сперанскому, тѣмъ болѣе, что у него не было повода дать лестный отзывъ и о русскихъ дѣятеляхъ. Вѣрнѣе предположить, что Александръ, котораго смущала все усиливавшаяся въ обществѣ оппозиція, въ видахъ успокоенія общества, рѣшилъ возобновить свои прежнія заботы объ улучшеніи внутренняго управленія Россіи, разсчитывая вернуть такимъ образомъ прежнее сочувствіе къ себѣ общества. Важно отмѣтить перемѣну во взглядахъ самого Сперанскаго, происшедшую съ 1803 года: тогда онъ признавалъ коренную реформу неосуществимой, а теперь осуществленіе широкихъ преобразовательныхъ плановъ казалось ему совершенно возможнымъ. На это измѣненіе взглядовъ Сперанскаго могли имѣть вліяніе тѣ бесѣды, которыя онъ велъ въ Эрфуртѣ съ Талейраномъ и другими, и въ особенности измѣненіе въ настроеніи Александра. Впослѣдствіи въ своемъ оправдательномъ письмѣ изъ Перми Сперанскій подчеркивалъ, что основная идея плана преобразованій была ему предписана самимъ Александромъ.

Въ своемъ „планѣ“, въ главѣ „о разумѣ государственнаго уложенія“ Сперанскій подробно разбираетъ вопросъ о благовременности введенія правильнаго государственнаго устройства въ Россіи. Замѣтивъ при этомъ, что въ то время, какъ на западѣ конституціи были устраиваемы „отрывками“ и послѣ жестокихъ государственныхъ переворотовъ, россійская конституція будетъ обязана своимъ существованіемъ благодѣтельной мысли верховной власти, отъ которой зависитъ, слѣдовательно, выбрать время ея введенія и дать ей самыя правильныя формы, онъ обращается къ оцѣнкѣ „благовременности“ момента и пускается въ довольно

пространныя историко-политическія изысканія, при чемъ всѣ существовавшія въ мірѣ политическія системы сводитъ къ тремъ главнымъ: къ республикѣ, феодальной монархіи и деспотіи. Исторія западно-европейскихъ государствъ со времени крестовыхъ походовъ представляетъ, по мнѣнію Сперанскаго, исторію борьбы, въ результатѣ которой феодальная форма уступаетъ все болѣе и болѣе республиканской. Что касается Россіи, то Сперанскій считаетъ, что Россія вышла уже изъ чисто феодальныхъ формъ, такъ какъ раздробленная власть уже соединена въ рукахъ одного лица, причемъ были уже попытки ввести конституцію—при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны и при Екатеринѣ II. Признавая эти попытки „неблаговременными", Сперанскій, вопреки высказанному въ 1803 г. взгляду, полагаетъ, что коренная государственная реформа въ современный ему моментъ осуществима. Наличность крѣпостного права его уже не смущаетъ, такъ какъ онъ находитъ, что конституціонное устройство можетъ существовать и при отсутствіи равноправія въ странѣ. Поэтому и свои планы онъ строитъ на такой же системѣ различія сословныхъ правъ, при чемъ даже отличительной чертой дворянскаго сословія признаетъ право владѣнія населенными имѣніями, такъ что крѣпостное право въ его планѣ для ближайшаго будущаго является какъ бы однимъ изъ существенныхъ элементовъ преобразованнаго строя. Политическія права онъ даетъ только тѣмъ гражданамъ, которые имѣютъ имущество; такимъ образомъ, въ основу проектируемаго государственнаго устройства онъ кладетъ цензовую систему.

Важными мѣропріятіями, подготовившими Россію къ конституціи, Сперанскій считаетъ разрѣшеніе лицамъ всѣхъ свободныхъ сословій покупать землю, учрежденіе сословія свободныхъ хлѣбопашцевъ, изданіе Лифляндскаго положенія о крестьянахъ и учрежденіе министерствъ съ отвѣтственностью (хотя самъ онъ еще въ 1803 г. отлично понималъ, какъ вы видѣли, всю цѣну этой отвѣтственности). Важнѣе признаніе Сперанскимъ значенія общественнаго настроенія. Симптомами того, что моментъ для реформы созрѣлъ, онъ признаетъ паденіе въ обществѣ уваженія къ чинамъ, орденамъ и вообще ко внѣшнимъ признакамъ власти, упадокъ нравственнаго престижа власти, ростъ духа критики дѣйствій правительства. Онъ указываетъ на невозмож-

ность при такихъ условіяхъ частныхъ исправленій существующей системы, въ особенности въ области финансоваго управленія, и приходитъ къ выводу, что наступило время перемѣнить старый порядокъ вещей. Эти соображенія Сперанскаго, несомнѣнно одобренныя самимъ Александромъ, драгоцѣнны для насъ: они свидѣтельствуютъ, насколько правительство сознавало, что развились элементы, стремившіеся къ участію въ государственномъ управленіи.

Обращаясь къ разсмотрѣнію выхода изъ создавшагося положенія, Сперанскій указываетъ два выхода: одинъ неискренній, фиктивный выходъ, другой искренній — радикальный. Первый выходъ состоитъ въ томъ, чтобы облечь права самодержавныя во внѣшнюю форму законности, оставивъ, въ сущности, ихъ въ прежней силѣ; второй выходъ заключается въ такомъ устройствѣ, „чтобы не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею и существенною силою установленій и учредить державную власть на законѣ не словами, но самимъ дѣломъ". Сперанскій рѣшительно указываетъ, что при самомъ приступѣ къ преобразованіямъ нужно избрать опредѣленно тотъ или другой выходъ. Для реформы фиктивной могутъ служить учрежденія, которыя, представляя видимость свободной законодательной власти, на самомъ дѣлѣ находились бы подъ вліяніемъ и въ совершенной зависимости отъ власти самодержавной. Въ то же время власть исполнительная должна быть такъ учреждена, „чтобы она по *выраженію* закона состояла въ отвѣтственности, но по *разуму* его была бы совершенно независима". А власти судной слѣдуетъ дать (при такомъ устройствѣ) всѣ преимущества *видимой* свободы, но связать ее на самомъ дѣлѣ такими учрежденіями, чтобы она *въ существѣ* своемъ всегда состояла въ зависимости отъ власти самодержавной. Какъ на примѣръ такого фиктивно-конституціоннаго устройства Сперанскій указываетъ на строй наполеоновской Франціи.

Если, наоборотъ, предположено будетъ принять вторую альтернативу, то картина государственнаго устройства должна будетъ получиться совершенно иная: во-первыхъ, законодательныя учрежденія должны быть тогда такъ устроены, чтобы они, хотя и не могли бы проводить своихъ предположеній безъ утвержденія державной власти, но чтобы въ то же время сужде-

нія ихъ были свободны и выражали бы собой дѣйствительное мнѣніе народа; во-вторыхъ, вѣдомство судебное должно быть такъ образовано, чтобы въ бытіи своемъ оно зависѣло отъ свободнаго выбора и одинъ только надзоръ за исполненіемъ формы судебной принадлежалъ бы правительству; въ-третьихъ, власть исполнительная должна быть поставлена въ отвѣтственность передъ властью законодательной.

„Сравнивая сіи двѣ системы между собою,—поясняетъ Сперанскій,—нѣтъ сомнѣнія, что первая изъ нихъ имѣетъ только видъ закона, а другая—самое существо его; первая—подъ предлогомъ единства державной власти—вводитъ совершенное самовластіе, а другая—ищетъ въ самомъ дѣлѣ ограничить его и умѣрить...“

Вопросъ, такимъ образомъ, былъ поставленъ такъ прямо и ясно, что Александру прегражденъ былъ путь ко всякимъ мечтательнымъ неопредѣленностямъ и приходилось серьезно выбирать одно изъ двухъ, при чемъ первая система была заранѣе опорочена.

Александръ выбралъ второй выходъ. Сперанскій развилъ соотвѣтственный планъ государственнаго устройства, и Александръ, послѣ двухмѣсячнаго почти ежедневнаго обсужденія этого плана со Сперанскимъ, осенью 1809 года повелѣлъ начать приведеніе его въ дѣйствіе.

Планъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: согласно существовавшему административному дѣленію страны, основными территоріальными единицами признавались губерніи, раздѣленныя на уѣзды, въ свою очередь раздѣленные на волости. Въ каждой волости проектировались волостныя думы, въ составъ которыхъ входили бы выборные отъ казенныхъ крестьянъ (отъ 500 одинъ) и всѣ личные земельные собственники. Составъ этихъ думъ обновлялся бы разъ въ три года. Главнѣйшіе предметы вѣдомства волостной думы должны были состоять: 1) въ выборѣ членовъ волостного правленія, которое, согласно плану, завѣдывало бы мѣстнымъ земскимъ хозяйствомъ, 2) въ контролѣ надъ волостными приходами и расходами, 3) въ выборѣ депутатовъ въ окружную (уѣздную) думу, 4) въ представленіяхъ окружной думѣ о волостныхъ нуждахъ. Окружная дума должна была состоять изъ депутатовъ, избранныхъ волостными думами; компетенція ея была соотвѣтствующей компетенціи волостныхъ

думъ, по касалась дѣлъ уѣзда; она выбирала депутатовъ въ губернскую думу, окружной совѣтъ и окружной судъ.

Губернская дума предполагалась съ аналогичною компетенціей, а затѣмъ въ Петербургѣ уже сжегодно должна была собираться государственная дума, образуемая изъ депутатовъ всѣхъ губернскихъ думъ. Впрочемъ, засѣданія этой государственной думы, согласно проекту Сперанскаго, могли быть отсрочены верховной властью на годъ; роспускъ же ея могъ послѣдовать не иначе какъ послѣ выбора состава депутатовъ слѣдующей думы. Предсѣдательствовать въ государственной думѣ долженъ былъ государственный канцлеръ, т.-е. лицо назначаемое; работа должна была производиться по комиссіямъ. Право законодательной иниціативы принадлежало бы только верховной власти, за исключеніемъ представленій о государственныхъ нуждахъ, объ отвѣтственности должностныхъ лицъ и о распоряженіяхъ, нарушающихъ коренные государственные законы. Сенатъ долженъ былъ превратиться въ высшее судилище и состоять изъ избираемыхъ пожизненно губернскими думами лицъ, которыя утверждались бы верховной властью.

Сверхъ государственной думы планъ предполагалъ учредить государственный совѣтъ, состоящій изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ по избранію самого монарха; но государственный совѣтъ по плану Сперанскаго долженъ былъ быть не второй законодательной палатой, какъ теперь, а совѣщательнымъ учрежденіемъ при монархѣ, которое разсматривало бы всѣ новыя предположенія министровъ и предполагаемыя финансовыя мѣропріятія до ихъ внесенія въ государственную думу.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ планъ Сперанскаго, одобренный Александромъ въ принципѣ. Несомнѣнно, въ планѣ этомъ было много несовершенствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя видны уже изъ самаго его изложенія, другія же заключались въ недостаточно точномъ опредѣленіи закона и административнаго распоряженія, въ недостаточно ясномъ установленіи порядка отвѣтственности министровъ и т. д. Но мы не будемъ здѣсь останавливаться на этихъ несовершенствахъ, такъ какъ планъ этотъ не былъ осуществленъ. Признавъ его удовлетворительность и полезность, Александръ рѣшилъ однако вводить его по частямъ, тѣмъ болѣе, что не было и готоваго постатейнаго

законопроекта. На первый разъ рѣшено было опубликовать новое учрежденіе министерствъ и государственнаго совѣта, въ качествѣ совѣщательнаго учрежденія при монархѣ.

Государственный совѣтъ при этомъ не получилъ, конечно,— впредь до реализаціи всего плана,—того подготовительнаго характера, какой ему былъ приданъ въ планѣ Сперанскаго; онъ былъ раздѣленъ на 4 департамента—департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, департаментъ законовъ, департаментъ военный и департаментъ государственной экономіи. При каждомъ департаментѣ была учреждена должность статсъ-секретаря. Сперанскій былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ, при чемъ въ его рукахъ кромѣ дѣлъ, входившихъ въ общее собраніе совѣта, соединились всѣ нити государственныхъ преобразованій и всей тогдашней законодательной дѣятельности.

Проектъ учрежденія государственнаго совѣта до его опубликованія былъ показанъ нѣкоторымъ вліятельнымъ сановникамъ— Завадовскому, Лопухину, Кочубею и др., безъ посвященія ихъ, однако, въ тайну всего задуманнаго преобразованія. Всѣ эти сановники отнеслись къ нему вполнѣ одобрительно, не имѣя понятія о томъ значеніи, какое долженъ былъ имѣть государственный совѣтъ по плану Сперанскаго.

Между тѣмъ, несмотря на всѣ старанія Сперанскаго занять уединенное положеніе внѣ всякихъ партій, противъ него образовалось уже тогда въ чиновничьемъ, дворянскомъ и придворномъ кругахъ чрезвычайно враждебное отношеніе. Оно особенно обострилось въ виду двухъ указовъ—3-го апрѣля и 6-го августа 1809 года, которые приписывались прямому вліянію Сперанскаго. Первый указъ предписалъ, чтобы всѣ лица, носившія придворныя званія, избрали себѣ какую-либо службу. Послѣ этого закона всѣ придворныя званія, которыя до тѣхъ поръ считались должностями, стали лишь почетными отличіями и не сообщали уже никакихъ служебныхъ правъ. Второй указъ, въ видахъ улучшенія служебнаго персонала, требовалъ, чтобы чины коллежскаго асессора и статскаго совѣтника давались лишь по выдержаніи опредѣленнаго экзамена или по предъявленіи университетскаго диплома.

Оба эти указа вызвали негодованіе въ придворной и чиновничьей средѣ противъ Сперанскаго; начались всякіе подкопы и интриги, при помощи которыхъ въ концѣ-концовъ врагамъ Спе-

ранскаго и удалось свалить этого замѣчательнаго государственнаго человѣка, послѣ того, какъ онъ навлекъ на себя всеобщее неудовольствіе въ тогдашнемъ дворянскомъ обществѣ не по его винѣ неудавшеюся попыткою упорядоченія государственныхъ финансовъ, доведенныхъ почти до полнаго крушенія постояннымъ ростомъ расходовъ и выпусками бумажныхъ денегъ, въ связи съ результатами континентальной системы.

Я уже говорилъ, что послѣ Тильзитскаго мира въ 1808 г. доходы казны равнялись 111 мил. руб. ассигнаціями, что составляло на серебро около 50 мил. р., расходы же достигали 248 мил. рублей ассигнаціями. Дефицитъ былъ покрытъ новымъ выпускомъ ассигнацій, при чемъ курсъ ихъ въ этомъ году былъ ниже 50 коп. за рубль, а въ лѣтніе мѣсяцы падалъ даже ниже 40 к. Въ слѣдующемъ 1809 г. онъ уже въ среднемъ за годъ не превышалъ 40 коп., а къ концу года спустился до 35 коп. Доходы въ этомъ году равнялись 195 м. р. ас. (менѣе 80 мил. руб. на серебро), а расходы—278 мил. р. ас. (около 114 мил. руб. сер.). Дефицитъ опять былъ покрытъ новымъ выпускомъ ассигнацій, но онѣ лежали уже безъ обращенія: рынокъ отказывался принимать такое количество ассигнацій. Къ концу 1810 года курсъ ихъ спустился ниже 20 коп. за рубль серебра. Банкротство страны приближалось. Въ этомъ тяжеломъ положеніи Александръ еще въ 1809 г. обратился къ тому же Сперанскому и по этому трудному и грозному вопросу.

Я упомянулъ только что о значеніи суженія рынка и сокращенія торговаго оборота для паденія курса бумажныхъ денегъ. Суженіе это обусловливалось, какъ я уже говорилъ, континентальной системой, прекратившей вывозъ льна и пеньки въ Англію, составлявшій тогда около половины всего нашего отпуска товаровъ за границу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, существовавшій тогда таможенный тарифъ былъ весьма неблагопріятенъ для развитія нашей крупной промышленности, такъ какъ вслѣдствіе незначительности таможенной пошлины на иностранные фабрикаты, русскія фабрики не могли конкурировать съ иностранными. Къ тому же, благодаря превышенію ввоза надъ вывозомъ, балансъ оказывался очень неблагопріятнымъ для Россіи: платить намъ приходилось за ввозимые предметы звонкой монетой, между тѣмъ получали мы изъ-за границы звонкой монеты, благодаря относительной ничтожности нашего вывоза, очень

мало. Такимъ образомъ ходъ этихъ торговыхъ операцій въ результатѣ вызывалъ большую утечку звонкой монеты за границу, вслѣдствіе чего въ странѣ оставались однѣ ассигнаціи, которыя все болѣе и болѣе обезцѣнивались. Кромѣ того, русскій дворъ платилъ большія субсидіи прусскому двору. Наконецъ, въ эти же годы мы вели цѣлыхъ четыре войны: была у насъ, какъ я уже говорилъ, многолѣтняя война съ Персіей (съ 1804 до 1813 г.); война съ Турціей, то фактически замиравшая, то возобновлявшаяся, въ общемъ продолжалась цѣлыя 6 лѣтъ (съ 1806 до 1812 г.); затѣмъ была война со Швеціей, кончившаяся завоеваніемъ Финляндіи (1808—1809 г.); наконецъ, будучи въ союзѣ съ Наполеономъ, мы должны были принять участіе въ 1809 г. въ войнѣ съ Австріей. Хотя мы сдѣлали это противъ своей воли и война была собственно безкровная—войска наши уклонялись, по указанію свыше, отъ встрѣчи съ австрійцами, — но денегъ и эта война потребовала довольно много.

Эти причины—невыгодность торговаго баланса и необходимость содержанія на звонкую монету армій за границей—и обусловливали тяжелое положеніе казны, такъ какъ населеніе уплачивало налоги ассигнаціями, а заграничные расходы оплачивались металлическими деньгами.

Номинально нашъ бюджетъ постоянно возрасталъ въ эти годы, но фактически онъ неуклонно падалъ. Напр., расходы на содержаніе двора составляли въ 1803 г. 8,600.000 р. или, въ переводѣ на серебро, 7,800.000 руб.; въ 1810 г. расходы на дворъ были равны 14,500.000 р. на ассигнаціи, но это составляло только 4,200.000 р. на серебро; такимъ образомъ, дѣйствительное количество средствъ, которыя получалъ въ свое распоряженіе дворъ, уменьшилось за эти годы на 45%. Вотъ данныя относительно бюджета министерства народнаго просвѣщенія (выраженныя въ милліонахъ руб.):

Годы.	На ассигнаціи:	На серебро:
1804	2,8	2,3
1809	3,6	1,144
1810	2,5	0,727

Такимъ образомъ, бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія за 6 лѣтъ въ сущности уменьшился почти въ четыре раза. При такомъ положеніи вещей нельзя было, конечно, и

думать объ открытіи новыхъ школъ — и старыя еле продолжали существовать, и то только благодаря тому, что жалованіе учителямъ выплачивалось ассигнаціями, какъ и всѣмъ чиновникамъ, но судите же, каково было ихъ положеніе, когда всѣ предметы вздорожали въ цѣнѣ въ 4 раза, а нѣкоторые (колоніальные товары) еще гораздо сильнѣе!

Такимъ образомъ государственное хозяйство быстрыми шагами приближалось къ краху, и въ странѣ росли общая тревога и недовольство. При такихъ условіяхъ Сперанскій, который уже въ это время закончилъ свой планъ общаго государственнаго преобразованія, получилъ повелѣніе государя заняться этимъ дѣломъ.

Сперанскій давно уже и самъ обратилъ вниманіе на положеніе финансовъ и съ большимъ вниманіемъ отнесся къ плану финансовыхъ реформъ, представленному ему профессоромъ Балугіанскимъ, служившимъ подъ его начальствомъ въ комиссіи законовъ. Онъ принялся очень усердно за изученіе новаго для него дѣла при помощи молодыхъ ученыхъ Балугіанскаго и Якоба (харьковскаго профессора), незадолго передъ тѣмъ приглашенныхъ изъ-за границы. Вскорѣ имъ была составлена обстоятельная записка о положеніи государственнаго хозяйства и необходимыхъ улучшеніяхъ, которую онъ подвергъ сперва обсужденію частнаго совѣщанія всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ людей, сколько-нибудь освѣдомленныхъ въ финансахъ. Это были графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, адмиралъ Мордвиновъ, Кочубей, государственный контролеръ Кампфенгаузенъ и ближайшій сотрудникъ Сперанскаго—Балугіанскій.

Къ 1 января 1810 г., — къ открытію государственнаго совѣта—Сперанскій уже представилъ Александру полный планъ финансоваго преобразованія. Сущность плана заключалась въ изысканіи мѣръ къ приведенію государственныхъ доходовъ въ соотвѣтствіе съ расходами. Планъ начинался съ указанія на то, что у государства не оказывается средствъ на удовлетвореніе элементарныхъ нуждъ, потому что фактически доходы казны уменьшились вслѣдствіе паденія курса бумажныхъ денегъ, отъ чего зависѣла также и дороговизна товаровъ на рынкѣ. Признавая, что первая причина паденія курса заключается въ непомѣрныхъ выпускахъ ассигнацій, Сперанскій предложилъ прежде всего прекратить дальнѣйшіе выпуски ассигнацій, а выпущенныя

ранѣе признать государственнымъ долгомъ и принять мѣры къ постепенному погашенію этого долга при помощи выкупа ассигнацій для ихъ уничтоженія. Для полученія необходимыхъ для этого средствъ Сперанскій предложилъ принять слѣдующія мѣры: 1) для уменьшенія дефицита сокращеніе текущихъ расходовъ, даже самыхъ полезныхъ, напримѣръ, на нужды народнаго образованія, на проведеніе новыхъ путей сообщенія и т. д.; 2) онъ предложилъ ввести новый налогъ, который обращался бы спеціально на погашеніе государственнаго долга, и образовать для этой цѣли спеціальную комиссію погашенія государственныхъ долговъ, съ отдѣльными, независимыми отъ государственнаго казначейства средствами; 3) сдѣлать внутренній заемъ подъ залогъ государственныхъ имуществъ. Часть государственныхъ имуществъ Сперанскій предложилъ даже пустить въ продажу. Предполагалось, что этотъ заемъ, какъ срочный и обезпеченный опредѣленнымъ имуществомъ, не могъ сыграть роли ассигнаціоннаго займа. Но такъ какъ всѣхъ этихъ мѣръ все же было бы недостаточно, тѣмъ болѣе, что войны съ Турціей и съ Персіей продолжались, Сперанскій предложилъ установить еще особый налогъ по 50 коп. съ души на помѣщичьи и удѣльныя имѣнія на одинъ только годъ. Вообще дефициты, по плану Сперанскаго, должны были покрываться по возможности процентными прибавками къ существующимъ налогамъ, чтобы населеніе могло тотчасъ же покрывать эти дефициты, не вынуждая расплачиваться за нихъ будущія поколѣнія. Для улучшенія условій кредита и для упорядоченія хозяйства Сперанскій предложилъ ввести упорядоченную отчетность и гласность въ веденіе государственнаго хозяйства. Этой реформѣ, однако, суждено было серьезно осуществиться только въ 60-хъ годахъ. Понимая, что упадокъ курса бумажнаго рубля поддерживается въ особенности невыгоднымъ торговымъ балансомъ, Сперанскій, энергично поддержанный въ этомъ вопросѣ Мордвиновымъ, который былъ предсѣдателемъ департамента государственной экономіи, предложилъ пересмотрѣть таможенный тарифъ и доказывалъ, что условія, принятыя въ Тильзитѣ относительно континентальной системы, надо толковать въ ограничительномъ смыслѣ, поясняя, что вѣдь Наполеонъ эти условія предлагалъ для разоренія Англіи, а не Россіи; между тѣмъ они разоряютъ не Англію, а Россію. Въ виду этого въ 1810 г., по предложенію Сперанскаго

и Мордвинова, было установлено, что всѣ русскія гавани открываются для всѣхъ судовъ подъ нейтральнымъ флагомъ, чьи бы товары они ни привозили. Съ другой стороны, новымъ таможеннымъ тарифомъ 1810 года былъ запрещенъ ввозъ разныхъ предметовъ роскоши, а на другіе предметы иностранной фабричной промышленности были наложены высокія таможенныя пошлины; этотъ тарифъ долженъ былъ уменьшить *ввозъ* фабрикатовъ, тогда какъ открытіе гаваней тотчасъ же повело къ возобновленію *вывоза* русскаго сырья и нѣкоторыхъ издѣлій (льняныхъ и пеньковыхъ тканей) въ Англію, которая не замедлила прислать за этими товарами свои суда подъ *тенерифскимъ* флагомъ. Оба эти обстоятельства повліяли весьма благопріятно на установленіе выгоднаго для Россіи торговаго баланса. И если бы планъ Сперанскаго былъ осуществленъ полностью, курсъ бумажнаго рубля несомнѣнно повысился бы. Къ сожалѣнію, въ 1810 г. еще было выпущено на 43 м. р. новыхъ ассигнацій. Хотя выпускъ этотъ состоялся на основаніи стараго повелѣнія, однако онъ въ корнѣ подрывалъ всѣ мѣры и въ особенности довѣріе публики, а курсъ бумажныхъ денегъ продолжалъ падать: въ 1811 г. онъ за цѣлый годъ не поднимался выше 23 к., по отдѣльнымъ же мѣсяцамъ падалъ ниже 20 коп. Но таможенный тарифъ 1809 г. сыгралъ огромную роль въ экономической жизни страны: можно сказать, что онъ спасъ Россію отъ конечнаго разоренія. Тѣмъ не менѣе мѣры, которыя были приняты государственнымъ совѣтомъ, не только не заслужили Сперанскому благодарности современниковъ, но даже усилили ту ненависть, которую питали къ нему широкіе слои дворянства и чиновничества.

Что касается публики, то изъ финансовыхъ плановъ Сперанскаго она сдѣлала весьма неутѣшительные для себя выводы. Ей стало ясно: 1) что финансы наши пришли въ плохое положеніе, 2) что казна вовлечена въ значительные внутренніе долги (для многихъ это было новостью, такъ какъ почти никто не понималъ раньше, что выпускъ ассигнацій есть своего рода внутренній заемъ) и 3) что на покрытіе расходовъ въ 1810 г. недостаетъ обыкновенныхъ средствъ, почему предстоятъ новые налоги и займы. Этотъ послѣдній выводъ былъ самый непріятный, такъ какъ положеніе плательщиковъ налоговъ, въ особенности помѣщиковъ, было и безъ того весьма незавидное. Это

недовольство нелѣпымъ образомъ обращалось не на тѣхъ, кто причинилъ разстройство финансовъ, а на того, кто честно открылъ обществу глаза на существующее положеніе дѣлъ, ничего не утаивая. Новые налоги особенно раздражали, потому что они приходились въ тяжелое время, когда страна и безъ того была разорена; дворянство же особенно негодовало за налогъ на дворянскія имѣнія. Раздраженіе еще болѣе усилилось, когда оказалось, что, несмотря на новыя тяготы, ассигнаціи продолжали падать. Налогъ, предназначенный на погашеніе долга, употреблялся на текущія нужды государства, чрезвычайно усилившіяся въ виду ожидавшейся уже войны съ Наполеономъ, такъ что общество имѣло какъ будто бы основаніе сказать, что государственный совѣтъ или авторъ плана государственнаго совѣта его попросту обманулъ. Такимъ образомъ планъ Сперанскаго на самомъ дѣлѣ не былъ осуществленъ.

За неисполненіе плана Сперанскаго, попавшаго въ руки плохого министра финансовъ Гурьева, обвиняли, какъ я уже сказалъ, самого же Сперанскаго; раздавались даже голоса, утверждавшіе, что онъ нарочно придумалъ свой финансовый планъ, чтобы раздражить оппозицію, что онъ находился въ преступныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ. И Александръ не выдержалъ натиска враговъ Сперанскаго. Онъ считалъ необходимымъ тогда усиливать повышенное патріотическое настроеніе, какъ бы это настроеніе ни выражалось, такъ какъ отразить Наполеона онъ надѣялся лишь въ томъ случаѣ, если война будетъ имѣть народный характеръ; онъ не видѣлъ возможности вступать въ объясненія и рѣшилъ пожертвовать лучшимъ своимъ сотрудникомъ ярости привилегированной толпы. Въ мартѣ 1812 г. Сперанскій былъ отставленъ и даже высланъ въ Нижній-Новгородъ, а затѣмъ, по новому доносу, въ Пермь, хотя Александръ не могъ сомнѣваться въ томъ, что за Сперанскимъ никакой серьезной вины не было и быть не могло. Вся его фактическая вина заключалась въ томъ, что онъ черезъ одного чиновника получалъ копіи всѣхъ важнѣйшихъ секретныхъ бумагъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, которыя онъ могъ бы, конечно, по своему положенію, получать и испросивъ на то официальное разрѣшеніе.

Ненависть общества къ Сперанскому нашла себѣ яркое и сильное выраженіе въ извѣстной запискѣ „о древней и новой

Россіи“ Карамзина, который, казалось бы, не долженъ былъ смѣшиваться съ толпой. Сущность этой записки, представленной Александру черезъ великую княгиню Екатерину Павловну, заключалась въ критикѣ внутренней политики Александра и въ доказательствахъ необходимости сохраненія на вѣчныя времена самодержавія въ Россіи. Краткій обзоръ русской исторіи написанъ былъ ярко, образно, мѣстами живописно, но не всегда безпристрастно. Послѣ яркой характеристики Екатерины и Павла, при чемъ первую Карамзинъ превознесъ до небесъ, а для мрачной характеристики сумасбродныхъ дѣяній второго, какъ вы знаете, не пожалѣлъ красокъ, — онъ переходитъ къ современной ему эпохѣ, призываетъ на помощь все свое гражданское мужество и пишетъ настоящій обвинительный актъ противъ новшествъ александрова царствованія. „Россія наполнена недовольными, — пишетъ онъ, — жалуются въ палатахъ и хижинахъ; не имѣютъ ни довѣрія, ни усердія къ правленію; строго осуждаютъ его цѣли и мѣры. Удивительный государственный феноменъ! Обыкновенно бываетъ, что преемникъ монарха жестокаго легко снискиваетъ всеобщее одобреніе, смягчая правила власти: успокоенные кротостью Александра, безвинно не страшась ни тайной канцеляріи, ни Сибири и свободно наслаждаясь всѣми позволенными въ гражданскихъ обществахъ удовольствіями, какимъ образомъ изъяснимъ сіе горестное расположеніе умовъ?

— Несчастными обстоятельствами Европы и важными, какъ я думаю, ошибками правительства; ибо къ сожалѣнію, можно съ добрымъ намѣреніемъ ошибаться въ средствахъ добра...“

Главная ошибка неопытныхъ законодателей александрова царствованія состояла, по мнѣнію Карамзина, въ томъ, что они вмѣсто того, чтобы совершенствовать учрежденія Екатерины, предприняли органическія реформы. Тутъ Карамзинъ не щадитъ ни государственнаго совѣта, ни новаго учрежденія министерствъ, ни даже обширныхъ предпріятій правительства по части распространенія народнаго просвѣщенія, которыя онъ прежде самъ же когда-то восхвалялъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Онъ утверждаетъ, что, вмѣсто всѣхъ реформъ, достаточно было бы подыскать 50 хорошихъ губернаторовъ и обезпечить странѣ хорошихъ духовныхъ пастырей. Объ отвѣтственности министровъ Карамзинъ говоритъ: „Кто ихъ избираетъ? — Госу-

дарь.—Пусть онъ награждаетъ достойныхъ своею милостью, а въ противномъ случаѣ удаляетъ недостойныхъ безъ шума, тихо и скромно. Худой министръ есть ошибка государева: должно исправлять подобныя ошибки, но скрытно, чтобы народъ имѣлъ довѣренность къ личнымъ выборамъ царскимъ...“

Совершенно такъ же разсуждаетъ Карамзинъ и о неумѣстныхъ, по его мнѣнію, признаніяхъ правительства относительно неблагополучія въ финансовомъ управленіи. По поводу излишняго выпуска ассигнацій въ прежніе годы онъ замѣчаетъ: „Когда сдѣлано неизбѣжное зло, то надобно размыслить и взять мѣры къ тишинѣ, не охать, не бить въ набатъ, отъ чего зло увеличивается. Пусть министры будутъ искренни передъ лицомъ одного монарха, а не передъ народомъ: сохрани Боже, если они будутъ слѣдовать иному правилу: обманывать государя и сказывать всякую истину народу...“ (!) Карамзинъ соглашается, что можно выкупать и погашать ассигнаціи, но объявленіе ассигнацій государственнымъ долгомъ считаетъ верхомъ легкомыслія. Замѣчательно своею наивностью это разсужденіе Карамзина; какъ будто онъ не понималъ, что, при существованіи такой тайны въ дѣлахъ управленія, министрамъ всего легче обманывать именно государя. Не менѣе замѣчательно его разсужденіе о томъ, что можетъ являться гарантіей противъ тираніи самодержавной власти при необузданномъ и безумномъ монархѣ: по мнѣнію Карамзина, государя долженъ удерживать страхъ, — „страхъ возбудить всеобщую ненависть въ случаѣ противной системы царствованія“, — и Карамзинъ не замѣчаетъ, что отсюда одинъ только шагъ до одобренія естественныхъ послѣдствій такой ненависти—государственнаго переворота.

Любопытную черту Карамзинской записки составляетъ его сословная, дворянская точка зрѣнія. Это, разумѣется, не точка зрѣнія дворянъ конституціоналистовъ, не та точка зрѣнія, на которой стояли въ то время тогдашніе либералы отъ дворянина Мордвинова до разночинца Сперанскаго; это была точка зрѣнія, усвоенная и проводившаяся Екатериной: дворянство должно быть первымъ сословіемъ въ государствѣ, должны быть признаны ненарушимыми всѣ его привилегіи по отношенію къ прочимъ сословіямъ, въ томъ числѣ и въ отношеніи крѣпостного права на крестьянъ, но по отношенію къ самодер-

жавной монархической власти дворянство должно быть вѣрнымъ и покорнымъ слугой.

То недовольство, о которомъ свидѣтельствуетъ Карамзинъ и наличность котораго признавалъ и Сперанскій, дѣйствительно существовало и развивалось почти во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Сперанскій, приписывая его зрѣлости общества, видѣлъ въ немъ признакъ существованія потребности въ преобразованіи политическаго строя; Карамзинъ, наоборотъ, объяснялъ это недовольство неудачными новшествами, являвшимися первыми шагами къ измѣненію политическаго строя. Эти оба столь различныя объясненія были одинаково неправильны: недовольство имѣло болѣе реальныя основанія, — корни его заключались въ неудачной внѣшней политикѣ правительства, вызвавшей ненужныя—по крайней мѣрѣ, по мнѣнію современниковъ—войны (1805—1807 гг.), континентальную систему и обусловленное ими разореніе страны; наконецъ, въ тильзитскомъ униженіи, больно коловшемъ національное самолюбіе и вызывавшемъ самую острую патріотическую оппозицію дружбѣ русскаго царя съ Наполеономъ. Впрочемъ, Карамзинъ попутно указываетъ и эти всѣ обстоятельства, не придавая имъ, однако, первенствующаго значенія, которое они, безспорно, имѣли.

Замѣчательно, что враги Сперанскаго старались—и надо сказать, довольно успѣшно—распространять мнѣніе, что Сперанскій хотѣлъ ввести въ Россіи наполеоновскіе законы, что онъ былъ поклонникомъ Наполеона и чуть ли не его клевретомъ. Успѣхъ этихъ инсинуацій объясняется господствовавшимъ патріотически протестующимъ настроеніемъ, которое мы уже охарактеризовали.

Прежде чѣмъ перейти къ слѣдующему періоду, я долженъ сказать нѣсколько словъ о положеніи въ тотъ моментъ дѣла народнаго просвѣщенія.

Довольно широко развивавшаяся въ предшествовавшій періодъ, особенно въ 1803—4 гг., просвѣтительная дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія теперь утихла за недостаткомъ средствъ. Однако же частныя общества и литература продолжали расти и развиваться. Открылся цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ и филантропическихъ обществъ. Кромѣ общества Шишковъ („Русская бесѣда“), слѣдуетъ упомянуть про „Общество любителей россійской словесности“, основанное Д. Языко-

вымъ при московскомъ университетѣ; „Общество любителей математики“, основанное Михаиломъ Муравьевымъ, тогда 15-тилѣтнимъ студентомъ, потомъ превратившееся, подъ руководствомъ его отца Н. Н. Муравьева, въ вольное учебное заведеніе для „колонновожатыхъ“, которое послужило колыбелью русскаго генеральнаго штаба и имѣло также большое значеніе въ исторіи тайныхъ обществъ двадцатыхъ годовъ, такъ какъ многіе изъ членовъ ихъ воспитывались здѣсь [1]). При московскомъ же университетѣ было открыто проф. Чеботаревымъ „Общество исторіи и древностей россійскихъ“. Затѣмъ еще въ 1804 г. тоже при московскомъ университетѣ было основано „Общество испытателей природы“, которое до сихъ поръ пользуется заслуженной извѣстностью; оно основано было гр. А. К. Разумовскимъ и въ 1810—11 гг. проявило энергичную дѣятельность.

Даже въ провинціи основывались такія же общества: такъ, напримѣръ, въ Казани въ 1806 г. было открыто „Общество любителей россійской словесности“, въ которомъ къ 1811 г. насчитывалось 32 члена.

---

[1]) *Богдановичъ* (III, стр. 69), слѣдуя невѣрнымъ свѣдѣніямъ *Шевырева*, приведеннымъ въ его „Исторіи Московскаго университета“, утверждаетъ, будто общество это не состоялось. Но утвержденіе это противорѣчитъ болѣе точнымъ свѣдѣніямъ, приведеннымъ въ біографіи М. Н. Муравьева, составленной *Кропотовымъ* по архивнымъ даннымъ и по разсказамъ брата Михаила Муравьева, Сергѣя Николаевича. См. *Кропотовъ*, стр. 52 и слѣд.

ЛЕКЦІЯ IX.

Ближайшія причины войны 1812 г.—Разрывъ съ Наполеономъ. — Соотношеніе силъ воюющихъ сторонъ и планъ войны. — Общій ходъ военныхъ дѣйствій.—Настроеніе арміи и народа въ Россіи. — Положеніе Наполеона до Москвы и въ Москвѣ.—Изгнаніе непріятеля изъ предѣловъ Россіи.—Торжество Александра.—Перенесеніе войны въ Западную Европу. — Кампанія 1813—1814 гг.—Низложеніе Наполеона.—Вѣнскій конгрессъ.—Планы Александра въ отношеніи Польши и Пруссіи.—Интриги Талейрана и распри между союзниками.—Рѣшеніе польскаго вопроса.—Положеніе дѣлъ въ герцогствѣ варшавскомъ и вопросъ о его внутреннемъ устройствѣ.—Мистическое настроеніе Александра и идея Священнаго союза.

Вы видѣли, каково было положеніе Россіи въ годы, слѣдовавшіе за Тильзитскимъ миромъ, и составившіе третій періодъ царствованія Александра. Союзъ съ Наполеономъ былъ для Россіи невыносимъ не только потому, что онъ противорѣчилъ національному сознанію и народной гордости, но и потому, что онъ совершенно разрушалъ экономическія силы и благосостояніе русскаго народа и государства. Въ то же время Наполеонъ, заставляя насъ растрачивать безплодно для насъ наши силы на войну съ Англіей, Швеціей, Турціей и, наконецъ, съ Австріей, самъ выдвигалъ противъ Россіи польскій вопросъ въ самомъ обостренномъ и опасномъ для насъ видѣ. Отношеніе поляковъ къ Александру продолжало портиться. Въ то же время поляки, бывшіе единственными ревностными и преданными союзниками Наполеона въ войнѣ его съ Австріей въ 1809 г., при заключеніи мира съ австрійцами, послѣ ваграмскаго пораженія, получили значительное территоріальное приращеніе къ варшавскому герцогству на счетъ Галиціи (съ населеніемъ болѣе $1^1/_2$ мил. душъ), тогда какъ въ Россіи была присоединена изъ состава той же Галиціи лишь небольшая тарнопольская область (съ населеніемъ въ 400 тыс. душъ). Конечно, Александру не было нужды ни въ какомъ увеличеніи

территоріи Россіи; но русское правительство не могло равнодушно относиться къ росту весьма враждебно настроеннаго къ намъ варшавскаго герцогства, тѣмъ болѣе что изъ секретнаго доклада Дюрока, добытаго Куракинымъ, оно вполнѣ познакомилось съ затаенными видами и планами Наполеоновской дипломатіи. Дюрокъ опредѣленно заявлялъ въ этомъ докладѣ, что господство Наполеона въ Европѣ до тѣхъ поръ не будетъ основываться на прочномъ и спокойномъ фундаментѣ, пока хоть въ одномъ европейскомъ государствѣ будутъ царствовать Бурбоны, пока Австрія не будетъ исключена изъ состава германской имперіи и пока Россія не будетъ ослаблена и отброшена за Днѣпръ и Западную Двину. При этомъ Дюрокъ столь же опредѣленно осуждалъ допущеніе прежнимъ правительствомъ Франціи раздѣла Польши и рекомендовалъ возстановить ее въ прежнемъ видѣ (т.-е. въ границахъ 1772 г.), какъ необходимый оплотъ противъ Россіи [1]). Понятно, что этотъ докладъ не могъ не возбудить тревоги въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; но такъ какъ на выкраденный документъ невозможно было офиціально ссылаться, то русское правительство основало свои опасенія и жалобы по польскому вопросу на большихъ территоріальныхъ приращеніяхъ варшавскаго герцогства, формально нарушавшихъ одну изъ статей тильзитскаго договора. Чтобы успокоить съ этой стороны Александра, Наполеонъ согласился на заключеніе съ Россіей особой конвенціи, въ которой формально была бы устранена взаимнымъ ручательствомъ обоихъ императоровъ всякая возможность возстановленія Польши въ видѣ самостоятельнаго государства. Но когда Коленкуръ по уполномочію Наполеона заключилъ такую конвенцію съ русскимъ министромъ Румянцевымъ, то Наполеонъ отказался ратификовать этотъ документъ, утверждая, что Коленкуръ будто бы превысилъ свои полномочія. Отказъ этотъ послѣдовалъ тотчасъ за отклоненіемъ попытки Наполеона посвататься къ одной изъ сестеръ Александра, Аннѣ Павловнѣ, и нѣкоторые историки видятъ въ обоихъ этихъ событіяхъ внутреннюю связь. Но повидимому дѣло было не въ этомъ неудачномъ сватовствѣ, которое не было даже начато формально,

---

[1]) Докладъ Дюрока отъ 23 февраля 1809 г. — приведенъ у *Богдановича* т. III, стр. 86 и слѣд. (копія этого доклада въ арх. м. ин. дѣлъ).

а въ томъ, что Наполеонъ отнюдь не хотѣлъ измѣнить своей политики по польскому вопросу и просто хотѣлъ протянуть время, ибо, въ виду неудачъ своихъ въ Испаніи, не былъ готовъ къ войнѣ съ Россіей. Тогда же онъ выгналъ родственника Александра, герцога Ольденбургскаго, изъ его собственныхъ владѣній, вслѣдствіе недостаточно строгаго соблюденія герцогомъ континентальной системы. Такъ какъ владѣнія герцога Ольденбургскаго достались ольденбургскому дому, какъ младшей линіи гольштейнъ-готорпскаго дома, за отказомъ отъ нихъ старшей линіи, царствовавшей съ Петра III въ Россіи, то Александръ, какъ представитель этого дома, счелъ себя лично задѣтымъ и послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ объ удовлетвореніи обиженнаго герцога другими равноцѣнными владѣніями разослалъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ циркулярный протестъ противъ дѣйствій Наполеона. Наполеонъ считалъ этотъ протестъ за casus belli, и если не объявилъ войны немедленно, то только потому, что все еще не былъ готовъ къ ней. Наконецъ, нарушеніе континентальной системы въ Россіи съ принятіемъ финансоваго плана Сперанскаго и въ особенности таможенный тарифъ 1810 г., который прямо билъ по карману французскихъ купцовъ и фабрикантовъ, явились самыми существенными обстоятельствами, съ которыми Наполеонъ не могъ примириться.

Такимъ образомъ къ началу 1812 г. для всѣхъ было ясно, что война Россіи съ Франціей неизбѣжна.

Ясно было и то, что Австрія и въ особенности Пруссія, не говоря о прочихъ зависимыхъ отъ Наполеона государствахъ европейскаго континента, не могутъ въ этой „послѣдней борьбѣ“ Наполеона съ Александромъ остаться нейтральными. Пруссія могла бы стать на сторону Россіи въ томъ случаѣ, если бы Россія стала вести борьбу наступательную и перебросила бы свои арміи за Нѣманъ прежде, чѣмъ Наполеонъ стянулъ бы туда достаточныя силы. Но Россія этого сдѣлать не могла, потому что поляки оказали бы съ первыхъ же шаговъ энергичное сопротивленіе, а прусскія крѣпости еще оставались съ 1806 г. въ рукахъ французовъ, и Наполеонъ могъ, такимъ образомъ, уничтожить окончательно Пруссію, прежде чѣмъ Александръ пришелъ бы къ ней на помощь. Съ другой стороны, до весны 1812 г. не была кончена турецкая война, и вообще силы, ко-

торыя мы могли двинуть противъ Наполеона, значительно уступали тѣмъ, какія онъ могъ стянуть къ Вислѣ, не считая даже австрійскихъ и прусскихъ войскъ. Поэтому наступательная война для Россіи была немыслима.

Передъ началомъ войны Наполеонъ испыталъ, впрочемъ, двѣ важныя дипломатическія неудачи. Ему не удалось привлечь къ коалиціи, составленной имъ противъ Россіи, ни Швеціи, ни Турціи.

Швецію ему не удалось привлечь на свою сторону,—несмотря на обѣщаніе вернуть ей Финляндію и даже остзейскія провинціи,—прежде всего потому, что Швеція не могла бороться съ Англіей, которая разумѣется тотчасъ возобновила свой прежній союзъ съ Россіей, какъ только Россія разорвала съ Франціей; къ тому же агенты Наполеона своимъ нахальнымъ образомъ дѣйствій въ шведской Помераніи сильно вооружили шведовъ противъ Франціи, наконецъ, и Бернадоттъ, выбранный шведскимъ наслѣднымъ принцемъ, будучи исконнымъ соперникомъ Наполеона, не желалъ вступать съ нимъ въ союзъ. Наоборотъ, лѣтомъ 1812 г. послѣ личнаго свиданія съ Александромъ, онъ заключилъ съ нимъ дружескій договоръ, заручившись лишь обѣщаніемъ русскаго императора содѣйствовать присоединенію къ Швеціи Норвегіи взамѣнъ Финляндіи. Благодаря этому договору Александръ получилъ возможность не только не опасаться съ этой стороны нападенія (которое въ концѣ-концовъ могло бы грозить Петербургу), но и вывести всѣ войска изъ Финляндіи, чтобы употребить ихъ противъ Наполеона.

Что касается Турціи, то новому главнокомандующему дѣйствовавшей тамъ арміи Кутузову удалось въ началѣ 1812 г. нанести туркамъ рѣшительное пораженіе, послѣ котораго и въ виду продолжавшихся въ Турціи внутреннихъ смутъ, турки не могли продолжать борьбу. Въ маѣ 1812 г. Кутузовъ заключилъ въ Бухарестѣ съ турками миръ, какъ нельзя болѣе своевременно—за двѣ недѣли до вступленія арміи Наполеона въ предѣлы Россіи. Хотя теперь уже дѣло не могло итти о присоединеніи къ Россіи Молдавіи и Валахіи,—на что условно соглашался Наполеонъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ,—тѣмъ не менѣе по этому договору территорія наша все таки увеличилась присоединеніемъ Бессарабіи по рѣку Прутъ. Правда, заключая этотъ договоръ, Кутузовъ пренебрегъ частью инструкцій Але-

ксандра: Александръ настаивалъ, чтобы непремѣннымъ условіемъ мира Кутузовъ поставилъ Турціи заключеніе съ Россіей наступательнаго и оборонительнаго союза или по меньшей мѣрѣ обезпеченія свободнаго пропуска русскихъ войскъ черезъ турецкія владѣнія къ иллирійскимъ землямъ Наполеона. Но отказъ отъ этихъ требованій составляетъ, конечно, заслугу Кутузова, ибо миръ съ Турціей былъ подписанъ 12 мая, а меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ, войска Наполеона уже вступили въ Россію.

Для опытнаго полководца, какъ Кутузовъ, тогда было уже вполнѣ ясно, что предстоящая война должна быть оборонительной, а не наступательной: не о посылкѣ войскъ въ Иллирію, о которой мечтали Александръ и честолюбивый адмиралъ Чичаговъ, посланный къ южной арміи вмѣсто Кутузова, приходилось тогда думать, а о сосредоточеніи всѣхъ оборонительныхъ силъ противъ огромныхъ силъ непріятеля, котораго уже и тогда многіе считали возможнымъ одолѣть, лишь заманивъ его какъ можно глубже въ Россію. Такъ называемый „скиѳскій“ планъ войны, состоявшій въ томъ, чтобы, не вступая въ серьезныя сраженія, но оказывая постоянное сопротивленіе, отступать, оставляя непріятелю мѣстности разоренныя и опустошенныя,— такой планъ передъ началомъ войны 1812 г. возникъ одновременно во многихъ головахъ, и впослѣдствіи многія лица, въ особенности иностранцы, приписывали каждый себѣ честь его изобрѣтенія. Но, въ сущности, изобрѣтенія тутъ никакого и не было, такъ какъ этотъ способъ войны былъ извѣстенъ въ глубокой древности (со временъ персидскаго царя Дарія). Но для его осуществленія было необходимо, чтобы война прежде всего сдѣлалась народной, такъ какъ жечь свои дома могъ только самъ народъ, а не армія, которая, дѣйствуя такъ вопреки волѣ населенія, пріобрѣла бы въ лицѣ жителей только новаго врага или по крайней мѣрѣ недоброжелателя.

Александръ это хорошо понималъ. Сознавая всю опасность и отвѣтственность борьбы съ Наполеономъ, но въ то же время и ея неизбѣжность, Александръ надѣялся, что война на русской территоріи сдѣлается народной не менѣе, чѣмъ въ Испаніи. Всю важность народной войны Александръ понималъ, впрочемъ, еще и до испанскихъ неудачъ Наполеона: онъ еще въ 1806 году старался, какъ вы помните,—и не безъ успѣха—

возбудить население Россіи противъ Наполеона, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Однако „скиѳская" война была легка только для скиѳовъ; въ странѣ же, стоявшей даже на той степени культуры, на которой стояла тогдашняя Россія, этого рода война сопряжена была со страшными жертвами. Притомъ опустошеніе должно было начаться съ западной, наиболѣе культурной и населенной окраины, сравнительно недавно присоединенной къ Россіи. Наконецъ, необходимость и неизбѣжность „скиѳской войны", несмотря на ея популярность, далеко не всѣмъ была ясна.

Къ началу 1812 г. Наполеонъ оказался въ силахъ, при помощи всѣхъ своихъ союзниковъ и вассаловъ, сосредоточить на русской границѣ армію до 450 тыс. чел. и могъ еще двинуть немедленно до 150 тысячъ. Мы же могли выставить на западной границѣ не болѣе 200 тысячъ. Уже по одному этому наступательная война была совершенно невозможна, не говоря о превосходствѣ генія Наполеона, талантовъ и опытности его генераловъ. И все таки Александръ не терялъ надежды устоять въ концѣ-концовъ въ этой борьбѣ. Онъ откровенно сказалъ одному изъ посланцевъ Наполеона, передъ самой войной—генералу Нарбону,—что онъ понимаетъ всѣ преимущества Наполеона, но думаетъ, что на его сторонѣ *пространство и время;* впослѣдствіи эти слова оправдались, и „пространство и время" вмѣстѣ съ твердостью и устойчивостью его настроенія и настроенія всей Россіи дѣйствительно дали ему полное торжество.

Первоначальный планъ борьбы состоялъ въ томъ, чтобы медленно отступая передъ Наполеономъ съ главными силами и сдерживая его сопротивленіемъ на удобныхъ позиціяхъ, въ то же время пытаться нападать на его фланги и тылъ. Поэтому силы наши были раздѣлены на двѣ арміи, изъ которыхъ одна подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли—одного изъ героевъ недавней финляндской войны—должна была отступать, обороняясь въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, и постепенно увлекать Наполеона въ глубь страны, а другая, подъ начальствомъ Багратіона, — суворовскаго сподвижника,—должна была угрожать и вредить флангамъ и тылу Наполеона. Поэтому армія Барклая была сосредоточена сѣвернѣе (въ виленской губерніи), а Багратіона южнѣе (къ югу отъ Гродна). Однако около половины арміи Багратіона—до 40.000 солдатъ—пришлось

тогда же направить противъ австрійцевъ и другихъ союзниковъ Наполеона, вторгнувшихся черезъ границу волынской губерніи изъ Галиціи. Барклаю тоже пришлось отдѣлить значительный корпусъ подъ начальствомъ Витгенштейна для обороны остзейскихъ провинцій и дороги въ Петербургъ. Поэтому, чтобы сдерживать наступленіе Наполеона, силъ Барклая оказалось, какъ выяснилось, особенно послѣ обнаруженія непригодности укрѣпленнаго дрисскаго лагеря на Зап. Двинѣ, совершенно недостаточно.

Послѣ отдѣленія отъ Барклая корпуса Витгенштейна и отъ Багратіона нѣсколькихъ дивизій для усиленія Тормасова, у Барклая осталось всего 80 т., а у Багратіона менѣе 40 т., и Наполеонъ могъ, такимъ образомъ, разорвавъ сообщеніе между обѣими русскими арміями, уничтожить ихъ порознь одну за другою. Къ этой цѣли и направились его усилія послѣ того, какъ онъ выступилъ изъ Вильны въ началѣ іюля. Въ виду этой опасности русскимъ арміямъ необходимо было, въ измѣненіе первоначальнаго плана, какъ можно скорѣе соединиться. Наполеонъ, надѣясь предупредить соединеніе русскихъ армій, хотѣлъ обойти Барклая подъ Витебскомъ. Напротивъ, Барклай, предугадавъ это движеніе Наполеона, стремился при Витебскѣ соединиться съ Багратіономъ. Благодаря быстротѣ движенія Барклая отъ Дриссы къ Витебску и мужественному сопротивленію небольшого корпуса гр. Остермана-Толстого, выставленнаго для задержки движенія главныхъ силъ Наполеона, замыселъ Наполеона не удался; но и Барклаю не удалось въ Витебскѣ соединиться съ Багратіономъ, которому, вслѣдствіе стремительнаго натиска на него Даву, пришлось отступить къ Смоленску, гдѣ и произошло, наконецъ, соединеніе обѣихъ армій. Здѣсь произошло значительное кровопролитное сраженіе, при чемъ армія русская выступила изъ Смоленска лишь послѣ того, какъ онъ былъ превращенъ канонадой непріятеля въ груду пылающихъ развалинъ. Непосредственно послѣ Смоленска Наполеонъ пытался отбросить русскую армію съ московской дороги на сѣверъ, отрѣзавъ ее отъ плодородныхъ южныхъ губерній, однако попытка эта также ему не удалась, и онъ долженъ былъ ее оставить послѣ кроваваго боя при Валутиной горѣ на московской дорогѣ.

Несмотря на быстрое, стремительное наступленіе наполео-

новыхъ войскъ и почти безостановочное отступленіе русскихъ, сопровождавшееся пожарами и опустошеніемъ оставляемой непріятелю страны, положеніе Наполеона становилось съ каждымъ шагомъ все затруднительнѣе и опаснѣе. Послѣ сраженія при Валутиной горѣ Наполеонъ подумывалъ даже, не лучше ли ему остановиться и перезимовать у Смоленска; но положеніе его въ этой опустошенной странѣ было бы не изъ выгодныхъ и онъ рѣшился идти далѣе къ сердцу Россіи—къ Москвѣ, достигнувъ которой, онъ надѣялся продиктовать пораженному противнику свои условія мира. Между тѣмъ армія его таяла. Уже подъ Вильной у него было до 50.000 больныхъ. Главная армія Наполеона, состоявшая—за выдѣленіемъ корпусовъ Магдональда и Удино, подкрѣпленныхъ еще впослѣдствіи дивизіей Санъ-Сира и предназначенныхъ для наступленія къ Петербургу и остзейскимъ губерніямъ противъ корпуса Витгенштейна,—изъ 300.000 чел., къ моменту вступленія въ Витебскъ потеряла въ различныхъ частныхъ сраженіяхъ и стычкахъ съ непріятелемъ и отъ непрекращавшихся болѣзней до 100.000 чел., т.-е. уменьшилась на одну треть; а послѣ Смоленска и Валутиной горы въ ней оставалось въ строю не болѣе половины первоначальнаго состава.

Русская армія отступала въ порядкѣ, сражаясь озлобленно, не на жизнь, а на смерть. Сопротивленіе, которое было оказано въ цѣломъ рядѣ частныхъ сраженій французскимъ войскамъ гр. Остерманомъ-Толстымъ, Коновницынымъ, гр. Паленомъ, дорого обошлось и намъ, и Наполеону. Только при настроеніи, которое господствовало тогда въ нашей арміи, могъ Остерманъ подъ напоромъ огромныхъ силъ Наполеона въ отвѣтъ на вопросъ окружавшихъ его офицеровъ, что теперь дѣлать?—сказать: „стоять и умирать!“ Извѣстны геройское сопротивленіе, оказанное при отступленіи Багратіона дивизіей Невѣровскаго, состоявшей изъ рекрутъ, всей кавалеріи Мюрата, или непродолжительная, но славная оборона Смоленска Раевскимъ противъ главныхъ силъ наполеоновой арміи. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что въ то время какъ потери Наполеона были невозстановимы, потери русскихъ войскъ, отступавшихъ въ глубь страны, могли въ значительной мѣрѣ пополняться резервами.

Если Александръ понималъ ясно всю отвѣтственность пред-

принятой войны, то и Наполеонъ предвидѣлъ всѣ предстоявшія ему затрудненія, въ особенности въ фуражѣ и провіантѣ, и потому еще въ началѣ 1812 г. онъ собралъ въ Данцигѣ такое огромное количество припасовъ, какое должно было бы хватить всей его арміи на цѣлый годъ.

Но именно благодаря этимъ запасамъ у Наполеона образовался огромный обозъ въ 10 тыс. фуръ, который, разумѣется, самъ по себѣ представлялъ страшную обузу для арміи при ея передвиженіи; кромѣ того, обозъ этотъ постоянно приходилось оберегать отъ русскихъ казачьихъ разъѣздовъ. Заготовивъ провіантъ для солдатъ, Наполеонъ тѣмъ не менѣе не могъ даже начать кампаніи до середины мая и стоялъ передъ русской границей неподвижно, не рѣшаясь начать походъ, такъ какъ у него не было фуража для лошадей, которыхъ всего насчитывалось при его арміи болѣе 120 тыс. головъ; пришлось ждать второй половины мая, когда появился подножный кормъ. Это неизбѣжное промедленіе дорого обошлось ему впослѣдствіи.

Такимъ образомъ Наполеону уже съ самаго начала пришлось столкнуться съ весьма существенными затрудненіями и бѣдствіями. Но всѣ эти затрудненія и бѣды для Наполеона не были неожиданностью и онъ, сознавая всѣ трудности похода, попрежнему разсчитывалъ своей цѣли достигнуть. И надо сказать, той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ, онъ достигъ: онъ взялъ Москву. Но именно тутъ его ожидало разочарованіе. Онъ плохо учелъ силу народнаго сопротивленія; впервые онъ понялъ это только въ Москвѣ, когда было уже слишкомъ поздно, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры.

Теперь, смотря на походъ 1812 года и на исходъ этой кампаніи глазами историка, легко видѣть, что шансы Наполеона стали падать съ самаго начала и падали безостановочно, но современники поняли это не сразу; они видѣли только, что русская армія отступаетъ, и что Наполеонъ устремляется все дальше вглубь страны. Такой ходъ дѣлъ порождалъ уныніе и отчаяніе въ населеніи и ропотъ въ войскахъ, которыя жаждали генеральнаго сраженія. Ропотъ этотъ усиливался отъ того, что во главѣ войскъ былъ нѣмецъ. Генералы въ то же время интриговали противъ Барклая-де-Толли: говорили даже о его измѣнѣ. Положеніе осложнялось еще и тѣмъ, что Багратіонъ имѣлъ передъ Барклаемъ старшинство въ чинѣ; послѣ соединенія армій

между обоими полководцами началась глухая вражда, и хотя Багратіонъ формально и подчинился Барклаю, тѣмъ не менѣе своей арміей командовалъ самостоятельно. Наконецъ Александръ, подчиняясь народному мнѣнію, рѣшилъ назначить общаго главнокомандующаго для всѣхъ армій. Общій голосъ указалъ на Кутузова. Хотя лично Александру Кутузовъ былъ очень непріятенъ послѣ Аустерлица и послѣ ослушанія при заключеніи бухарестскаго мира, тѣмъ не менѣе, онъ счелъ необходимымъ подчиниться общему мнѣнію. Сознавая необходимость *народной* борьбы съ Наполеономъ, Александръ въ это время—какъ я уже отмѣтилъ—чутко прислушивался къ голосу общества и народа. Именно поэтому онъ выдалъ головой Сперанскаго, назначилъ государственнымъ секретаремъ адмирала Шишкова, истинно-русскаго патріота квасного пошиба, но совсѣмъ не государственнаго человѣка; по той же причинѣ назначилъ генералъ-губернаторомъ Москвы взбалмошнаго Растопчина, извѣстнаго своими патріотическими брошюрами и афишами. Изъ тѣхъ же именно соображеній онъ назначилъ въ главнокомандующіе всѣхъ армій князя Кутузова.

Сперва Александръ самъ хотѣлъ быть при арміи и выѣхалъ къ ней въ Вильну, но Шишковъ, бывшій при немъ, замѣтилъ во-время—и это его заслуга,—что пребываніе императора въ арміи представляетъ большое неудобство, стѣсняя дѣйствія главнокомандующаго. Онъ уговорилъ генералъ-адъютанта Балашова и гр. Аракчеева подписать вмѣстѣ съ нимъ особое письмо Александру, въ которомъ они убѣждали государя покинуть армію и уѣхать въ Москву для поддержанія и подъема національныхъ чувствъ.

Александръ скрѣпя сердце послѣдовалъ совѣту Шишкова и, надо сказать, хорошо сдѣлалъ. Въ Москвѣ его ожидалъ взрывъ энтузіазма въ обществѣ и народныхъ массахъ, который превзошелъ всѣ его ожиданія. Дворянство одной московской губерніи пожертвовало немедленно 3 милл. рублей, огромную для того времени сумму, и вызвалось поставить съ каждыхъ 100 душъ по 10 рекрутъ, что составляло почти половину рабочаго и способнаго носить оружіе населенія. Купечество Москвы пожертвовало 10 милл. рублей. Такія же небывалыя пожертвованія дало дворянство смоленское, эстляндское, псковское, тверское и др. Къ осени общая сумма пожертвованій превысила 100 милл.

рублей. Никогда ни раньше, ни послѣ не жертвовалось такихъ колоссальныхъ суммъ. Война дѣйствительно принимала народный характеръ.

Кутузовъ вступилъ въ командованіе арміей при селѣ Царевѣ-Займищѣ, именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Барклай думалъ дать наконецъ генеральное сраженіе Наполеону, уступая убѣжденіямъ своего штаба и общему желанію войска. Однако же послѣ осмотра позицій Бенигсеномъ, прибывшимъ съ Кутузовымъ, рѣшено было отступить еще, и генеральное сраженіе было дано въ 130 верстахъ отъ Москвы подъ Бородинымъ (въ 10 верстахъ отъ Можайска).

Общій ходъ этого сраженія всѣмъ извѣстенъ; я не буду его описывать. Это—самое кровопролитное сраженіе изъ всѣхъ наполеоновскихъ битвъ: обѣ стороны потеряли половину своихъ армій, однихъ офицеровъ выбыло болѣе двухъ тысячъ убитыми и ранеными. Изъ генераловъ у насъ выбыли Багратіонъ, Тучковъ и др. (всего болѣе 20). У Наполеона было убито и ранено 49 однихъ генераловъ.

Военные историки говорятъ, что если бы Наполеонъ двинулъ свою гвардію, то онъ могъ бы выиграть сраженіе; но онъ не хотѣлъ рисковать своей гвардіей за 3 тысячи верстъ отъ Франціи, какъ онъ объ этомъ самъ заявилъ во время сраженія въ отвѣтъ на совѣты своихъ приближенныхъ.

Кутузовъ, несмотря на то, что онъ отстоялъ всѣ позиціи, пришелъ однако же, осмотрѣвъ свою армію послѣ двухдневнаго боя, къ убѣжденію въ необходимости отступленія и отступилъ къ Москвѣ, затѣмъ за Москву, не найдя подъ Москвой удобной позиціи для новой битвы,—сперва на рязанскую, а потомъ на калужскую дорогу. Москва была оставлена безъ боя [1]). Армія На-

[1]) Какое впечатлѣніе произвела сдача Москвы на широкую публику, извѣстно по многочисленнымъ мемуарамъ того времени, частью отразившимся и въ позднѣйшихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, изъ которыхъ „Война и миръ" Толстого передаетъ событія и положеніе дѣлъ той эпохи съ наибольшей художественной правдой. Теперь издана любопытная переписка императора Александра съ его любимой сестрой Екатериной Павловной (вел. кн. Николаемъ Михайловичемъ, Спб. 1910 г.), въ которой ярко освѣщается общее негодованіе, охватившее публику при первомъ извѣстіи о сдачѣ Москвы Наполеону. 6-го сентября 1812 г. вел. кн. Екатерина Павловна, вращавшаяся тогда среди патріотовъ растопчинскаго и карамзинскаго типа, писала брату изъ Ярославля: „занятіе Москвы французами переполнило

полеона, „разбившись объ русскую“, по выраженію Ермолова, вступила въ Москву и расположилась въ ней на продолжительный отдыхъ. Эта стоянка привела къ окончательному разложенію и деморализаціи наполеоновскихъ войскъ. Въ оставленной жителями Москвѣ начались пожары, а тушить было нечѣмъ—трубы были предусмотрительно вывезены Растопчинымъ. Ѣсть было нечего—остатки припасовъ были скоро разграблены. Ошеломленный видомъ пустой Москвы и пожарами вмѣсто ожидавшейся удобной и хорошо снабженной стоянки, Наполеонъ пять недѣль простоялъ въ бездѣйствіи въ „покоренномъ“ городѣ, среди груды обгорѣлыхъ развалинъ. Всѣ попытки его завязать переговоры о мирѣ были отвергнуты. Черезъ пять недѣль Наполеонъ выступилъ изъ Москвы, имѣя одно желаніе—вернуться съ войскомъ домой. Но Кутузовъ загородилъ дорогу на югъ, и Наполеонъ принужденъ былъ возвращаться по старой, опустошенной—смоленской дорогѣ. Началась жестокая партизанская война, ударили морозы, начавшіеся въ этомъ году ранѣе обыкновеннаго, и великая армія быстро превратилась въ огромную голодную и обмерзшую толпу, которую били и захватывали не только крестьяне, но даже и бабы. Если самому Наполеону удалось ускакать въ кибиткѣ, обвязанному шалями и закутанному шубами, но безъ войскъ, то и то только благодаря оплошности адмирала Чичагова, который его упустилъ. Въ Варшавѣ Наполеонъ самъ сказалъ встрѣтившимъ его лицамъ: „отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ“...

Александръ могъ высоко поднять голову—онъ не только исполнилъ обѣщаніе „не заключать мира до тѣхъ поръ, пока

мѣру отчаянія въ умахъ, недовольство распространено въ высшей степени и васъ самихъ (т.-е. государя) отнюдь не щадятъ въ порицаніяхъ... Васъ обвиняютъ громко въ несчастіяхъ вашей имперіи, въ разореніи общемъ и частномъ, словомъ въ утратѣ чести страны и вашей собственной“. Она напоминала при этомъ Александру его рѣшеніе не заключать мира, хотя бы пришлось отступать до Казани.

Александръ, задѣтый за живое этимъ рѣзкимъ письмомъ, отвѣчалъ черезъ нѣсколько дней въ первую же свободную минуту объемистымъ посланіемъ, въ которомъ выразилъ весьма трезвый и твердый взглядъ на положеніе и свое, и Россіи въ тотъ моментъ, и свое мнѣніе о лицахъ, въ рукахъ которыхъ находилась тогда въ значительной мѣрѣ судьба арміи и Россіи. Письмо это является важнымъ документомъ и для пониманія тогдашнихъ обстоятельствъ, и для характеристики самого Александра.

хоть одинъ вооруженный непріятель будетъ въ Россіи", но ему даже не съ кѣмъ было вести переговоры.

Однако Наполеонъ, потерявъ армію, не потерялъ присутствія духа и самоувѣренности, и ускакалъ во Францію набирать новую армію: онъ предвидѣлъ, что послѣ разгрома его арміи всѣ покоренные имъ народы попытаются сбросить съ себя его иго.

Передъ Александромъ же всталъ вопросъ: слѣдуетъ ли ему ограничиться изгнаніемъ непріятеля изъ предѣловъ Россіи, или, пользуясь отчаяннымъ положеніемъ Наполеона, предпринять освобожденіе отъ его власти Европы.

Александръ рѣшился на послѣднее. На цѣлыхъ три года онъ превратился въ „Агамемнона" Европы, въ царя царей—какъ тогда говорили. И нельзя отрицать, что эта задача была важна и для Россіи, такъ какъ трудно сомнѣваться, что если бы дать Наполеону немного оправиться, то онъ не преминулъ бы попытаться впослѣдствіи взять реваншъ.

Дѣятельность Александра съ 1813—15 г. въ Европѣ была, несомнѣнно, наиболѣе блестящей полосой его жизни, но она составляетъ содержаніе всемірной исторіи, а не исторіи Россіи. По отношенію къ тому ходу соціально-политическаго процесса, который мы изучаемъ, эта дѣятельность имѣетъ косвенное и притомъ лишь отрицательное значеніе.

Я не буду особенно подробно излагать хода событій 1813—1814 гг. и обращу ваше вниманіе лишь на тѣ обстоятельства, которыя касаются хода изучаемаго нами процесса [1]). По той же причинѣ мы не будемъ слѣдовать за ходомъ личной жизни самого Александра, хотя я повторяю, что эта полоса его жизни для лицъ, интересующихся его біографіей, имѣетъ особо важное значеніе.

Борьба съ Наполеономъ и послѣ 1812 года оказалась далеко

---

[1]) Желающихъ составить себѣ ясное представленіе о ходѣ военныхъ и политическихъ событій въ тогдашней Европѣ и о роли въ этихъ событіяхъ Александра и Россіи я отсылаю къ IV тому „Исторіи царствованія имп. Александра I и Россіи въ его время" *М. И. Богдановича*, или къ двумъ послѣднимъ томамъ (VII и VIII) извѣстнаго сочиненія *А. Сореля* „Европа и французская революція", теперь имѣющагося въ русскомъ переводѣ (изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1908 г.), или къ объективно написанной исторіи „Европы XIX вѣка" *Ч. А. Файфа* (конецъ I-го тома)—русскій переводъ подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго (2-ое изд.).

не легкой. Еще труднѣе была борьба, которую пришлось вести Александру съ недовѣріемъ и колебаніями его союзниковъ: Австріи и Пруссіи. Въ концѣ-концовъ послѣ пораженія Наполеона въ „битвѣ народовъ“ подъ Лейпцигомъ, Германія была освобождена отъ французовъ, и союзники, побуждаемые и ведомые Александромъ (хотя формально главнокомандующимъ союзныхъ войскъ былъ не Александръ, а австрійскій генералъ—вялый, нерѣшительный князь Шварценбергъ), перешли въ началѣ 14-го года французскую границу и въ апрѣлѣ того же года вступили въ Парижъ, послѣ чего Наполеонъ подписалъ отреченіе и былъ водворенъ на островъ Эльбу, который былъ отданъ ему во владѣніе. Во Франціи были возстановлены Бурбоны, при чемъ Людовикомъ XVIII, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ Александра, была дана конституціонная хартія.

На вѣнскомъ конгрессѣ карта Европы должна была вновь быть перекроена, при чемъ и народамъ, принимавшимъ участіе въ борьбѣ съ Наполеономъ, предполагалось дать нѣкоторую самостоятельность и участіе въ дѣлахъ управленія. Конгрессъ возстановилъ прежнія границы Франціи (до 1792 г.), сдѣлалъ обширную прирѣзку къ Австріи, произвелъ перекройку Германіи безъ особенныхъ затрудненій. Однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ явился польскій. Тутъ возникли двоякаго рода затрудненія: съ одной стороны, Англія, Австрія и Франція опасались слишкомъ большого усиленія Россіи и не хотѣли отдать ей Польши, съ другой стороны, затрудненія возникли въ связи съ необходимостью удовлетворить Пруссію за утраченныя ею, по тильзитскому договору, владѣнія. Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ былъ теперь вѣрнымъ союзникомъ Александра, который поэтому не хотѣлъ его обидѣть. Между тѣмъ варшавское герцогство было образовано въ Тильзитѣ изъ прусскихъ владѣній. Александръ предполагалъ воспользоваться Саксоніей, чтобы удовлетворить Пруссію, не уничтожая новаго польскаго государства. Саксонскій король былъ самымъ преданнымъ союзникомъ Наполеона и потому трактовался почти какъ измѣнникъ нѣмецкой націи. Александръ считалъ возможнымъ лишить его владѣній: жители Саксоніи ничего противъ этого не имѣли возмущавшіеся, какъ нѣмцы, поведеніемъ своего короля; Фридриху-Вильгельму улыбалась мысль взамѣнъ враждебно настроенныхъ поляковъ получить столько новыхъ подданныхъ

нѣмцевъ; но за саксонскаго короля неожиданно и самымъ рѣшительнымъ образомъ вступился Талейранъ, представлявшій на конгрессѣ интересы Людовика XVIII. Конечно, Талейрану до саксонскихъ интересовъ не было никакого дѣла, но онъ старался отстоять интересы всѣхъ второстепенныхъ германскихъ государствъ, такъ какъ ему было важно сохранить слабость и раздробленность Германіи; онъ надѣялся при томъ посѣять изъ-за этого вопроса вражду между союзниками и въ особенности возбудить ихъ недовѣріе къ Александру. И ему дѣйствительно удалось привлечь на свою сторону Австрію и Англію, возбудивъ въ нихъ подозрительное отношеніе къ Александру. Въ результатѣ на вѣнскомъ конгрессѣ три великія державы отказались присоединить Саксонію къ Пруссіи, а варшавское герцогство отдать Александру. Въ дѣйствительности Александръ желалъ получить варшавское герцогство вовсе не для того, чтобы увеличить территорію Россіи, а имѣя въ виду лишь выполненіе своего стариннаго обѣщанія относительно поляковъ. Онъ думалъ этого достигнуть, превративъ варшавское герцогство въ королевство польское, которое должно было представлять отдѣльное государство съ особой либеральной конституціей и находиться только подъ скипетромъ русскаго государя.

Положеніе вещей въ Польшѣ въ этотъ моментъ было тяжкое. Какъ только русскія войска въ 1813 г. перешли границу и вступили въ варшавское герцогство, тамъ было установлено временное правительство въ видѣ особой пятичленной комиссіи съ русскимъ сановникомъ В. С. Ланскимъ во главѣ; въ качествѣ членовъ въ комиссію входили: Н. Н. Новосильцевъ, кн. А. А. Чарторыйскій и два прежнихъ министра варшавскаго герцогства. Поляки тѣсно связали свою судьбу съ Наполеономъ; они дрались весьма храбро и энергично въ рядахъ наполеонскихъ войскъ и въ Испаніи, и въ Россіи. Польскія земли, постоянно дѣлавшіяся въ это время театромъ войны, были приведены въ совершенное опустошеніе; это обстоятельство довершило финансовое и экономическое разореніе страны, и безъ того не могшей выносить тяжести содержанія своей 65-ти тысячной арміи.

По вступленіи великой арміи Наполеона въ 1812 г. въ предѣлы Россіи въ ряды этой арміи вступили также многіе поляки русскіе подданные, особенно изъ литовскихъ губерній, нарушивъ тѣмъ самымъ свою присягу на подданство Александру. Але-

ксандръ однако даровалъ всѣмъ имъ по окончаніи войны 1812 г. амнистію и обнародовалъ, кромѣ того, весьма дружелюбное воззваніе къ жителямъ варшавскаго герцогства. Это дало поводъ Чарторыйскому обратиться къ Александру съ новымъ предложеніемъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 г. подъ скипетромъ младшаго брата Александра—вел. кн. Михаила Павловича. Но на это Александръ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, заявивъ, что согласиться возстановить Польшу въ границахъ 1772 года, при томъ не подъ скипетромъ русскаго императора, значило бы итти въ разрѣзъ съ національнымъ чувствомъ его русскихъ подданныхъ, которые не могутъ сочувствовать отдачѣ старыхъ русскихъ областей, изъ-за которыхъ цѣлые вѣка Россія воевала съ Польшей.

Александръ въ данномъ случаѣ вѣрно понялъ настроеніе Россіи. Въ послѣдствіи ему пришлось убѣдиться, что настроеніе это даже сильнѣе, чѣмъ онъ самъ первоначально разсчитывалъ. Въ русскомъ народѣ и въ войскахъ наблюдалось явно враждебное отношеніе къ полякамъ; даже нѣкоторые члены комиссіи, управлявшей Польшей, не были отъ него свободны. Такъ, Новосильцевъ, напр., обращалъ вниманіе Александра на враждебное отношеніе ко всему русскому, господствовавшее среди поляковъ. Ланской категорически возражалъ противъ самостоятельности Польши, въ особенности же противъ сохраненія отдѣльной польской арміи, которая, по его словамъ, сдѣлается „змѣей, готовой всегда изливать на насъ свой ядъ“. Дипломаты и государственные люди, окружавшіе Александра въ это время, какъ состоявшіе на русской службѣ, такъ и не состоявшіе,—всѣ были противъ возстановленія Польши, не говоря уже о Меттернихѣ, который смотрѣлъ на всѣ либеральные планы Александра, какъ на опасныя мечтанія. Рѣзко выражалъ свое мнѣніе противъ возстановленія самостоятельности Польши гр. Поццо-ди-Борго, тогдашній русскій посолъ въ Парижѣ, представившій Александру обстоятельную записку, въ которой онъ доказывалъ цѣлымъ рядомъ историческихъ сопоставленій, что Польша не должна быть возстановлена, что она не способна къ отдѣльному политическому существованію и что возстановленіе ея будетъ вредно для Россіи. Точно такъ же баронъ Штейнъ, извѣстный русскій реформаторъ, одинъ изъ честнѣйшихъ государственныхъ людей той эпохи, считалъ, что максимумъ

того, что можно дать Польшѣ, — это хорошо организованное мѣстное самоуправленіе.

Даже гр. Каподистріа, впослѣдствіи первый президентъ освобожденной Греціи, говорилъ, что Польшѣ нельзя дать конституцію, такъ какъ у нея нѣтъ развитого средняго сословія, а есть только шляхта и порабощенное крестьянство.

Несмотря на все это, Александръ оставался при своемъ взглядѣ. Отказавшись въ 1814 г. на время отъ немедленнаго возстановленія Польши въ границахъ 1772 г., онъ однако твердо рѣшилъ не возвращать Пруссіи коренныхъ польскихъ областей, составлявшихъ герцогство варшавское, а устроить изъ нихъ самостоятельное польское королевство, подъ своимъ скипетромъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду рѣзкаго сопротивленія Австріи, Франціи и Англіи его планамъ и по вопросу образованія польскаго государства подъ его скипетромъ, и по вопросу о вознагражденіи Пруссіи владѣніями саксонскаго короля, Александръ долженъ былъ пойти на уступки [1]): саксонскаго короля пришлось оставить на престолѣ и только часть саксонской территоріи была отдана Пруссіи; прусскій король, кромѣ того, получилъ еще богатыя рейнскія провинціи и познанское герцогство съ городомъ Торномъ, входившее до 1815 года въ составъ варшавскаго герцогства. Затѣмъ Александръ долженъ былъ оставить во владѣніи Австріи всю Галицію—вернуть ей и Тарнопольскую область, а изъ Кракова съ его округомъ сдѣлать особый вольный городъ, т.-е. маленькую независимую республику подъ совмѣстнымъ покровительствомъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Такимъ образомъ, Александру удалось образовать новое польское королевство лишь въ границахъ, соотвѣтствующихъ десяти позднѣйшимъ губерніямъ „привислинскаго края“ [2]). Согла-

---

[1]) Сопротивленіе Англіи, Франціи и Австріи дошло до того, что они заключили даже между собой, по предложенію Талейрана, тайный оборонительный и наступательный союзъ противъ Александра и Фридриха-Вильгельма, и къ этому союзу тогда же примкнули второстепенныя нѣмецкія государства: Ганноверъ, Баварія и Гессенъ-Кассель.

[2]) Въ актахъ конгресса было указано, что Царство Польское „безповоротно присоединено къ Россіи своей конституціей“ и что „Е. И. В. предоставляетъ себѣ дать этому государству, пользующемуся отдѣльной администраціей, такое внѣшнее протяженіе, какое онъ найдетъ удобнымъ. Е. И. В. при этомъ присоединитъ къ прочимъ своимъ титуламъ, титулъ Царя Поль-

шеніе державъ по всѣмъ спорнымъ вопросамъ было ускорено на вѣнскомъ конгрессѣ извѣстіемъ о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы и о его вторженіи во Францію. Послѣ окончательнаго пораженія, нанесеннаго Наполеону при Ватерлоо англичанами и нѣмцами, послѣдовало его вторичное отреченіе и заключеніе на островъ св. Елены.

Александръ уѣхалъ изъ Вѣны въ 1815 г., не дожидаясь окончанія всѣхъ работъ конгресса. Къ этому времени относится, между прочимъ, знакомство его съ одной пожилой дамой, проникнутой мистическими идеями—баронессой Юліаной Крюденеръ. Многіе историки и біографы Александра придавали большое значеніе этой встрѣчѣ въ отношеніи усиленія того религіозно-мистическаго настроенія, какое стало проявляться у него въ это время замѣтнымъ образомъ. И самъ Александръ придавалъ этому знакомству большое значеніе. Но надо сказать, что склонность къ мистицизму развилась въ немъ еще до встрѣчи съ баронессой Крюденеръ, и можно думать, что именно благодаря этому обстоятельству m-me Крюденеръ и получила къ нему доступъ. Рѣшительный толчокъ развитію мистицизма Александра дали повидимому грозныя событія 1812 года, но еще и до 1812 года Александръ охотно бесѣдовалъ съ разными монахами и „святыми людьми". Изъ записокъ Шишкова мы узнаемъ, что въ 1813 году между докладами о важныхъ государственныхъ дѣлахъ Шишковъ—государственный секретарь — читалъ Александру подборъ выписокъ изъ древнихъ еврейскихъ пророковъ, текстъ которыхъ, какъ имъ обоимъ казалось, очень подходилъ къ современнымъ событіямъ; — при этомъ оба они обливались слезами отъ умиленія и избытка чувствъ. Съ 1812 года Евангеліе было постоянно при Александрѣ, и онъ часто какъ бы гадалъ по нему, открывая наудачу страницы и останавливаясь на совпаденіи отдѣльныхъ текстовъ Евангелія съ внѣшними

скаго". Тамъ же было указано, что „поляки, подданные договаривающихся высокихъ сторонъ, получатъ представительство и національныя учрежденія, установленныя сообразно тому роду политическаго существованія, какой каждое изъ правительствъ, которымъ они будутъ принадлежать, признаетъ полезнымъ и удобнымъ имъ предоставить". (Договоръ 3 мая 1815 г. между Россіею, Австріею и Пруссіею, и „финансовый актъ" Вѣнскаго конгресса 9 іюня 1915 г.—Срав. мою книжку: „Русская политика въ Польшѣ со времени раздѣловъ до начала XX вѣка". (Съ тремя картами.) Петроградъ, 1915 г.

фактами окружающей жизни [1]). Впрочемъ, подобному мистическому настроенію тогда въ Европѣ предавались очень многіе. Особенно было въ ходу примѣненіе нѣкоторыхъ выраженій апокалипсиса къ Наполеону. Огромное распространеніе масонства и масонскихъ ложъ тоже знаменовало собой сильное развитіе мистицизма. Колоссальные міровые перевороты той эпохи, очевидно, воздѣйствовали въ этомъ отношеніи на встревоженные умы современниковъ. Какъ бы то ни было, это мистическое настроеніе Александра въ 1815 г. не отражалось еще замѣтнымъ образомъ на его соціально-политическихъ взглядахъ и не влекло за собой какихъ-либо шаговъ въ области внутренней политики. Лишь проницательный Лагарпъ уже и тогда приходилъ въ крайнее огорченіе отъ этой новой склонности Александра.

Въ области внѣшней политики эта склонность Александра,— не безъ участія баронессы Крюденеръ — нашла себѣ на первый разъ по виду довольно невинное выраженіе въ его предложеніи своимъ тогдашнимъ союзникамъ образовать *Священный Союзъ* государей Европы, который вносилъ бы въ международныя отношенія идеи мира и братства. По идеѣ этого союза, государи Европы должны относиться другъ къ другу, какъ братья, а къ своимъ подданнымъ — какъ отцы; всѣ ссоры и международныя недоразумѣнія должны улаживаться мирнымъ путемъ. Съ нѣкоторымъ сочувствіемъ отнесся къ этой

---

[1]) Въ упоминавшейся выше недавно изданной в. кн. Николаемъ Михайловичемъ перепискѣ Александра съ сестрой имѣется нѣсколько писемъ, въ которыхъ ярко отражается религіозное настроеніе Александра до начала войны 1812 г. (напр., въ письмѣ отъ 22 февр. 1812 г., на стр. 65) и даже особый списокъ мистическихъ сочиненій, отправленный Екатеринѣ Павловнѣ имп. Александромъ еще при жизни ея перваго мужа, принца Георга Ольденбургскаго (что видно изъ приписки: „Mille choses à Georges“), и слѣдовательно не позднѣе 1812 г. Тѣмъ страннѣе утвержденіе *в. кн. Николая Михайловича* (въ предисловіи къ перепискѣ, стр. XII—XXII, гдѣ онъ полемизируетъ по этому предмету съ біографомъ Александра *Н. К. Шильдеромъ*), что Александръ впалъ въ мистическое настроеніе лишь въ 1815 г. главнымъ образомъ благодаря баронессѣ Ю. Крюденеръ. Въ настоящее время въ новомъ трудѣ в. кн. Николая Михайловича „Императоръ Александръ I“, опубликованы весьма цѣнные матеріалы (переписка Александра съ кн. А. Н. Голицынымъ и Р. А. Кошелевымъ), дающіе возможность подробно прослѣдить развитіе мистическаго настроенія у Александра и до войны 1812 г.

идеѣ прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ; австрійскій императоръ Францъ—піэтистъ, бывшій постоянно въ рукахъ іезуитовъ—подписалъ этотъ договоръ, лишь посовѣтовавшись съ Меттернихомъ, который сказалъ, что это хоть и пустая химера, но совершенно безвредная. Англійскій принцъ-регентъ безъ согласія парламента не могъ подписать этого акта, но вѣжливо выразилъ свое сочувствіе идеѣ Александра въ особомъ письмѣ. Затѣмъ мало-по-малу, въ этотъ союзъ вступили всѣ государи Европы, кромѣ турецкаго султана и папы. Впослѣдствіи въ рукахъ Меттерниха это учрежденіе выродилось въ союзъ государей противъ волнующихся народовъ, но въ 1815 г. такого значенія союзъ еще не имѣлъ, и Александръ былъ и показывалъ себя тогда еще явнымъ приверженцемъ либеральныхъ учрежденій.

ГЛАВА X.

Возвращеніе Александра въ Россію въ 1815 г. — Польская конституція 1815 года.—Положеніе дѣлъ въ Россіи въ 1812—15 гг.— Бѣдствія и матеріальныя жертвы населенія. — Стоимость войны и размѣры опустошенія.— Состояніе русскихъ финансовъ.—Подъемъ народнаго духа въ Россіи.—Состояніе промышленности и торговли въ 1812—1815 гг.—Вліяніе Наполеоновскихъ войнъ на сельское хозяйство и крѣпостное право.—Вліяніе возвратившихся съ войны офицеровъ на общество.—Распространеніе просвѣщенія въ провинціи. — Надежды общества на Александра. — Настроеніе его въ 1816 г. — Заботы о содержаніи арміи въ связи съ видами внѣшней политики. — Идея военныхъ поселеній, ея происхожденіе и осуществленіе.— Аракчеевъ. — Его характеристика.— Ходъ дѣлъ въ комитетѣ министровъ и открытіе злоупотребленій въ 1815 г. — Роль Аракчеева въ комитетѣ министровъ и другихъ учрежденіяхъ.

Осенью 1815 года Александръ, поѣздивъ порядочно по Европѣ, отправился, наконецъ, въ Россію. По дорогѣ онъ остановился въ Варшавѣ, гдѣ въ это время спѣшно вырабатывалась конституція царства польскаго, по даннымъ самимъ Александромъ указаніямъ, особой комиссіей, состоявшей изъ природныхъ поляковъ. По сходству нѣкоторыхъ чертъ этой конституціи съ планомъ Сперанскаго можно думать, что комиссіи были сообщены и русскіе матеріалы; съ другой стороны, члены комиссіи, несомнѣнно, считались и съ той конституціей, которая была дана въ 1807 году герцогству варшавскому Наполеономъ. Много общихъ чертъ также имѣла эта конституція съ французской хартіей Людовика XVIII 1814 года. Какъ бы то ни было, современники, даже радикально настроенные,—напримѣръ, Карно, изгнанный изъ Франціи и жившій тогда въ Варшавѣ,— признавали ее весьма либеральной и говорили, что она не только либеральна для даровавшаго ее самодержца, но и сама по себѣ лучше той хартіи, которую, въ значительной степени по настоянію Александра же, даровалъ Франціи Людовикъ XVIII.

Конституція 1815 года гарантировала свободу печати, границы которой долженъ былъ установить имѣвшій собраться сеймъ, гарантировала неприкосновенность личности, уничтожала конфискацію имуществъ и административную ссылку, затѣмъ устанавливала употребленіе польскаго языка во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Царства Польскаго и обязательное замѣщеніе всѣхъ государственныхъ должностей въ администраціи, судѣ и войскѣ подданными Царства Польскаго. Установлена была даже присяга конституціи со стороны царя польскаго, т.-е. русскаго императора. Законодательнымъ аппаратомъ являлся сеймъ, состоявшій изъ короля и двухъ палатъ, при чемъ нижняя палата состояла изъ 70 депутатовъ, выбираемыхъ поземельнымъ дворянствомъ, и 51 депутата отъ городовъ. Правомъ избранія пользовались лица не моложе 30-ти лѣтъ, притомъ уплачивавшія въ видѣ прямыхъ налоговъ не менѣе 100 злотыхъ (15 руб. серебромъ). Верхняя палата состояла изъ „принцевъ крови", т.-е. членовъ русскаго императорскаго дома въ бытность ихъ въ Варшавѣ, нѣсколькихъ католическихъ епископовъ, одного епископа уніатскаго и нѣсколькихъ воеводъ и кастеляновъ. Общее число членовъ верхней палаты было вдвое менѣе числа членовъ нижней; притомъ члены эти назначались императоромъ,—каждый изъ числа двухъ намѣчаемыхъ самимъ сенатомъ кандидатовъ,—изъ лицъ, уплачивавшихъ прямой налогъ не менѣе 2000 злотыхъ, т.-е. 300 руб.

Сеймъ собирался разъ въ два года всего на 30 дней, въ теченіе которыхъ долженъ былъ разсмотрѣть всѣ законопроекты, которые ему представляло „отвѣтственное" министерство. Самъ сеймъ законодательной инициативы не имѣлъ, но могъ представлять петиціи государю и возбуждать вопросъ объ отвѣтственности министровъ. Всѣ законопроекты, вносимые въ сеймъ министерствомъ, предварительно разсматривались въ государственномъ совѣтѣ, роль котораго совершенно совпадала съ той ролью, какую долженъ бы былъ играть впослѣдствіи и русскій государственный совѣтъ по плану Сперанскаго.

Вся власть въ странѣ по этой конституціи сосредоточивалась въ рукахъ шляхты, при чемъ нѣкоторыя должности въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, могли занимать *только* земельные собственники. Александръ утвердилъ эту конституцію безъ замедленія въ Петербургѣ 12 декабря 1815 г.

Въ рѣчи, произнесенной по этому поводу, князь Адамъ Чарторыйскій отмѣтилъ, что „императоръ Александръ могъ господствовать одною силой, но, руководимый внушеніемъ добродѣтели, отвергнулъ такое господство. Онъ основалъ свою власть не на одномъ внѣшнемъ правѣ, но на чувствѣ благодарности, на чувствѣ преданности и на томъ нравственномъ могуществѣ, которое порождаетъ вмѣсто трепета — признательность, вмѣсто принужденія — преданность и добровольныя жертвы“.

Впрочемъ, самъ Чарторыйскій былъ вторично обиженъ и обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ Александромъ. На постъ намѣстника былъ назначенъ не онъ, а старый польскій генералъ Заіончекъ, одинъ изъ дивизіонныхъ начальниковъ арміи Наполеона —бывшій республиканецъ, но на посту намѣстника оказавшійся покорнѣйшимъ слугою русскаго императора. Въ совѣтъ, сверхъ 5 министровъ, между которыми раздѣлялась вся власть въ сферѣ управленія, и кромѣ предсѣдателя, намѣстника края, входилъ еще императорскій комиссаръ, которымъ былъ сдѣланъ Новосильцевъ, относившійся къ возстановленію Польши, какъ мы уже говорили, весьма скептически. Начальникомъ польскихъ войскъ, которыя были возстановлены въ числѣ 40.000, былъ назначенъ великій князь Константинъ Павловичъ, — взбалмошный и неуравновѣшенный человѣкъ, который въ значительной мѣрѣ способствовалъ впослѣдствіи гибели польской конституціи.

Въ бытность свою въ Варшавѣ Александръ принялъ также депутацію литовскихъ дворянъ съ кн. Огинскимъ во главѣ, но подъ условіемъ, чтобъ они не просили о присоединеніи литовскихъ губерній къ Польшѣ [1]).

Въ Россіи Александра ожидала масса дѣлъ и заботъ о вну-

[1]) „Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais“. Paris et Genève. 1827, т. IV, стр. 228 и слѣд. Въ мемуарахъ этихъ изложенъ разговоръ Александра съ авторомъ мемуаровъ въ Варшавѣ въ 1815 г. и пріемъ депутаціи 3-хъ *литовскихъ* губерній: виленской, гродненской и минской. Въ разговорѣ съ Огинскимъ Александръ ясно намекнулъ на свое намѣреніе присоединить эти губерніи къ царству польскому, считая, что *тѣмъ самымъ* онѣ тѣснѣе свяжутся съ россійской имперіей, ибо исчезнетъ у жителей всякій поводъ къ недовольству. Но въ то же время онъ запретилъ *самимъ* депутатамъ просить его объ этомъ, опасаясь, что этимъ можетъ обостриться отношеніе къ вопросу русскаго общественнаго мнѣнія. Каково было это

треннемъ устройствѣ страны и возстановленія благосостоянія, нарушеннаго войной. 12-ый годъ ознаменовался безпримѣрными бѣдствіями, и блистательное отраженіе могущественнаго врага дорого обошлось не только непріятелю, но и странѣ. Очевидцы рисуютъ невѣроятныя картины ужаса и смерти, поражавшія на большой смоленской дорогѣ лицъ, проѣзжавшихъ по ней въ началѣ 1813 года. Масса незарытыхъ труповъ заражала воздухъ по всей линіи отъ Вильны до Смоленска и даже далеко въ сторонѣ отъ этого тракта. Шишковъ сообщаетъ, что въ февралѣ 1813 года ѣхавшій съ нимъ министръ полиціи Балашевъ получилъ донесеніе изъ двухъ губерній — смоленской и минской, что въ нихъ собрано и сожжено 96.000 труповъ и что, несмотря на это, многіе лежатъ еще неподобранными [1]). Не мудрено, что въ этихъ губерніяхъ распространились различныя эпидеміи. Въ 1813 году населеніе одной смоленской губерніи уменьшилось на 57 тысячъ, населеніе тверской губерніи, которая только однимъ южнымъ концомъ подходила къ району военныхъ дѣйствій, уменьшилось на 12 тысячъ [2]) То же было и въ другихъ, прилегавшихъ къ театру войны мѣстностяхъ. Не говоря объ эпидеміяхъ, огромную убыль населенія давалъ непосредственный расходъ людей на войну. Рекрутъ за эти годы было взято около 1 милліона и до 300 тыс. ополченцевъ, что составляло почти ⅓ здороваго рабочаго населенія страны.

послѣднее, видно всего яснѣе изъ записки *Карамзина* подъ названіемъ „Мнѣніе русскаго гражданина“, представленной Александру въ 1819 г., и изъ замѣтки его „Для потомства“ („Неизд. сочиненія и переписка Н. М. Карамзина“, ч. I, Спб., 1862), а также изъ записокъ *И. Д. Якушкина*, гдѣ ярко изображено, какъ относилась къ польскому вопросу въ 1817 — 18 гг. передовая либерально настроенная часть тогдашней военной молодежи, уже вступившая въ это время въ „союзъ спасенія“ (стр. 14—15).

[1]) Совершенно такія же данныя, извлеченныя изъ военно-ученаго архива, напечатаны относительно губерній западнаго края въ „Актахъ, документахъ и матеріалахъ для политич. и быт. исторіи 1812 г.“, собр. и изд. по поруч. вел. кн. Михаила Александровича подъ ред. г. *К. Военскаго*, т. I. Сборн. Имп. Русск. Истор. общества, т. CXXVIII. Спб. 1909. Сравни у С. М. Горяинова и 1812. Документы государ. и спб. глав. архивовъ 1912. II, стр. 98.

[2]) Срав. *Богдановича*, IV, 570, а также *В. И. Покровскаго* „Историко-статистич. описаніе тверской губерніи“, т. I, ч. I, стр. 153.

Вообще въ 1813 г. населеніе Россіи вмѣсто того чтобы увеличиться на 600—650 тыс. душъ об. п. соотвѣтственно обычному тогда % прироста, уменьшилось на 2700 чел. (по неполнымъ въ тотъ годъ метрическимъ даннымъ), а вообще за годы послѣднихъ наполеоновскихъ войнъ размѣры жертвъ человѣческими жизнями надо считать не меньше, чѣмъ въ $1^1/_2$—2, мил. душъ муж. пола. [1])

Болѣе всего были разорены губерніи: ковенская, витебская гродненская, могилевская, волынская, виленская, смоленская и московская и частью курляндская, псковская, тверская, калужская. Матеріальные убытки одной московской губерніи были исчислены англичанами,—которые давали субсидіи на продолженіе войнъ съ Наполеономъ и потому тщательно собирали свѣдѣнія о положеніи Россіи,—въ 270 мил. руб. Но сильно пострадали и сосѣднія съ театромъ войны губерніи, благодаря эпидеміямъ и подводной повинности. Во что обходилась эта повинность, видно изъ того, что, напр., въ тверской губерніи иногда требовалось съ каждыхъ $2^1/_2$ душъ населенія по подводѣ, т.-е. такое количество, какого не было и вообще въ губерніи.

Однажды четыремъ губерніямъ—новгородской, тверской, владимірской и ярославской — предписано было поставить вдругъ 147 тыс. подводъ, при чемъ казна по таксѣ платила 4 мил.

---

[1]) Громадность убыли населенія въ Россіи за три года послѣднихъ наполеоновскихъ войнъ (1812—1815) видна изъ сличенія переписей 1811 и 1815 гг. По переписи, произведенной въ 1811 г., населеніе *Муж. пола* въ Россіи равнялось 18.740 тысячамъ душъ. При нормальныхъ условіяхъ (принимая въ расчетъ тогдашній нормальный ежегодный приростъ) оно должно было бы увеличиться за четыре года на 1—$1^1/_2$ милл. душъ. Вмѣсто этого по переписи, произведенной въ 1815 г., оно оказалось равнымъ 18880 тысячамъ душъ муж. п., т.-е. за 4 года уменьшилось на 860 тыс. душъ муж. пола. Отсюда можно вывести заключеніе. что дѣйствительная убыль людей отъ войны и связанныхъ съ нею бѣдствій и эпидемій была около 2 милліоновъ душъ *одного только мужского пола.* (Цыфры населенія по переписямъ 1811 и 1815 гг. взяты мной изъ таблицы, составленной академикомъ Германомъ— по исправленіи допущенныхъ въ ней многочисленныхъ опечатокъ — въ „Mémoires de l'accad. imp. des sciences de st. Pétersbourg". T. VII (1820). „Recherches statistiques sur la septième révision" par C. T. Hermann. Ежегодный приростъ населенія (обоего пола) за это время выведенъ у *Н. Н. Обручова* въ „Военно - статистическомъ сборникѣ". Вып. IV, „Россія", стр. 51.

668 тыс., крестьянамъ же приходилось приплатить еще около 9 мил. руб. Нарядъ этотъ былъ отмѣненъ послѣ того, какъ началось его выполненіе и слѣдовательно, когда жители уже были имъ разорены. Съ калужской губ. было потребовано вдругъ до 40 тысячъ подводъ на разстояніе въ тысячу верстъ (считая оба конца), при чемъ расходы населенія по подсчету губернатора, выражались въ суммѣ 800 тыс. руб. Цѣлый рядъ подобныхъ свѣдѣній приведенъ въ „Историческомъ обзорѣ дѣятельности комитета министровъ“ Середонина [1]).

Еще въ апрѣлѣ 1812 года министръ финансовъ Гурьевъ сдѣлалъ докладъ о порядкѣ продовольствія войскъ. Онъ предложилъ фуражъ и продовольствіе войскамъ брать при помощи реквизицій и взамѣнъ взятыхъ припасовъ выдавать населенію особыя квитанціи съ опредѣленнымъ срокомъ уплаты. Эти т. н. „облигаціи“ не понижали курса ассигнацій, такъ какъ они были срочныя. Однако жъ расчеты казны съ населеніемъ по этимъ квитанціямъ впослѣдствіи такъ растянулись — несмотря на постоянные весьма рѣзкіе выговоры Александра комитету министровъ, — что не были кончены и къ концу его царствованія, при чемъ помѣщики, которые, главнымъ образомъ и являлись кредиторами казны по этимъ облигаціямъ, потеряли всякую надежду получить эти деньги и отказывались потомъ отъ своихъ претензій, обращая ихъ волей-неволей въ новыя пожертвованія.

Общую стоимость войны 1812—15 гг. высчитать теперь довольно трудно. По отчету Барклая-де-Толли, составленному Канкринымъ, расходы казны выражались въ поразительно небольшой суммѣ — въ 157½ мил. руб. за всѣ четыре года. Но трудно исчислимы огромные расходы самого населенія. Министромъ финансовъ Гурьевымъ эти расходы населенія еще въ 1812 г. исчислялись по весьма умѣренной расцѣнкѣ въ особой секретной запискѣ свыше 200 мил. рублей.

Подъемъ національнаго чувства, вызванный вторженіемъ непріятеля, выражался въ добровольныхъ прямыхъ пожертвованіяхъ, которыя въ 1812 году превысили 100 мил. р. и дали возможность довести до конца кампанію 12-го года безъ особыхъ затрудненій. Общая же сумма матеріальныхъ убытковъ,

[1]) Середонинъ, т. I, стр. 233—256.

понесенныхъ Россіей въ эти годы, вѣроятно, превысила милліардъ рублей.

Населеніе несло эти расходы въ 1812 г. безропотно, во многихъ случаяхъ даже съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ, несмотря на сильныя злоупотребленія высшаго начальства и провіантскихъ чиновниковъ [1]). Но платежныя силы населенія были этимъ въ конецъ истощены, и уже въ 1815 году во многихъ мѣстахъ оно совершенно прекратило платежъ податей. Казна была въ то время почти постоянно пуста. Когда въ 1813 г. Александръ рѣшилъ перенести войну за границу, то на содержаніе 200 тыс. арміи требовалось, по расчету Барклая-де-Толли, немедленно—на ближайшіе два мѣсяца—14½ мил. руб. звонкой монетой, а всего звонкой монеты вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ, поступившимъ и ожидавшимся съ уральскихъ заводовъ, было тогда у казны не болѣе 5¼ мил. руб.; такимъ образомъ, не хватало болѣе 9-ти мил. руб. Выпускъ ассигнацій не могъ выручить, такъ какъ требовалась именно звонкая монета; заемъ былъ невозможенъ; Аракчеевъ писалъ тогда графу Нессельроду объ опасеніяхъ, существовавшихъ у правительства, что цѣна бумажнаго рубля понизится до 10 коп.

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что патріотизмъ населенія, въ особенности высшаго дворянскаго сословія, высказался въ отношеніи матеріальной помощи государству въ эти трудные годы далеко не сразу, а затѣмъ, послѣ удаленія французовъ въ концѣ 1812 г., быстро изсякъ. Это видно и по тому недоброжелательству, съ которымъ встрѣченъ былъ манифестъ 11 февраля 1812 г. (послѣдняя финансовая мѣра Сперанскаго) установлявшій *прогрессивно-подоходный налогъ* съ дворянскихъ имѣній (въ размѣрѣ отъ 1 до 10% съ годового дохода, показаннаго самими помѣщиками „по совѣсти и чести“), и по тѣмъ завѣдомо неточнымъ и недобросовѣстнымъ показаніямъ о размѣрахъ своихъ доходовъ, на которыя пускались такіе всѣми уважаемые помѣщики, какъ гр. *В. Г. Орловъ-Давыдовъ* или какъ отецъ извѣстнаго мемуариста *Д. Н. Свербеева* (Объ этомъ см. „Записки Дм. Ник. Свербеева“, т. I, стр. 243 и слѣд. „Сборникъ рус. Истор. общ-ва“ томъ 45-ый, а также статью *А. В. Васильева* „Прогрессивно-подоходный налогъ 1812 г. и паденіе Сперанскаго“ въ „Голосѣ Минувшаго“ за 1915 г. № 7—8, стр. 332.).

Замѣчательно, что на 1813 г. поступленіе этого прогрессивно—подоходнаго налога ожидалось въ размѣрѣ 5 милл. руб., а затѣмъ оно падаетъ до 3,3 милл. и даже до 2 милл. и наконецъ въ 1819 г. налогъ пришлось отмѣнить (Васильевъ, стр. 339).

При такихъ условіяхъ продолженіе войны съ Наполеономъ оказалось возможнымъ *только* благодаря Англіи, которая была заинтересована въ этомъ продолженіи и субсидировала Россію крупными суммами, выплачиваемыми звонкой монетой или англійскими полноцѣнными кредитными билетами.

Отъ окончательнаго банкротства Россія спаслась тогда въ значительной мѣрѣ благодаря выгодному торговому балансу, который установился послѣ введенія тарифа 1810 г. Вывозъ сильно превышалъ ввозъ въ эти годы, несмотря на войну. Въ 1812 году ввозъ въ Россію не достигалъ и 90 мил. руб. (88.700 тыс. руб.), а нашъ вывозъ поднялся почти до 150 мил. руб. (147 мил.). Это происходило благодаря тому, что съ Англіей мы были въ это время въ союзѣ, и торговля съ ней черезъ Петербургъ и Архангельскъ совершалась безпрепятственно. Замѣчательно, что въ 1812 г. курсъ нашего рубля на лондонской биржѣ стоялъ наиболѣе высоко именно тогда, когда Наполеонъ вступалъ въ Москву.

Въ это же время развивалась торговля съ Китаемъ и средней Азіей. Изъ средне-азіатскихъ ханствъ усиленно привозился хлопокъ, спросъ на который установился послѣ прекращенія привоза англійской пряжи во время континентальной системы. Въ министерствѣ финансовъ даже сталъ разрабатываться планъ возврата къ прежнему, болѣе либеральному тарифу, такъ какъ Гурьеву показалось, что русскія мануфактуры уже достаточно поддержаны; но это обстоятельство вызвало страшный вопль среди московскихъ фабрикантовъ, которые только что начали оперяться; ихъ заявленія были поддержаны министромъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевымъ и даже канцлеромъ гр. Н. П. Румянцевымъ, который слылъ за сторонника французовъ и Наполеона, но заявленія московскихъ заводчиковъ все-таки призналъ правильными.

Графъ Гурьевъ въ 1813 г. потерпѣлъ пораженіе: пересмотръ тарифа былъ признанъ несвоевременнымъ.

Подъемъ національнаго чувства въ 1812—1815 гг. сказался между прочимъ и въ той энергіи, съ какою частныя лица брались тогда за организацію поддержки семействъ, пострадавшихъ отъ войны,—вообще въ той самодѣятельности, которая была обнаружена тогда русскимъ обществомъ впервые. Благодаря именно частной иниціативѣ (Пезоровіуса) изъ пожертвованныхъ суммъ былъ образованъ значительный инвалидный капиталъ.

Замѣчательна также та быстрота, съ какой отстраивались послѣ войны Москва и нѣкоторые другіе сожженные города, при чемъ впрочемъ и правительству тоже пришлось выдавать пособія разореннымъ жителямъ (всего было выдано до 15 мил.). Города, разоренные войной и ея послѣдствіями, стали поправляться къ началу 20-хъ годовъ. Кромѣ, впрочемъ, Смоленска, который и въ 30-хъ гг. представлялъ еще собой почти развалины. Но помѣщичьи хозяйства не скоро могли оправиться отъ этого разоренія, оно положило основаніе той огромной задолженности ихъ, которая росла вплоть до паденія крѣпостного права.

На положеніи помѣщичьяго крѣпостного хозяйства, а также и на положеніи крестьянъ послѣ наполеоновскихъ войнъ мы остановимся здѣсь нѣсколько подробнѣе. Въ началѣ царствованія Александра новымъ важнымъ факторомъ развитія населенія, а также экономической жизни и культуры Россіи являлась, какъ мы видѣли, колонизація новороссійскихъ степей. Наряду съ этимъ продолжалась и колонизація восточныхъ (поволжскихъ и заволжскихъ) и юго-восточныхъ черноземныхъ пространствъ. Въ связи съ этимъ, конечно, должны были мало-по-малу измѣняться и хозяйственныя функціи сѣверныхъ губерній: хлѣбопашество, поставленное въ нихъ въ гораздо менѣе благопріятныя условія, нежели на благодатномъ югѣ и юго-востокѣ Россіи, естественно должно было отступать понемногу на второй планъ, и въ связи съ этимъ здѣсь все болѣе должны были развиваться неземледѣльческіе промыслы, а вмѣстѣ съ этимъ должна была все болѣе укореняться оброчная система, и ранѣе уже преобладавшая здѣсь надъ барщиной. Процессъ этотъ не могъ однако же развиваться быстро, такъ какъ этому препятствовало отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, особенно съ югомъ Россіи. Поэтому сельскій бытъ продолжалъ еще оставаться прежнимъ, и даже размѣры оброковъ оставались до тильзитскаго мира тѣ самые, какіе уплачивались крестьянами при Екатеринѣ. Рѣзкое измѣненіе въ положеніи сельскаго хозяйства и въ весь помѣщичій и крестьянскій укладъ внесли континентальная блокада и разруха, произведенная отечественной войной; дѣйствіе ихъ еще усиливалось тѣми новыми потребностями и вкусами, которые развились въ дворянской средѣ вслѣдствіе близкаго знакомства съ европейской жизнью въ эпоху

долговременнаго пребыванія русскихъ войскъ за границей въ 1813, 1814 и 1815 годахъ [1]). Сперва континентальная блокада, а затѣмъ опустошеніе многихъ губерній, пожаръ Москвы и др. городовъ, огромныя пожертвованія на войну съ Наполеономъ— разорили многихъ дворянъ. Катастрофа 1812 г. сильно измѣнила сложившійся ранѣе укладъ жизни. Та часть богатаго и средняго дворянства, которая жила въ Москвѣ, потеряла свои дворцы и дома, свою движимость, а иногда и все свое состояніе. На первые годы у многихъ не хватало средствъ, чтобы вновь тамъ поселиться. Дворянство „наполовину вынужденное, сѣло на землю или же больше, чѣмъ когда-либо, пошло на государственную службу“ [2]). Та часть помѣщиковъ, которая получала свои средства къ жизни отъ земли, почувствовала необходимость такъ или иначе усилить свои доходы и, слѣдовательно, интенсифицировать свое хозяйство. Для многихъ осѣдавшихъ на землю, такою формой интенсификаціи явился въ земледѣльческихъ губерніяхъ переводъ крестьянъ съ оброка на барщину; иные пытались завести въ своихъ имѣніяхъ вотчинныя фабрики, но это большинству изъ нихъ, при отсутствіи опытности, капиталовъ и кредита, удавалось довольно плохо, даже и тогда, когда съ 1822 года установился на долгіе годы протекціонный таможенный тарифъ. Въ промышленныхъ губерніяхъ переводить крестьянъ на барщину было не выгодно, и потому здѣсь помѣщики старались увеличить свои доходы лишь повышеніемъ нормы оброковъ, на что крестьяне въ тѣ годы постоянно жаловались [3]). Существуетъ мнѣніе, выдвинутое и поддерживаемое въ особенности проф. П. Б. Струве [4]), что въ помѣщичьей средѣ въ эти годы будто-бы появилось такое сильное движеніе къ интенсификаціи крѣпостного хозяйства въ смыслѣ его упорядоченія, что движеніе это могло и должно было его укрѣпить и сдѣлать вполнѣ способнымъ къ хозяй-

---

[1]) Нѣкоторыя части, принадлежавшія къ оккупаціонному корпусу Воронцова, пробыли, какъ извѣстно, во Франціи и 1816—1818 годы (до Ахенскаго конгресса).

[2]) Слова барона Ганстгаузена, путешествовавшаго по Россіи въ 1840-хъ годахъ.

[3]) См. *С. М. Середонина* „Историческій обзоръ комитета министровъ“, т. I, стр. Срав. статью *В. И. Семевскаго* въ сборникѣ „Крестьянскій строй“, стр.

[4]) См. его книгу „Крѣпостное хозяйство“, стр. 137.

ственному прогрессу и преуспѣянію при благопріятныхъ условіяхъ. Я нахожу это мнѣніе сильно преувеличеннымъ и полагаю съ своей стороны, что за весьма рѣдкими исключеніями, когда отдѣльными помѣщиками дѣлались раціональныя попытки сельско-хозяйственныхъ улучшеній, вся „интенсификація“ заключалась лишь въ болѣе сильной и безпощадной эксплоатаціи барщиннаго труда крестьянъ; когда же, вскорѣ по окончаніи наполеоновскихъ войнъ, начался быстрый ростъ населенія, то въ центральныхъ черноземныхъ, болѣе плотно населенныхъ губерніяхъ началось непомѣрное увеличеніе помѣщичьихъ дворень, размѣры которыхъ явно указывали на неумѣніе правильно и раціонально использовать этотъ избыточный даровой трудъ, котораго въ концѣ-концовъ некуда было дѣвать, а между тѣмъ необходимо было прокармливать. Что касается роста крестьянскихъ оброковъ, то въ этомъ отношеніи необходимо сдѣлать одну весьма важную оговорку. Ростъ этотъ начался довольно замѣтно еще до войны 1812 г. и вызывался прежде всего *паденіемъ цѣны денегъ*, наступившимъ послѣ Тильзитскаго мира, въ связи съ огромнымъ числомъ выпущенныхъ ассигнацій и неблагопріятнымъ дѣйствіемъ на нашъ торговый балансъ континентальной системы. Въ сущности по этому въ большинствѣ случаевъ и повышеніе оброковъ было лишь *номинальнымъ*; но, разъ начавшись, это стремленіе у болѣе жадныхъ помѣщиковъ перехватывало и черезъ край, и тогда естественно вызывало протесты и жалобы, а иногда и волненія непомѣрно обложенныхъ этими оброками крестьянъ. Многочисленные слѣды этого движенія сохранились въ дѣлахъ комитета министровъ, какъ это видно изъ „Историческаго обзора“, составленнаго покойнымъ С. М. Середонинымъ. Средняя высота оброка съ „тягла“ или „вѣнца“ (2—2$^1/_2$ души м. п.) возросла къ этому времени, по расчетамъ В. И. Семевскаго, съ 10—12$^1/_2$ руб. *серебромъ* при Екатеринѣ, до 50 р. *ассигнаціями*, что составляло въ переводѣ на серебро по тогдашнему курсу 13—14 рублей. У порядочныхъ помѣщиковъ, хотя и вовсе не склонныхъ поступаться своими крѣпостными правами, какъ, напр., у Н. М. Карамзина, крестьяне и въ двадцатыхъ годахъ все еще продолжали платить оброкъ въ 10 руб. ассигн. съ души или по 25 руб. съ тягла, что на серебро составляло не болѣе 7 руб. съ тягла или 3-хъ руб. съ души.

Съ особенной медленностью поправлялось хозяйство помѣщиковъ и крестьянъ въ разоренныхъ войной литовскихъ, бѣлорусскихъ и смоленской губерніяхъ.

Вообще же въ обществѣ послѣ войны 1812 г. несмотря на разореніе господствовало бодрое настроеніе, какъ будто свидѣтельствовавшее о томъ, что нація изъ страшнаго испытанія вышла встряхнувшейся и обновленной, готовой для дальнѣйшаго роста и развитія культуры, со свѣтлымъ взглядомъ на будущее.

Повышенное настроеніе поддерживалось и военными успѣхами Россіи, вознесшими ее на верхъ славы. Все это вмѣстѣ съ реформами и начинаніями начала царствованія Александра, казалось, сулило странѣ послѣ счастливаго окончанія веденныхъ войнъ и съ наступленіемъ мирнаго времени быстрое улучшеніе соціально-политическихъ формъ жизни, которыя требовали коренныхъ измѣненій, въ особенности въ глазахъ русскихъ, побывавшихъ за границей и видѣвшихъ тамошній бытъ.

Понятно, какъ было важно и велико вліяніе этихъ людей на окружавшее ихъ общество, не только столичное и губернское, но даже на общество глухихъ уѣздныхъ городовъ—какъ это видно, напримѣръ, изъ воспоминаній Никитенка, жившаго въ это время въ захолустномъ городкѣ воронежской губерніи Острогожскѣ и описавшаго то вліяніе, какое производили тогда офицеры на провинціальное общество. Эти офицеры, вернувшіеся изъ Франціи, вліяли не только на дворянское сословіе, но и на купцовъ и мѣщанъ, а это вліяніе удачно комбинировалось теперь съ тѣми просвѣтительными стремленіями правительства въ первые годы XIX вѣка, которыя какъ разъ къ этому времени стали давать замѣтные плоды даже въ провинціи и поощряли вмѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія распространеніе либеральныхъ идей и книгъ.

Правда, эта просвѣтительная работа довольно скоро если не прекратилась, то затихла и сократилась послѣ 1805 г., благодаря отсутствію средствъ и началу длительныхъ войнъ. Но прогрессивная дѣятельность правительства возобновлялась потомъ въ работахъ Сперанскаго, и обществу было ясно, что правительство оборвало свои начинанія лишь вслѣдствіе внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Такъ какъ правительство и теперь не показывало, что оно отказывалось отъ преобразова-

тельной и просвѣтительной дѣятельности, то подданные Александра могли ожидать, что послѣ окончанія войнъ Александръ примется съ большимъ опытомъ и обогащенный новыми знаніями за продолженіе этихъ своихъ прежнихъ начинаній.

Дѣятельность Александра въ Парижѣ, а затѣмъ въ Польшѣ давала, казалось бы, нѣкоторое основаніе этимъ надеждамъ крѣпнуть и развиваться. Правда, отрывочные слухи объ увлеченіи Александра мистицизмомъ и тотъ манифестъ, который онъ издалъ 1 января 1816 года вскорѣ послѣ возвращенія въ Россію, могли бы послужить предостереженіемъ для лицъ, настроенныхъ слишкомъ оптимистически; но слухи о мистическомъ настроеніи не могли особенно тревожить передовыхъ людей того времени, такъ какъ они сами были нечужды мистицизму и въ значительной части своей принадлежали къ разнымъ масонскимъ орденамъ или имѣли среди членовъ масонскихъ ложъ своихъ ближайшихъ друзей и единомышленниковъ. Что же касается манифеста, даннаго 1-го января 1816 года,— а написаннаго Шишковымъ еще въ 1814 году, по случаю вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, и заключавшаго въ себѣ много громкихъ фразъ противъ „безбожныхъ“ французовъ и „гнусныхъ“ революціонеровъ, но не нападавшаго вовсе на конституціонные идеи,—то этотъ манифестъ произвелъ очень дурное впечатлѣніе кое-гдѣ за границей, въ Россіи же онъ не обратилъ на себя особеннаго вниманія, а вскорѣ былъ и вовсе забытъ; такимъ образомъ, едва ли можно придавать ему то значеніе, какое приписываетъ ему Шильдеръ.

Во всякомъ случаѣ, Александръ въ 1816 году былъ еще искреннимъ и убѣжденнымъ конституціоналистомъ, причемъ нельзя не отмѣтить, что эти идеи реализировались имъ тогда и въ дѣйствительной жизни—въ видѣ финляндской и польской конституцій и въ видѣ содѣйствія введенію конституціи во Франціи и нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствахъ Европы.

Даже ближайшія къ Александру лица были увѣрены тогда въ намѣреніи Александра дать Россіи конституцію [1]). Въ бу-

---

[1]) Впрочемъ, одинъ изъ участниковъ первыхъ преобразовательныхъ реформъ Александра, гр. В. П. Кочубей, бывшій и въ негласномъ комитетѣ представителемъ довольно умѣренныхъ взглядовъ, теперь выражалъ еще осторожнѣе свои desiderata. Въ запискѣ, составленной въ самомъ концѣ 1814 г., Кочубей писалъ между прочимъ: „Имперія россійская составляетъ

магахъ генерала Киселева сохранилась запись о подробномъ докладѣ, который онъ сдѣлалъ Александру въ 1816 году о положеніи дѣлъ на югѣ Россіи. Киселеву поручено было тогда между прочимъ подыскивать людей, подходящихъ для обновительной административной работы, но онъ, объѣхавъ югъ Россіи, нашелъ не столько подходящихъ людей, сколько массу злоупотребленій, о которыхъ и сообщилъ Александру. Выслушавъ докладъ о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ Новороссіи, Александръ сказалъ: „Все сдѣлать вдругъ нельзя: обстоятельства нынѣшняго времени не позволили заняться внутренними дѣлами, какъ было бы желательно, но теперь мы занимаемся новою организаціею...“

Разсуждая о безпорядкахъ въ администраціи на югѣ, императоръ сказалъ: „я знаю, что въ управленіи большая часть людей должна быть перемѣнена, и ты справедливъ, что зло происходитъ какъ отъ высшихъ, такъ и отъ дурного выбора низшихъ чиновниковъ. Но гдѣ ихъ взять? Я и 52 губернаторовъ выбрать не могу, а надо тысячи...“ „Армія, гражданская часть, все не такъ, какъ я желаю,—но какъ быть? Вдругъ всего не сдѣлаешь, помощниковъ нѣтъ...“

Изъ этого доклада, прерывавшагося діалогами, переданными Киселевымъ, повидимому, съ фотографической точностью, видно однако, что Александръ съ особенной живостью интересовался теперь вопросами организаціи арміи, вопросы же гражданскаго управленія ставилъ уже на второй планъ. Такъ, когда Киселевъ, очертивъ вакханалію злоупотребленій, происхо-

---

самодержавное государство и если взглянуть на пространство земли, если обратить вниманіе на географическое онаго положеніе, на степень его просвѣщенія и на многія другія обстоятельства, то должно сознаться что форма сія правленія есть единая, которая на долгое время свойственна Россіи быть можетъ; но форма сія не можетъ препятствовать государю избрать всѣ возможные способы для наилучшаго управленія и, какъ доказано, что государь, какъ бы ни былъ онъ дальновиденъ, не можетъ одинъ обнять всѣхъ частей правленія, то и обязанъ онъ искать прочныхъ государственныхъ установленій, которыя бы, сближая имперію его съ другими наилучше устроенными государствами, представили подданнымъ его выгоды правительства справедливаго, кроткаго и просвѣщеннаго...“

Записка эта найдена была среди бумагъ Александра послѣ его смерти и напечатана въ „Сборникѣ Имп. Русскаго Историческаго Общества“ (т. XC, стр. 5—27).

дившую въ Бессарабіи, выразилъ мнѣніе, что тамъ нужно перемѣнить всю администрацію и рекомендовалъ назначить туда генерала Инзова, то Александръ съ живостью отвѣтилъ, что такимъ хорошимъ генераломъ онъ пожертвовать для гражданскихъ дѣлъ не можетъ.

Положеніе Александра въ виду политики, которую онъ велъ въ это время въ Европѣ, было тогда не изъ легкихъ. Въ 1816—17 гг. онъ отмѣнилъ предполагавшійся рекрутскій наборъ, но въ то же время не хотѣлъ сколько-нибудь уменьшить состава постоянной арміи; когда же ему докладывали, что населеніе ропщетъ, такъ какъ война кончена, а военныя издержки не уменьшаются, то Александръ отвѣчалъ съ раздраженіемъ, что онъ не можетъ содержать войска меньше, чѣмъ Австрія и Пруссія вмѣстѣ. Въ отвѣтъ же на указанія, что эти государства уже распустили часть своихъ войскъ, Александръ замѣчалъ, что и онъ „думаетъ“ это сдѣлать. Своимъ генераламъ, совѣтовавшимъ ему сократить число войскъ, онъ говорилъ, что для Россіи необходима „prépondérance politique“ и что поэтому объ уменьшеніи военныхъ силъ нельзя и думать. Зато онъ усиленно думалъ въ это время о сокращеніи стоимости содержанія арміи и объ улучшеніи быта солдатъ. Его одно время очень заинтересовала военная реформа, которая была проведена въ Пруссіи послѣ тильзитскаго мира, когда Пруссія обязалась имѣть подъ ружьемъ не больше 42 тысячъ войска. Тогда, какъ извѣстно, генералъ Шарнгорстъ нашелъ остроумный выходъ изъ затрудненія: сокращеніе срока службы до 3-хъ лѣтъ и учрежденіе запаса двухъ категорій, при наличности небольшой постоянной арміи, дали странѣ возможность въ случаѣ необходимости выставить большую армію.

По системѣ Шарнгорста, въ Пруссіи всякій поступалъ на 3 года въ военную службу, затѣмъ зачислялся въ запасъ, изъ котораго призывался время отъ времени въ учебные сборы; такимъ образомъ въ короткое время населеніе было обучено и его легко было быстро мобилизовать въ случаѣ нужды, увеличивая такимъ образомъ наличную армію вдругъ въ нѣсколько разъ. Александра эта идея очень заинтересовала, но онъ скоро сообразилъ, что къ Россіи его времени, въ виду огромности ея территоріи, рѣдкаго населенія и полнаго отсутствія удобныхъ путей сообщенія, эта идея непримѣнима, такъ какъ при

бездорожьи и разбросанности населенія невозможна быстрая мобилизація. Вотъ почему на этой системѣ онъ и не могъ тогда остановиться. Заботясь однако же объ улучшеніи положенія войскъ и уменьшеніи издержекъ государства на ихъ содержаніе, онъ напалъ еще въ 1810 г. на французское сочиненіе нѣкоего Сервана, въ которомъ проводилась идея пограничныхъ военныхъ поселеній, занимающихся одновременно и земледѣліемъ, и службой. Эта идея ему настолько понравилась, что онъ тогда же приказалъ П. М. Волконскому спѣшно перевести эту брошюру на русскій языкъ—для того, чтобы познакомить съ ней тотчасъ же Аракчеева, которому онъ рѣшилъ ввѣрить эту часть. Это и была система военныхъ поселеній, которыя впослѣдствіи принесли столько горя. Система эта состояла въ томъ, что нѣкоторыя территоріи передавались изъ гражданскаго вѣдомства въ вѣдѣніе военнаго министерства, при чемъ онѣ освобождались отъ всякихъ податей и повинностей и за то должны были изъ своего населенія комплектовать и содержать опредѣленныя воинскія части. Первое примѣненіе этой системы было сдѣлано въ 1810—11 гг. въ могилевской губерніи, въ одну изъ волостей которой былъ водворенъ елецкій пѣхотный полкъ, при чемъ волость эта была изъята изъ вѣдѣнія гражданскаго начальства, мѣстное же населеніе было выселено въ новороссійскій край. Для того, чтобы вновь созданное военное поселеніе тотчасъ же получило характеръ земледѣльческаго, приказано было изъ всѣхъ женатыхъ и семейныхъ солдатъ полка образовать одинъ баталіонъ и выписать къ нимъ ихъ женъ и семьи, не обращая вниманія на ихъ желаніе или нежеланіе. Эти семейные солдаты должны были составить коренное населеніе волости; у нихъ по квартирамъ распредѣлили остальныхъ—холостыхъ солдатъ, обращенныхъ въ батраковъ и получавшихъ отъ водворенныхъ солдатъ-хозяевъ взамѣнъ заработной платы полное содержаніе, наравнѣ съ членами ихъ собственныхъ семей.

Такова была идея, на которой остановился Александръ въ 1810 г. Первое могилевское поселеніе не удалось, такъ какъ началась война 1812 года; елецкій полкъ выступилъ въ походъ—и мысль объ этихъ поселеніяхъ на все время наполеоновскихъ войнъ заглохла.

Но въ 1816 г. Александръ рѣшилъ возобновить попытки про-

веденія въ жизнь этой идеи. На этотъ разъ опытъ былъ перенесенъ въ новгородскую губернію, гдѣ находилось имѣніе Аракчеева, которому поэтому было удобнѣе наблюдать за ходомъ дѣлъ въ этихъ поселеніяхъ. Было велѣно не выселять коренного населенія, а прямо обратить его въ военныхъ поселянъ. Цѣлая волость была отведена подъ это поселеніе; всѣ крестьяне волости были объявлены военными поселянами; по ихъ домамъ былъ размѣщенъ одинъ изъ полковъ. Устройству этого поселенія на военный образецъ помогъ случай: центральное село волости Высокое сгорѣло. Аракчеевъ приказалъ выстроиться вновь уже по опредѣленному плану. Это были математически правильно разбитыя усадьбы: въ нихъ водворены были прежніе жители, имъ обрили бороды, надѣли мундиры и оставили на ихъ囲 коштѣ полкъ. При этомъ проявлялись всяческія заботы объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія — давали скотъ, лошадей, давали ссуды и льготы и т. п. У этихъ солдатъ-пахарей были поселены назначенные для этого баталіоны, при чемъ расквартированные такимъ образомъ солдаты дѣлались батраками мѣстныхъ военныхъ поселенцевъ. Когда холостые солдаты женились, они получали отдѣльныя хозяйства, но на браки эти требовалось разрѣшеніе военнаго начальства. Всѣмъ вдовамъ и дѣвицамъ на возрастѣ велся учетъ и браки назначались начальствомъ.

На эти поселенія потрачено было много средствъ, чтобы устроить ихъ бытъ прочно и планомѣрно; съ другой стороны, жизнь поселенцевъ была скована мелочной мертвящей военной регламентаціей: всякое хозяйство находилось подъ непрестаннымъ надзоромъ начальства; нерадивый хозяинъ могъ быть лишенъ хозяйства и даже высланъ изъ волости. Военной дисциплинѣ были подчинены не только мужчины, но и женщины; дѣти въ извѣстномъ возрастѣ отбирались въ ученіе и зачислялись въ кантонисты. Населеніе, несмотря на значительныя матеріальныя выгоды, относилось къ этой системѣ съ ненавистью, такъ какъ это была неволя—хуже крѣпостного права.

Надо сказать, что самъ Аракчеевъ былъ человѣкъ матеріально честный, и тѣ огромныя суммы, которыя проходили черезъ его руки, къ этимъ рукамъ не прилипали; онъ строго наблюдалъ и за подчиненными. Безпристрастно составленной біографіи Аракчеева не существуетъ, его роль и значеніе вы-

яснены только съ внѣшней стороны, и мрачныя легенды, создавшіяся вокругъ этого зловѣщаго имени, едва ли вполнѣ справедливы [1]). Слишкомъ много ненависти и кровавыхъ воспоминаній соединяются около него. Къ тому же слишкомъ удобнымъ козломъ отпущенія являлся такой человѣкъ, какъ Аракчеевъ, чтобы покрыть собою то, что дѣлалось непріятнаго по волѣ самого Александра. Неточности представленій способствовали отчасти и тѣ цензурныя условія, въ которыхъ писались до послѣдняго времени историческіе труды. Всѣ эти соображенія необходимо принимать въ расчетъ при оцѣнкѣ этой личности. Многіе приписываютъ Аракчееву необычайно зловредное вліяніе на Александра и силою этого вліянія стремятся объяснить всѣ мрачныя черты Александра, проявлявшіяся въ послѣдніе годы его царствованія. При этомъ Аракчеева представляютъ не только другомъ Александра, но и единственнымъ человѣкомъ; дружескія отношенія къ которому императора Александра не измѣнялись. Между тѣмъ Аракчеевъ не столько былъ другомъ Александра, въ истинномъ смыслѣ этого слова, сколько *вѣрнымъ рабомъ* своего господина, въ сущности почти безразлично, былъ ли этотъ господинъ Павелъ или Александръ. Аракчеевъ былъ человѣкъ неглупый, но мало-образованный, зато дѣльный и трудолюбивый; онъ былъ матеріально честенъ, никогда не кралъ казеннаго добра, что было тогда довольно рѣдко, и всегда былъ готовъ съэкономить всякую копейку въ хозяйствѣ своего господина. При всей собачьей преданности Аракчеева,— при которой даже отечество представлялось ему ничтожнымъ пустякомъ въ сравненіи съ интересами его господина, — онъ, однако же, имѣлъ свой гоноръ и честолюбіе. Онъ былъ безпощаденъ, безчеловѣченъ въ своей исполнительности; зато онъ былъ способенъ предугадывать намѣреніе своего господина. Онъ былъ тщеславенъ, но главнымъ предметомъ его честолюбія была увѣренность, что онъ пользуется неограниченнымъ довѣріемъ своего господина. Конечно, такой слуга сущій кладъ

---

[1]) Сравн. интересныя статьи *А. А. Кизеветтера* „Императоръ Александръ I и Аракчеевъ“ въ *Русской Мысли* за 1910 г. №№ 11 и 12 и за 1911 г. № 2. Тамъ же указана и литература объ Аракчеевѣ.

Очень пристрастное и некритическое отношеніе къ Аракчееву у біографа Александра *Н. К. Шильдера*.

для самодержца, и въ особенности такого, какъ Александръ, который, успѣвъ уже утомиться отъ тревогъ своего царствованія, нуждался въ вѣрномъ человѣкѣ, способномъ смотрѣть на всѣ предметы глазами своего господина. Но едва ли можно назвать Аракчеева другомъ Александра и, въ особенности, едва ли можно ему приписывать нравственное и политическое *вліяніе* на Александра.

Направленіе политики несомнѣнно зависѣло отъ Александра, а формы могли создаваться и подъ вліяніемъ Аракчеева. Что касается военныхъ поселеній, то Аракчеевъ не разъ утверждалъ, что это не его идея, что сначала онъ былъ противъ военныхъ поселеній, но разъ взявшись за нихъ, исполнялъ уже дѣло не за страхъ, а за совѣсть, увлекаясь его наружнымъ успѣхомъ.

Военныя поселенія росли и развивались необычайно быстро, такъ что къ 1825 г. корпусъ военныхъ поселеній состоялъ изъ 90 баталіоновъ пѣхоты новгородскихъ и 36 баталіоновъ пѣхоты и 249 эскадроновъ кавалеріи украинскихъ поселеній. Шильдеръ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что это дѣло, имѣвшее огромное общественное и государственное значеніе, совершалось келейно, государственный совѣтъ въ него не мѣшался, какъ будто бы это было и не его дѣло,—вопреки установленному законами порядку. Въ хозяйственномъ отношеніи это предпріятіе имѣло видимый внѣшній успѣхъ; бытъ населенія въ матеріальномъ отношеніи былъ обставленъ очень исправно: въ военныхъ поселеніяхъ процвѣтало сельское хозяйство, ремесла, и почти все, что нужно было для продовольствія и обмундированія этихъ военныхъ частей, они не покупали, а производили сами. Благодаря этому Аракчееву удалось скопить запасный капиталъ до 50 милл. руб. (капиталъ военныхъ поселеній) и онъ любилъ хвастаться своимъ хозяйствомъ и, въ особенности, образцовой отчетностью. И замѣчательно, что многіе авторитетные и притомъ относительно независимые люди того времени давали весьма лестные отзывы о военныхъ поселеніяхъ. Такъ Аракчееву удалось получить весьма лестные отзывы о военныхъ поселеніяхъ отъ гр. В. П. Кочубея, послѣ ихъ личнаго осмотра, отъ государственнаго контролера барона Кампфенгаузена и даже отъ возвращеннаго изъ ссылки Сперанскаго, который побывалъ въ новгородскихъ поселеніяхъ, и, наконецъ, отъ Карамзина. Въ отдѣльныхъ поселеніяхъ, впрочемъ, впо-

слѣдствіи обнаружились, несмотря на всю строгость, крупныя злоупотребленія. Но главное, что подрывало при внимательномъ расчетѣ значеніе этихъ поселеній и съ хозяйственной стороны,—это подсчетъ тѣхъ суммъ, которыя были истрачены на это предпріятіе казною. Уже въ первые годы было истрачено до 100 милл. руб., при чемъ надо принять во вниманіе еще освобожденіе поселенцевъ отъ всѣхъ податей. Самый опытъ этого своеобразнаго военно-хозяйственнаго эксперимента заслуживаетъ обстоятельнаго и всесторонняго изслѣдованія; но такого изслѣдованія до сихъ поръ произведено не было: всѣ свѣдѣнія объ этихъ поселеніяхъ чрезвычайно отрывочны. Въ литературѣ болѣе всего имѣется свѣдѣній о бунтахъ, которые тамъ происходили въ разное время. Въ народѣ же осталась мрачная память объ этой чудовищной попыткѣ обратить въ военную крѣпостную зависимость значительную часть обширной страны [1]).

Забота о постепенной, но коренной реорганизаціи арміи при помощи системы военныхъ поселеній составляла въ первые годы послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ главную заботу Александра. Несмотря на то, что было сказано имъ въ 1816 г. П. Д. Киселеву—и что, безъ сомнѣнія, повторялось другимъ лицамъ — о томъ, что онъ теперь вновь примется за внутреннія реформы, слова эти, если и осуществлялись, то лишь урывками, или въ видѣ второстепенныхъ распоряженій.

Во время наполеоновскихъ войнъ вся высшая администрація и даже высшая полиція сосредоточены были въ комитетѣ министровъ, при чемъ Александръ неоднократно указывалъ, что комитетъ во время войны долженъ былъ дѣйствовать въ отсутствіе государя самостоятельно, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ, не ожидая высочайшихъ повелѣній, которыя твебовались бы при обычномъ ходѣ вещей, — съ утвержденія лишь своего предсѣдателя, которымъ былъ назначенъ, какъ уже упоминалось, Н. И. Салтыковъ,—тотъ самый, которому Екатерина поручила когда-то главный надзоръ за воспитаніемъ Александра. Теперь онъ былъ уже дряхлымъ старикомъ, и

---

[1]) Сравн. „Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія 1809—1831 г.“. Изд. *Русской Старины*. Спб. 1871. Много данныхъ о военныхъ поселеніяхъ приведено въ трудахъ *Шильдера* и *Богдановича*.

фактически всѣмъ завѣдывалъ управлявшій дѣлами комитета Молчановъ.

Вскорѣ при провѣркѣ счетовъ военнаго времени открылась масса всякихъ хищеній, главнымъ образомъ по провіантской части—не столько въ арміи, гдѣ во главѣ этого дѣла стоялъ Канкринъ, человѣкъ вполнѣ честный и энергичный,—сколько въ военномъ министерствѣ и комитетѣ министровъ.

Александръ, недовольный и ранѣе неурядицами и вялыми дѣйствіями комитета, теперь въ виду обнаруженныхъ хищеній, пришелъ въ крайнее негодованіе и отдалъ подъ судъ и Молчанова, и все военное министерство съ кн. Горчаковымъ во главѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ назначилъ, въ помощь Салтыкову, постояннымъ своимъ докладчикомъ по дѣламъ комитета Аракчеева, который и остался имъ и тогда, когда по смерти Салтыкова въ предсѣдатели комитета былъ назначенъ, вовсе не дряхлый человѣкъ, Лопухинъ. Такимъ образомъ Аракчеевъ сдѣлался какъ бы премьеръ-министромъ, хотя и не имѣлъ никакого портфеля. Установился довольно странный порядокъ управленія: Александръ пересталъ принимать министровъ съ докладами. Они и раньше дѣлали свои доклады въ комитетѣ; но въ комитетѣ онъ лично давно пересталъ принимать участіе. Большую часть своего времени онъ проводилъ въ путешествіяхъ по Россіи, или за границей на международныхъ конгрессахъ. Министры всѣ дѣла, требовавшія высшаго разрѣшенія, вносили въ комитетъ министровъ, а краткій журналъ комитета съ заключеніемъ Аракчеева докладывался государю, въ письменномъ видѣ. При этомъ почти не было примѣра, чтобы Александръ не согласился съ мнѣніемъ Аракчеева. Это-то обстоятельство и придавало Аракчееву значеніе временщика, которому приписывались всѣ обскурантныя мѣры и репрессіи того времени. Но если внимательно вглядѣться въ существо всей этой массы дѣлъ,—хотя бы по „Историческому обзору дѣятельности Комитета Министровъ“ Середонина [1]), то нельзя не замѣтить, что огромное большинство этихъ дѣлъ имѣло второстепенное значеніе, и притомъ надо отдать Аракчееву справедливость, что въ его заключеніяхъ нельзя усмотрѣть особой наклонности къ репрессіямъ или жестокимъ мѣрамъ; можно скорѣе видѣть въ нихъ неусып-

---

[1]) *Середонинъ*, I, стр. 18—40.

ное слѣженіе за сохранностью казеннаго сундука и за строгимъ выполненіемъ всѣхъ мыслей императора Александра. Аракчеевъ всегда выслѣживалъ, нѣтъ ли чего своекорыстнаго во внесенныхъ отдѣльными сановниками представленіяхъ. Среди аракчеевскихъ резолюцій есть и такія, гдѣ Аракчеевъ рекомендуетъ довольно справедливыя рѣшенія, иногда болѣе гуманныя, чѣмъ рѣшенія комитета министровъ. Здѣсь всего болѣе замѣтно желаніе найти такой выходъ, который болѣе соотвѣтствовалъ бы настроенію Александра. Понятно, что Александръ довѣрялъ при такихъ условіяхъ Аракчееву и что послѣдній въ высшей степени облегчалъ его въ такихъ дѣлахъ, которыми Александръ, въ сущности, не интересовался, будучи занятъ другими вопросами. На этомъ, главнымъ образомъ, и была построена репутація Аракчеева, какъ человѣка, имѣвшаго необычайное вліяніе на Александра.

Сверхъ этихъ должностей Аракчеевъ предсѣдательствовалъ еще въ особомъ комитетѣ по сооруженію дорогъ въ Россіи и здѣсь такъ же проявлялъ весьма дѣятельный и строгій надзоръ, хотя и не всегда достигавшій цѣли. Наконецъ, онъ предсѣдательствовалъ еще въ департаментѣ военныхъ дѣлъ государственнаго совѣта со времени учрежденія послѣдняго, отказавшись тогда (въ 1810 году) отъ должности военнаго министра.

ЛЕКЦІЯ XI.

Роль государственнаго совѣта во время войнъ 1812—1815 гг.—Возстановленіе его значенія въ 1816 г. съ возвращеніемъ въ его составъ адмирала Мордвинова.—Дѣятельность Мордвинова и финансовыя мѣры 1816-1820 гг.—Таможенные тарифы 1816 и 1819 гг. и значеніе ихъ для курса бумажныхъ денегъ и для фабричной промышленности въ Россіи.—Развитіе фабричной промышленности при Александрѣ I.—Крестьянскій вопросъ въ 1816—1820 гг.—Освобожденіе остзейскихъ крестьянъ въ 1816—1819 гг. и отношеніе правительства и общества къ крестьянскому вопросу въ Россіи.—Развитіе просвѣщенія послѣ 1812 г.—Роль университетовъ.—Проникновеніе мистическихъ теченій.—Библейское общество.—Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.—Кн. А. Н. Голицынъ и его сподвижники: Стурдза, Магницкій и Руничъ.—Разгромъ университетовъ.—Журналистика послѣ 1815 г. и положеніе печати.—Роль министерства полиціи.—Настроеніе Александра въ 1818—1820 гг.—Рѣчи его на польскомъ сеймѣ въ 1818 г.

Дѣятельность государственнаго совѣта во время великихъ наполеоновскихъ войнъ съ удаленіемъ Сперанскаго и выходомъ въ отставку въ 1812 г. предсѣдателя департамента государственной экономіи Мордвинова, отошла на второй планъ и даже финансовыя мѣры принимались въ эти годы распоряженіями комитета министровъ безъ всякаго участія государственнаго совѣта,—въ противность закону. Государственный же совѣтъ занялся въ это время, главнымъ образомъ, подробнымъ разсмотрѣніемъ плана гражданскаго и уголовнаго уложенія, составленнаго Сперанскимъ. Какъ разъ эту работу Сперанскаго изъ всѣхъ работъ, которыя ему принадлежали, надо признать наименѣе успѣшной. Таковою же ее признавалъ впослѣдствіи и самъ Сперанскій. Это уложеніе было составлено имъ по образцу французскихъ кодексовъ безъ достаточнаго изученія исторіи русскаго законодательства и потребностей русскаго быта, и по мѣрѣ того, какъ отдѣльные параграфы принимались еще въ 1811 и въ началѣ 1812 года въ департаментахъ государ-

ственнаго совѣта, самъ Сперанскій убѣждался все больше и больше въ совершенной непрактичности своей работы. Но въ 1812 году онъ былъ сосланъ, а государственный совѣтъ продолжалъ разсматривать это дѣло, главнымъ образомъ потому, что у него не было никакого другого.

Однако послѣ ссылки Сперанскаго отношеніе къ его проекту рѣшительно измѣнилось, и члены государственнаго совѣта безъ церемоніи уже критиковали основы этого уложенія и всѣ статьи одну за другой проваливали, а въ концѣ-концовъ уложеніе было сдано въ комиссію законовъ, съ требованіемъ снабдить каждую статью проекта указаніемъ, старый ли этотъ законъ или новый, и, если новый, то чѣмъ вызывается и оправдывается измѣненіе дѣйствующаго закона. Дѣло затормозилось и ему суждено было окончиться лишь въ царствованіе императора Николая, при чемъ оно вновь попало тогда въ руки Сперанскаго.

Въ 1816 году адмиралъ Мордвиновъ былъ вновь приглашенъ на службу и назначенъ на прежнюю свою должность предсѣдателя департамента государственной экономіи [1]), и лишь съ этого времени опять началась правильная работа государственнаго совѣта, по крайней мѣрѣ въ области разсмотрѣнія государственнаго бюджета.

Мордвиновъ по вступленіи въ должность немедленно обрушился на дѣятельность тогдашняго министерства финансовъ, руководимаго Гурьевымъ. „Представленную министромъ финансовъ роспись государственнымъ доходамъ и расходамъ на 1817 годъ департаментъ государственной экономіи не можетъ—писалъ Мордвиновъ—принять въ видѣ истиннаго отчета, показывающаго состоянія государственныхъ финансовъ; ибо первая и главнѣйшая часть, на коей основывается государственный кредитъ, въ представленіи министерства финансовъ умолчена: ни о количествѣ долговъ, ни о ихъ обезпеченіи въ ономъ не упомянуто. Столь существенное небреженіе содѣлываетъ роспись порочною, а представленіе оной отъ министра финансовъ несообразнымъ уставу сего министерства. Равнымъ образомъ департаментъ государственной экономіи не можетъ признать правильнымъ остатокъ, министромъ финансовъ въ доходахъ по-

---

[1]) Сперанскій былъ въ это время также вновь принятъ на службу и назначенъ губернаторомъ въ Пензу.

казанный; ибо остатокъ можетъ существовать только тогда, когда уплачены или, по крайней мѣрѣ, обезпечены платежемъ долги, согласно съ условіями, при займѣ учиненными".

Почти въ то же время Мордвиновъ представилъ въ государственный совѣтъ мнѣніе о положеніи государственнаго хозяйства съ подробной критикой финансовой политики правительства и съ указаніемъ способовъ, какъ поправить дѣло. Больше всего онъ нападалъ на неумѣренные выпуски ассигнацій, которыя комитетъ министровъ во время войны выпускалъ тайнымъ образомъ, т.-е. совершенно незаконно. Какъ выходъ изъ этого положенія, Мордвиновъ указывалъ мѣры, аналогичныя мѣрамъ Сперанскаго 1810 года [1].

---

[1]) Эта записка Мордвинова замѣчательна своимъ прямымъ и смѣлымъ языкомъ. Утверждая, что исправленіе финансовъ въ концѣ-концовъ зависитъ отъ твердой и неизмѣнной воли правительства, и требуя безусловной бережливости и осмотрительности въ расходахъ государственныхъ средствъ, Мордвиновъ писалъ между прочимъ, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ въ странѣ „всѣ излишества, всякая временная прихоть и вообще всякая издержка, произведенная безъ строгой необходимости, должны быть признаваемы преступленіемъ противъ государственнаго и народнаго блага, какъ напротивъ того, всякій сбереженный отъ расходовъ и къ истребленію (т.-е. къ погашенію) назначенный рубль почитаемъ былъ бы самымъ драгоцѣннымъ и одолжительнымъ, какъ служащій къ возвышенію достоинства всѣхъ остающихся по немъ въ обращеніи рублей (ассигнацій), дѣлая черезъ то государственный доходъ превосходнѣйшимъ, съ возведеніемъ и частныхъ имуществъ въ высшую степень цѣны..." Эти сентенціи сопровождались очень подробными и убѣдительными цифровыми выкладками. Только поправивъ финансы погашеніемъ долговъ, правительство въ состояніи будетъ обратить свое вниманіе на дѣйствительно полезныя дѣла. „*Тогда*—по словамъ Мордвинова—*благословенный нынѣ за великіе военные подвиги, Александръ I возможетъ покрыть себя дѣйствительно неувядаемою во вѣки славою отечества...*".

„... Томленіе Россіи уже велико,—писалъ онъ тамъ же,—и всѣ состоянія страдаютъ... Ропотъ этотъ распростерся уже по всѣмъ предѣламъ государства: въ каждомъ городѣ, въ каждомъ семействѣ, при каждой встрѣчѣ, посреди бесѣды, о чемъ нынѣ разглагольствуютъ? Чѣмъ рѣчь каждаго растворяется и умы и сердца горестно наполняетъ?—Жалобою на дороговизну, на ущербъ капиталовъ, на умаленіе имущества для удовлетворенія необходимо нужнымъ издержкамъ. Богатый жалуется, что сдѣлался бѣднымъ, избыточный—недостаточнымъ, довольный—нуждающимся, и голосъ многочислен-

Подъ давленіемъ нападокъ Мордвинова министръ финансовъ Гурьевъ представилъ и провелъ черезъ государственный совѣтъ рядъ довольно существенныхъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, проектовъ: о возстановленіи дѣятельности комиссіи погашенія государственныхъ долговъ, объ учрежденіи особаго совѣта кредитныхъ установленій со включеніемъ въ его составъ представителей купечества и объ учрежденіи коммерческаго банка. Въ распоряженіе комиссіи погашенія долговъ ассигнованы были довольно значительныя средства, благодаря чему въ 1817 году было впервые при Александрѣ сожжено ассигнацій на сумму 38 милліоновъ рублей.

Однако число оставшихся ассигнацій все же достигало 800 милліоновъ руб., а общее количество государственныхъ процентныхъ долговъ, внесенныхъ въ особую долговую книгу, составляло болѣе 200 милл., такъ что весь государственный долгъ превышалъ милліардъ рублей, что представляло огромную сумму для тогдашняго времени. На ряду съ уплатой долговъ министерство финансовъ провело въ 1817 году уничтоженіе винныхъ откуповъ съ замѣной ихъ государственной монополіей, что, впрочемъ, привело лишь къ развитію необыкновеннаго воровства среди завѣдывавшихъ этимъ дѣломъ чиновниковъ.

Затѣмъ, тогда же удержано было порто-франко въ Одессѣ и выдана привилегія Берду на установленіе перваго въ Россіи пароходства.

Всѣ эти мѣры произвели въ публикѣ нѣкоторое удовлетвореніе, хотя дороговизна, обусловленная низкимъ курсомъ бумажныхъ денегъ, оставалась прежняя.

Въ значительной мѣрѣ это послѣднее обстоятельство зависѣло отъ тѣхъ измѣненій въ таможенномъ тарифѣ, которыя были сдѣланы въ 1816 и особенно въ 1819 годахъ въ сторону свободы торговли.

наго народа громокъ и убѣдителенъ! Такое томительное состояніе убѣждаетъ торжественно къ безотложному принятію мѣръ, не временныхъ и подверженныхъ измѣненіямъ, но постоянныхъ и дѣйствительныхъ"...

Бѣдственное положеніе финансовъ особенно рѣзко отражалось на дворянствѣ и чиновничествѣ, среди которыхъ Мордвинову и приходилось главнымъ образомъ слышать тотъ ропотъ, о которомъ онъ писалъ въ этой запискѣ. См. *Иконникова* „Графъ Н. С. Мордвиновъ", стр. 175 и слѣд. Спб. 1873.

Выше уже было упомянуто, что министерство финансовъ хотѣло еще въ 1813 г. измѣнить таможенный тарифъ 1810 г. и замѣнить его болѣе либеральнымъ; но тогда это не состоялось, въ виду протеста московскихъ фабрикантовъ, поддержаннаго Козодавлевымъ и Румянцевымъ. Послѣ вѣнскаго конгресса, на которомъ Александръ далъ рядъ прямыхъ обѣщаній представителямъ другихъ державъ смягчить или уничтожить тарифные запреты въ Россіи, — при чемъ имѣлось въ виду въ особенности облегчить положеніе промышленности въ Царствѣ Польскомъ и сопредѣльныхъ съ нимъ польскихъ областяхъ Австріи и Пруссіи, — эти обѣщанія пришлось осуществить. У Гурьева было нѣсколько готовыхъ проектовъ тарифныхъ измѣненій, и въ 1816 г. безъ труда прошли первыя облегченія. Собственно, новый тарифъ, снявъ всѣ запреты съ иностранныхъ товаровъ и понизивъ многія пошлины, понизилъ ихъ однако же не столько на фабричные продукты, сколько на сырье, не вырабатываемое въ Россіи; такимъ образомъ этотъ тарифъ не могъ поколебать положенія нашей фабричной промышленности, но, несомнѣнно, онъ поколебалъ нашъ торговый балансъ. Онъ послужилъ усиленію ввоза, а вывозъ остался почти прежній; такимъ образомъ, балансъ сдѣлался менѣе благопріятнымъ въ отношеніи прилива въ страну звонкой монеты, и это обстоятельство удержало низкій курсъ бумажнаго рубля.

Въ 1819 г. въ таможенномъ тарифѣ опять были сдѣланы серьезныя измѣненія, уже коснувшіяся пониженія пошлинъ на нѣкоторыя фабричныя произведенія, и это заставило многія русскія фабрики сократить или совсѣмъ прекратить свою дѣятельность.

Какъ выше уже указывалось, до начала XIX вѣка фабричное производство въ Россіи удовлетворяло, главнымъ образомъ, казеннымъ нуждамъ, и большинство фабрикъ выдѣлывало или желѣзо и оружіе, или сукно и полотно для нуждъ арміи и флота. Посессіоннымъ суконнымъ фабрикамъ запрещено было продавать свои издѣлія въ частныя руки, и вся ихъ работа должна была сводиться къ поставкѣ сукна въ армію. Правительство Александра долго не рѣшалось отмѣнить это тягло, боясь освободить отъ него фабрики въ виду возраставшихъ нуждъ арміи, и только въ 1816 г. это тягло было, наконецъ, снято, и тутъ только выяснилось, насколько это было для дѣла вы-

годно. Именно черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ снятія тягла, въ 1822 г. достигнуто было, наконецъ, такое положеніе, что спросъ арміи на сукно былъ впервые не только сполна удовлетворенъ, но даже превышенъ предложеніемъ фабрикантовъ: настолько эти фабрики развились, когда обороты ихъ стали свободны.

Съ начала XIX вѣка у насъ развиваются также хлопчато-бумажныя фабрики: бумагопрядильныя и ткацкія. Раньше пряжа получалась изъ Англіи, и въ Россіи были только бумаготкацкія фабрики; но послѣ введенія континентальной системы, прекратившей на время ввозъ готовой пряжи изъ Англіи, бумажная пряжа стала вырабатываться и въ Россіи изъ средне-азіатскаго хлопка, правда въ весьма ограниченномъ количествѣ. Стали, такимъ образомъ, впервые послѣ 1808 г. развиваться бумагопрядильныя фабрики. Хлопчато-бумажныя фабрики явились опасными конкурентами фабрикамъ полотнянньмъ и парусиннымъ, хотя, впрочемъ, еще въ 1818 году ученый статистикъ К. И. Арсеньевъ признавалъ самой доходной фабричной промышленностью въ Россіи именно льняную и пеньковую, т.-е. полотнянную и парусинную, которыя отправляли свои произведенія за границу, особенно въ Англію, для нуждъ паруснаго флота.

Фабриканты мануфактурныхъ товаровъ, поднявшіе вопль противъ тарифа 1819 г., достигли своей цѣли. Въ 1822 г. былъ выработанъ новый протекціонный тарифъ, который надолго утвердилъ протекціонныя начала въ русскомъ законодательствѣ.

Совершенно не развивалось въ Россіи во всю первую половину XIX вѣка желѣзодѣлательное производство. Изслѣдователи главную причину этого застоя видятъ въ принудительномъ трудѣ. Всѣ желѣзодѣлательные заводы были на посессіонномъ правѣ съ крѣпостными рабочими, и принудительный характеръ работы не давалъ возможности дѣлать трудъ болѣе продуктивнымъ и вводить новыя техническія усовершенствованія, удешевляющія продукты. Къ этому присоединялось то обстоятельство, что въ Россіи не было удобныхъ внутреннихъ путей сообщенія, и доставка желѣза съ Урала была дороже и труднѣе, чѣмъ изъ-за границы.

Чтобы не возвращаться къ положенію фабрично-заводской промышленности въ Россіи въ царствованіе Александра I, мы приведемъ здѣсь, пользуясь данными проф. Туганъ-Барановс-

скаго, цифры роста общаго числа фабрикъ и рабочихъ на нихъ за это время.

Въ 1804 г. число фабрикъ было — 2.423, въ 1825 — 5.261, число рабочихъ въ 1804 г.—95.202, изъ нихъ вольныхъ рабочихъ, не крѣпостныхъ и не посессіонныхъ—45.625 (48%), въ 1825 г. всѣхъ рабочихъ было—210.568, вольныхъ изъ нихъ—114.515, т.-е. 54%. Такимъ образомъ, число вольныхъ рабочихъ значительно увеличилось, какъ абсолютно, такъ и въ процентномъ отношеніи къ общему числу рабочихъ, что указываетъ, конечно, на существованіе тенденціи фабричнаго производства къ вольнонаемному труду — обстоятельство, которое сыграло нѣкоторую роль въ подрывѣ крѣпостного права тѣмъ, что подчеркивало его невыгодность для интересовъ русской промышленности.

Съ возвращеніемъ общества къ мирнымъ условіямъ жизни и съ усиленіемъ видовъ на либеральныя преобразованія правительства, возобновляются въ это время и попытки со стороны многихъ лицъ двинуть къ разрѣшенію крестьянскій вопросъ [1]).

Въ 1816 г. былъ окончательно разрѣшенъ крестьянскій вопросъ въ остзейскомъ краѣ, но, къ сожалѣнію, въ невыгодномъ для крестьянъ направленіи. Въ своемъ мѣстѣ мы указывали, какъ стояло тамъ дѣло въ 1804—5 гг., оно было поставлено для крестьянъ довольно благопріятно, такъ какъ тогда были введены существенныя ограниченія помѣщичьяго произвола, главнымъ образомъ въ распоряженіи крестьянскими землями и въ увеличеніи ихъ повинностей, а также было улучшено и правовое положеніе крестьянъ. Остзейское дворянство осталось законами 1804 и 1805 гг. очень не довольно, введеніе этихъ положеній стремилось какъ можно болѣе затруднить, и въ 1811 г. дворянское собраніе эстляндской губерніи представило отъ себя новый проектъ, въ которомъ дворяне предлагали освободить крестьянъ отъ крѣпостного права совершенно, но освободить ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ земли. Правитель-

---

[1]) Сравн. *В. И. Семевскаго* „Крестьянскій вопросъ и т. д.“, т. I. Много новыхъ важныхъ подробностей по крестьянскому вопросу въ эту эпоху приведено также въ ст. *В. И. Семевскаго*, напечатанной въ сборникѣ „Крестьянскій строй“ (т. I, Спб. 1905) и въ *его же* книгѣ „Политич. и обществ. идеи декабристовъ“ (Спб. 1909).

ство пошло на эту удочку. Въ 1812 г. заняться этимъ дѣломъ помѣшала война, но въ 1816 г. проектъ этотъ двинулся въ ходъ. Въ 1816 году состоялось утвержденіе государемъ закона о полной отмѣнѣ крѣпостного права въ Эстляндіи, при чемъ вся земля осталась за помѣщиками. Такимъ образомъ крестьяне сдѣлались лично свободными, но должны были стать въ полную экономическую зависимость отъ помѣщиковъ. Въ 1818 г. такой же законъ получилъ утвержденіе для Курляндіи, а въ 1819 г. и для Лифляндіи.

Этотъ исходъ дѣла тогда чрезвычайно соблазнялъ помѣщиковъ литовскихъ губерній, а за ними и помѣщики бѣлорусскихъ губерній и даже губерній псковской и петербургской начали подумывать о такомъ же безземельномъ освобожденіи крестьянъ. Но большинство помѣщиковъ еще не было къ этому подготовлено, и только одно динабургское дворянство витебской губерніи образовало комитетъ для выработки соотвѣтствующаго положенія, но и тамъ дѣло затянулось, къ счастью, надолго. Эти событія, какъ видно между прочимъ, изъ одного письма Сперанскаго, произвели большую сенсацію въ умахъ помѣщиковъ даже и такихъ отдаленныхъ отъ остзейскаго края губерній, какъ пензенская. Здѣсь однако ихъ ожидали со страхомъ передъ всякими бѣдствіями отъ неосторожныхъ дѣйствій правительства, такъ какъ здѣсь крѣпостной трудъ представлялъ еще наиболѣе удобный для помѣщиковъ способъ эксплоатаціи ихъ имѣній.

Въ правительствѣ продолжались по отношенію къ крестьянскому вопросу чрезвычайныя колебанія; такъ, на деньги самого Александра былъ изданъ на французскомъ языкѣ курсъ политической экономіи академика Шторха, который онъ читалъ великимъ князьямъ, и въ которомъ былъ рѣшительно осуждаемъ всякій подневольный трудъ и, въ частности, крѣпостная система, существовавшая въ Россіи. Но когда Шторхъ задумалъ издать этотъ курсъ на русскомъ языкѣ, то цензура его попросту запретила.

Въ то же время харьковскій профессоръ Шадъ, который былъ рекомендованъ черезъ Уварова Шиллеромъ и Гете, и былъ весьма замѣчательнымъ ученымъ, издалъ на латинскомъ языкѣ курсъ, гдѣ излагалъ такіе же взгляды, какъ Шторхъ, и за это былъ высланъ изъ Россіи.

Въ томъ же 1816 г. была издана весьма дѣльная, хотя и осторожно написанная книга Грибовскаго о положеніи господскихъ крестьянъ въ Россіи. Эта книга была посвящена Аракчееву и прошла черезъ цензуру безпрепятственно.

Самый распространенный тогдашній журналъ, „Духъ журналовъ“, неоднократно обсуждалъ вопросъ освобожденія крестьянъ, при чемъ рѣзко высказывался противъ ихъ безземельнаго освобожденія. Но когда въ 1818 г. въ этомъ журналѣ была напечатана рѣчь малороссійскаго генералъ-губернатора князя Репнина, въ которой онъ совѣтовалъ помѣщикамъ полтавской и черниговской губерній дать своимъ крестьянамъ то положеніе, которое было введено въ остзейскомъ краѣ въ 1804 г., то рѣчь эта произвела цѣлое возмущеніе, и редакторъ журнала получилъ выговоръ.

Самъ Александръ несомнѣнно продолжалъ помышлять о крестьянской реформѣ. Когда ему было представлено черезъ Милорадовича извѣстное стихотвореніе Пушкина „Деревня“, то онъ приказалъ Пушкина благодарить за то, что онъ распространяетъ благородные чувства и взгляды, но цензура опять таки безъ церемоніи запретила печатать это стихотвореніе. Въ 1819 г. весьма благопріятный пріемъ встрѣтила у Александра записка Н. И. Тургенева о раціональныхъ способахъ крестьянской реформы. Это былъ изъ всѣхъ тогдашнихъ проектовъ по крестьянскому дѣлу наиболѣе серьезный трудъ, такъ какъ Тургеневъ стоялъ тогда на правильной точкѣ зрѣнія и требовалъ освобожденія крестьянъ съ землей. Другая, тоже весьма дѣльная записка, предлагавшая весьма обдуманный планъ постепеннаго уничтоженія крѣпостного права, была представлена Е. Ф. Канкринымъ, который былъ тогда генералъ-интендантомъ дѣйствующей арміи и насмотрѣлся на тяжелое положеніе крестьянъ въ своихъ разъѣздахъ по разнымъ губерніямъ. Канкринъ былъ къ тому же ученымъ экономистомъ и могъ предпослать своему проекту обзоръ освобожденія крестьянъ на западѣ. Очень можетъ быть, что именно эта записка и побудила Александра поручить Аракчееву въ 1818 г. составить проектъ постепеннаго освобожденія крестьянъ, при чемъ ему было указано однако такъ составить этотъ проектъ, чтобы онъ „не заключалъ въ себѣ никакихъ мѣръ, стѣснительныхъ для помѣщиковъ, и, особенно, чтобы мѣры сіи не представляли ничего насильственнаго

со стороны правительства“. Аракчеевъ въ этихъ рамкахъ и исполнилъ данное ему порученіе. Онъ предложилъ очень простую мѣру: отпускать каждый годъ по 5 мил. руб. на выкупъ имѣній у тѣхъ помѣщиковъ, которые на это сами согласятся; при чемъ освобожденіе предполагалось съ землей—по двѣ десятины на душу. Конечно, самъ Аракчеевъ понималъ, что этого мало, но онъ и имѣлъ въ виду дать крестьянамъ неполное обезпеченіе, чтобы тѣмъ самымъ обезпечить обработку по найму помѣщичьихъ земель.

Среди русскихъ помѣщиковъ того времени было нѣсколько частныхъ попытокъ двинуть крестьянскій вопросъ къ разрѣшенію. Не говоря о декабристѣ И. Д. Якушкинѣ, который въ то время по своей хозяйственной неопытности думалъ, что будетъ большимъ благодѣяніемъ для крестьянъ и безземельное ихъ освобожденіе, — отъ чего онъ потомъ самъ отказался,— здѣсь слѣдуетъ упомянуть о попыткѣ образовать цѣлое общество помѣщиковъ для содѣйствія ликвидаціи крѣпостного права. Иниціатива въ этой попыткѣ приписывается тому самому В. Н. Каразину, который въ началѣ царствованія Александра представилъ ему такое восторженное письмо; теперь это уже не былъ, однако, прежній молодой энтузіастъ, а какой-то странный полупомѣшанный прожектеръ, желавшій проектируемому обществу придать два несовмѣстимыя назначенія: съ одной стороны, заботу о ликвидаціи крѣпостного права, а съ другой стороны, задачу слѣженія за настроеніемъ умовъ въ тайныхъ обществахъ. Но участникамъ этой попытки удалось Каразина устранить, и проектъ этого общества былъ представленъ Александру двумя высокопоставленными учредителями—гр. М. С. Воронцовымъ и кн. А. С. Меншиковымъ (который тогда еще былъ либераломъ). Къ нимъ присоединился цѣлый рядъ другихъ богатыхъ помѣщиковъ, представлявшихъ своими имѣніями массу гораздо болѣе 100 тыс. душъ крестьянъ. Въ числѣ ихъ были и братья А. И. и Н. И. Тургеневы. Но одинъ изъ предполагаемыхъ членовъ этого общества—Васильчиковъ—заранѣе устранился отъ этого дѣла и предупредилъ, въ неблагопріятномъ для затѣяннаго проекта смыслѣ, государя. Александръ сухо принялъ учредителей и сказалъ, что зачѣмъ же учреждать такое всероссійское предпріятіе,—пусть помѣщики дѣйствуютъ каждый въ своемъ имѣніи, а направленіе общаго вопроса должно

зависить въ Россіи, пока есть самодержавіе, отъ самодержавной власти.

Между тѣмъ извѣстно, что когда Милорадовичъ представилъ Александру вышеупомянутую записку Тургенева, то Александръ сказалъ, что онъ собираетъ всякіе проекты, чтобы непремѣнно въ концѣ-концовъ что-нибудь сдѣлать для крестьянъ, пока онъ царствуетъ, и если не прямо уничтожить крѣпостное право, то ввести его въ тѣсныя границы. Какъ извѣстно, это намѣреніе осталось неосуществленнымъ. Въ 1820 г., послѣдній разъ въ царствованіе Александра, происходило офиціальное обсужденіе одного проекта по крестьянскому дѣлу, въ составленіи котораго принимали близкое участіе тѣ же братья Тургеневы. Составители проекта пытались на этотъ разъ провести уничтоженіе личнаго рабства — права владѣнія дворовыми. Въ государственномъ совѣтѣ этотъ проектъ встрѣтилъ, однако, величайшее сопротивленіе и провалился. Еще очень характеренъ случай, происшедшій въ то время въ вольно-экономическомъ обществѣ. Въ трудахъ вольно-экономическаго общества была напечатана статья нѣкоего Зубова, тверского помѣщика, который обсуждалъ вопросъ о преимуществахъ общиннаго и подворнаго *хозяйства* крестьянъ. Будучи сторонникомъ подворнаго землепользованія, онъ обмолвился, что необходимо утвердить за отдѣльными крестьянами „въ незыблемую собственность“ отведенные имъ надѣлы. Это была просто описка. Онъ вовсе не думалъ лишать права собственности помѣщиковъ и хотѣлъ этимъ выразить лишь преимущество подворнаго хозяйства передъ общиннымъ, но употребленное имъ выраженіе возбудило въ вольно-экономическомъ обществѣ цѣлую бурю, и многіе потребовали уничтоженія той книжки „Трудовъ“, гдѣ была напечатана эта статья, и перепечатанія ея безъ этой замѣтки.

Этотъ вопросъ обсуждался въ цѣломъ рядѣ засѣданій и, въ концѣ-концовъ, эта книга спаслась отъ уничтоженія всего большинствомъ одного голоса — 11 противъ 10, — при чемъ любопытно отмѣтить, что въ числѣ требовавшихъ уничтоженія книги оказался и либеральный адмиралъ Мордвиновъ.

Прежде другихъ областей симптомы реакціоннаго настроенія правительства послѣ наполеоновскихъ войнъ сказались въ направленіи дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія.

Мы видѣли, что, хотя и съ трудомъ, просвѣщеніе продолжало развиваться въ Россіи и въ годы полнаго упадка доходовъ казны, и въ эпоху войнъ. Толчокъ, данный въ этомъ отношеніи въ 1803—1804 годахъ, былъ очень силенъ и плодотворенъ. Въ 1804 году правительство несомнѣнно стало на правильную для того времени точку зрѣнія, когда открыло пять новыхъ университетовъ въ странѣ, гдѣ былъ только одинъ университетъ и почти не было низшихъ училищъ. Эти университеты имѣли задачей не только давать высшее образованіе своимъ питомцамъ, но и заботиться о правильной постановкѣ учебнаго дѣла во всемъ учебномъ округѣ, потому что, по уставу 1804 года, университеты поставлены были во главѣ учебнаго дѣла въ учебныхъ округахъ. Университетскій совѣтъ являлся окружнымъ административнымъ учрежденіемъ; при этомъ, по тому же уставу 1804 года, эти учрежденія не были въ чиновничьей зависимости отъ высшаго начальства, въ какой были попечители округовъ: университеты пользовались значительной автономіей. Эта автономія была дана для цѣлей свободнаго развитія науки, но она отражалась и на ходѣ ихъ дѣятельности въ качествѣ административныхъ органовъ. И надо сказать, что совѣты университетовъ въ то время выдерживали успѣшно столкновенія даже съ самимъ комитетомъ министровъ, не говоря о министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Они не только поставляли учителей, но и улучшали вообще составъ педагогическаго персонала: до того времени директорами учебныхъ заведеній были обыкновенно отставные военные, люди для этого во всякомъ случаѣ непригодные,—и вотъ университетамъ удалось въ значительной мѣрѣ устранить это зло и добиться того, чтобы подборъ этихъ начальниковъ училищъ былъ нѣсколько улучшенъ.

Личный составъ профессоровъ былъ въ началѣ царствованія Александра довольно высокъ, главнымъ образомъ благодаря приглашенію иностранныхъ ученыхъ (въ числѣ около 60 человѣкъ). Конечно, это вызывало то неудобство, что лекціи читались на нѣмецкомъ языкѣ, по латыни, иногда по-французски, и только половина профессоровъ читала по-русски. Это было важное неудобство, но въ то же время эти стоявшіе на высотѣ своего положенія иностранцы имѣли большое значеніе, какъ хорошо подготовленные культуртрегеры.

По недостатку денежныхъ средствъ число школъ съ 1805 г. мало увеличивалось, но качественная постановка дѣла продолжала улучшаться. Отчасти помогало дѣлу развитія школъ довольно большое количество частныхъ пожертвованій, которыя въ это время на нужды просвѣщенія притекали обильно. Такъ, во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка были открыты на частныя средства такія заведенія, какъ ришельевскій лицей въ Одессѣ, который былъ впослѣдствіи превращенъ въ университетъ, или лазаревскій институтъ для изученія восточныхъ языковъ въ Москвѣ. На казенный счетъ былъ открытъ въ эти годы царскосельскій лицей, сыгравшій потомъ довольно важную роль въ исторіи русской литературы и русскаго просвѣщенія. Лицей этотъ былъ основанъ въ противовѣсъ все еще державшемуся среди дворянъ обычаю воспитывать дѣтей дома при помощи частныхъ учителей, главнымъ образомъ французскихъ эмигрантовъ, между которыми были и іезуиты, ведшіе тогда дѣятельную католическую пропаганду. Этому правительство старалось препятствовать, пытаясь заставить такихъ учителей держать экзамены, и въ концѣ-концовъ, для конкуренціи съ частными пансіонами, основало этотъ лицей.

Въ провинціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ составъ учащихся былъ довольно демократиченъ. Дворянство, привыкшее пользоваться услугами частныхъ учителей-иностранцевъ, неохотно отдавало своихъ дѣтей въ общія казенныя заведенія, и поэтому тѣмъ легче принимали туда разночинцевъ, а иногда даже и дѣтей крестьянъ, хотя это и противорѣчило тогдашнимъ законамъ. Въ сущности, тотъ фактъ, что дворянство не пользовалось тогдашними учебными заведеніями, фактъ, чрезвычайно огорчавшій министерство народнаго просвѣщенія, сыгралъ, можетъ быть, и благопріятную роль въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія, такъ какъ благодаря ему просвѣщеніе свободнѣе распространялось среди другихъ сословій.

Такъ стояло дѣло народнаго образованія въ началѣ второго десятилѣтія XIX вѣка. Въ дальнѣйшемъ важнымъ препятствіемъ свободному ходу его развитія явились проникшія въ министерство народнаго просвѣщенія начала мистицизма.

Въ обществѣ склонность къ мистицизму выражалась тогда въ увлеченіи масонствомъ, которое получило широкое распространеніе во всей тогдашней Европѣ. Въ правительствѣ эти стре-

мленія проявлялись въ другой формѣ. Послѣ отечественной войны они выразились въ энергичной дѣятельности библейскаго общества. Развитію этого общества способствовало прежде всего настроеніе самого Александра, которое вполнѣ гармонировало съ задачами этого оригинальнаго учрежденія.

Библейское общество было основано въ Англіи въ 1804 году, и главная его роль заключалась въ переводѣ библіи на всѣ языки и въ дешевой ея продажѣ не только по заготовительнымъ цѣнамъ, но и далеко ниже, благодаря крупнымъ пожертвованіямъ на это дѣло. Въ Россіи отдѣленіе этого общества основано было въ 1812 г., и вскорѣ во главѣ его сталъ оберъ-прокуроръ синода кн. А. Н. Голицынъ, другъ юности Александра, бывшій когда-то вольнодумцемъ, а потомъ мало-по-малу сдѣлавшійся вѣрующимъ мистикомъ приблизительно такого же характера, какъ самъ Александръ въ эпоху священнаго союза. На него, такъ же какъ и на Александра, въ эту эпоху производили глубокое впечатлѣніе и баронесса Крюденеръ, съ ея экзальтированнымъ и туманнымъ мистицизмомъ, и англійскіе квакеры, и умный іезуитъ Жозефъ де-Местръ, и русскіе подвижники и аскеты того времени. Онъ не дѣлалъ разницы между различными вѣроисповѣданіями и, управляя дѣлами и православнаго, и другихъ, иностранныхъ, исповѣданій, относился чрезвычайно горячо ко всѣмъ конфессіональнымъ интересамъ, такъ что впослѣдствіи православные изувѣры обвиняли его даже въ равнодушіи къ интересамъ именно православной церкви. Когда сталъ во главѣ библейскаго общества Голицынъ, то губернаторы, видя это, спѣшили сдѣлаться учредителями такихъ обществъ по всей Россіи, и этихъ обществъ появилась цѣлая сѣть. Голицыну удалось даже привлечь іерарховъ православной церкви въ составъ этого индиферентнаго, съ точки зрѣнія православной церкви, общества, и когда этимъ обществомъ былъ предпринятъ переводъ священныхъ книгъ на русскій языкъ, то редакторомъ его сдѣланъ былъ епископъ Филаретъ, впослѣдствіи знаменитый митрополитъ московскій. Задачи общества, скромныя и сами по себѣ не реакціонныя, хотя и имѣвшія нѣкоторое контръ-революціонное значеніе на западѣ, въ Россіи сдѣлались совсѣмъ иными; здѣсь это общество скоро сдѣлалось органомъ, распространявшимъ идеи туманнаго мистицизма и ханжеского лицемѣрія, главнымъ образомъ въ средѣ чиновни-

чества. Впрочемъ, распространеніе отдѣловъ общества въ глухой провинціи, въ уѣздахъ, внѣ непосредственныхъ попеченій центра, придавало ихъ дѣятельности нѣкоторую самостоятельность и иногда давало неожиданно благопріятные результаты для просвѣщенія, потому что библейское общество, хотя и задавшееся лишь цѣлью распространять священное писаніе, должно было неминуемо столкнуться тамъ съ вопросомъ о предварительномъ распространеніи грамотности. Благодаря этому именно среди провинціальныхъ комитетовъ возникъ вопросъ о распространеніи грамотности, потому что безъ этого и писаніе не могло идти, и этотъ взглядъ, шедшій снизу, произвелъ впечатлѣніе и на верхи, и былъ такой моментъ, когда Голицынъ сталъ серьезно думать о широкомъ насажденіи, для своихъ цѣлей, начальнаго народнаго просвѣщенія въ Россіи: явилась идея создать сѣть начальныхъ школъ, и хотѣли даже ассигновать на это около 2 мил. руб. въ годъ, что почти равнялось всему тогдашнему бюджету министерства народнаго просвѣщенія. Въ свою очередь и сами уѣздныя отдѣленія общества стали въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ заботиться о распространеніи просвѣщенія въ народѣ, и такимъ образомъ кое-гдѣ эти общества сыграли болѣе или менѣе просвѣтительную роль въ глухой провинціи [1]). Но руководительство библейскими обществами послужило кн. Голицыну ступенью для передачи ему въ завѣдываніе и всего дѣла народнаго просвѣщенія въ Россіи, при чемъ вскорѣ задачи просвѣщенія были формально соединены съ задачами духовнаго вѣдомства. Это уже было событіе опредѣленно реакціоннаго значенія и при томъ весьма важное по своимъ отрицательнымъ результатамъ.

Въ 1816 г. министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій, давно просившійся въ отставку, былъ уволенъ, и на его мѣсто былъ назначенъ кн. А. Н. Голицынъ, а черезъ годъ министерство народнаго просвѣщенія было преобразовано по проекту князя въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и это соединенное вѣдомство задалось опредѣленной цѣлью внести въ дѣло просвѣщенія религіозныя

---

[1]) Сравн. воспоминанія *А. В. Никитенка* объ острогожскомъ библейскомъ обществѣ въ десятыхъ гг. XIX в. („Записки и дневникъ А. В. Никитенка", т. I, стр. 113 и сл., изд. 2-ое).

задачи [1]). Голицынъ окружилъ себя подходящимъ личнымъ составомъ „главнаго правленія училищъ“, при которомъ открытъ былъ еще „ученый комитетъ“, а въ него попали лица, вродѣ извѣстнаго Стурдзы, издавшаго за границей памфлетъ противъ германскихъ университетовъ, послужившій тамъ въ 1818 году сигналомъ гоненія на нихъ. Рядомъ съ Стурдзою введены были ханжи и изувѣры, вродѣ Магницкаго и Рунича, которые сдѣлались попечителями учебныхъ округовъ и произвели полный погромъ только что пущеннаго въ ходъ при помощи иностранныхъ профессоровъ дѣла просвѣщенія. Вскорѣ развитію обскурантнаго направленія стала способствовать и реакція въ Германіи,— послѣ убійства писателя Коцебу студентомъ Зандомъ, которое при содѣйствіи Меттерниха произвело немалое впечатлѣніе на Александра. Впрочемъ надо сказать, что подвиги Магницкаго въ Казани опередили мѣры германскихъ реакціонеровъ [2]).

Магницкій ранѣе былъ однимъ изъ сотрудниковъ Сперанскаго въ комиссіи составленія законовъ и въ государственной канце-

---

[1]) Въ манифестѣ 24 октября 1817 г. объ учрежденіи новаго министерства было сказано:

„Желая, дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признали Мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія подъ названіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. (*М. И. Сухомлиновъ*. „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“, т. I, стр. 193.).

[2]) Въ сущности, первыя попытки со стороны реакціонеровъ въ Россіи повернуть дѣла въ министерствѣ народнаго просвѣщенія въ сторону реакціи и обскурантизма относятся еще ко времени министерства гр. А. К. Разумовскаго. Извѣстный реакціонеръ и католическій клерикалъ гр. Жозефъ де-Местръ (б. сардинскій посланникъ, жившій тогда въ Петербургѣ какъ частное лицо) дѣлалъ въ 1810—11 гг. большія усилія повліять въ этомъ направленіи и на Разумовскаго, и на Голицына (тогда еще оберъ-прокурора синода). Въ духѣ реакціи, хотя менѣе умно и менѣе смѣло, дѣйствовалъ тогда и московскій попечитель П. И. Голенищевъ-Кутузовъ (1810—1813). Въ этомъ отношеніи значительный интересъ представляютъ документы, напечатанные во II томѣ монографіи *г. Васильчикова* „Семейство Разумовскихъ“. См. въ особенности письма де-Местра и Кутузова къ Разумовскому (стр. 248—443), записку В. Н. Каразина о состояніи Харьковскаго университета (стр. 530—532) и записку Голицына отъ I/XI 1811 о преобразованіи іезуитской коллегіи въ академію (стр. 532—534).

ляріи и вмѣстѣ со Сперанскимъ поплатился въ качествѣ опаснаго человѣка въ 1812 г., но когда онъ былъ затѣмъ вмѣстѣ же со Сперанскимъ возвращенъ изъ ссылки въ 1816 г. и назначенъ губернаторомъ въ Симбирскъ, то тамъ онъ оказался вскорѣ уже совершеннымъ реакціонеромъ, мистикомъ и ханжой. Въ 1819 году, уже въ званіи члена главнаго правленія училищъ, онъ былъ назначенъ ревизоромъ, а затѣмъ и попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Изъ числа 20 съ чѣмъ-то казанскихъ профессоровъ 11 были по его требованію уволены, и затѣмъ онъ спѣшилъ ввести полное преобразованіе всего быта казанскаго университета, вмѣшиваясь въ программы каждаго курса, и заявляя совершенно невозможныя требованія. Напр., курсъ политической экономіи долженъ былъ строиться на основаніи истинъ священнаго писанія; студенты превращены были въ какихъ-то не то кантонистовъ, не то послушниковъ: ихъ заставляли маршировать, читать и пѣть хоромъ молитвы, провинившихся сажали въ карцеръ и надѣвали на нихъ дощечки съ надписью: „грѣшникъ", послѣ чего они должны были приносить покаяніе. Таково было положеніе университета въ Казани; но и въ остальной Россіи появилась рѣзкая реакція въ учебномъ вѣдомствѣ и особенно яркое выраженіе она получила въ ученомъ комитетѣ, который по инструкціи, выработанной Стурдзой, долженъ былъ начать работу съ пересмотра всѣхъ курсовъ и учебныхъ пособій, а затѣмъ признано было необходимымъ перейти къ ревизіи и личнаго состава училищнаго персонала. Книги, которыя подвергались осужденію, были вродѣ „Естественнаго права" проф. Куницына, „Логики" Лодія, и даже „Всеобщая мораль или книга о должностяхъ человѣка", появившаяся еще въ 1783 г. и выдержавшая 11 изданій, приписывавшаяся самой Екатеринѣ, была признана вредной и изъята изъ обращенія. Впослѣдствіи даже Шишковъ, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, счелъ необходимымъ хлопотать о реабилитаціи этой книги. Даже нѣкоторыя мѣста изъ учебника исторіи Кайданова, изобильно наполненнаго славословіями, были подвергнуты сомнѣнію.

Послѣ казанскаго университета первая очередь оказалась за харьковскимъ. Тамъ погромъ былъ произведенъ по тому же типу попечителемъ Карнѣевымъ, но въ меньшихъ размѣрахъ: удаленъ былъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ профессоровъ того

времени математикъ Осиповскій и высланъ за-границу, какъ уже упоминалось, профессоръ Шадъ. Послѣдній былъ устраненъ, какъ послѣдователь опасной философской доктрины—онъ былъ шеллингіанецъ—и за свое враждебное отношеніе къ рабству.

Эта реакція однако не сразу охватила всѣ учебные округа и, напримѣръ, петербургскій округъ представлялъ исключеніе. Его попечитель, человѣкъ тогда еще довольно либеральный и во всякомъ случаѣ весьма просвѣщенный—С. С. Уваровъ—пытался оказывать оппозицію общему направленію и даже провелъ еще въ 1819 г. преобразованіе главнаго педагогическаго института въ университетъ. То обстоятельство, что Уваровъ, поклонникъ Карамзина, впослѣдствіи въ бытность свою министромъ проводившій его взгляды, явился главнымъ представителемъ оппозиціи въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, показываетъ, до чего глубока была реакція, на путь которой это министерство вступило. Впрочемъ, вскорѣ Уваровъ долженъ былъ удалиться и уступить свое мѣсто бѣшенному обскуранту Руничу, который тоже былъ членомъ ученаго комитета и въ Петербургѣ началъ проводить то же, что Магницкій въ Казани. Въ 1821 году здѣсь были подвергнуты преслѣдованію профессора: Раупахъ, Германъ, Арсеньевъ и Галичъ. Первый и второй были образованными иностранцами, и ихъ предлагали поэтому выслать за границу подобно Шаду. Послѣдніе два были русскими: Арсеньевъ—ученый историкъ и статистикъ, а Галичъ—выдающійся философъ. Дѣло преслѣдованія петербургскихъ профессоровъ, почти невѣроятное по своей нелѣпости, затянулось однако на нѣсколько лѣтъ, и уже императоръ Николай въ 1827 г. приказалъ его прекратить и преслѣдуемыхъ профессоровъ возстановить въ ихъ правахъ.

Среди журналовъ, издававшихся послѣ наполеоновскихъ войнъ, самая видная роль принадлежала „Духу Журналовъ“ Яценкова; сильное распространеніе имѣлъ также „Сынъ Отечества“ Греча, вытѣснившій „Русскій Вѣстникъ“ Глинки. „Духъ Журналовъ“ былъ органомъ умѣренно-либеральнаго направленія. „Сынъ Отечества“ былъ органомъ по преимуществу „патріотическаго“ направленія, но у него не было ни честности и независимости, ни первобытной наивности, которыми отличался С. Н. Глинка.

Яценковъ, который былъ самъ цензоромъ, умѣло проводилъ

свой журналъ черезъ цензуру. Это было еженедѣльное изданіе, выходившее тетрадями до 50 страницъ, по особой программѣ съ 8 „статьями“ (т.-е. отдѣлами): историческимъ и политическимъ, государственнаго хозяйства и литературы и др., что давало ему характеръ настоящаго общественно-политическаго обозрѣнія. Особый отдѣлъ составляли „мысли и сужденія императрицы Екатерины“. Отдѣлъ этотъ былъ заведенъ какъ уловка, при помощи которой можно было обходить тогдашнюю немудрую цензуру: лишь подъ этой рубрикой было возможно наводить косвенную иносказательную критику на современныя мѣропріятія правительства. „Духъ Журналовъ“ по своей программѣ былъ тѣмъ, чѣмъ являются теперь заграничные „Revues des revues“, онъ долженъ былъ представлять все замѣчательное, что находилъ во всѣхъ журналахъ, и самъ онъ сравнивалъ себя съ пчелой, собирающей медъ, но, какъ справедливо замѣчаетъ Пятковскій, „ароматные соки, извлеченные имъ изъ тысячи цвѣтовъ, обладали такимъ сильнымъ букетомъ, что сразу поразили обоняніе цензурныхъ властей“.

Въ 1815 г. издатель „Духа Журналовъ“, въ виду громаднаго интереса, представлявшагося политическими событіями, призналъ за лучшее почти отбросить другія „статьи“, т.-е. отдѣлы, журнала, а „статью политическую“ сдѣлать сколь возможно полною, при чемъ онъ поставилъ себѣ задачу давать въ журналѣ всѣ офиціальные акты, въ томъ числѣ и конституціи, вводимыя въ сосѣднихъ государствахъ, и передавать ихъ со всею точностью въ переводѣ. Цензура нападала на него не столько за это—такъ какъ онъ умѣлъ конституціи представить не какъ продуктъ революцій, а какъ даръ свыше,—сколько за его, хотя бы и косвенныя, порицанія разныхъ отечественныхъ порядковъ, въ особенности въ области финансоваго хозяйства и управленія страной, а затѣмъ за свободолюбивые взгляды на крѣпостное право,—это былъ такой вопросъ, котораго тогдашняя цензура почти не переносила.

Формально продолжалъ въ то время сохранять силу цензурный уставъ 1804 года, но уже съ 1807 года, параллельно съ офиціальной цензурой министерства народнаго просвѣщенія, стала развиваться особая цензура тайной полиціи. Въ число обязанностей секретнаго комитета, который былъ учрежденъ еще въ 1807 г., уже входилъ и пересмотръ вышедшихъ въ

свѣтъ газетъ и журналовъ, а съ учрежденіемъ особаго министерства полиціи ему дано было право просмотра обращающихся въ публикѣ изданій, уже разрѣшенныхъ цензурой, причемъ министерство полиціи могло прямо конфисковать такія изданія, несмотря на разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія. Это право министерства полиціи развивалось и крѣпло, такъ что въ 1815 г. цензура уже не разрѣшала новыхъ журналовъ, не снесясь предварительно съ министерствомъ полиціи. Разумовскій, министръ народнаго просвѣщенія, смѣнившій въ 1810 г. Завадовскаго, самъ выражалъ взгляды, аналогичные взглядамъ министерства полиціи, и указывалъ, что не допустима никакая критика лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, а управляющій министерствомъ полиціи Вязмитиновъ требовалъ на этомъ основаніи, чтобы запрещено было критиковать даже актеровъ императорскихъ театровъ. Впрочемъ, надо сказать, что при Разумовскомъ все-таки цензура продолжала имѣть характеръ запретительный, отрицательный, когда же министромъ просвѣщенія сдѣлался Голицынъ, то она стала проявлять положительныя стремленія проводить черезъ журналы и книги опредѣленный реакціонный и обскурантный духъ.

Какъ ни мрачна была картина положенія просвѣщенія и печати въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за прекращеніемъ наполеоновскихъ войнъ, все же въ 1816—20 гг. еще можно было довольно опредѣленно отличить стремленія и дѣйствія обскурантовъ, торжествовавшихъ въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ, отъ настроенія самого Александра, который, несмотря на растущее увлеченіе свое мистицизмомъ, все-таки оставался по отношенію къ вопросамъ политическимъ умѣреннымъ либераломъ.

Съ особенной яркостью это его настроеніе выразилось въ тронной рѣчи при открытіи въ 1818 г. перваго польскаго сейма, собраннаго впервые на основаніи конституціи 1815 г. Александръ приглашалъ въ этой рѣчи представителей царства польскаго доказать „взирающей на нихъ Европѣ“ и всѣмъ современникамъ, что „свободныя учрежденія, коихъ священныя начала покушаются смѣшивать съ разрушительными ученіями, враждебными общественному устройству, — не мечта опасная; что напротивъ, такія учрежденія, приведенныя въ исполненіе

съ чистымъ сердцемъ, къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, совершенно согласуются съ общественнымъ порядкомъ и утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ". „Вамъ предлежитъ,—сказалъ онъ,—доказать на опытѣ эту великую истину. Да будетъ согласіе душою вашихъ собраній, а достоинство, хладнокровіе и умѣренность да ознаменуютъ ваши пренія. Руководясь единственно любовью къ отечеству, старайтесь освободить свои мнѣнія отъ вліянія частныхъ выгодъ и, выражая ихъ просто съ прямодушіемъ, не допускайте увлечь себя заманчивой прелести, столь часто сопровождающей даръ слова. Наконецъ, да будетъ съ вами неразлучно чувство братской любви, намъ всѣмъ заповѣданное божественнымъ законодавцемъ...

„Дѣйствуя такъ, ваше собраніе пріобрѣтетъ одобреніе своего отечества и тѣ чувства общаго уваженія, которыя внушаетъ подобное сословіе (учрежденіе), когда представители свободнаго народа не искажаютъ священнаго знанія, на нихъ возложеннаго..."

Въ самомъ началѣ той же рѣчи Александръ сказалъ: „устройство, уже существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволило мнѣ ввести немедленно то, которое я даровалъ вамъ, руководясь правилами свободныхъ учрежденій, *не перестававшихъ быть предметомъ моихъ заботъ, и которыхъ благодѣтельное вліяніе надѣюсь я, съ помощью Божьей, распространить на всѣ страны, попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что уже издавна я ему готовлю, и чѣмъ оно воспользуется, какъ только начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости...*"

Занятія этого сейма продолжались, какъ и слѣдовало по конституціи, ровно мѣсяцъ. Александръ, вопреки конституціи, отложилъ на этотъ разъ лишь представленіе бюджета, надѣясь на довѣріе народа, по той причинѣ, какъ онъ сказалъ, что нельзя было ввести новую финансовую систему, не зная опредѣлительно цифру государственнаго долга, коего выясненіе тогда еще не было окончено.

Палата не оспаривала этой отсрочки. Точно также уголовное уложеніе, проектъ котораго былъ внесенъ въ сеймъ правительствомъ, было принято почти безъ преній; но палата отвергла огромнымъ большинствомъ законопроектъ о бракѣ и о

разводѣ, такъ какъ онъ противорѣчилъ установившемуся праву страны. По этому поводу Александръ сказалъ въ рѣчи, произнесенной при закрытіи сейма: „Изъ предложенныхъ вамъ проектовъ законовъ только одинъ не одобренъ большинствомъ голосовъ обѣихъ палатъ. Внутреннее убѣжденіе и прямодушіе руководили симъ рѣшеніемъ. Мнѣ оно пріятно, потому что вижу въ немъ независимость вашихъ мнѣній. Свободно избранные должны и разсуждать свободно. Черезъ ваше посредство надѣюсь слышать искреннее и полное выраженіе общественнаго мнѣнія, и только собраніе, подобное вашему, можетъ служить правительству залогомъ, что издаваемые законы согласны съ существенными потребностями народа“.

Такимъ образомъ сеймъ весь проведенъ былъ Александромъ, какъ настоящимъ конституціоннымъ государемъ, съ полной корректностью и, какъ видно, при довольно сочувственномъ и довѣрчивомъ отношеніи къ правительству самихъ членовъ сейма.

Варшавскія рѣчи, напечатанныя и комментированныя въ русскихъ журналахъ,—при чемъ цензура не могла уже ихъ запретить, такъ какъ это были рѣчи самого императора,—произвели на русскую читающую публику огромнѣйшее впечатлѣніе. Карамзинъ, который относился къ нимъ отрицательно, писалъ по этому поводу Дмитріеву: „Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ. Спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ, начинаютъ и писать — въ „Сынѣ Отечества“, въ рѣчи Уварова. Иное уже вышло, другое готовится...“ „Сынъ Отечества“ былъ органъ Греча, какъ я уже сказалъ, безъ опредѣленныхъ, стойкихъ убѣжденій, соотвѣтствовавшій позднѣйшимъ газетамъ, которыя Щедринъ охарактеризовалъ терминомъ „чего изволите?“ Уваровъ былъ тогда попечителемъ петербургскаго учебнаго округа и въ своей рѣчи, произнесенной по поводу преобразованія главнаго педагогическаго института, назвалъ политическую свободу „послѣднимъ и прекраснымъ даромъ бога“ и заявилъ при этомъ, что опасности и бури, сопровождающія эту свободу, не должны устрашать людей: великій даръ природы „сопряженъ съ большими жертвами и съ большими утратами, онъ пріобрѣтается медленно и сохраняется лишь неусыпною твердостью“. Какъ вы видите, Уваровъ понималъ лучше Александра неизбѣжность

связи политическихъ волненій съ политической свободой. Въ другой разъ онъ остроумно замѣтилъ о тѣхъ людяхъ, которые надѣялись дать просвѣщеніе и въ то же время „обезвредить“ его, что „они желаютъ огня, который не жегся бы“, что, очевидно, немыслимо... Что Александръ искренно подумывалъ о распространеніи конституціоннаго устройства и на другія части Россійской имперіи видно изъ сохранившагося плана, составленнаго въ 1818 г. Новосильцевымъ при участіи Дюшена и сохранявшагося до поры, до времени въ глубокой тайнѣ, а затѣмъ опубликованнаго въ 1831 г. поляками въ числѣ другихъ секретныхъ бумагъ, найденныхъ въ Бельведерскомъ дворцѣ послѣ бѣгства оттуда в. кн. Константина Павловича [1]).

Таково было сложное направленіе внутренней политики Александра въ этотъ пятый, предпослѣдній, періодъ его царствованія, когда въ обществѣ, подъ вліяніемъ великихъ пережитыхъ событій, быстро созрѣвало самостоятельное и глубокое стремленіе къ коренному преобразованію всего общественнаго и политическаго строя страны, столь возмутительнаго и несноснаго для лицъ, не только успѣвшихъ впитать въ себя принципы политическихъ доктринъ вѣка, проникшихъ въ русскую литературу съ начала царствованія, но и видѣвшихъ своими глазами зарождавшееся тогда возрожденіе Германіи и болѣе зрѣлое и сообразное съ нуждами и правами народа гражданское устройство культурныхъ странъ западной Европы. Эти стремленія нашли себѣ выраженіе въ тайныхъ обществахъ, возникшихъ съ 1816 г., — тайныхъ потому, что рядомъ съ гласными выраженіями либерализма самого Александра существовало и министерство полиціи, не допускавшее никакой критики внутреннихъ отношеній, почему этимъ обществамъ и приходилось—до поры до времени—хранить тайну. Однако дѣйствіе варшавскихъ рѣчей Александра было таково, что многіе учредители тайныхъ обществъ мечтали, что черезъ нѣкоторое время эти общества могутъ быть объявлены явными открытыми организаціями.

---

[1]) Срав. въ трудѣ вел. кн. Николая Михайловича „Александръ I“, т. I, стр. 225—226.

ЛЕКЦІЯ XII.

Возникновеніе тайныхъ обществъ послѣ наполеоновскихъ войнъ.—„Союзъ спасенія".—Уставъ его.—Пестель и Мих. Муравьевъ.—Оппозиція Михайлы Муравьева и преобразованіе „союза спасенія" въ „союзъ благоденствія".—Его уставъ; его организація и дѣятельность его членовъ по четыремъ „отраслямъ".—Политическіе вопросы среди членовъ союза.—Взрывъ негодованія противъ Александра въ 1817 г.—Вопросъ о республикѣ въ 1820 г.—Вліяніе „семеновской исторіи", второго польскаго сейма и неаполитанской революціи на настроеніе Александра.—Закрытіе „союза благоденствія".—„Южное общество".—Дѣятельность въ немъ Пестеля и другихъ его членовъ.—Васильковская управа.—Общество „соединенныхъ славянъ". — „Сѣверное общество".—„Конституція" Никиты Муравьева и „Русская правда" Пестеля.

Стремленіе къ общественной дѣятельности, которое обнаружилось у многихъ молодыхъ офицеровъ по возвращеніи ихъ въ Россію въ 1813—14 гг., не замедлило тотчасъ же проявиться въ разнообразныхъ формахъ, вродѣ, напр., офицерской „артели", бывшей своеобразнымъ клубомъ въ семеновскомъ полку, затѣмъ въ цѣломъ рядѣ масонскихъ ложъ, которыя размножались въ Россіи, просвѣтительныхъ и литературныхъ кружковъ, вродѣ „Арзамаса", „зеленой лампы", и т. п., значеніе которыхъ въ исторіи русской литературы общеизвѣстно; затѣмъ въ видѣ кружковъ для саморазвитія и чтенія среди молодыхъ офицеровъ, въ которыхъ иногда принимали участіе и посторонніе лица. Когда создались эти элементы движенія, явились и инціаторы первыхъ политическихъ организацій. Въ Петербургѣ возникли одновременно два предпріятія такого рода [1]). Съ одной сторо-

---

[1]) Матеріаломъ для составленія этой лекціи кромѣ „донесенія слѣдственной комиссіи" по дѣлу декабристовъ и мемуаровъ Якушкина, Волконскаго, Свистунова, Розена, Фонъ-Визина, Николая Тургенева („La Russie et les Russes") и др., послужили изданныя въ послѣднее время книги: *В. И. Семевскаго* „Политическія и общественныя идеи декабристовъ", Спб. 1909.

ны, молодымъ, 24-хъ лѣтнимъ, полковникомъ Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ, человѣкомъ весьма склоннымъ къ мечтательности и къ мистицизму (онъ былъ масономъ и имѣлъ высокую степень въ одномъ французскомъ орденѣ), было положено основаніе такому обществу среди, главнымъ образомъ, офицеровъ семеновскаго полка; съ другой стороны, молодымъ блестящимъ генераломъ, исполнявшимъ значительныя дипломатическія порученія въ войну 1814 года,—Михаиломъ Федоровичемъ Орловымъ была сдѣлана попытка привлечь къ образованію особаго политическаго общества, съ масонскими формами графа Мамонова, представителя стараго екатерининскаго масонства, которое преслѣдовало при Новиковѣ и Шварцѣ общественныя цѣли, и Николая Тургенева, который взялъ на себя миссію переговорить объ этомъ съ нѣкоторыми лицами,—въ томъ числѣ съ гвардейскими генералами Бенкендорфомъ и Васильчиковымъ. Въ провинціи въ глухихъ городкахъ среди стоявшихъ тамъ армейскихъ пѣхотныхъ и артиллерійскихъ частей происходило аналогичное движеніе. Такъ, въ провинціи былъ образованъ юнкеромъ Борисовымъ кружокъ „общества друзей природы“, въ который вошли, главнымъ образомъ, молодые люди, большею частью юнкера и субалтернъ-офицеры. Это была очень скромная организація, но впослѣдствіи изъ нея развилось „общество со-

---

Н. П. Павлова-Сильванскаго „Пестель передъ верхов. уголов. судомъ“, Спб. 1906; *его же* „Матеріалисты двадцатыхъ годовъ“ въ „Быломъ“ за 1906 г., № 7; *П. И. Пестеля* „Русская Правда“. Изд. Щеголева, Спб. 1906; *Довнаръ-Запольскаго* „Тайное общество декабристовъ“, М. 1906 г., *его же* „Мемуары декабристовъ“, Кіевъ, 1906 г.; *его же* „Идеалы декабристовъ“, М. 1907 г.; *А. К. Бороздина* „Критика соврем. состоянія Россіи и планы будущ. устройства. Изъ писемъ и показаній декабристовъ“, Спб. 1906; *мои работы*: „Семейство Бакуниныхъ“ въ „Русск. Мыс.“ за 1909 г., кн. V (въ отд. изданіи 1915 г. „Молодые годы Михаила Бакунина“), и „Н. И. Тургеневъ и союзъ благоденствія“ въ „Очеркахъ по ист. обществ. движ. и крест. дѣла въ Россіи“, Спб. 1905; *Н. К. Шильдера* „Имп. Александра I“, т. IV. Спб. 1904; *его же* „Импер. Николай I“, т. I, Спб. 1903; Сборникъ ст. *В. И. Семевскаго*, *В. Я. Богучарскаго* и *П. Е. Щеголева*: „Обществ. движенія въ Россіи въ первую половину XIX в.“ т. I, Спб. 1904. Изъ старыхъ книгъ не утратили своего значенія: *А. Н. Пыпина* „Общ. движеніе при Александрѣ I-мъ“; *Кропотова* „Жизнь гр. М. Н. Муравьева“, Спб. 1874; *А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго* „Гр. Киселевъ и его время“, Спб. 1882; *М. И. Богдановича* „Исторія царствованія имп. Александра I“, т. V и VI, Спб. 1871.

единенныхъ славянъ", присоединившееся потомъ къ „южному обществу", — самой значительной тайной организаціи 20-хъ годовъ.

Попытка Орлова не имѣла успѣха и не получила развитія, „общество друзей природы" не имѣло вначалѣ большого значенія, но предпріятію Муравьева пришлось сыграть крупную историческую роль.

Вотъ его исторія въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ 1816 г. поручикъ И. Д. Якушкинъ былъ въ гостяхъ у своихъ товарищей по семеновскому полку братьевъ Муравьевыхъ-Апостоловъ: Сергѣя и Матвѣя,—дѣтей извѣстнаго въ то время писателя и дипломата Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола. Они вели между собою разговоръ на обычныя, интересовавшія ихъ темы, и въ это время явились туда полковникъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ и его троюродный братъ Никита Михайловичъ Муравьевъ (сынъ Михаила Никитича, бывшаго когда-то однимъ изъ учителей Александра и умершаго въ 1807 г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія) и предложили присутствующимъ принять участіе въ тайномъ политическомъ обществѣ, образованіемъ котораго они были заняты. Безъ долгихъ разсужденій, безъ точнаго опредѣленія цѣли этого предпріятія всѣ присутствовашіе согласились на принятіе участія въ проектируемой организаціи. Общество образовалось и стало расти, но, въ сущности говоря, опредѣленной политической цѣли оно не имѣло; нѣкоторые его члены даже считали, что главная его цѣль заключается въ противодѣйствіи наплыву и успѣху иностранцевъ на русской службѣ—чѣмъ многіе въ то время были недовольны,—но, конечно, по идеѣ основателей, цѣль общества была политическая—улучшеніе государственнаго и общественнаго строя. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи это общество существовало нѣсколько времени, пока въ него не вошелъ Павелъ Ивановичъ Пестель, молодой, умный и энергичный адъютантъ кн. Витгенштейна, давшій этому обществу сразу опредѣленную цѣль и организацію. Цѣль получила опредѣленный политическій характеръ и заключалась въ достиженіи конституціонной формы правленія въ Россіи, а организацію общества Пестель заимствовалъ у тогдашнихъ итальянскихъ тайныхъ обществъ т. н. „карбонаріевъ". Собственно, уставъ этого перваго общества, написанный Пестелемъ, до насъ

не дошелъ, такъ какъ онъ былъ вскорѣ же замѣненъ другимъ и затѣмъ уничтоженъ, но формы, заимствованныя Пестелемъ у карбонаріевъ, перенесены были имъ въ возникшее позже „южное общество", о которомъ, какъ видно будетъ дальше, сохранились болѣе подробныя свѣдѣнія. Общество, основанное Муравьевымъ и организованное Пестелемъ, въ 1817 г. названо было „союзомъ спасенія или вѣрныхъ и истинныхъ сыновъ отечества". Вообще тогда было извѣстно въ Европѣ два главныхъ типа тайныхъ обществъ: одинъ типъ, болѣе мирной культурной организаціи, въ родѣ нѣмецкаго *тугендбунда* (союзъ добродѣтели), который имѣлъ цѣлью культурное и политическое возрожденіе Германіи и дѣйствовалъ съ одобренія правительства, будучи направленъ главнымъ образомъ противъ внѣшняго врага, поработителя Германіи—Наполеона. Съ другой стороны, на югѣ Европы дѣйствовали общества *карбонаріевъ*, или, какъ они назывались тогда въ Греціи, *гетеріи*. Они представляли собою типъ прямыхъ заговорщицкихъ организацій. Выбирая изъ этихъ двухъ типовъ, Пестель остановился на типѣ карбонаріевъ, который болѣе соотвѣтствовалъ его личному характеру и принципамъ. Надо сказать, что большая часть основателей „союза спасенія" были либерально настроенные люди, искавшіе лучшихъ формъ политической и общественной жизни, но отчасти они были мистики и мечтатели,—какъ Александръ Муравьевъ и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ—отчасти отвлеченные теоретики и доктринеры,—какъ Никита Муравьевъ,—при чемъ многимъ изъ нихъ не было еще и полныхъ 20 лѣтъ. Пестель, хотя тоже былъ очень молодъ (ему было въ то время около 24 лѣтъ), былъ однако же человѣкъ со сложившимися уже взглядами и довольно опредѣленными убѣжденіями, человѣкъ въ высшей степени умный, выходящій по уму и силѣ характера изъ общаго уровня. Его высоко цѣнили не только товарищи, члены тайнаго общества и его молодые пріятели, но и его начальники, и вообще всѣ, кто его зналъ. Такую именно аттестацію давалъ о немъ его главный начальникъ, главнокомандующій южной арміи кн. Витгенштейнъ, который прямо говорилъ, что Пестеля можно было хоть завтра смѣло сдѣлать и министромъ, и командующимъ арміей, и что онъ ни на какомъ посту не уронилъ бы себя. Точно такого же мнѣнія о Пестелѣ былъ умный и талантливый генералъ Киселевъ, въ то время началь-

никъ штаба южной арміи. Еще съ бо́льшимъ, конечно, энтузіазмомъ отзывались о немъ его близкіе товарищи: князь Волконскій (въ своихъ запискахъ), Якушкинъ, который съ нимъ во многомъ не соглашался, но очень его уважалъ, и другіе декабристы, оставившіе записки или дававшіе о Пестелѣ показанія на слѣдствіи.

Однимъ словомъ, Пестель, несомнѣнно, былъ самой замѣчательной личностью по своему характеру, знаніямъ и уму среди членовъ тогдашнихъ тайныхъ обществъ. Онъ обладалъ не только огромнымъ умомъ—умомъ творческимъ,—но и соотвѣтственнымъ темпераментомъ; это былъ человѣкъ желѣзной воли и колоссальнаго честолюбія, которое, повидимому, въ значительной мѣрѣ являлось въ немъ движущей пружиной на ряду съ искренними и сильными стремленіями къ общему благу.

Конечно, когда такой человѣкъ явился среди членовъ тайнаго общества и сдѣлалъ опредѣленныя предложенія, которымъ, въ сущности, вначалѣ не было противопоставлено никакихъ другихъ, то предложенія его, хотя, можетъ быть и поразили его товарищей своею рѣзкостью,—были приняты очень скоро, и карбонарскій уставъ былъ утвержденъ. Характерной чертой этого устава являлись ужасныя клятвы, которыя давались при вступленіи въ это общество, хотя, впрочемъ, такія клятвы практиковались и во многихъ масонскихъ ложахъ, не имѣвшихъ никакихъ политическихъ задачъ. Болѣе важное значеніе имѣло распредѣленіе членовъ общества по различнымъ неравноправнымъ разрядамъ. Во главѣ общества должны были стоять „бояре"—руководители, которые остальнымъ членамъ (въ принципѣ) не были даже извѣстны. Самый уставъ общества могъ быть извѣстенъ только „боярамъ" и слѣдующему за ними разряду членовъ, которые назывались „мужами"; членамъ третьей категоріи, „братьямъ", т.-е. рядовымъ членамъ, не былъ даже извѣстенъ уставъ, они обязаны были лишь слѣпо повиноваться тайному правительству этого тайнаго общества. Наконецъ, былъ еще четвертый разрядъ, уже не членовъ, а лишь сочувствующихъ,—такъ называемые „друзья", которые вносились въ списки, какъ подходящій матеріалъ, изъ котораго могли рекрутироваться дѣйствительные члены, но сами могли даже и не знать о своемъ внесеніи въ эти списки и о своей прикосновенности къ тайному обществу. Такого рода организація со-

вершенно соотвѣтствовала якобинскимъ взглядамъ Пестеля, которые онъ себѣ выработалъ въ качествѣ поклонника эпохи конвента и революціоннаго правительства Франціи 1793 г.

Давши обществу этотъ уставъ, Пестель однако самъ долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга къ мѣсту своей службы—сперва въ остзейскій край, гдѣ Витгенштейнъ командовалъ корпусомъ, а въ 1818 г., съ назначеніемъ Витгенштейна главнокомандующимъ южной арміи, на дальній югъ, въ пограничное съ Молдавіей мѣстечко Тульчинъ, гдѣ была главная квартира южной арміи. Среди оставшихся членовъ общества вскорѣ началось броженіе, особенно послѣ принятія въ его составъ Михаила Николаевича Муравьева, который, въ противоположность другимъ членамъ общества, подобно Пестелю, обладалъ сильной волей, но не раздѣлялъ его взглядовъ и, въ особенности, былъ сознательнымъ противникомъ тѣхъ якобинскихъ формъ, которыя положены были Пестелемъ въ основу организаціи. Михаилъ Муравьевъ хотя и уступалъ по уму Пестелю, но въ его отсутствіе явился наиболѣе сильнымъ и при томъ съ самостоятельно выработаннымъ взглядомъ. Свое несогласіе съ Пестелемъ онъ выражалъ прямо и рѣзко. Когда ему при вступленіи въ общество было предложено принести присягу по всѣмъ ритуаламъ устава, онъ отъ нея категорически отказался; прочитавъ же уставъ, заявилъ, что этотъ уставъ годенъ развѣ для разбойниковъ муромскихъ лѣсовъ, но не для культурнаго общества съ политическими цѣлями. Началось броженіе и переговоры. Какъ разъ въ это время по случаю закладки храма Христа Спасителя въ память отечественной войны значительная часть гвардіи была въ Москвѣ, и тамъ происходили собранія членовъ общества съ длительными дебатами по поводу разногласій, внесенныхъ Михаиломъ Муравьевымъ.

Хотя члены общества въ большинствѣ не были во многомъ согласны съ Пестелемъ, но они не соглашались и съ тѣмъ, что предлагалъ Мих. Муравьевъ, стремившійся устранить изъ устава общества прямыя политическія цѣли. Въ концѣ-концовъ Муравьевъ и его сторонники пригрозили даже выходомъ изъ общества. Тогда, не желая терять ихъ, имъ предоставили составить новый проектъ устава. Они взяли за образецъ уставъ „тугендбунда“. Уставъ этотъ былъ напечатанъ въ одной нѣмецкой газетѣ (Freimüthige Blätter), экземпляръ которой былъ

привезенъ въ Россію, и Муравьевъ съ единомышленниками перевели его на русскій языкъ. Приспособленный къ русской дѣйствительности и соотвѣтственно измѣненный, этотъ нѣмецкій уставъ и легъ въ основаніе новаго устава тайнаго общества. Послѣ большихъ дебатовъ онъ былъ принятъ, и общество было переименовано изъ „союза спасенія“ въ „союзъ благоденствія“ (1818).

Первые параграфы новаго устава гласили:

1. „Убѣдясь, что добрая нравственность есть твердый оплотъ благоденствія и доблести народной и что при всѣхъ объ ономъ заботахъ правительства, едва ли достигнетъ оное своей цѣли, ежели управляемые со своей стороны ему въ сихъ благотворныхъ намѣреніяхъ содѣйствовать не станутъ, „Союзъ Благоденствія“ въ святую себѣ вмѣняетъ обязанность распространеніемъ между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она своимъ Творцомъ предназначена“.

2. „Имѣя цѣлью благо отечества, союзъ не скрываетъ оной отъ благомыслящихъ гражданъ, но для избѣжанія злобы и зависти дѣйствія онаго должны производиться втайнѣ“.

3. „Союзъ, стараясь во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ соблюдать въ полной строгости правила справедливости и добродѣтели, отнюдь не обнаруживаетъ тѣхъ ранъ, къ излѣченію коихъ немедленно приступить не можетъ, ибо не тщеславіе или иное какое побужденіе, но стремленіе къ общему благоденствію имъ руководитъ“.

4. „Союзъ надѣется на доброжелательство правительства, основываясь въ особенности на слѣдующихъ изрѣченіяхъ наказа въ Бозѣ почивающей государыни-императрицы Екатерины Вторыя: „Если умъ ихъ (гражданъ) не довольно пріуготовленъ къ нимъ (къ новымъ законамъ), то возьмите за себя трудъ ихъ пріуготовить, и вы тѣмъ уже много сдѣлаете“—и въ другомъ мѣстѣ: „Весьма дурная политика та, которая исправляетъ законами то, что должно исправить нравами“ [1]).

---

[1]) Законоположеніе „Союза Благоденствія“ напечатано полностью въ книгѣ *А. Н. Пыпина* „Общественное движеніе при императорѣ Александрѣ I“, стр. 505 (2-ое изданіе).

Изъ этихъ параграфовъ устава видно, что „Союзъ Благоденствія“ по идеѣ своей являлся учрежденіемъ, даже съ точки зрѣнія правительства, вполнѣ благонамѣреннымъ, и не мудрено, что члены его дѣйствовали почти открыто, а правительство, хотя ему, несомнѣнно, было извѣстно о существованіи этой организаціи, никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ нея не принимало.

Впрочемъ, многіе думаютъ, что эти цѣли были выставлены только для вида и что была выработана еще вторая часть устава, уже чисто политическая. Но эта вторая часть устава, выработка которой была поручена Никитѣ Муравьеву, не была закончена; она обсуждалась отдѣльными вожаками, но не была принята въ качествѣ дѣйствующаго законодательства союза или хотя бы даже его центральнаго органа. Такъ какъ не предполагалось преслѣдовать никакихъ заговорщицкихъ цѣлей, то и союзъ былъ перестроенъ по типу культурно-просвѣтительнаго общества: члены общества группировались въ отдѣлы, которые назывались управами; дѣлами „коренной“ управы, находившейся въ Петербургѣ, завѣдывалъ выборный коренной совѣтъ. Уставъ общества—т. н. „Зеленая книга“—былъ извѣстенъ всѣмъ членамъ общества. Члены союза вели свою пропаганду довольно открыто.

Что касается дѣятельности „союза благоденствія“, то эта дѣятельность была сгруппирована въ слѣдующія 4 отрасли: первая отрасль была *филантропическая*, т.-е. сюда относилось воспособленіе человѣчеству въ его нуждахъ. Практически эта дѣятельность могла выражаться тогда особенно въ улучшеніи положенія крѣпостныхъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть членовъ (если не всѣ) были помѣщики. Впрочемъ, хотя по уставу „тугендбунда“ требовалось, чтобы его члены не имѣли рабовъ, уставъ „союза благоденствія“, составленный Михаиломъ Муравьевымъ, трактовалъ только о благожелательномъ отношеніи къ своимъ крестьянамъ. Въ отношеніи улучшенія положенія крѣпостныхъ крестьянъ главнымъ дѣятелемъ союза былъ Н. И. Тургеневъ.

Вторая отрасль была *просвѣтительная*, и въ этомъ отношеніи многіе члены дѣятельно работали, главнымъ образомъ въ войскахъ. Главнымъ работникомъ въ этомъ отношеніи былъ, несомнѣнно, генералъ М. Ф. Орловъ, тотъ самый, который мечталъ раньше объ учрежденіи масонскаго тайнаго политическаго общества. Онъ былъ начальникомъ дивизіи и способ-

ствовалъ широкому распространенію ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія и въ подчиненныхъ ему полкахъ, и среди населенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ его дивизія была расположена. Орловъ самъ жертвовалъ и собиралъ на дѣло просвѣщенія значительныя суммы. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ въ 1818 г., что ему удалось за годъ собрать 16.000 рублей. Н. И. Тургеневъ сообщаетъ, что Орловъ все свое жалованье жертвовалъ на просвѣтительныя цѣли.

Третья отрасль заботилась *объ улучшеніи правосудія* въ Россіи. Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи дѣятельность членовъ общества могла главнымъ образомъ выражаться въ разработкѣ проектовъ новаго суда. Этимъ занялся опять таки Тургеневъ, служившій тогда статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта. У многихъ членовъ общества была, однако, идея, что они должны въ цѣляхъ немедленнаго воздѣйствія на улучшеніе правосудія оставлять болѣе блестящую военную службу и итти на службу въ низшія судебныя мѣста, (напр., въ надворные суды). И нѣкоторые, дѣйствительно, шли. Такъ, напримѣръ, близкій другъ Пушкина лицеистъ И. И. Пущинъ принялъ должность надворнаго судьи въ Москвѣ. То же сдѣлалъ Рылѣевъ еще до вступленія своего въ общество.

Наконецъ, четвертая отрасль заключалась въ заботѣ объ улучшеніи хозяйственнаго и финансоваго положенія въ Россіи и называлась отраслью *экономической*. Здѣсь дѣло состояло главнымъ образомъ въ изданіи соотвѣтственныхъ сочиненій. Памятникомъ этого рода дѣятельности членовъ общества является замѣчательное по тому времени сочиненіе Н. И. Тургенева „Опытъ теоріи налоговъ“, которое было первымъ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ въ этой области въ Россіи. Въ томъ же смыслѣ важна была дѣятельность тѣхъ членовъ, которые принимали участіе въ публицистикѣ и журналистикѣ. Тургеневъ вмѣстѣ съ проф. Куницынымъ хотѣлъ тогда открыть даже новый журналъ, но ему этого не дозволили, несмотря на то, что онъ былъ статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта и управлялъ однимъ изъ департаментовъ министерства финансовъ [1]).

---

[1]) О Н. И. Тургеневѣ см. *мою* работу въ книгѣ моей „Очерки по исторіи обществ. движ. и крестьянскаго дѣла въ Россіи“, а также ст. *В. И. Семевскаго* въ энциклопедич. словарѣ Брокгауза и Эфрона и въ книгѣ его „Политич. и обществен. идеи декабристовъ“.

Несмотря на то, что число членовъ „союза благоденствія“ увеличивалось (въ 1819 г. оно дошло до 200 чел.), дѣятельность общества была довольно вялой и казалась большинству членовъ слишкомъ прѣсной, тѣмъ болѣе, что недовольство правительствомъ все болѣе обострялось и развивалось въ связи съ ростомъ правительственнаго гнета, обскурантизма и ненавистныхъ военныхъ поселеній. Чувствовалась потребность въ болѣе революціонной организаціи, и при такомъ настроеніи естественно, что среди молодыхъ членовъ общества росло неудовольствіе и неудовлетворенность своимъ кругомъ дѣятельности.

Правда, мирный характеръ этого общества не мѣшалъ нѣкоторымъ членамъ его обсуждать политическіе вопросы, но едва ли этимъ можно характеризовать значеніе и роль „союза благоденствія“: обсуждали эти вопросы лишь отдѣльные члены общества, главнымъ образомъ члены „коренной управы“. Такого рода обсужденія бывали и до основанія „союза благоденствія“, когда общество называлось еще „союзомъ спасенія“. Такъ, въ 1817 г. въ Москвѣ было получено письмо кн. С. П. Трубецкого, въ которомъ онъ писалъ о тревожныхъ слухахъ, довольно нелѣпыхъ и противорѣчивыхъ, сводившихся къ тому, что Александръ обвинялся въ желаніи покинуть Россію, переѣхать въ Варшаву, присоединить къ Польшѣ литовскія губерніи, оттуда управлять Россіей и оттуда же дать указъ объ освобожденіи крестьянъ въ пику будирующимъ дворянамъ. Конечно, не послѣдняя мѣра, такъ какъ большинство членовъ общества было расположено въ пользу освобожденія крестьянъ, но первые слухи до такой степени обострили ихъ настроеніе, что передъ ними всталъ даже вопросъ о цареубійствѣ, и Якушкинъ опредѣленно взялъ на себя убійство Александра, послѣ чего хотѣлъ и себя лишить жизни.

Правда, на слѣдующій день участники одумались и рѣшили оставить свой планъ, но на Якушкина этотъ эпизодъ произвелъ такое острое впечатлѣніе, что, подчинившись требованію оставить свои замыслы, онъ однако же въ раздраженіи вышелъ изъ общества и только спустя нѣкоторое время вступилъ вновь въ „союзъ благоденствія“.

Другое интересное собраніе—вообще собранія бывали, повидимому, нерѣдко, но они были обыкновенно довольно без-

цвѣтны—было въ 1820-мъ году, во время пріѣзда Пестеля въ Петербургъ, и происходило въ квартирѣ Ѳ. Н. Глинки, адъютанта генералъ-губернатора Петербурга графа Милорадовича. На этомъ собраніи былъ поднятъ вопросъ о томъ, что слѣдуетъ предпочесть: республику или конституціонную монархію? Пестель, тогда уже убѣжденный республиканецъ, рѣшительно высказывался за республику. И когда онъ поставилъ вопросъ на обсужденіе коренной управы—на собраніи, впрочемъ, присутствовали не всѣ члены коренной управы и не одни они—большинство (кромѣ одного) высказывалось тоже за республику. Повидимому, это постановленіе носило теоретическій характеръ и не было рѣшено немедленно направить свою дѣятельность ко введенію въ Россіи республики. Но Пестель понималъ его именно такъ и впослѣдствіи старался придать этому рѣшенію значеніе постановленія формальнаго.

Въ томъ же 1820 г. случилось въ Петербургѣ происшествіе, которое, не будучи вызвано дѣятельностью „союза благоденствія", отразилось, однако, на судьбѣ всѣхъ тайныхъ обществъ (масонскихъ ложъ въ томъ числѣ) весьма сильно: этимъ событіемъ было возмущеніе нижнихъ чиновъ въ семеновскомъ полку. Произошло оно безъ участія офицеровъ. Причина его была слѣдующая. Семеновскій полкъ раньше былъ веденъ чрезвычайно гуманно; большинство офицеровъ были сами гуманные люди и многіе изъ нихъ члены „союза благоденствія", полковымъ командиромъ былъ добродушный генералъ Потемкинъ, но когда въ 1820 г. полкъ принялъ отъ него полковникъ Шварцъ, человѣкъ грубый, суровый, деспотическій, фронтовикъ, склонный даже къ свирѣпымъ и незаконнымъ истязаніямъ солдатъ, и когда онъ, задавшись цѣлью вымуштровать этотъ полкъ, велѣлъ высѣчь нѣсколькихъ георгіевскихъ кавалеровъ, которые по закону были избавлены отъ этого наказанія, то нѣсколько ротъ полка возмутились.

Форма возмущенія была, впрочемъ, довольно мирная. Солдаты возмутившихся ротъ хотѣли только сдѣлать заявленіе, что просятъ Шварца впредь не прибѣгать къ такимъ мѣрамъ. Офицеры—между ними С. И. Муравьевъ-Апостолъ—старались ихъ отъ этого отговорить, понимая, что солдаты этимъ ничего не достигнутъ; но убѣжденія эти не привели, въ концѣ-концовъ, къ цѣли и въ результатѣ весь полкъ былъ посаженъ въ крѣпость,

Это обстоятельство произвело на Александра огромное впечатлѣніе. Онъ былъ въ это время на конгрессѣ въ Лайбахѣ. Этотъ бунтъ совпалъ съ другимъ очень тяжелымъ впечатлѣніемъ—отъ второго варшавскаго сейма 1820 г., который отвергъ всѣ почти законопроекты, внесенные правительствомъ, послѣ ряда весьма рѣзкихъ оппозиціонныхъ рѣчей. Къ этому присоединились вѣсти о революціи въ Неаполѣ, которая и была предметомъ обсужденія лайбахскаго конгресса. Все это подготовило такое настроеніе Александра, при которомъ „бунтъ" семеновскаго полка произвелъ на него чрезвычайно острое впечатлѣніе, которое было тѣмъ больнѣе, что семеновскимъ полкомъ онъ когда то самъ командовалъ и полкъ этотъ былъ его любимымъ полкомъ. Онъ отказывался вѣрить, что полкъ самъ собой взбунтовался, и видѣлъ въ этомъ участіе тайныхъ подстрекателей. Полкъ былъ раскассированъ. Эта исторія имѣла два важныхъ послѣдствія. Съ одной стороны, размѣщенные по всей имперіи солдаты и офицеры семеновскаго полка образовали отличные кадры пропагандистовъ революціонныхъ идей и недовольства, а съ другой стороны, въ виду обострившагося настроенія правительства, „союзъ благоденствія" призналъ, что въ прежнемъ видѣ онъ дольше существовать не можетъ. Поэтому въ январѣ 1821 г. члены союза, собравшись въ Москвѣ, постановили прекратить дѣятельность этой организаціи. Союзъ благоденствія былъ объявленъ закрытымъ, при чемъ предсѣдательствовавшій въ большей части этихъ московскихъ засѣданій Н. И. Тургеневъ даже циркулярно оповѣстилъ объ этомъ всѣхъ членовъ.

Есть мнѣніе, что тайное общество только для вида рѣшило закрыться, чтобы отвести глаза правительству, а затѣмъ продолжать свою работу въ формахъ, болѣе конспиративныхъ. Едва ли, однако же, это было общей мыслью всего собранія. Какъ бы тамъ ни было, въ Петербургѣ тайное общество дѣйствительно прекратило свое существованіе.

Александръ, вернувшись изъ-за границы, получилъ о дѣятельности этого общества подробный доносъ черезъ командира гвардейскаго корпуса Васильчикова. Правда, государь при этомъ сказалъ, что не ему, старательно насаждавшему либеральныя идеи въ началѣ царствованія, принимать теперь строгости противъ отдѣльныхъ носителей тѣхъ же идей, но онъ остался очень недоволенъ направленіемъ умовъ въ гвардіи и,

отправивъ ее въ походъ къ западнымъ границамъ въ 1821 году, затѣмъ нарочно оставилъ ее на $1^1/_2$ года на стоянкѣ въ Литвѣ, думая, очевидно, что на молодыхъ офицеровъ дурно вліяетъ столичная обстановка. Такимъ образомъ въ 1821 г. изъ Петербурга удалены были главные элементы тайнаго общества.

Но когда южные делегаты съ Московскаго съѣзда явились въ Тульчинъ и сдѣлали тамъ докладъ о закрытіи общества, то южные члены, во главѣ съ Пестелемъ и Юшневскимъ (генералъ-интендантомъ южной арміи) заявили, что они своей организаціи не прекратятъ. Такимъ образомъ южный отдѣлъ „союза благоденствія“ сдѣлался самостоятельнымъ тайнымъ обществомъ. При этомъ южная организація возстановила прежній, пестелевскій уставъ „союза спасенія“ и цѣли себѣ поставила опредѣленно политическія и рѣзко революціонныя. Говорятъ, что постановка такихъ опасныхъ цѣлей была даже намѣренно муссирована для того, чтобы отпугнуть колеблющихся и составить надежное ядро революціонной организаціи. Цѣлью общества опредѣленно было поставлено учрежденіе въ Россіи республики, при чемъ способы дѣйствія были приняты якобинскіе и мѣры имѣлись въ виду самыя крутыя.

Южное общество сорганизовалось въ видѣ трехъ управъ. Одна, коренная управа, была въ Тульчинѣ; руководителями ея были Пестель и Юшневскій, избранные директорами всего общества, при чемъ фактически вся власть принадлежала Пестелю. Затѣмъ были два отдѣленія — въ с. Каменкѣ, подъ управленіемъ мѣстнаго помѣщика отставного полковника Вас. Давыдова и командира расположенной тамъ пѣхотной бригады генерала кн. С. Г. Волконскаго, и въ Васильковѣ — подъ начальствомъ Сергѣя Муравьева-Апостола, который дѣйствовалъ съ нѣкоторою независимостью отъ Пестеля и сдѣлалъ своимъ главнымъ сотрудникомъ молодого офицера (тоже изъ семеновцевъ) Михаила Бестужева-Рюмина.

Пестель постоянно ставилъ своимъ товарищамъ на видъ необходимость не только цареубійства, но даже истребленія всей царствующей фамиліи, и этотъ вопросъ постоянно приводилъ къ спорамъ между нимъ и Муравьевымъ-Апостоломъ.

Съѣзды вожаковъ южнаго общества происходили разъ въ годъ на контрактовой ярмаркѣ въ Кіевѣ, и на этихъ съѣздахъ въ 1822, 23, 24 и 25 гг. постоянно обсуждался вопросъ о

способахъ устраненія царствующаго дома и всѣхъ его членовъ, причемъ, однако, окончательное рѣшеніе вопроса откладывалось всякій разъ до слѣдующаго года.

Однако Пестель, ставя такія радикальныя цѣли, считалъ необходимымъ дѣйствовать очень хладнокровно и осторожно, послѣ всесторонняго обсужденія и обстоятельной подготовки. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ былъ, напротивъ, нетерпѣливъ и склоненъ къ энтузіазму и быстрымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, ему претила мысль объ истребленіи цѣлой семьи, но съ другой стороны, онъ требовалъ скорѣйшаго приступа къ дѣйствіямъ и постоянно стремился начать возстаніе. Разъ даже, когда одинъ изъ полковыхъ командировъ, входившихъ въ составъ общества (Повало-Швыйковскій), потерялъ полкъ, то Муравьевъ думалъ немедленно начать возмущеніе. Главнымъ помощникомъ Муравьева былъ, какъ я сказалъ, Бестужевъ-Рюминъ, который обладалъ еще болѣе горячимъ и пылкимъ темпераментомъ. Онъ дѣятельно пропагандировалъ свои взгляды и ему удалось сдѣлать два крупныхъ дѣла. Онъ открылъ существованіе независимаго „общества соединенныхъ славянъ“, которое ставило себѣ цѣлью установить федеративную республику среди всѣхъ славянскихъ народовъ. Бестужевъ, открывъ эту организацію, постарался ее привлечь къ южному обществу, и это ему удалось. Онъ же началъ сношенія съ членами польскихъ революціонныхъ организацій, при чемъ велъ съ ними длинные переговоры по вопросу о томъ, подчинятся ли польскія организаціи русскимъ революціоннымъ планамъ и согласны ли онѣ арестовать и, если будетъ потребовано, то и убить Константина Павловича, какъ одного изъ представителей царствующаго дома.

Поляки очень уклончиво отвѣчали на эти вопросы и вообще, видимо, не особенно довѣряли выдержанности и конспиративности русскихъ организацій. Бестужевъ же, повидимому, старался пустить имъ пыль въ глаза, явно преувеличивая средства заговора въ Россіи. Въ эти переговоры вмѣшался и Пестель, при чемъ въ его присутствіи обсуждался вопросъ о томъ, въ какихъ предѣлахъ можетъ быть возстановлена Польша. Поляки высказывались конечно за возстановленіе Польши 1772 г., но Пестель опредѣленно заявилъ, что онъ стоитъ за возстановленіе этнографической Польши (безъ включенія въ ея составъ

малорусскихъ элементовъ) и лишь въ видѣ уступки соглашался присоединить къ ней литовскія губерніи.

Въ то же время Пестель употреблялъ чрезвычайно энергичныя усилія для возрожденія тайнаго общества въ Петербургѣ. Онъ постоянно посылаетъ туда своихъ посланцевъ (кн. С. Г. Волконскаго, Матвѣя Муравьева, Александра Поджіо и друг.), въ 1824 г. ѣдетъ и самъ. По его настояніямъ общество было, наконецъ, организовано; но довольно трудно было ему убѣдить членовъ этого „сѣвернаго общества" слѣдовать его планамъ и подчинить ихъ своей волѣ: сѣверяне успѣли къ этому времени выработать себѣ самостоятельные взгляды и сильно разногласили съ Пестелемъ.

Возрожденіе тайнаго общества въ Петербургѣ произошло не ранѣе 1822 г., когда гвардія вернулась въ Петербургъ. Тогда была выбрана новая управа изъ Никиты Муравьева, кн. С. П. Трубецкого и Николая Тургенева, который, впрочемъ, отказался и былъ замѣщенъ молодымъ офицеромъ княземъ Евг. Петр. Оболенскимъ. Организующимъ элементомъ былъ здѣсь Никита Муравьевъ, который прежде всего принялся за разработку проекта конституціи. Онъ рѣшительно расходился во взглядахъ съ Пестелемъ по многимъ предметамъ.

Конституція Никиты Муравьева, съ одной стороны, и выработанная Пестелемъ конституція подъ названіемъ „Русская правда"—съ другой, выражали какъ разъ два соперничающія теченія среди этихъ революціонныхъ круговъ. Пестель въ своей „Русской правдѣ" или „Государственномъ завѣтѣ" проектировалъ республиканское устройство въ Россіи. На его теоретическія построенія оказалъ большое вліяніе французскій писатель Детю де-Траси, который написалъ извѣстный комментарій къ „Духу законовъ" Ментескье. Подъ вліяніемъ Детю де-Траси Пестель усвоилъ себѣ взглядъ, что никакая монархическая конституція не прочна, что монархическое устройство и народная воля несовмѣстимы, что поэтому всякое конституціонное монархическое устройство есть nonsens. Понимая, что Россія къ республикѣ не подготовлена, Пестель думалъ, сокрушивъ при помощи военнаго переворота существующій строй, и уничтоживъ царствующій домъ, образовать военную диктатуру въ видѣ временнаго правительства, которое путемъ энергической работы въ теченіе примѣрно 8 — 10-ти лѣтъ подготовило бы возможность

осуществленія республиканскаго строя въ Россіи. Разумѣется, это вело бы къ военно-деспотическому режиму, такъ какъ осуществленіе этого плана потребовало бы, безъ сомнѣнія, подавленія цѣлаго ряда контръ-революціонныхъ возстаній.

Впрочемъ, и сама республика, проектированная Пестелемъ, была ярко-якобинскаго типа, съ чрезвычайно сильной и централизованной административной властью.

Законодательная власть въ этой республикѣ по его плану должна была принадлежать вѣчу (избранному на основаніи всеобщей двустепенной подачи голосовъ), но все управленіе сосредоточивалось, по образцу французской директоріи, въ рукахъ пяти человѣкъ — директоровъ, которые должны были получить большую власть. При этомъ Пестель не только не желалъ допускать какой-нибудь автономіи отдѣльныхъ мѣстностей, но наоборотъ, желалъ совершенно, хотя бы и насильственно, объединить всю Россію въ одно и однообразное политическое тѣло: онъ даже не признавалъ самостоятельности Финляндіи и соглашался на отдѣленіе только Польши—подъ условіемъ, впрочемъ, что Польша приметъ соціально-политическій строй, одинаковый съ Россіей;—Финляндія же должна была быть совершенно инкорпорирована, при чемъ Пестель не признавалъ даже мѣстныхъ языковъ. Въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ онъ держался аналогичныхъ взглядовъ, полагая, что православіе въ Россіи должно быть господствующей религіей. По отношенію къ магометанамъ онъ предполагалъ рѣзкое вмѣшательство въ ихъ внутренній бытъ, желая упразднить у нихъ подчиненность женщинъ. Евреевъ Пестель считалъ вредными эксплоататорами крестьянской массы и думалъ переселить всѣхъ евреевъ въ Палестину, при чемъ хотѣлъ дать имъ необходимую для этого военную помощь.

Такимъ образомъ принципы Пестеля не отличались либерализмомъ, но зато демократическое начало было имъ проведено въ его планѣ очень глубоко, особенно въ экономической области, гдѣ онъ считалъ необходимымъ ввести новое весьма своеобразное аграрное устройство. Всѣ земли онъ проектировалъ раздѣлить на двѣ части: одна, общественная, должна была находиться въ коммунальномъ общественномъ управленіи, другая, казенныя земли (по его терминологіи), могла эксплоатироваться казной или раздаваться по усмотрѣнію центральной власти част-

нымъ лицамъ. Но во всякомъ случаѣ Пестель считалъ, что земля не можетъ быть предметомъ частной собственности и должна служить прежде всего обезпеченію народныхъ массъ. Въ этомъ отношеніи планъ его былъ столько же оригиналенъ, сколько последователенъ и демократиченъ.

Что касается конституціи „сѣвернаго общества", которая была составлена Никитой Муравьевымъ, то она была монархическая. Хотя самъ Никита и многіе другіе члены „сѣвернаго общества" соглашались, что, въ принципѣ, республика лучше монархіи, но они не надѣялись ее осуществить, а если въ спорахъ съ Пестелемъ не особенно сильно отстаивали свои взгляды, то главнымъ образомъ потому, что не имѣли возможности его переубѣдить и переспорить, что знали по опыту.

Но надо сказать, что въ основаніе этой монархической конституціи были положены принципы самыхъ радикальныхъ тогдашнихъ конституцій. Главнымъ образцомъ, очевидно, послужила испанская конституція 1812 г. Первый параграфъ конституціи Муравьева вполнѣ опредѣленно устанавливалъ, что русская имперія не можетъ быть принадлежностью никакой опредѣленной фамиліи, и во главу угла сразу ставилась народная воля. Власть императора была чрезвычайно ограничена. Вѣче у Муравьева пользовалось не только всѣми законодательными правами, но даже получало и права, обыкновенно принадлежащія монарху,—право объявлять войну и заключать миръ и право амнистіи.

Другою отличительной чертой муравьевской конституціи былъ федерализмъ съ широкой автономіей провинцій: республика Пестеля была централизованной, а монархія Муравьева была раздѣлена на 13 (по второй редакціи 15) автономныхъ провинцій, въ каждой изъ которыхъ долженъ былъ быть своего рода парламентъ, своя дума (избранная, впрочемъ, на основѣ цензоваго избирательнаго права), которая подчинялась, конечно, общему руководству центральной власти, но имѣла широкую автономію. Въ соціальномъ отношеніи Муравьевъ не шелъ такъ далеко, какъ Пестель. По его предположеніямъ крестьяне должны были быть освобождены, но получали весьма недостаточные земельные надѣлы, главная масса земель должна была оставаться въ рукахъ помѣщиковъ.

Эти два типа политическихъ идеаловъ и явились представи-

телями двухъ главныхъ теченій, которыя въ это время существовали въ средѣ тайныхъ обществъ въ Россіи. Не столько раздѣлялъ тутъ вопросъ о республикѣ или монархіи, сколько о томъ, какимъ путемъ проводить это: путемъ ли якобинскимъ, или путемъ подчиненія народной волѣ. Когда въ „сѣверномъ обществѣ“ въ началѣ 1825 г. получилъ преобладаніе К. Ф. Рылѣевъ, то онъ также высказывался, что можно предпочитать въ принципѣ республику, но что это будетъ имѣть значеніе только когда на это согласится народъ. Итакъ, главное, противъ чего возражали члены „сѣвернаго общества“ на планы Пестеля,—это было намѣреніе его проводить республику во что бы то ни стало, вопреки народной волѣ. Рылѣевъ и Никита Муравьевъ были въ этомъ отношеніи настоящими народовольцами: они во главу угла ставили народную волю. За то въ соціальномъ отношеніи настоящая демократическая точка зрѣнія была проведена тогда лишь въ оригинальномъ проектѣ Пестеля, принятомъ членами одного только южнаго общества. Вотъ тѣ теченія, которыя развивались въ тогдашнихъ революціонныхъ кругахъ, отражаясь, конечно, и во взглядахъ болѣе широкихъ слоевъ общества.

ЛЕКЦІЯ XIII.

Настроеніе императора Александра и его дѣятельность послѣ Ахенскаго конгресса.—Согласіе его съ Меттернихомъ.—Роль священнаго союза въ эту эпоху.—Греческое возстаніе и отношеніе къ нему Александра.—Внутренняя политика Александра въ 1820—1825 гг.—Отказъ отъ преобразованій.—Господство обскурантизма.—Фотій и отставка Голицына.—Причина нерѣшительности политическихъ преслѣдованій.—Положеніе финансовъ и государственнаго хозяйства.—Тарифъ 1822 г. и назначеніе Канкрина министромъ финансовъ.—Итоги царствованія и общій заключительный взглядъ на эпоху.

Обращаясь къ правительственной дѣятельности въ послѣдніе годы царствованія Александра I, приходится прежде всего признать, что послѣднее пятилѣтіе царствованія Александра есть, несомнѣнно, одинъ изъ самыхъ мрачныхъ періодовъ русской исторіи.—Со стороны правительственной дѣятельности оно характеризуется прежде всего рѣшительнымъ отказомъ отъ всякихъ либеральныхъ преобразованій.

Въ настроеніи самого Александра послѣ Ахенскаго конгресса наступилъ окончательный переломъ; онъ давно подготовлялся всѣмъ ходомъ окружавшей Александра жизни и внутреннимъ процессомъ въ его умѣ, выражавшимся въ порабощеніи его мистицизмомъ. Однако, какъ я старался уже показать, въ 1818 г. еще живы были его симпатіи къ либеральнымъ учрежденіямъ и къ конституціонному устройству. Сдѣлавшись давно уже рѣзкимъ противникомъ революціоннаго движенія всякаго рода, Александръ оставался, однако жъ, вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденнымъ сторонникомъ либеральныхъ доктринъ и почти до начала 20-хъ годовъ былъ вѣренъ своимъ мечтамъ о либеральномъ политическомъ переустройствѣ Россіи. Онъ старался, какъ мы видѣли, открыто подчеркнуть ту разницу, которая существовала въ его глазахъ между либеральными взглядами и проя-

вленіями революціоннаго духа и, въ особенности, революціоннаго насилія.

Меттернихъ, который давно уже держался противоположнаго взгляда и былъ убѣжденъ, что между либерализмомъ и революціонными путями всегда существовала и существуетъ тѣснѣйшая связь, никогда не могъ понять точки зрѣнія Александра; онъ поэтому на всѣхъ конгрессахъ и международныхъ совѣщаніяхъ являлся постояннымъ и рѣзкимъ антагонистомъ Александра, считая его утопистомъ и романтикомъ, а иногда приписывая поведеніе Александра и скрытымъ честолюбивымъ замысламъ, которые Александръ якобы лишь прикрывалъ своимъ сочувствіемъ либерализму.

Въ 1820 году это положеніе рѣзко измѣнилось.

Исторія съ семеновскимъ полкомъ, которая представлялась Александру результатомъ революціонныхъ происковъ (что, какъ мы уже видѣли, было вполнѣ неосновательно), затѣмъ рѣзкое оппозиціонное настроеніе второго польскаго сейма и, наконецъ, то революціонное броженіе, которое развивалось повсемѣстно въ западной Европѣ и разразилось, въ концѣ-концовъ, революціей въ Неаполѣ и въ Испаніи,—все это поколебало убѣжденіе Александра, что либеральныя учрежденія и революція—двѣ разныя вещи; онъ увидѣлъ, какъ въ европейскомъ движеніи двадцатыхъ годовъ и либералы, и революціонеры, дѣйствовали рука объ руку противъ реакціонныхъ правительствъ, которыя не исполняли своихъ обязательствъ и обѣщаній, данныхъ народу. Александру, давно уже относившемуся чрезвычайно враждебно ко всякому революціонному движенію, пришлось отказаться отъ всякихъ связей съ либералами и опредѣленно стать на сторону европейской реакціи.

Вслѣдствіе этого послѣдняго перелома во взглядахъ Александра между нимъ и Меттернихомъ образовалась полнѣйшая entente cordiale, полнѣйшее единомысліе, враждебное всѣмъ народнымъ движеніямъ тогдашней Европы.

Священный союзъ, образованный Александромъ въ 1815 году, именно въ это время превратился въ союзъ государей противъ жаждавшихъ свободы народовъ. Логика поведенія Александра въ этихъ дѣлахъ была такова, что даже въ вопросѣ о греческомъ освобожденіи онъ, вопреки влеченіямъ собственнаго сердца, вопреки русскому общественному мнѣнію, вопреки

взглядамъ многихъ своихъ единомышленниковъ въ области мистицизма (какъ, напр., баронессы Крюденеръ), формально сталъ на сторону султана противъ его взбунтовавшихся подданныхъ, когда дѣло освобожденія грековъ пошло революціоннымъ путемъ. Это было сдѣлано настолько рѣзко, что ближайшій сотрудникъ Александра по иностраннымъ дѣламъ графъ Каподистрія—родомъ грекъ и греческій патріотъ—счелъ себя вынужденнымъ оставить свой постъ, а другой грекъ—русскій генералъ кн. Александръ Ипсиланти, ставшій во главѣ возстанія, былъ демонстративно исключенъ изъ русской службы: ему было объявлено, что Александръ не считаетъ возможнымъ имѣть съ нимъ что-либо общее, а между тѣмъ внутренно Александръ одобрялъ поведеніе Ипсиланти и даже не скрывалъ этого отъ окружавшихъ его лицъ. Если, несмотря на такую политику Александра, наши отношенія съ Турціей все-таки тогда сильно поколебались,—а одно время дѣло было на волосокъ отъ войны, такъ что русскій посолъ счелъ даже за лучшее потребовать паспорта и уѣхать,—то все это произошло лишь вслѣдствіе фанатическаго образа дѣйствій самой Порты, которая была подзадориваема къ тому же англійскимъ посломъ, графомъ Страффордомъ.

Во внутренней политикѣ Александра его новое настроеніе выразилось, впрочемъ, и послѣ 1818 г., главнымъ образомъ только въ отрицательной формѣ—именно въ отказѣ отъ всякихъ либеральныхъ начинаній и въ полномъ равнодушіи ко всякаго рода преобразованіямъ.

Самъ Александръ интересовался въ этотъ послѣдній періодъ своего правленія только военной администраціей, въ особенности военными поселеніями, которыя развивались весьма быстро, наперекоръ общественному мнѣнію страны и протестамъ жителей, обращаемыхъ въ военныхъ поселенцевъ. Въ это именно время особенно сильно развивалось въ Александрѣ и то мистическое настроеніе, которое въ послѣдніе годы совершенно овладѣло его умомъ. Онъ былъ весьма мрачно настроенъ и старался забываться въ путешествіяхъ по Россіи, совершавшихся съ необыкновенной быстротой. Мистическое настроеніе, которое овладѣло его душой, простиралось тогда такъ далеко, что къ нему получили доступъ уже не только англійскіе квакеры или баронесса Крюденеръ, а и прямые мракобѣсы и изувѣры, вродѣ архимандрита Фотія.

Архимандритъ Фотій былъ сначала простымъ законоучителемъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, а затѣмъ вошелъ въ моду, отчасти благодаря своей поклонницѣ графинѣ Орловой-Чесменской, которая готова была для него все сдѣлать, а отчасти и при помощи Аракчеева и того князя А. Н. Голицына, который завѣдывалъ министерствомъ духовныхъ дѣлъ и вскорѣ, неожиданно для себя, сдѣлался самъ жертвой Фотія. По отношенію къ Голицыну, Фотій, поощряемый Аракчеевымъ, дошелъ до такой степени наглости, что проклялъ Голицына за то, что тотъ продолжалъ терпимо относиться къ инославнымъ вѣроисповѣданіямъ и сильно распространявшимся тогда различнымъ мистическимъ сектамъ. Характерно, что Голицынъ, не смотря на личную дружбу Александра, послѣ этого проклятія долженъ былъ оставить свой постъ, хотя личныя дружескія отношенія съ Александромъ сохранились у него и послѣ того. При этомъ и самое министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія распалось на свои составныя части,—духовныя дѣла отошли опять къ оберъ-прокурору синода, которымъ былъ сдѣланъ князь Мещерскій; на постъ же министра народнаго просвѣщенія былъ назначенъ адмиралъ А. С. Шишковъ, тотъ самый, который когда-то воевалъ съ Карамзинымъ за неприкосновенность стараго русскаго слога, а потомъ, во время наполеоновскихъ войнъ, сочинялъ знаменитые патріотическіе манифесты отъ имени Александра и читалъ ему пророчества древнихъ израильскихъ пророковъ. При Шишковѣ нѣкоторое время сохраняли свою силу и Магницкій, и Руничъ. Магницкій, покончивъ съ разгромомъ Казанскаго университета, занялся въ это время составленіемъ новаго цензурнаго устава, при чемъ напрягъ до крайности всю свою реакціонную изобрѣтательность.

Уставъ вышелъ небывалый по своему ультра-реакціонному направленію. Опубликованъ этотъ уставъ былъ уже въ слѣдующее царствованіе и просуществовалъ потомъ очень недолго.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что несмотря на полный разгулъ реакціи въ этотъ періодъ, никакихъ рѣзкихъ преслѣдованій противъ революціонныхъ организацій и обществъ правительствомъ не было предпринимаемо, и это обстоятельство многихъ наводило на мысль, что правительство о нихъ ничего не знало. Но теперь можно считать установленнымъ, что Александръ съ 1821 г. въ сущности былъ освѣдомленъ почти о каждомъ шагѣ

этихъ обществъ, получая постоянные доносы. Но узнавая о нихъ всѣ подробности, онъ долго не принималъ никакихъ мѣръ. Мы уже видѣли, какъ самъ Александръ въ разговорѣ съ Васильчиковымъ, докладывавшимъ ему содержаніе одного изъ первыхъ доносовъ, объяснилъ свое бездѣйствіе тѣмъ, что онъ самъ былъ первымъ иниціаторомъ распространенія либеральныхъ идей и взглядовъ въ Россіи и что теперь ему поэтому едва ли прилично рѣзко преслѣдовать послѣдователей этихъ самыхъ идей. Сознавая это довольно ясно, Александръ, повидимому, стѣснялся принять рѣшительныя мѣры.

Чрезвычайно странно было положеніе тогдашней тайной полиціи: шпіонажъ развивался довольно быстро, но носилъ какой-то академическій характеръ. Правительство знало, что въ южномъ обществѣ дѣло приняло характеръ прямого заговора противъ него, но мѣръ никакихъ не принимало. Только въ самый послѣдній годъ Александръ обратилъ вниманіе на доносъ унтеръ-офицера Шервуда о „южномъ обществѣ“: онъ принялъ Шервуда, дѣйствовавшаго черезъ Аракчеева, и поручилъ ему добыть новыя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ южномъ обществѣ. Уже будучи въ Таганрогѣ, куда онъ отправился осенью 1825 г. съ больною императрицею, Александръ рѣшился, получивъ дополнительный доносъ Шервуда и новый доносъ капитана Майбороды, одного изъ подчиненныхъ Пестеля, принять болѣе рѣшительныя мѣры. Въ южную армію былъ посланъ генералъ Чернышевъ съ приказаніемъ арестовать главарей южнаго общества и начать разслѣдованіе. Что вышло бы изъ этого, если бы Александръ не умеръ, довольно трудно сказать, но можно предполагать, что преслѣдованія заговорщиковъ не вылились бы, вѣроятно, въ такую жестокую форму, въ какой они разразились при Николаѣ послѣ возстанія 14 декабря.

Въ отношеніи Польши реакціонное настроеніе Александра выразилось въ томъ, что, послѣ строптиваго сейма 1820 г., онъ вопреки конституціи не собиралъ сейма въ теченіе пяти лѣтъ, а затѣмъ передъ созывомъ его въ 1825 году издалъ, опять-таки вопреки конституціи, особый актъ (acte additionnel), по которому всѣ засѣданія сейма, кромѣ дней его торжественнаго открытія и закрытія, дѣлались для публики и печати закрытыми.

Александръ говорилъ въ эти годы, что онъ смотритъ на кон-

ституцію 1815 г., какъ на опытъ. Несмотря на принесенную ей присягу, онъ, повидимому, считалъ себя въ правѣ взять обратно эту конституцію во всякій моментъ.

Польскій сеймъ 1825 г. прошелъ, наружно болѣе спокойно, чѣмъ сеймъ 1820 г.: на самомъ сеймѣ не проявилось такого рѣзкаго оппозиціоннаго настроенія, какъ въ 1820 г., но зато въ польскомъ обществѣ революціонное настроеніе развелось такъ же сильно, какъ въ русскомъ. Это настроеніе выяснилось только отчасти послѣ 14-го декабря и выразилось окончательно лишь въ польскомъ возстаніи 1830 г., подготовлявшемся несомнѣнно еще при Александрѣ.

Основныя причины недовольства здѣсь заключались, впрочемъ, не въ тѣхъ нарушеніяхъ конституціи, которыя исходили отъ Александра, и не въ тѣхъ сумасбродствахъ, которыя производилъ Константинъ, а въ неисполнившихся надеждахъ польскаго общества на возстановленіе Польши въ границахъ 1772 г.

Въ Россіи единственной областью управленія, которая стала приводиться въ это время въ порядокъ, было, пожалуй, министерство финансовъ, послѣ того какъ министромъ финансовъ, по рекомендаціи Аракчеева, вмѣсто Гурьева былъ назначенъ честный, экономный и ученый человѣкъ Канкринъ. Онъ былъ назначенъ въ 1823 г., когда финансы наши были въ полномъ разстройствѣ, и, дѣятельность его, главнымъ образомъ, развилась уже при Николаѣ. Во всякомъ случаѣ экономическое положеніе населенія въ концѣ царствованія Александра было весьма плачевное: налоги собирались съ необыкновенными трудностями; помѣщики, которые являлись отвѣтственными за своихъ крестьянъ, отдавались сплошь и рядомъ въ опеку за невзносъ податей, а казенные крестьяне подвергались безпощадной продажѣ имущества и даже домовъ. Въ самые послѣдніе годы царствованія Александра западъ Россіи страдалъ отъ неурожаевъ и голодовокъ, съ которыми было особенно трудно бороться въ виду тогдашняго бездорожья. Дороги, впрочемъ, строились въ это время, но строились безтолково, безъ всякаго плана, путемъ натуральной повинности, а эта натуральная дорожная повинность была одной изъ самыхъ большихъ тягостей, лежавшихъ на плечахъ крестьянскаго населенія, такъ какъ для выполненія ея крестьяне иногда цѣлыми деревнями выгонялись, сплошь и рядомъ въ лѣтнее рабочее время (осо-

бенно въ іюнѣ во время сѣнокоса), часто за сотни верстъ отъ ихъ жилищъ.

Кабаки, которые были отобраны въ казну, процвѣтали, населеніе пропивало въ нихъ послѣдніе гроши; но доходы отъ винной регаліи упали, что зависѣло отъ невѣроятнаго воровства чиновниковъ.

Вообще воровство и злоупотребленія чиновниковъ развились въ это время до крайнихъ предѣловъ по единодушному свидѣтельству всѣхъ современниковъ.

Такъ кончилось это царствованіе, вызывавшее въ началѣ у всѣхъ такія розовыя надежды.

Если мы оглянемся теперь назадъ, на пройденную нами эпоху, насъ не можетъ не поразить—по крайней мѣрѣ на первый, поверхностный взглядъ,—какъ сравнительно мало достигнуто при такихъ огромныхъ затратахъ и жертвахъ всего народа: вѣдь Россія въ концѣ царствованія Александра въ отношеніи условій государственной и общественной жизни—по крайней мѣрѣ по внѣшности—не далеко ушла впередъ отъ временъ Екатерины, отъ временъ Новикова и Шварца. Все то же осталось въ ней самодержавіе наверху, крѣпостное право внизу и господство всякаго произвола—административнаго и помѣщичьяго. Народились военныя поселенія, народное же просвѣщеніе, сильно двинувшееся было впередъ въ началѣ царствованія, теперь было подавлено, искажено и изуродовано обскурантными и реакціонными мѣрами клерикаловъ и изувѣровъ-мистиковъ; печать была сведена къ нулю и, казалось, всѣ легальные и мирные пути къ свободному развитію общества были отрѣзаны...

Но такое подведеніе итоговъ этого царствованія было бы справедливо только съ внѣшней, формальной стороны. Остановиться на немъ было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы мы ничего не знали о послѣдующемъ развитіи Россіи и если бы событія царствованія Александра изучались внѣ всякой связи съ общимъ процессомъ развитія русской жизни. Даже и теперь, когда мы изучили только главнѣйшія событія одного александрова царствованія, если мы бросимъ на нихъ болѣе внимательный ретроспективный взглядъ и попытаемся глубже

проникнуть въ ихъ смыслъ, мы увидимъ, что то внѣшнее заключеніе объ итогахъ этого царствованія, которое только что было формулировано, было бы по существу совершенно невѣрно.

Попробуемъ возстановить вкратцѣ изложенныя событія во внутренней ихъ связи.

Ко времени вступленія на престолъ Александра процессъ образованія государственной территоріи вполнѣ уже завершился, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ. Борьба за территорію уже не составляетъ въ это время насущной жизненной задачи русскаго государства. Слѣдовательно, заботы правительства могли, наконецъ, обратиться на внутреннія нужды населенія. При Екатеринѣ въ Россіи сталъ уже складываться довольно значительный центръ мыслящаго общества, и въ немъ стали ясно высказываться стремленія къ выработкѣ самостоятельнаго міровоззрѣнія и даже извѣстныхъ политическихъ идеаловъ. Въ концѣ екатерининскаго царствованія тогдашніе либералы и демократы становятся уже въ оппозицію правительству и терпятъ преслѣдованія. При Павлѣ эти преслѣдованія и необузданный произволъ власти достигли огромныхъ, неимовѣрныхъ размѣровъ и впервые дали всему русскому образованному обществу, въ массѣ, почувствовать и сознать практическую важность гарантій противъ правительственнаго произвола. Но когда Павелъ былъ устраненъ, обществомъ овладѣла беззаботная радость и розовое, оптимистическое настроеніе. Въ немъ не видно было еще никакихъ сколько-нибудь значительныхъ и сознательныхъ активныхъ элементовъ. Оно радуется фактическому освобожденію отъ невыносимаго гнета и съ беззаботнымъ довѣріемъ и оптимизмомъ смотритъ на новаго властелина, который дѣйствительно преисполненъ былъ благихъ намѣреній и самыхъ передовыхъ мечтаній. Александръ въ тотъ моментъ, какъ мы видѣли, мечталъ облагодѣтельствовать Россію дарованіемъ ей прочныхъ „законносвободныхъ" учрежденій и затѣмъ удалиться въ частную жизнь. Но онъ былъ тогда неопытнымъ юношей, который не имѣлъ никакихъ основательныхъ знаній и былъ, въ сущности, вовсе не подготовленъ къ той великой миссіи, которая ему предстояла: онъ не зналъ настоящимъ образомъ ни окружавшей его страны, ни даже самого себя. Вскорѣ, при помощи своихъ ближайшихъ друзей-сотрудни-

ковъ, которыхъ тогдашніе консерваторы совсѣмъ невѣрно окрестили „якобинскою шайкой“, онъ убѣдился въ великой трудности осуществленія занимавшихъ его мечтаній и политическихъ плановъ. Въ это же время онъ увлекся великими проблемами современной міровой жизни и европейской международной политикой, и ощутилъ въ себѣ склонность и призваніе къ занятію иностранной политикой. Въ результатѣ государственныя преобразованія перваго пятилѣтняго періода не пошли дальше учрежденія министерствъ и весьма скромной реформы сената. Труднѣйшими препятствіями къ быстрому движенію впередъ были признаны: крѣпостное право, ликвидировать которое было трудно безъ подготовки, и почти полное отсутствіе просвѣщенія въ народѣ. Для устраненія этого послѣдняго препятствія, было сдѣлано тогда сравнительно много. Первые годы царствованія Александра могутъ быть признаны самымъ блестящимъ періодомъ въ исторіи русскаго просвѣщенія въ XIX вѣкѣ. Въ этомъ же періодѣ, благодаря миру внѣшнему и внутреннему, стала было, пышно развиваться торгово-промышленная дѣятельность въ Россіи. Въ немъ же были приняты первыя благопріятныя мѣры къ устройству быта крестьянъ, а въ остзейскомъ краѣ и къ серьезному ограниченію помѣщичьяго произвола.

Начавшіяся въ 1805 г. войны, испытанныя нашими арміями пораженія и полный разгромъ нашихъ союзниковъ имѣли огромныя послѣдствія для будущаго хода дѣлъ въ Россіи. Втянувшись въ европейскія коалиціи 1805—1807 годовъ противъ Наполеона, Россія уже не могла остаться въ сторонѣ отъ великихъ событій, развертывавшихся въ Европѣ. Очень можетъ быть, конечно, что и во всякомъ другомъ случаѣ ей пришлось бы въ концѣ-концовъ принять въ нихъ то или иное участіе, но несомнѣнно, что политика Александра въ этомъ случаѣ очень ускорила и опредѣлила ходъ дѣла.

Тильзитскій миръ поставилъ его въ трудное положеніе. Александръ, конечно, не былъ такъ пустъ и тщеславенъ, чтобы хоть на минуту увлечься положеніемъ единственнаго равноправнаго союзника и друга великаго завоевателя Европы. Его мало привлекало предложеніе Наполеона раздѣлить власть надъ міромъ, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо зналъ истинную цѣну словамъ и предложеніямъ Наполеона,—а необходимость заключить тѣс-

ный союзъ съ человѣкомъ, котораго онъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ съ церковныхъ амвоновъ торжественно и всенародно объявилъ врагомъ христіанства и всего рода человѣческаго, разумѣется, не могла быть ему сладка. Тильзитскимъ договоромъ онъ становился явно въ разрѣзъ съ мыслями и стремленіями своего народа, отчасти имъ же самимъ возбужденными, съ настроеніемъ большей и лучшей части русскаго общества и даже всѣхъ своихъ близкихъ. Континентальная система, къ которой онъ долженъ былъ присоединиться, довершила дѣло, прибавивъ къ нравственному униженію Россіи еще и матеріальное разореніе. Эти условія сильно поколебали и даже почти уничтожили ту популярность, которой Александръ до тѣхъ поръ пользовался въ Россіи. Они же заставили впервые крѣпко призадуматься значительную часть общества надъ вопросами политики и толкнули ее на путь болѣе или менѣе сознательной и явной оппозиціи правительству. Люди столь противоположныхъ взглядовъ, какъ Сперанскій и Карамзинъ, одинаково свидѣтельствовали въ это время, что Россія полна недовольными. Неосуществленный планъ государственнаго преобразованія Сперанскаго не могъ поправить дѣла, а финансовый его планъ, также въ значительной мѣрѣ невыполненный, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, только сильнѣе открылъ глаза публикѣ на пагубность предшествовавшей и послѣдующей финансовой политики и на неизбѣжность дальнѣйшаго разоренія, отъ котораго уже не могли совершенно спасти ни отказъ отъ континентальной системы, ни благотворный въ тогдашнихъ обстоятельствахъ таможенный тарифъ 1810 года.

Это натянутое и въ высшей степени трудное положеніе разрѣшилось войной 1812 года. Ужасныя бѣдствія и жертвы, вызванныя этой войной, хотя и опустошили самую культурную часть страны и разорили почти непоправимо большую часть помѣщичьихъ хозяйствъ, однако же въ глазахъ населенія выкупались результатами этой войны. Населеніе выдержало это испытаніе героически, и война 1812 г. ярко выказала всю силу національнаго сознанія и государственной крѣпости Россіи. Если послѣдствія тильзитскаго мира и разорительной континентальной системы были въ высшей степени важны для образованія критическаго и оппозиціоннаго настроенія въ русскомъ обществѣ, то послѣдствія участія Россіи въ

великихъ наполеоновскихъ войнахъ и низложеніи Наполеона были еще неизмѣримо важнѣе для всего будущаго развитія русской жизни. Они были огромны, проявлялись въ различныхъ сферахъ и направленіяхъ и всѣ содѣйствовали различными способами ускоренію процесса разложенія и ликвидаціи сложившагося соціальнаго и политическаго строя. Мы впослѣдствіи увидимъ съ большею ясностью, какое значеніе въ дѣлѣ ликвидаціи крѣпостного права имѣли разореніе и страшная задолженность помѣщичьихъ хозяйствъ. Съ другой стороны, мы уже видѣли отчасти значеніе того факта, что масса молодыхъ, самыхъ образованныхъ по тогдашнему времени и самыхъ воспріимчивыхъ представителей русскаго общества побывали въ Западной Европѣ въ самый моментъ перестройки и броженія тамошняго общества и притомъ имѣли полную возможность познакомиться съ разными сторонами европейской жизни, такъ какъ пребываніе это было достаточно длительное и для многихъ продолжалось и послѣ заключенія мира, въ теченіе трехлѣтней стоянки во Франціи оккупаціоннаго корпуса Воронцова. Мы видѣли, какъ это обстоятельство подготовило образованіе тайныхъ обществъ 10-хъ и 20-хъ годовъ. Мы видѣли, какъ послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ русское общество опять обратило свои надежды на реформаторскую дѣятельность Александра, отъ котораго, казалось, можно было ожидать тогда крупныхъ политическихъ преобразованій, послѣ того какъ онъ на дѣлѣ подтвердилъ свои либеральные взгляды конституціями, предоставленными имъ или при его содѣйствіи Польшѣ, Финляндіи, Франціи и Швеціи. Мы видѣли также, какъ Александръ вторично обманулъ эти ожиданія,—ожиданія, теперь уже не имѣвшія того наивнаго и благодушнаго характера, какъ въ началѣ царствованія,—мы видѣли, какъ онъ, увлеченный ролью своей въ судьбахъ всемірной исторіи, не могъ уже въ это время удѣлять достаточнаго вниманія нуждамъ и интересамъ внутренней жизни Россіи, въ которой дѣятельность правительства выразилась теперь главнымъ образомъ въ учрежденіи военныхъ поселеній и въ искаженіи всей системы народнаго образованія.

Въ послѣдній періодъ царствованія Александра, когда онъ самъ окончательно разочаровывается въ возможности развитія мирнымъ путемъ либеральныхъ учрежденій и конституціонныхъ

началъ, и когда между нимъ и Меттернихомъ устанавливается полная entente cordiale во внѣшнихъ дѣлахъ, а во внутреннихъ между государемъ и мыслящимъ обществомъ вырывается настоящая пропасть,—исчезаетъ послѣдняя надежда въ обществѣ добиться мирнымъ путемъ ослабленія гнета и правительственнаго произвола, а потому получаютъ полное и быстрое развитіе тѣ тайныя революціонныя организаціи, которыя возникли послѣ наполеоновскихъ войнъ, но въ первые годы послѣ своего возникновенія не имѣли опредѣленнаго революціоннаго характера.

Шильдеръ, біографъ Александра, увѣряетъ, что если бы Александръ не умеръ 19 ноября 1825 года, въ Таганрогѣ, то по какимъ-то неуловимымъ признакамъ можно было будто бы ожидать новаго поворота въ его взглядахъ и настроеніи и что, быть можетъ, онъ былъ бы въ состояніи вывести Россію изъ того состоянія внутренняго разстройства, въ которое онъ ее завелъ въ концѣ-концовъ. Я этого не думаю. Я думаю, что Александръ совершилъ все, что могъ, и въ этомъ отношеніи умеръ во-время. Если бы онъ не умеръ, онъ скорѣе бы отрекся отъ престола, нежели далъ бы начало новому курсу. Роковымъ образомъ онъ нарушилъ ту возможность лично для себя послѣдовательно и планомѣрно вести Россію по пути прогресса и крупныхъ коренныхъ улучшеній въ ея бытѣ, которая, казалось, открывалась передъ нимъ въ началѣ его царствованія,—нарушилъ, увлекшись возможностью участія въ великихъ міровыхъ событіяхъ своего времени. Но очень можетъ быть, что если бы онъ этого не сдѣлалъ, если бы онъ не втянулъ въ 1805 г. Россію въ войну съ Наполеономъ, если бы ему удалось еще долгое время мирно итти и вести ее тѣмъ (въ сущности колеблющимся) путемъ, которымъ онъ шелъ въ началѣ своего царствованія,—онъ въ концѣ-концовъ не ускорилъ бы, а можетъ быть даже замедлилъ бы тотъ путь внутренняго развитія, которымъ шла наша родина. Съ его неподготовленностью, неопытностью, съ отсутствіемъ надежныхъ сотрудниковъ, при всѣхъ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась тогда Россія путь этотъ не могъ быть коротокъ. Тѣ потрясенія, которыя послѣдовали за войнами 1805—1807 гг. и которыя вывели общество изъ пассивно-оптимистическаго настроенія, въ какомъ оно находилось раньше, тѣ экономическія и матеріальныя потрясенія, которыя обусловливались тильзитскимъ ми-

ромъ и отечественной войной, тѣ огромныя нравственныя пріобрѣтенія, которыя сдѣлало русское общество въ бурную эпоху наполеоновскихъ войнъ,—послужили, какъ я думаю, болѣе сильными факторами движенія въ томъ соціально-политическомъ процессѣ, который развивался въ XIX вѣкѣ въ Россіи и который мы изучаемъ. Въ ходѣ этого процесса послѣ наполеоновскихъ войнъ, подъ вліяніемъ великихъ событій александрова царствованія, совершились великія перемѣны, значеніе которыхъ яснѣе откроется передъ нами, когда мы ознакомимся съ обстоятельствами развитія русской жизни въ послѣдующее тридцатилѣтіе.

Подводя итоги царствованія Александра, не мѣшаетъ однако же остановиться и на нѣкоторыхъ фактическихъ и цифровыхъ данныхъ.

Подводя эти итоги, надо сказать прежде всего, что въ отношеніи *государственной территоріи*, несмотря на то, что страна, какъ уже сказано, вовсе не нуждалась въ расширеніи территоріи, что отлично сознавалъ и самъ Александръ,—въ царствованіе его территоріальныя пріобрѣтенія были громадны.

Прежде всего спасаясь отъ Персіи, добровольно присоединилась къ Россіи Грузія.—Это мирное присоединеніе вызвало войну съ Персіей и съ незамиренными горцами Кавказа, и въ результатѣ къ концу царствованія были здѣсь завоеваны новыя значительныя пространства, къ западу и къ востоку отъ Грузіи раздвинувшія наши закавказскія владѣнія до береговъ Чернаго и Каспійскаго морей. Эти присоединенія обусловили длительную войну за покореніе Кавказа, отдѣлявшаго ихъ отъ Россіи, войну, завершенную лишь при Александрѣ II.

Затѣмъ были присоединены киргизскія земли, именно Усть-Уртъ (между Каспійскимъ и Аральскимъ морями) и огромная Акмолинская область, по пространству не уступающая любому второстепенному европейскому государству. Потомъ была присоединена Бессарабія, владѣніе которой, строго говоря, отнюдь не было для насъ необходимостью. Еще ранѣе была присоединена Финляндія. Можетъ быть, завоеваніе Финляндіи—особенно побережья Финскаго залива—дѣйствительно было необходимымъ въ стратегическомъ отношеніи для организаціи правильной обороны Петербурга на случай войны со Швеціей или Англіей, но Финляндія была присоединена вплоть до Ледовитаго океана,

т.-е. въ границахъ, въ сущности, излишнихъ. Надо однако сказать, что отношенія съ финляндцами установились вполнѣ благопріятныя и едва ли Финляндія жалѣла тогда о своемъ присоединеніи къ Россіи.

Наконецъ, было присоединено Царство Польское, судьба котораго впослѣдствіи такъ тѣсно связалась съ ходомъ русскаго общественнаго движенія.

Такимъ образомъ, территоріальныя пріобрѣтенія были огромны. Присоединеніе этихъ окраинъ съ иноплеменнымъ населеніемъ выдвигаетъ въ XIX в. важный рассовый вопросъ, который раньше почти отсутствовалъ. Уже при Александрѣ въ интеллигентскихъ кружкахъ, въ особенности среди радикаловъ, національный вопросъ ставился довольно остро и былъ рѣшаемъ въ противоположныхъ смыслахъ людьми, вообще стремившимися къ одной цѣли: такъ Пестель рѣшалъ его централистически, а Никита Муравьевъ склонялся въ сторону федерализма. Я не говорю уже о Карамзинѣ, который смотрѣлъ на этотъ вопросъ съ чисто націоналистической точки зрѣнія и являлся несомнѣнно представителемъ самаго распространеннаго въ то время воззрѣнія.

Что касается *дорогъ*, которыя связывали бы эту огромную территорію, то въ началѣ царствованія Александра было сдѣлано довольно много для развитія и упорядоченія водныхъ путей — именно сѣти каналовъ; это обстоятельство имѣло большое значеніе для развитія подвоза нашего сырья къ морскимъ портамъ и для вывоза его за границу, но для сообщенія внутренняго эти каналы имѣли второстепенное значеніе.

Сухопутныя дороги, строились безтолково; медленность сообщеній оставалась прежней: такъ, напр. вѣсть о смерти Александра въ Петербургѣ была получена только на 8-й день, при всей быстротѣ фельдъегерской скачки.

Что касается *движенія населенія*, то приростъ его, какъ мы видѣли, сильно колебался: такъ если считать по пятилѣтіямъ съ начала вѣка, то въ первое пятилѣтіе прибыло 2.600.000 душъ об. пола, во второе—2.100.000, затѣмъ въ слѣдующее пятилѣтіе благодаря войнамъ и эпидеміямъ, всего лишь 1.495.000; но зато, послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ населеніе стало рости быстрѣе: въ 4-е пятилѣтіе прибыло 3.149.000, въ пятое—3.174.000. Ростъ населенія за послѣднее пятилѣтіе былъ

еще сильно задержанъ неурожаями, которые вызывали сильныя эпидеміи и голодовки, а то приростъ былъ бы еще значительнѣе.

Промышленность въ общемъ развивалась довольно значительно, хотя развитіе ея встрѣчало нѣсколько разъ сильныя препятствія. Блестящій періодъ ея развитія былъ въ началѣ царствованія, когда она могла впервые вздохнуть свободно послѣ Павла. Затѣмъ наступаетъ время первой наполеоновской войны и континентальной системы, которая нарушила правильный ходъ развитія промышленности, хотя, въ частности, она же способствовала развитію производства бумажной пряжи, которая именно съ этого времени, въ виду отсутствія подвоза готовой пряжи изъ Англіи, стала выдѣлываться въ Россіи изъ получаемаго изъ средне-азіатскихъ ханствъ хлопка.

Послѣ тарифа 1810 г. мануфактурная и фабричная промышленность получила болѣе быстрое развитіе, но ходъ этого развитія былъ затрудненъ затѣмъ таможенными тарифами 1816 и 1819 гг., облегчившими доступъ иностранныхъ товаровъ и лишь послѣ тарифа 1822 года протекціонное законодательство опять способствуетъ развитію русской промышленности.

Что касается наконецъ *торговли*, то она, вслѣдствіе этихъ постоянныхъ измѣненій таможенныхъ тарифовъ, находившихся въ связи съ заботами правительства о благопріятномъ торговомъ балансѣ, и вслѣдствіе войнъ, претерпѣвала большія колебанія, отъ которыхъ особенно страдала внѣшняя торговля.

Списокъ сочиненій и печатныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Россіи въ царствованіе Александра Перваго.

I. Жизнь и царствованіе императора Александра. Общія сочиненія.

1. *М. И. Богдановичъ.* „Исторія царствованія имп. Александра I и Россія въ его время“. 6 томовъ. Спб. 1869—1871.

2. *Н. К. Шильдеръ.* „Имп. Александръ I, его жизнь и царствованіе“. 4 тома, 2-е изд. Спб. 1904. Особенно важны матеріалы, напечатанные въ „Приложеніяхъ“ ко всѣмъ четыремъ томамъ.

3. *Проф. Шиманъ.* „Александръ Первый“. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. т-ва „Образованіе“. М. 1908.

4. *Вел. Князь Николай Михаиловичъ.* „Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга имп. Александра I“. Спб. 1908. 3 тома.

5. *Его же.* „Переписка имп. Александра I съ сестрой, вел. кн. Екатериной Павловной“. Спб. 1910.

6. *Его же.* „Легенда о кончинѣ имп. Александра I въ Сибири въ образѣ старца Ѳедора Кузьмича“. Спб. 1907.

7. *Его же.* „Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія“. Спб. 1912 г. Въ двухъ томахъ. Во II томѣ напечатаны матеріалы первоклассной важности.

8. „Исторія Россіи въ XIX в.“. Изд. Граната, подъ ред. *М. Н. Покровскаго.* Т. I и II.

9. *А. А. Кизеветтеръ.* „Императоръ Александръ I и Аракчеевъ“ въ книгѣ „Историческіе очерки“. М. 1912.

II. Правительственная дѣятельность при Александрѣ.

1. *H. Storch.* „Russland unter Alexander dem Ersten“, 9 томовъ. Спб. 1803 — 1805.

2. *Вел. Кн. Николай Михаиловичъ.* „Графъ П. А. Строгановъ (1774—1817). Историч. изслѣдованіе эпохи имп. Александра I“. 3 тома. Спб. 1903. Особенно важенъ т. II-й, въ которомъ опубликованы журналы „Негласнаго комитета“ 1801—1803 гг.

3. *Его же.* „Князья Долгорукіе, сподвижники Александра I“. Спб. 1902.

4. *С. М. Середонинъ.* „Историческій обзоръ комитета министровъ“. Т. I. Спб. 1902.

5. „Первое полное собраніе законовъ“. (1649—1825). Спб. 1832.

6. „Журналы комитета министровъ“. (1802—1812). Изд. подъ ред. А. Н. Куломзина. Спб. 1896.

7. „Mémoires *du prince Adam Czartoryski* et sa correspondance avec l'Empereur Alexandre I-er. Prèface de m. Charles de Mazade de l'academie française". P. 1887 (2-е изд.). 2 тома. Имѣется на русск. яз. извлеченіе изъ этихъ мемуаровъ, напечатанное въ „Русс. Обозр." за 1896 г. *Ив. П. Корниловымъ*, сдѣланное довольно тенденціозно. При немъ библіографич. указатель книгъ и статей о кн. Чарторыйскомъ, составленный г. Эпимахъ Шипилло. Въ настоящее время мемуары Чарторыйскаго изданы по русски *г. Некрасовымъ*, подъ ред. *А. А. Кизеветтера*. М. 1913 и 1914 (въ 2 томахъ).

8. *Козловскій*. „Александръ I и Джефферсонъ". „Русская Мысль" за 1910 г. № 10.

9. *Архивъ кн. Воронцова* въ разныхъ книгахъ. Въ особенности переписка гр. С. Р. Воронцова съ Н. П. Панинымъ, В. П. Кочубеемъ, Н. Н. Новосильцовымъ и др. См. „Роспись сорока книгамъ архива князя Воронцова", составл. *П. И. Бартеневымъ*. М. 1897.

10. „Матеріалы для жизнеописанія гр. Никиты Петровича Панина". Подъ ред. *Брикнера*, т. VI—XIV. Спб. 1892.

11. „C. de La Harpe. Notice biographique" par *C. Monnard*. Lausanne. 1838.

12. *Г. Р. Державинъ*. „Записки". М. 1857.

13. *И. И. Дмитріевъ*. „Взглядъ на мою жизнь". М. 1866.

14. *В. С. Иконниковъ*. Графъ Н. С. Мордвиновъ. „Историческая монографія". Спб. 1873.

15. *Гр. М. Н. Корфъ*. „Жизнь гр. Сперанскаго". 2 тома. Спб. 1861. Неизданная глава изъ этой книги была напечатана позднѣе въ „Русской Старинѣ" за 1903 г., № 1.

16. *Планъ государственнаго преобразованія гр. М. М. Сперанскаго* съ приложеніями. Изд. „Русской Мысли". М. 1905.

17. *С. М. Середонинъ*. Статья: „Гр. М. М. Сперанскій" въ біографическомъ словарѣ, издаваемомъ Русс. Имп. историч. обществомъ. Возраженіе на нее *В. И. Семевскаго*, см. въ т. II юбил. изданія „Отечественная война и русское общество". М. 1911.

18. *Н. М. Карамзинъ*. „О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ". „Русскій Архивъ" за 1870 г. Стр. 2230—2350.

19. *Ф. П. Лубяновскій*. Воспоминанія (1777—1834). М. 1872.

20. *Н. И. Тургеневъ*. „La Russie et les Russes". P. 1847. 3 тома.

21. *Ег. П. Ковалевскій*. „Гр. Блудовъ и его время". Т. I. Спб. 1871.

22. *А. П. Заблоцкій-Десятовскій*. „Гр. П. Д. Киселевъ и его время". 4 тома. Спб. 1882.

23. *В. И. Семевскій*. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII въ первой половинѣ XIX вѣка". Т. I. Спб. 1888.

24. „Памятники исторіи крестьянъ XIV — XIX в." Подъ ред. *А. Е. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева*. М. 1910.

25. *И. Бліохъ*. „Финансы Россіи XIX вѣка". 4 тома. Спб. 1882 г. (Особенно т. I-й.).

26. *М. И. Туганъ-Барановскій*. „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ". Изд. 3-е. Спб. 1909. Особенно главы I и II.

27. *Лодыженскій*. „Исторія русскаго таможеннаго тарифа". Спб. 1886.

28. *В. И. Покровскій*. „Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи". Т. I-й, изд. д-та тамож. сборовъ. Спб. 1902.

29. Краткій историч. очеркъ развитія и дѣятельности м-ва путей сообщенія за сто лѣтъ его существованія (1798—1898). Спб. 1898. Изд. м-ва путей сообщенія.

30. *Клаусъ*. „Наши колоніи". Вып. I. Спб. 1869.

31. *В. Н. Никитинъ.* „Евреи-земледѣльцы“ (1807—1887). Спб. 1887.

32. *А. Д. Градовскій.* „Русское государственное право“. 3 тома. Спб. 1875—1882.

33. *Н. Ѳ. Дубровинъ.* Письма главн. дѣятелей въ царствованіе импер. Александра I. Спб. 1883.

34. „Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія 1809—1831“. Съ „Историч. обзоромъ устройства военныхъ поселеній“ полковника *Петрова.* Изд. „Рус. Старины“. Спб. 1871.

35. *В. Ратчъ.* „Свѣдѣнія о гр. А. А. Аракчеевѣ“. I. По 1798 г. Спб. 1864.

36. *Н. Богуславскій.* „Аракчеевщина“. Спб. 1882.

37. *Д. Н. Мертваго.* „Записки“. „Русск. Архивъ“ за 1867 г.

38. *Маевскій.* „Мой вѣкъ“. „Русск. Ст.“ за 1873 г.

39. *Фонъ-Брадке.* „Воспоминанія“. „Русск. Арх.“ за 1875 г.

40. *Гриббе.* „Воспоминанія“. „Русск. Стар.“ за 1875 г.

41. *Мартосъ.* „Записки“. „Русск. Архивъ“ за 1893 г.

42. *Фишеръ.* „Записки“. „Историч. Вѣст.“ за 1908 г.

43. *Эйлеръ.* „Записки“. „Русск. Архивъ“ за 1880 г.

44. *Отто.* „Черты изъ жизни гр. Аракчеева по документамъ грузинскаго архива“. „Древ. и нов. Россія“ за 1875 г.

45. *А. А. Кизеветтеръ.* „Имп. Александръ I и Аракчеевъ“ въ „Рус. М.“ за 1910 (№№ 10—12) и 1911 (№ 2); перепечатано въ книгѣ г. Кизеветтера „Историческіе Очерки“. М. 1912.

46. *Акад. Сухомлиновъ.* „Изслѣдов. и статьи по ист. литературы и просвѣщенія“. Спб. 1885. Т. I.

47. *С. В. Рождественскій.* „Исторія министерства народнаго просвѣщенія съ 1802—1902“. Спб. 1902.

48. „*Сборникъ постановленій* по мин. народ. просвѣщ.“ Т. I. Царствованіе имп. Александра I (1802—1825). Спб. 1864.

49. *В. С. Иконниковъ.* „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія“. „Вѣст. Евр.“ за 1876.

50. *С. П. Шевыревъ.* „Исторія имп. московскаго университета“. М. 1885.

51. *В. В. Григорьевъ.* „Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія“. Спб. 1870.

52. *Н. П. Загоскинъ.* „Исторія имп. казанскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія“. Т. I—III. Казань. 1909.

53. *Д. Ф. Кобеко.* „Императорскій царско-сельскій лицей. Наставники и питомцы“. 1811—1843. Спб. 1911.

54. *А. А. Васильчиковъ.* „Семейство Разумовскихъ“. 5 томовъ. Спб. 1882. Особенно важенъ для исторіи просвѣтит. дѣятельности правительства при Александрѣ 2-й томъ и прилож. къ нему.

55. *Е. М. Ѳеоктистовъ.* „Магницкій“. М. 1865.

56. *В. Я. Стоюнинъ.* „Александръ Семеновичъ Шишковъ“ въ „Историч. сочиненіяхъ“. Ч. I. Спб. 1880.

57. *А. Н. Пыпинъ.* „Россійское библейское общество“ въ „Вѣст. Евр.“ за 1868 г. №№ 8, 9, 11 и 12.

58. *С. Миропольскій.* „Фотій Спасскій, юрьевскій архимандритъ“. „Вѣст. Евр.“ 1878. №№ 11 и 12.

59. Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ (1711—1911). 5 томовъ. Спб. 1911.

III. Иностранная политика и войны.

1. *С. М. Соловьевъ.* „Имп. Александръ Первый". Политика. Дипломатія. Спб. 1877.

2. *Вел. Кн. Николай Михаилович.* „Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей передъ 1812 годомъ". (6 томовъ.) Спб. 1905—1908.

3. *Albert Vandal.* „Napoléon et Alexandre I. L'alliance russe sous le premier empire". P. 1891. 3 volumes. Всѣ три тома въ настоящее время переведены по-русски (Спб. 1910, 1911 и 1912). Авторъ—большой поклонникъ Наполеона, и точка зрѣнія его противоположна точкѣ зрѣнія русскаго историка С. М. Соловьева.

4. *А. Сорель.* „Европа и французская революція". 8 томовъ. Спб. 1896—1908. Изд. Л. Ф. Пантелеева (перев. съ франц.).

5. *О. Леттовъ фонъ-Форбекъ.* „Исторія войны 1806—1807 гг." Перев. съ нѣмецк. Варшава. 1898 г. 4 тома.

6. *Проф. Евг. Тарле.* „Континентальная блокада". Спб. 1913.

7. *Генералъ Лееръ.* Война 1805 г. Спб. 1888.

8. *Михайловскій-Данилевскій.* „Описаніе первой войны имп. Александра съ Наполеономъ". Спб. 1844.

9. *М. И. Богдановичъ.* „Исторія отечественной войны 1812 г. по достовѣрнымъ источникамъ". 3 тома. Спб. 1860.

10. *Его же.* „Война 1814 г.". Спб. 1865.

11. *Bernhardi.* „Denkwürdigkeiten des gr. Toll". Leipz. 1856. 2 тома.

12. *Bernhardi.* „Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814—1831". Leipz. 1875. 2 тома.

13. *В. Надлеръ.* „Имп. Александръ I и идея священнаго союза". 5 томовъ. Рига. 1886—1892. Строгій и основательный разборъ этого сочиненія далъ *П. Н. Милюковъ* въ „Рус. Мысли" за 1886 г.

14. *Поповъ.* Отечественная война 1812 г. Т. I. Историч. жизнь. М. 1905.

15. *Вел. Кн. Николай Михаиловичъ.* „Переписка имп. Александра I съ сестрой Екатериной Павловной". Спб. 1910.

16. *Карновичъ.* „Цесаревичъ Константинъ Павловичъ". Спб. 1899.

17. *А. П. Ермоловъ.* „Записки". М. 1861.

18. *М. П. Погодинъ.* „Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи". М. 1863.

19. „Краткія записки *адмир. А. Шишкова*, веденныя имъ во время пребыванія его при блажен. памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ I въ б. съ французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну". Изд. 2-е. Спб. 1832.

20. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 г., собр. и изд. подъ ред. *Военскаго.* Т. I (относящійся къ Литвѣ и юго-зап. краю). Изд. въ т. 128 сборн. имп. русск. ист. общ.; т. II (относящійся къ остзейскому краю въ войну 1812 г.) составляетъ т. 133 того же сборника.

21. *Гервинусъ.* „Исторія XIX вѣка". Перев. съ нѣм. М. 1873—88. 6 том.

22. *Файфъ.* „Исторія Европы XIX вѣка". 3 тома. Перев. съ англ. М. В. Лучицкой, подъ ред. проф. Лучицкаго. Къ царствованію Александра I относятся первые 2 тома.

23. „Исторія Россіи въ XIX в.". Изд. Граната, подъ ред. *М. Н. Покровскаго.* Т. I.

24. „Отечественная война въ русской журналистикѣ". Библіограф. сборникъ статей, относящихся къ 1812 году. Спб. 1906.

25. *Н. Ф. Дубровинъ.* „Отечественная война въ письмахъ современниковъ" (1812—1815). Спб. 1882.

26. *„Отечественная война и русское общество“*. Юбилейное изданіе въ 6 томахъ. Подъ редакціей А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичета. Изд. Сытина. М. 1911—1912 гг.

27. *В. В. Каллашъ*. „Двѣнадцатый годъ въ воспоминаніяхъ и перепискѣ современниковъ“. М. 1912.

28. *Michel Oginski*. „Mémoires sur la Pologne“. P. 1827, т. IV.

29. *Prof. Anatol Iewicki*. Zarys historyi nolskiej az-do najnowszych czasów. W. 1913. (5-е изданіе).

30. *Sz. Askenazy*. „Rosya-Polska 1815—1830 гг.“.

31. *Н. М. Карамзинъ*. „Мнѣніе русскаго гражданина“ въ „Неизданныхъ сочиненіяхъ и перепискѣ“. Ч. I. Спб. 1862.

32. *Проф. Воблый*. „Очерки по исторіи польской фабричной промышленности“. Т. I. (1764—1830 гг.) Кіевъ. 1909.

IV. Положеніе населенія и отдѣльныхъ сословій въ царствованіе Александра I.

1. *В. Э. Денъ*. „Населеніе Россіи по 5-й ревизіи“. Т. I и 2-я часть т. II-го (1-я часть еще не появлялась). М. 1902. На стр. 2 и 3 перваго тома перечислена литература по изслѣдованію переписей (ревизій) первой половины XIX вѣка.

2. *Акад. Германъ*. См. его таблицу, напечатанную въ „Memoires de L'Academie des Sciences d. st. P. b.“. VII. 1820, p. 456.

3. *П. Н. Милюковъ*. „Очерки по исторіи русской культуры“. Ч. I (населеніе). Изд. 6-е. Спб. 1909.

4. Въ составл. подъ ред. *Н. Н. Обручева* „Военно-статистическомъ сборникѣ“. Ч. IV („Россія“). Спб. 1873. На стр. 50 и слѣд. приведены погодныя данныя о движеніи населенія въ Россіи съ начала XIX в.

О положеніи отдѣльныхъ сословій:

5. *С. М. Середонинъ*. „Историч. обзоръ комитета министровъ“. Т. I. Спб. 1902.

6. *А. Д. Градовскій*. „Русское государственное право“. Т. I. Спб. 1875.

7. *А. В. Никитенко*. „Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ“. Записки и дневникъ (1804—1877 гг.). Изд. 2-е. Спб. 1905. Къ царствованію Александра относятся „Записки“ (1804—1824) въ т. I.

О положеніи дворянства.

8. *В. Е. Романовичъ-Словатинскій*. „Дворянство въ Россіи съ XVIII в. до отмѣны крѣпостного права“. Спб. 1870. (Весьма важное пособіе, далеко не устарѣвшее и въ настоящее время).

9. *Баронъ С. А. Корфъ*. „Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855 годовъ“. Спб. 1906. Книга, основанная на изученіи болѣе новыхъ матеріаловъ, нежели предыдущая, но зато далеко не столь основательная и не свободная отъ нѣкоторыхъ неточностей.

10. *Н. Ф. Дубровинъ*. „О бытѣ русскаго дворянства въ началѣ XIX в.“. „Рус. Старина“ за 1899 г., № 1—3.

О положеніи крестьянъ (отдѣлъ, до сихъ поръ почти не разработанный изслѣдователями).

11. *Энгельманъ*. „Исторія крѣпостного права въ Россіи“. Перев. съ нѣмецкаго, подъ ред. А. А. Кизеветтера. М. 1900.

12. *В. И. Семевскій*. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половины XIX вѣка“. Т. I. Спб. 1885. Собственно, вопросъ о положеніи крестьянъ при Александрѣ здѣсь затрогивается лишь мимоходомъ, такъ какъ главная тема автора—крестьянскій вопросъ въ обществѣ, правительствѣ и литературѣ.

13. Статья *В. И. Семевскаго* въ сборникѣ „Крестьянскій строй“. Т. I. Спб. 1905. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, гдѣ авторъ воспользовался многими новыми данными для освѣщенія этого вопроса.

14. *Н. А. Рожковъ*. „Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX в.“ въ „Ист. Россіи въ XIX в.“, изд. т-ва Гранатъ, вып. II. М. 1909.

15. Статья *В. И. Семевскаго* „По поводу статьи г. Рожкова“ (Къ вопросу объ экономич. причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи.) „Рус. Мысль“ за 1902 г., № 4.

16. *П. Б. Струве*. „Крѣпостное хозяйство. Изслѣдованіе по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX в.“. Спб. 1914.

17. *А. А. Корниловъ*. „Изъ исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи“ въ „Научномъ историческомъ журналѣ“, т. II, выпускъ V.

18. *В. И. Покровскій*. „Тверская губернія въ XIX столѣтіи“ въ „Историко-статистич. описаніи Тверской губерніи“. Т. I, стр. 153 и слѣд.

19. *А. Д. Повалишинъ*. „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“. Рязань. 1903.

20. *Кн. Н. С. Волконскій*. „Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ“. Рязань. 1898.

21. *В. И. Снѣжневскій*. „Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и въ XIX столѣтіяхъ“. Нижегород. сборникъ. Т. X. Н.-Новгородъ. 1890.

22. *Его же*. „Матеріалы по исторіи крѣпостного хозяйства“ въ томахъ VI и VII „Дѣйствій нижегород. архивной комиссіи“. Н.-Новгородъ. 1905 и 1909.

23. *Н. М. Толстой*. „Дворовые люди въ старые годы“. „Отеч. Зап.“. 1860. № 1.

24. *И. В. Лучицкій*. „Изъ недавняго прошлаго“. Кіевъ. 1901. (Изъ журн. „Кіевская старина“).

25. *Г-жа И. И. Игнатовичъ*. „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“. М. 1910. Изд. 2-е.

О положеніи городского населенія.

26. *И. И. Дитятинъ*. „Городское самоуправленіе въ Россіи. Городское самоуправленіе до 1870 года“. Ярославль. 1877.

27. *Его же*. „Статьи по исторіи русскаго права“. Спб. 1895.

О положеніи духовенства.

28. *П. Знаменскій*. „Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра“. Казань. 1880.

29. *Его же*. Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія Александра I. Казань. 1885.

30. *И. Снегиревъ*. „Жизнь митрополита Платона“. М. 1856.

31. *П. Н. Милюковъ*. „Очерки по исторіи русской культуры“. Ч. II, главы VI и VII.

V. Общественное и литературное движенiе при Александрѣ I.

1. *А. Н. Пыпинъ.* „Общественное движенiе въ Россiи при Александрѣ I". Изд. 2-е. Спб. 1885.

2. *Его же.* „Россiйское библ. общество" въ „Вѣст. Евр." за 1868 г., №№ 8, 9, 11 и 12.

3. *Его же.* „Матерiалы для исторiи масонскихъ ложъ" въ „Вѣст. Евр". за 1872 г., №№ 1, 2, 7 и 11. Перепечатано въ книгѣ *А. Н. Пыпина* „Русское масонство" (П. Г. 1916). Изд. подъ ред. *I. В. Вернадскаго.*

4. *А. А. Кизеветтеръ.* „Изъ исторiи русскаго либерализма (И. П. Пнинъ)" въ книгѣ „Историч. очерки". М. 1912.

5. *Сухомлиновъ.* „Изслѣдованiя и статьи по исторiи литературы и просвѣщенiя въ Россiи". Т. I. Спб. 1888.

6. *Пятковскiй.* „Очерки по исторiи русской журналистики". Спб. 1880. (Особенно главы III—XII) во II-мъ томѣ „Истор. нашей литературы и общественнаго развитiя".

7. *Н. Н. Буличъ.* „Очерки изъ исторiи русской литературы и просвѣщенiя съ начала XIX вѣка". (Въ „Историч. Обозрѣнiи" за 1901 г. Томы XI и XII) и отдѣльно. 2 тома. Спб. 1902 и 1905.

8. *А. В. Никитенко.* „Записки и дневникъ". Т. I. (Записки 1804—1824.) Спб. 1905.

9. „Исторiя русской литературы XIX вѣка". Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Т. I. М. 1908.

10. *М. П. Погодинъ.* „Н. М. Карамзинъ". (Матерiалы для бiографiи.) 2 тома. М. 1866.

11. *Н. К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Н. М. Карамзинъ. Очерки жизни и дѣятельности". Ст. изъ Бiографич. словаря русскихъ дѣятелей, издаваемаго Имп. рус. историч. обществомъ. Спб. 1895.

12. *Карамзинъ.* „О древней и новой Россiи". „Рус. Архивъ" за 1870 г. Стр. 2230—2350. Имѣется отдѣльное изданiе подъ ред. *В. В. Сиповскаго.* Спб. 1913.

13. *Карамзинъ.* „Неизданныя сочиненiя и критика". Ч. I-я. Спб. 1862. (Здѣсь между проч. „Мнѣнiе русскаго гражданина" по вопросу о Польшѣ.).

14. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитрiеву съ примѣчанiями и указателемъ, состав. *Я. К. Гротомъ* и *П. Н. Пекарскимъ.*

15. *Остафьевскiй архивъ* князей Вяземскихъ. Изд. гр. С. Д. Шереметева, подъ ред. и съ примѣч. *В. И. Саитова.* Пять первыхъ томовъ. Спб. 1899—1914.

16. Сочиненiя *В. А. Жуковскаго.* Изд. 9-е. Подъ ред. *П. А. Ефремова.* Спб. 1902.

17. Письма *В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу.* Изд. „Рус. Архива". М. 1895.

18. „Уткинскiй сборникъ". Письма *В. А. Жуковскаго, М. А. Мейеръ* и *Е. А. Протасовой.* Подъ ред. *А. Е. Грузинскаго.* М. 1904.

19. *А. Фоминъ.* „Новый историко-литературный кладъ". М. 1906. (О Тургеневскомъ парижскомъ архивѣ).

20. Статьи акад. *В. М. Истрина* въ „Журн. М-ва Нар. Просв." за 1910 г. на основанiи документовъ Тургеневскаго Архива: „Дружеское литературное общество 1801 г.", „Смерть Андрея Ивановича Тургенева" и „Русскiе студенты въ Геттингенѣ въ 1802—1804 гг.".

21. *М. Л. Вишницеръ.* „Геттингенскiе годы Н. И. Тургенева" въ „Минув. годахъ" за 1908 г. №№ 4—6.

22. *Его же.* „Баронъ Штейнъ и Н. И. Тургеневъ". Тамъ же, № 7.

23. *В. И. Семевскій.* Н. Ив. Тургеневъ о крестьянскомъ вопросѣ въ царствованіе Александра I (по неизд. матер.) „Вѣст. Евр." 1909, №№ 1 и 2.

24. *М. И. Сухомлиновъ.* „А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья" въ Сбор. отд. русск. яз. и сл. Имп. Академіи Наукъ. Т. LXV, № 5. Спб. 1897.

25. „Архивъ братьевъ Тургеневыхъ". Изд. Академіи Наукъ. Вып. I—IV. Спб. 1911. (Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806—1811 гг.); вып. II. Спб. 1911. (Бумаги А. И. Тургенева). Подъ ред. *Е. И. Тарасова* и *В. М. Истрина.*

26. Рѣчь президента Имп. Академіи Наукъ, попечителя С.-Петербург. учеб. округа (*С. С. Уварова*) въ торжественномъ собраніи Главн. Педагогическаго института 22 марта 1818 г. Спб. 1818.

27. *Л. Н. Майковъ.* „Батюшковъ, его жизнь и сочиненія". Спб. 1896.

28. „Записки современника" (*С. П. Жихарева*), съ 1805 по 1819 г. Ч. I—Дневникъ студента. Ч. II—Дневникъ чиновника. Спб. 1859.

29. *А. А. Корниловъ.* „Н. И. Тургеневъ и Союзъ благоденствія" въ книгѣ „Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи". Спб. 1905.

30. *Его же.* „Семейство Бакуниныхъ" (по неизданнымъ матеріаламъ). „Рус. Мысль" за 1909 г., №№ 5 и 6.

31. *П. В. Анненковъ.* „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи". Спб. 1873.

32. *П. В. Анненковъ.* „Пушкинъ въ Александровскую эпоху". Спб. 1874.

33. *Сочиненія А. С. Пушкина.* Изд. Брокгауза и Ефрона. Подъ ред. *С. А. Венгерова.* (Вышло 4 тома).

34. *Л. Н. Майковъ.* „Матеріалы для академич. изданія сочиненій Пушкина". Спб. 1903.

35. „Письма Пушкина и къ Пушкину". Подъ ред. *В. Брюсова.* М. 1903.

36. Сочиненія Пушкина. „Переписка" подъ ред. *В. Н. Саитова.* Спб. 1906.

37. *И. А. Шляпкинъ.* „Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина". Спб. 1903.

38. *Н. Лернеръ.* „А. С. Пушкинъ. Труды и дни". Спб. Изд. 2-е.

39. *Я. К. Гротъ.* „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники". Изд. 2-е. Спб. 1911.

40. *В. О. Ключевскій.* „Евгеній Онѣгинъ и его предки". „Рус. Мысль". 1887, № 2.

41. „Архивъ Раевскихъ". Подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго. Т. I. Спб. 1908.

42. „*Пушкинъ и его современники.* Матеріалы и изслѣдованія. Повремен. изд. к-сіи для изд. соч. Пушкина при отд. рус. яз. и слов. импер. акад. наукъ". Спб. 1904—1911. Вышло 10 выпусковъ.

43. *Кн. П. А. Вяземскій.* „Старая записная книжка" въ собр. сочиненій. Томы VIII—X.

44. „Девятнадцатый вѣкъ". Историч. сборникъ. Изд. *П. И. Бартеневымъ.* 2 тома. М. 1872.

45. *П. Н. Милюковъ.* „Главныя теченія русской исторической мысли". Т. I. Изд. 2-е. М. 1892.

46. *М. О. Гершензонъ.* „Исторія молодой Россіи". М. 1908.

47. *Его же.* „Грибоѣдовская Москва". М. 1913.

48. *Его же.* „Декабристъ Кривцовъ и его братья". М. 1913.

49. *Н. Ф. Дубровинъ.* „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка" въ „Рус. Старинѣ" за 1898—1901 и 1904 гг.

50. *П. Н. Сакулинъ.* „Кн. В. Ѳ. Одоевскій. Изъ исторіи русскаго идеализма". 2 тома. М. 1914.

51. *Н. А. Котляревскій.* „Литературныя направленія Александровской эпохи“. Спб. 1907.

52. *А. И. Кирпичниковъ.* „Новые матеріалы для исторіи Арзамаса“. „Р. Ст.“ 1899 г., № 5. (Здѣсь помѣщенъ уставъ „Арзамаса“).

53. *Сидоровъ.* „Литературное общество „Арзамасъ“, въ „Жур. М-ва Н. Пр.“ за 1901 г., №№ 6 и 7.

54. *Е. П. Ковалевскій.* „Гр. Блудовъ и его время“. Спб. 1871.

55. Записки *Ф. Ф. Вигеля.* 2 т. Спб. 1891—93.

56. *Н. И. Гречъ.* „Записки о моей жизни“. Спб. 1886.

57. *С. Н. Глинка.* Записки (1774—1847). 1895.

58. *Д. Н. Свербеевъ.* Записки (1799—1826). 2 т. М. 1899.

59. *А. С. Шишковъ.* Записки, изданныя въ Берлинѣ, въ 2-хъ томахъ Ю. Ф. Самаринымъ.

60. *Н. Ф. Дубровинъ.* „Къ исторіи русской цензуры 1814—1820 гг. „Рус. Ст.“ за 1900 г., № 12.

61. *Его же.* „Наши мистики-сектанты“. „Рус. Ст.“ за 1894 г., №№ 9—12, за 1895 г. №№ 1, 2 и 10—12 и за 1896 г., №№ 1 и 2.

62. *А. Н. Пыпинъ.* „Г-жа Крюденеръ“. „Вѣст. Евр.“ за 1896 г., №№ 8 и 9.

63. *Т. Соколовская.* „Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія“ (XVIII и первая четверть XIX столѣтія). Спб. 1909 (?).

64. *Н. Барсовъ.* Архимандритъ Фотій и кн. Голицынъ. „Рус. Ст.“ 1881.

65. Разсказы *кн. А. Н. Голицына,* записанные Ю. Н. Бартеневымъ. „Рус. Ст.“. 1884.

66. „Füst A. N. Golitzin und seine Zeit. Aus den Erlebnissen des Geheimraths von Götze“. Leipzig. 1882.

67. *Н. Барсовъ.* Записки А. С. Стурдзы. „Рус. Ст.“, 1876. (Судьба рус. православ. церкви въ царствованіе Александра I.).

68. *В. И. Семевскій.* „Политическія и общественныя идеи декабристовъ“. Спб. 1909.

69. *А. К. Бороздинъ.* „Изъ писемъ и бумагъ декабристовъ“. Спб. 1906.

70. *М. Довнаръ-Запольскій.* „Тайное общество декабристовъ“. М. 1906.

71. *Его же.* „Мемуары декабристовъ“. Кіевъ. 1906.

72. *Его же.* „Идеалы декабристовъ“. М. 1907.

73. *Н. П. Павловъ-Сильванскій.* „Декабристъ Пестель передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ“. Спб. 1906.

74. *Его же.* „Матеріалисты двадцатыхъ гг.“ въ „Быломъ“ за 1906 г., № 7.

75. *Его же.* „П. И. Пестель“ въ „Рус. Біограф. Словарѣ“.

76. „Русская Правда“ *Пестеля,* изд. подъ ред. П. Е. Щеголева.

77. Записки *И. Д. Якушкина.* М. 1905.

78. „Н. Н. Муравьевъ“ (основатель учебн. заведенія для колонновожатыхъ) въ „Соврем.“ за 1852 г., т. XXXIII, отд. II.

79. Проектъ конституціи *Никиты Мих. Муравьева* въ кн. *В. Е. Якушкина* „Госуд. власть и проекты госуд. реформы въ Россіи“. Спб. 1906. То же, въ изданіи „Библіотеки декабристовъ“. М. 1907 г. вмѣстѣ съ „Обозрѣніемъ проявленій политической жизни въ Россіи“ *М. А. Фонвизина.*

80. *Д. А. Кропотовъ.* „Жизнь графа М. Н. Муравьева“ въ связи съ событіями его времени до назначенія его губернаторомъ въ Гродно“. Спб. 1874 г.

81. Записки *Сергѣя Григорьевича Волконскаго* (декабриста). Изд. кн. М. С. Волконскаго. Спб. 1901.

82. Записки кн. *М. Н. Волконской* (жены С. Г. Волконскаго). Спб. 1905.

83. *В. Я. Богучарскій.* „Изъ прошлаго русскаго общества“. Спб. 1904.

84. *В. И. Семевскій, В. Я. Богучарскій* и *П. Е. Щеголевъ.* „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Т. І. Декабристы: М. А. Фонвизинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгейль“. Спб. 1905.

85. Собраніе сочиненій *К. Ф. Рылѣева* (со статьями о немъ А. П. Герцена, Н. А. Бестужева и г-на Балицкаго). М. 1906.

86. Сочиненія *кн. А. И. Одоевскаго,* съ біогр. очерк., составл. М. Н. Мазаевымъ. Спб. 1893.

87. Полное собраніе сочиненій *А. С. Грибоѣдова,* подъ ред. *И. А. Шляпкина.* 2 тома. Спб. 1889.

88. *П. Е. Щеголевъ.* „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы“. По архив. мат. съ прилож. факсимиле дѣла о Грибоѣдовѣ. Спб. 1905.

89. *Н. А. Котляревскій.* „Декабристы: кн. А. Одоевскій и А. Бестужевъ; ихъ жизнь и литературная дѣятельность“. Спб. 1907.

90. *Его же.* „Рылѣевъ“. Спб. 1907.

91. *Бар. Е. Розенъ.* „Записки декабриста“. Спб. 1906.

92. *П. Е. Щеголевъ.* „Первый декабристъ В. Ѳ. Раевскій“. Спб. 1908.

93. „Донесеніе слѣдственной комиссіи для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ“. Спб. 1826 г. (печатано по Высоч. повелѣнію).

94. „Донесеніе варшавскаго слѣдственнаго комитета вел. князю Константину Павловичу. Варшава. $\frac{\text{22 декабря 1826}}{\text{3 января 1897}}$ года.

95. *Шильдеръ.* „Имп. Александръ І; его жизнь и царствованіе“. Т. IV. (Здѣсь напечатаны важнѣйшіе доносы на организаторовъ и участниковъ тайныхъ обществъ.).

96. *Богдановичъ.* „Ист. царствованія имп. Александра І“. Томы V и VI. Спб. 1871.

97. *I. H. Schnitzler.* „Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crize de 1825“. 3 тома. Брюссель. 1847.

98. *Ф. Смитъ* (перев. съ нѣмецкаго) „Исторія польскаго возстанія и войны 1830—31 гг.“. Спб. 1863. 3 тома. (Къ царствованію Александра относится томъ І.).

99. *Szymon Askenazy.* „Lukasinski“. Lwow. 1908.

100. *Его же.* „Rossya-Polska“. Lwow-Warszawa. 1907. (То же. „Russia-Poland“ въ „Cambridge moderne History“).

101. *В. Козловскій.* „Россія и Царство Польское въ періодъ его автономнаго быта“. „Рус. Мысль“ за 1906 г., № 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ЧАСТИ.

Стр.

Стр.